

ISSN 2305-3437

АРХЕОЛОГИЯ

восточно-европейской степи

Выпуск 14

Портупейная фурнитура из Калмыкии

АВЕС · 14

САРАТОВ 2018

Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky

ARCHAEOLOGY
OF THE EAST EUROPEAN
STEPPE

Number 14

Saratov, 2018

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 14

Саратов, 2018

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

A87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2018. Вып. 14. – 308 с.
ISSN 2305-3437

Кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета подготовлен очередной выпуск сборника «Археология Восточно-Европейской степи», посвященный 70-летию юбилею известного саратовского археолога, кандидата исторических наук, доцента Саратовского государственного университета Николая Михайловича Малова.

В сборнике представлены научные статьи авторов Саратова, Санкт-Петербурга, Балашова, Вольска, Камышина, Челябинска, Энгельса по проблемам археологии каменного века, эпохи бронзы, раннего железа, средневековья, в которых рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ. Значительное внимание уделяется публикациям новейших материалов из раскопок на территории степной Евразии. Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Рецензенты

А.В. Кияшко – д.и.н., проф. ЮФУ, г. Ростов-на-Дону
В.И. Мельник – к.и.н., с.н.с. отд. бронз. века ИА РАН, г. Москва

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Мальшев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН В.С. Бочкарев (С.-Петербург),
профессор, д.и.н. А.С. Скрипкин (Волгоград)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(издательский план 2018 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Лопатин В.А., Григорьев С.А.
и др. авторы, 2018

Посвящается 70-летию
Николая Михайловича Малова

К 70-летию
Николая Михайловича Малова

«...И, СЛАВА ГОСПОДУ, МЫ ЖИВЫ...»
(ИЛИ 10 ЛЕТ СПУСТЯ)

*«Обо всем этом, о грустном и веселом, я тоже могу написать,
но позже, может быть, к следующему юбилею Н.М. Малова,
если, конечно, доживу».*

(К 60-летию Н.М. Малова // Археология Восточно-Европейской степи.
Саратов, 2008. Вып. 6. С. 20).

Десять лет просвистели как пули у виска. За это время много всякого случилось и произошло. Хорошо, когда в жизни происходит что-нибудь хорошее и ожидаемое. Плохо, когда неожиданно случается, обрушивается что-либо ужасное и неотвратимое. Жизнь проходит, и с этим ничего не поделаешь. Проводили всех самых близких. Теперь мы самые старшие. Преодолевали болезни. Боролись с вредными привычками. Как правило, безуспешно...

Нет больше нашей кафедры археологии и этнографии, потому что во всех учреждениях страны осуществляется оптимизация в соответствии с установленными кем-то квотами. Например, у нас стремятся к соотношению «десять студентов на одного преподавателя». Почему это хорошо, и при чем здесь оптимизация, не понятно. Когда-то драматург Всеволод Вишневский назвал свою революционную пьесу «Оптимистическая трагедия», и этот казус тоже многим был непонятен. Потом привыкли. А к нынешней казуистике как же относиться? Как к «трагической оптимизации»? За этой фальшиво оптимистичной, циничной ухмылкой извели, поувольняли многих работников, и канул в лету наш родной истфак.

Есть теперь в Саратовском университете Институт истории и международных отношений, в котором не нашлось места некоторым кафедрам, некоторым людям. Но региональную археологию и ведущие кадры, все же, удалось сохранить. Теперь наше научно-образовательное пространство простирается на кафедре истории России и археологии, где и служит в настоящее время доцент, кандидат исторических наук Николай Михайлович Малов. По-прежнему студенты первого курса знакомятся с учебной дисциплиной «Археология» на его лекциях. А еще для бакалавриата и магистратуры он разработал новые курсы, так или иначе, связанные с историей первобытности – «История археологии», «Археология Нижнего Поволжья», «Церковная археология», которые всегда востребованы студентами как дисциплины по выбору.

Кроме того, после высочайшего распоряжения о необходимости преподавания отечественной истории на всех факультетах, сотрудники кафедры встретились с реальной проблемой – за один семестр(!) довести до первокурсников всего университета гигантский объем истории России «от Адама до Потопа». Малов, к примеру, читает историю математикам. К учебным поручениям кафедры он всегда относится очень серьезно, даже чересчур ревностно, и всегда переживает, если важное дело превращается в профанацию.

Михалыч – великий труженик. Он постоянно в науке, об этом свидетельствуют опубликованные труды, которые он навалал за эти десять лет, их список здесь приводится. Более полусотни статей опубликованы в различных изданиях ведущих региональных научных центров, а также Москвы и Санкт-Петербурга. Это не только работы по археологической тематике, но и, к примеру, статьи энциклопедий, составители которых обращаются к Н.М. Малову, как к авторитетному эксперту. Это действительно так, он обладает широчайшим кругозором, который позволяет ему свободно ориентироваться в любой проблеме восточно-европейской археологии и древнейшей истории.

Даже краткий анализ его работ, опубликованных в последние годы, показывает, что автор обращался к самым разнообразным темам, таким как древняя металлургия и металлообработка, модели культурогенеза ранней, средней, поздней бронзы, конская колесничная упряжь и типология дисковидных псалиев. За это время были представлены публикации интереснейших комплексов из авторских раскопок эпох неолита-энеолита, бронзы, раннего железа и средневековья. Особый интерес вызывают работы написанные юбиляром в соавторстве с его учениками по проблемам средневекового религиозоведения, а также публикация конструктивных особенностей уникального комплекса – берестяного письменного источника с фрагментами эпической древнемонгольской поэмы из золотоордынского погребения, обнаруженного в Саратовском Заволжье.

Н.М. Малов всегда неравнодушен к такой исследовательской тематике, как история науки, историография и персоналии известных археологов. Он занимался региональными историографическими изысканиями по изучению культур энеолита, ранней, средней и поздней бронзы. Особенно его интересовали вопросы историографии хвалынской энеолитической, ямной, репинской, вольской, волго-донской катакомбной, абашевской, покровской, срубной культур. Эти наблюдения отражены в особой авторской концепции культурогенеза, которая в настоящее время разрабатывается Н.М. Маловым в его докторской диссертации.

Еще в начале 90-х годов XX века им были представлены основные позиции нового концептуального подхода к оценке культурно-генетических процессов, имевших место на протяжении всего позднего бронзового века Нижнего Поволжья. В частности, предлагалось исключить из понятийного аппарата такую категорию, как срубная культурно-историческая общность, приняв вместо нее новую таксономическую модель. На всю срубную эйкумену следовало распространить территориально-хронологическое понятие «срубная культурно-историческая область», в рамках которой должны были выделяться более дробные диахронные таксономические ранги, причем, не только срубные, но и другие, смежные во времени и пространстве культурные группы. Диахрония эпохи поздней бронзы вписывалась, таким образом, в процесс естественного развития срубной культурно-исторической области. Весь интервал начинался с мощного покровского импульса, активирующего культурно-генетические процессы, а на позднем этапе динамики покровского феномена зарождались черты будущей срубной культуры. Затем следовал ее классический период, на излете которого формировались признаки хвалынской культуры валиковой керамики, представлявшей в Нижнем Поволжье финал всей эпохи бронзы.

Сопоставление культурных показателей «покровска», срубных, а затем хвалынских древностей в обряде, керамике, инвентаре, в данных стратиграфии и планиграфии, позволяли отметить отсутствие «резкой прерывности» при смене «культурных ритмов». Это указывало на внутреннюю последовательность культурогенеза в рамках выделяемой «культурно-исторической области» с плавными переходами из каждого предыдущего культурного фона в последующий. Другими словами, еще в конце XX столетия в трудах Н.М. Малова плодотворно был обоснован новый концепт происхождения срубной археологической культуры, гигантского евразийского ираноязычного образования, генетически восходящего к покровскому культуртрегеру, а затем трансформированного в целую свиту валиковых культур, завершавших бронзовый век в степях и лесостепях Юго-Восточной Европы.

С одной стороны, этот новый подход являлся данью современников памяти научного подвига П.С. Рыкова, а с другой стороны, он снимал, наконец, известные противоречия и терминологические несоответствия, накопившиеся к концу XX века в этой весьма сложной проблематике. Кроме того, недвусмысленно вырисовывалась возможность культурно-исторической идентификации указанных процессов, фиксируемых археологически, с историческими реалиями индоиранской проблемы. Другими словами, зарождение праиранского мира более явно просматривалось в недрах срубной культурно-исторической области, а не в абстрактных просторах степной и лесостепной Евразии.

В почтительном и чутком отношении Николая Михайловича к заслугам и памяти наших предшественников в российской науке кроется его пристальное внимание к светлым, порой пронзительно трагическим образам П.С. Рыкова, В.А. Городцова, Ф.В. Баллода, П.Н. Шишкина, С.А. Щеглова, Т.М. Минаевой, Н.К. Арзютова, И.В. Сеницына, Ю.В. Деревягина, В.А. Фисенко, А.А. Формозова, В.Г. Миронова, Е.К. Максимова. К памятным датам этих ученых Н.М. Маловым написаны многочисленные статьи с предельно точными и ответственными характеристиками, как самих персон, так и их деяний в науке.

Приходится слышать, порой, странные вопросы и озвученные размышления о том, надо ли ворошить прошлое, стоит ли разбрасываться драгоценным временем и отвлекаться от более насущных дел, как, например, диссертация или монография. Очевидно, это уже из области человеческого отношения к таким категориям, как «свобода совести», «гражданская позиция», «личное понимание правды». А кто же напишет о них, если не мы? Михалычу этот вопрос задавать не надо, в вопросах исторической памяти он принципиален и совестлив. И так слишком много упущено. Пока разбирались с правдами и неправдами недавней истории, выросли несколько поколений новых людей, которым эта память безразлична. И вот уже приходится биться за истины, которые еще вчера были для всех очевидны. За святость нашей победы в Великой отечественной войне, за русских солдат освободителей, которых теперь называют оккупантами, как в дальнем, так и в близком зарубежье. За высокую нашу науку, за передовое, еще недавно, образование, за великую русскую культуру, проповедующую идеалы истинного гуманизма.

Нынешние чиновники Минобра, безжалостно кромсающие нашу высшую школу, уже завели некогда самую совершенную в мире систему среднего и высшего образования в глухой тупик. В итоге университеты перестали готовить профессионалов. Такой эксклюзивный специалист, как профессиональный археолог, и прежде выходил в мир один на 100–200 выпускников. Теперь их вообще нет.

Специализация студентов стала проблемой. В так называемой выпускной бакалаврской квалификационной (а не дипломной!) работе студент не может подтвердить свой профессионализм, и его искренне жаль, поскольку он несчастная жертва новой системы. Потому что заняться подлинной наукой на студенческом уровне он банально не успевает, ведь на подготовку выпускной работы отводится только один год, с середины третьего курса до конца четвертого. А в археологии надо освоить столько источников, столько исследовательских методик, а практиковаться на раскопках – вообще всю жизнь. И вот эта то жизнь, эта романтика для современного студента уже не привлекательна. А что же привлекает наших студентов, что их будоражит в счастливых студенческих буднях? Им интересны различные креативные «движухи» (лексика современная, студенческая), особенно ежегодные конкурсы «Мисс и мистер СГУ», «Студенческая весна», а также острые соперничества за повышенные стипендии (потанинские, президентские, оксфордские). Хорошо это, или плохо? Да не плохо. И дети наши, студенты, не плохие, просто, они теперь совсем другие. У меня вызывает недоумение тот факт, что ученик Малова, студент старшего курса, крепкий деревенский парень, после прохождения учебной археологической практики уже ни разу не участвовал в археологических раскопках, но недавно был удостоен звания «Мистер СГУ»...

Мне часто снятся сны о нашей студенческой юности. В этих сновидениях все еще живы и здоровы, молоды и пленительно прекрасны, веселы и влюбчивы, и все с нетерпением ожидают лета, досрочно сдают сессии, чтобы, наконец-то, помчаться в те места, где нас ожидает подлинное счастье мироощущения. Это были экспедиции Николая Михайловича Малова, где на берегах Волги, Дона, Урала, Терешки, Курдюма, Деркула, Медведицы, на курганах и древних стоянках, в тяжелых трудах и костровых досугах, мы становились настоящими профессионалами.

Помнится, в 1979 году, после областного слета юных археологов, на берегу Терешки, мы остались с Михальчем вдвоем около недокопанного кургана. Две наши палатки, разобранный лагерь, хозпалатка с неизрасходованными продуктами, шанцевый инструмент, и только двое нас на весьма внушительный объем ручной раскопчной работы. Вся проблема заключалась в том, что ни бросить, ни перенести работу было нельзя, надо было докапывать. В центре кургана оставалось основное захоронение, как выяснилось позже, ограбленное, но с интересной раннепокровской керамикой и соответствующими признаками погребального обряда. Помочь не кому, все энтузиасты из числа моих однокурсников помчались досдавать летнюю сессию за 4 курс.

Это было волшебное время года – начало лета, трава и зелень на деревьях еще свежи и сочны, не покрыты пылью, не сожжены солнцем, вода в реке прохладна, и птицы сходят с ума сутки напролет – середина июня... Мы вставали с

солнцем, в пять утра, доедали за завтраком, то, что оставалось с вечера, и шли на раскоп, прихватив с собой неполное ведро холодной воды с разведенным в ней сухим вином. Так целый день мы утоляли жажду, как древние греки. В тот год было чудовищно жарко, но греческое средство, действительно, помогало. Мы вкальвали до самого вечера, а когда солнце уже клонилось к линии холмов «Саратовских поднятий», шли в лагерь, разводили костер, резали в шипящее на сковороде сливочное масло почищенную картошку, которая быстро подрумянивалась и издавала сумасшедшие запахи, затем добавляли измельченную луковичу и накрывали крышкой. А рядом, на деревянном ящичке уже дожидались две открытые ножом банки розовой свиной тушенки с тонким слоем белого вытопленного жира, и волшебство в глубокой сковороде доходило до совершенства, и еще немного томилось на остывающих углях, пока мы разрезали хлеб, свежую луковичу на четыре части и разливали в эмалированные кружки чего-нибудь «для усиления аппетита»...

Разве можно такое забыть? Это была еще и школа жизни, из которой выходили не только доктора и кандидаты наук, педагоги и управленцы, предприниматели, военнотружущие, врачи, инженеры, но люди с особой психологией взаимоотношений с природой, с древней историей, с подобными себе людьми. Их много, таких людей. Где-то живут, где-то бродят они по свету. Думаю, и сам Малов уже не сможет припомнить всех, кто прошел через его экспедиции, школьников, студентов, людей самых разных общественных страт и профессий. Зато они всегда будут помнить эти речные берега и поляны, раскопы, костры и песни под гитару, все, чему их когда-то научил Николай Михайлович Малов.

В.А. Лопатин

Нижняя Красавка 2009

Нижняя Красавка 2017

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Н.М. МАЛОВА

2009–2018 год

2009

Задано-Авилковский // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009 (в соавторстве с И.Н. Наумовым).

Кумыска // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 126–127. (в соавторстве с А.И. Юдиным).

Репин // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Фисенко Владимир Алексеевич // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Щеглов Сергей Александрович // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

Материалы вольского культурного типа среднего бронзового века Нижнего Поволжья с эпонимного поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов: Изд-во СГУ, 2009 (в соавторстве с М.Г. Кимом, О.В. Сергеевой).

Селище литейщиков срубной культуры Потьма III в Саратовском Прихопёрье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов: Изд-во СГУ, 2009 (в соавторстве с М.А. Изотовой).

2010

Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125 – летию со дня рождения) // История и историческая память. Вып. 1. Саратов: Изд-во СГУ, 2010 (в соавторстве с Л.С. Ростокиной).

Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М.: Гриф и К., 2010.

Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья // Археология Нижнего Поволжья: проблемы, поиски, открытия. Материалы III Международной Нижневолжской археологической конференции (Астрахань, 18–

21 октября 2010 г.). Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2010 (в соавторстве с О.В. Сергеевой).

Поселения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья, Волго-Донского и Волго-Уральского междуречья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. Саратов: Изд. центр «Наука», 2010 (в соавторстве с О.В. Сергеевой).

Селище волго-донской катакомбной культуры Сосновка-I из Саратовского Правобережья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. Саратов: Изд. центр «Наука», 2010. (в соавторстве с П.А. Косинцевым).

Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 10. Вып. 2. Саратов, СГУ, 2010.

2011

Саратовское Поволжье в древности // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Изд. 2-е. Саратов: Приволжское Изд-во, 2002.

Поздний бронзовый век Нижнего Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья: модель культурогенеза // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Саратов: изд-во «Новый ветер», 2011. (Труды СОМК. Вып. 22 (13).

2012

Погребение покровской культуры с фрагментами щитковых псалиев из Тарумовского индивидуального кургана № 2 // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 9. – Саратов: СГУ, 2012.

Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1.

Культурогенез в позднем бронзовом веке Нижнего Поволжья: археолого-культурологический подход // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб: ИИМК РАН, «Периферия», 2012.

2013

Парное погребение семейного типа из кургана 35 Покровской группы ранней фазы эпохи поздней бронзы Волго-Уральского очага культурогенеза // Revista Arheologică, serie nouă, vol. IX, nr. 1. 254 p. Chişinău: Academia de ştiinţe a Moldovei institutul patrimoniului cultural centrul de arheologie, 2013.

Стоянки с кремневым инвентарем в окрестностях поселка Тавн-Гашун // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов: СГУ, 2013 (в соавторстве с А.А. Выборновым, А.А. Ластовским).

Селище срубной культуры «Волжские дали» около села Пристанное // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов: СГУ, 2013.

Погребение золотоордынского писца с берестяной книжечкой около сел Подгорное – Терновка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов: СГУ, 2013 (в соавторстве с С.А. Пилипенко, О.В. Сергеевой).

Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологии раннего металла Восточной Европы. ИИМК РАН. СПб: Скифия-принт, 2013.

Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. 1.

2014

Костяные пряжки ромбовидной формы на археологических памятниках эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): материалы международной научной конференции. 12–14 мая 2014 года. Самара: ПГСГА, 2014 (в соавторстве с В.А. Лопатиным).

2015

Археология Поволжья. Учебное пособие для студентов, обучающихся по направлению подготовки Педагогическое образование (профиль «история». Саратов: Изд-во «Наука», 2015. 52 с.

Профессор Ф.В. Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 15. № 1. Саратов, 2015.

История археологии в Саратовском университете в первые годы советской власти: деятельность профессора Ф.В. Баллода // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. М.: Институт археологии РАН, 2015.

Необычное погребение из покровского кургана № 35 начала эпохи поздней бронзы: по материалам раскопок П.С. Рыкова // Арии степей Евразии: эпоха бронзы раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. Гос. Ун-та, 2014.

Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурогенеза // Древние культуры Юго-Восточной Европы и Западной Азии. М.: Института археологии РАН, 2014.

Кованный наконечник копья эпохи поздней бронзы из кургана близ хутора Готовицкого // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 11. Саратов: СГУ, 2015.

2016

Профессор П.С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. История. Международные отношения. Т. 16. Вып. 3. 2016.

Татьяна Максимовна Минаева в истории археологии Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 12. – Саратов: Изд-во «Техно-Декор». 2016.

Финал эпохи поздней бронзы в Нижневолжском правобережье по материалам поселения «Мартышкино» // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 12. Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2016 (в соавторстве с В.А. Лопатиным).

Символическая модель кованого наконечника копья из некрополя Новоильиновский // Проблемы археологии Нижнего Поволжья, V Международная Нижневолжская археологическая конференция «Проблемы археологии Нижнего Поволжья», 15–18 ноября 2016 г. Элиста: Изд-во Калм. Ун-та, 2016 (в соавторстве с Э.Р. Усмановой).

Кованные наконечники копий ранней фазы Волго-Уральского очага культурогенеза и их модели (эпоха поздней бронзы) // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14–15 ноября 2016 г.): Материалы. СПб: Гос. Эрмитаж, 2016.

Изучение и моделирование исторической топографии золотоордынского города Укека // Историко-археологические памятники Золотой Орды на территории Саратовского Поволжья. Укек: прошлое, настоящее, будущее. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (4–6 июня 2016 г. г. Саратов). Саратов: Научная книга, 2016.

Территория и население Саратовского Поволжья от первобытности до XIII в. // Инновационный учебно-образовательный комплекс «История». Учебное пособие: Модуль 5.2: История Саратовского Поволжья: История России через историю регионов / отв. Ред. В.Г. Петрович. М.: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2016.

Территория и население Саратовского Поволжья от первобытности до XIII в. // История Саратовского Поволжья. С древнейших времен до начала XXI века. 11 класс: хрестоматия к учебному пособию «История Саратовского Поволжья» / Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2016.

Саратовский край в период Золотой Орды и после ее распада (XIII – середина XVI в.) // История Саратовского Поволжья. С древнейших времен до начала XXI века. 11 класс: хрестоматия к учебному пособию «История Саратовского Поволжья» / Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2016 (в соавторстве с А.Б. Малышевым).

2017

Территория и население Саратовского Поволжья от первобытности до XIII в. // История Саратовского Поволжья. С древнейших времен до начала XXI века. 11 класс: хрестоматия к учебному пособию «История Саратовского Поволжья». 2-е издание. – Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2017.

Саратовский край в период Золотой Орды и после ее распада (XIII – середина XVI в.) // История Саратовского Поволжья. С древнейших времен до начала XXI века. 11 класс: хрестоматия к учебному пособию «История Саратовского Поволжья». 2-е издание. Саратов: ГАУ ДПО «СОИРО», 2017 (в соавторстве с А.Б. Малышевым).

Территория и население Саратовского Поволжья от первобытности до XIII в. // История Саратовского Поволжья (История России через историю регионов). Учебное пособие. М.: ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2017.

Археология в Нижневолжском институте краеведения Саратовского университета // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Материалы международной научной конференции. М.: Институт археологии РАН, 2017.

Археология в Саратовском государственном университете: 1917–1937 гг. // Университетская археология: Прошлое и настоящее. СПб: Изд-во СПбГУ, 2017.

Археологическая деятельность П.Н. Шишкина в Саратовском и Волгоградском Поволжье // Нижневолжский археологический вестник. Т. 16. № 1. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2017.

Археология в Саратовском университете и Нижне-Волжском институте краеведения на переломе эпох (1920–1930-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения, Т. 17. Вып. 3. 2017.

Памяти Евгения Константиновича Максимова // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 13. Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2017 (в соавторстве с В.А. Лопатиным).

Туески, березовая кора и древесина в погребениях покровской и срубной культур позднего бронзового века Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 13. Саратов, 2017.

Грунтовое погребение на территории Балаковской АЭС // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 13. Саратов: Изд-во «Техно-Декор», 2017 (в соавторстве с В.А. Лопатиным).

2018

Погребение эпохи поздней бронзы из кургана 9 на выгоне города Покровска: раскопки П.Н. Шишкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3.

Курганные группы и селища эпохи поздней бронзы в окрестностях города Покровска на левом берегу Волги // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции, с международным участием. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018.

Золотоордынский Укек и Увекское городище // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения, Т. 18. Вып. 4. 2018.

Некоторые материалы из раскопок Хлопковского городища // Проблемы археологии и музееведения. Сборник статей, посвященный памяти Н.В. Хабаровой (1955–2017). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2018 (в соавторстве с Е.В. Кругловым).

Из библиографии о Н.М. Малове

Лопатин В.А. К 60-летию Н.М. Малова // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов: «Научная книга», 2008.

Семенов В.И., Давыдов В.И. Малов Николай Михайлович // Краеведы Саратова. Персоналии и общественные организации Саратовского краеведческого движения. Саратов: ООО «Новый ветер», 2013.

Малов Николай Михайлович // Наследники и наследие. Саратов: СГТУ, 2016.

СТАТЬИ

УДК 902(4)|637.7|
ББК 63.4(4)

Григорьев С.А.

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ТРАДИЦИЙ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОЙ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ В ЕВРОПЕ

В начале стадии A2b (по П. Рейнеке) в Центральной Европе появляются втульчатые копья, наследующие сейминско-турбинские традиции. Однако в Европе эти традиции появляются не в классическом виде, а трансформированные в результате взаимодействия с постсинташтинскими, петровскими и алакульскими традициями. Это вызывает существенные трансформации в европейском пространстве, завершающиеся формированием культуры курганных погребений континентальной Европы и переходом к Уэссексу II в Британии.

Ключевые слова: сейминско-турбинская металлургия, втульчатые изделия, Центральная Европа, хронология, андроновский компонент

Grigoriev S.A.

ABOUT THE DISTRIBUTION OF SEIMA-TURBINO METALWORKING TRADITION IN EUROPE

At the beginning of A2b stage, socketed spearheads of Seima-Turbino traditions appeared in Central Europe. However, in Europe, these traditions did not appear in its classical form, but transformed as a result of interaction with the post-Sintashta, Petrovka and Alakul traditions. This caused significant transformations in the European area, culminating in formation of Tumulus culture in continental Europe and the transition to Wessex II in Britain.

Keywords: Seima-Turbino metallurgy, socketed tools, Central Europe, chronology, Andronovo component

Введение

Для Евразии начало II тыс. до н. э. было временем внедрения оловянных сплавов и литья втульчатых изделий. Это было обусловлено продвижением на запад сейминско-турбинских традиций металлообработки [Черных, Кузьминых, 1989]. Самым западным пунктом их проникновения является Бородинский клад (рис. 1). Западные классические сейминско-турбинские изделия отсутствуют. Тем не менее, с этого времени в Европе распространяются оловянные сплавы и технология втульчатого литья.

На основании анализа комплексов кладов, РБВ Центральной Европы был разделен П. Рейнеке на ступени A1 и A2 [Coles, Harding, 1973. P. 49], рубежом которых в рамках радиоуглеродных дат является XIX в. до н. э. Оловянные бронзы встречаются в Европе уже на стадии A1, но только со стадии A2 они становятся массовыми, и доминируют изделия с высоким содержанием олова [Krause, 2003. S. 216, 219, 220. Abb. 200; Kienlin, 2008. S. 184]. Примечательно и то, что только с этого времени появляются копья [Tarot, 2000. S. 2, 3, 9, 10, 51]. В предшествующий период известны лишь черешковые копья Греции, а в Моравии найден обломок лезвия копья в погребении культуры Нитра могильника Холешов, но более вероятно, что это обломок кинжала [Říhovsky, 1996. S. 11].

Это совпадение массового перехода на оловянные сплавы и втульчатое литье в Европе и Евразии, а также продвижение сейминско-турбинской традиции, позволяет поставить вопрос о том, что эти трансформации могут быть описаны в рамках единого процесса [Grigoriev, 2002. P. 213–222]. Однако конкретные его механизмы и точная хронология остаются не вполне понятными.

Одним из основных кладов, на основании которых выделена ступень A2, является Лангквайд в Баварии. В нем обнаружено втульчатое копьё и типичные для Центральной Европы плоские топоры типа Лангквайд с полукруглым лезвием [Říhovsky, 1992. S. 6, 7; Pászthory, Mayer, 1998. S. 9, 42–45] (рис. 2, 7, 8). Внутри этой ступени выделяют несколько подфаз, и период Лангквайд относится к подфазе A2b. Но топоры вышеназванного типа появляются, возможно, раньше, в пределах предыдущей подфазы A2a, и встречаются изредка в следующей фазе клада Бюль [Mayer, 1977. S. 91, 95, 96].

Поэтому, создавалось впечатление, что проникновение сейминско-турбинских традиций в Европу произошло лишь с подфазы A2b, позже появления топоров Лангквайд [Grigoriev, 2002. P. 219]. Но особенностью этих топоров является высокая легированность оловом [Kienlin, 2008. S. 224]. В этом случае вышеописанный процесс распадается на два: 1) внедрение высокооловянных сплавов в рамках подфазы A2a; 2) внедрение втульчатого литья в рамках подфазы A2b. И мы можем представить это как местное развитие,

случайно совпадающее с аналогичным на востоке. Противоречит этому то, что, несмотря на ряд морфологических отличий, пропорции ранних европейских изделий соответствуют сейминско-турбинским. Задачей этой статьи и является обсуждение этих парадоксов.

Втульчатые копья

Сейминские копья имеют листовидное перо с расширением в нижней части, а по строению стержня пера их можно разделить на три группы: с вильчатым, ромбическим и круглым. Мы коснемся лишь некоторых типов (детально см. Черных, Кузьминых, 1989). Копья с круглым стержнем для нас наиболее интересны, поскольку именно такие характерны для европейских комплексов. Они делятся на копья типа КД-38 с ушком на втулке и КД-40, без ушка, но некоторые экземпляры имеют на втулке противолежащие отверстия (рис. 1, 3, 6). Копья КД-40 рассматриваются в рамках сейминско-турбинской традиции, но в сейминско-турбинских могильниках не обнаружены, и известны на памятниках петровской, алакульской, срубной и абашевской культур [Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 48, с. 88, 184, табл. 17]. И надо отметить, что в Бородинском кладе, где обнаружено два серебряных копья, одно относится к типу КД-20 с вильчатым стержнем (рис. 1, 1), а второе к типу КД-34 с ромбическим стержнем и манжетой на втулке (рис. 1, 2). Первое имеет параллели в Турбинском могильнике, а второй тип в сейминско-турбинских могильниках не встречен, и представлен случайными находками и экземпляром из алакульского кургана могильника «Близнецы» на Южном Урале. Близкими являются копья КД-36 с ромбическим стержнем, без манжеты, с противолежащими отверстиями на втулке. Они рассматриваются в рамках «евразийских» типов, сформировавшихся в результате взаимодействия предшествующих традиций уральской металлообработки и сейминской [Черных, Кузьминых, 1989. С. 70, 80, 88, 184, рис. 34, 46, 48]. К типу КД-32 относятся экземпляры с ромбическим стержнем и боковым треугольным ушком в нижней части раструбовидной втулки. Только один найден на сейминском памятнике «Решное». Остальные представлены случайными находками из Восточной Европы, а также экземплярами из «Засечного» (поздняковская культура на Оке), «Коркино» (алакульская культура, Южное Зауралье) и из «Грибжиняй» в Литве [Черных, Кузьминых, 1989. С. 79, рис. 45]. Это означает, что в Европу проникают в меньшей степени традиции собственно сейминско-турбинской металлургии, но, главным образом, сейминские традиции, трансформированные в результате взаимодействия с традициями Урало-Иртышского междуречья.

На местное европейское изобретение втульчатых копий могут указывать находки в кладах с унетичским металлом Дие в Моравии и Детенице в Богемии (рис. 2, 1, 2) [Hájek, 1953. S. 202, 205; Tihelka, 1965. S. 9, 10]. Это копья с короткой втулкой, с вытянутыми противоположными краями, и с противоле-

жащими отверстиями на втулке. Края втулки украшены ребристым орнаментом в виде углов (Детенице) или полукружий (Дие). Она переходит в круглый стержень пера. Форма пера различна. У копья в Детенице она листовидная с расширением в нижней части, что близко сейминским пропорциям. У копья из Дие переход от основания пера к верхней части резкий, что создает почти ромбическую форму. Это самые ранние втульчатые копья в европейском контексте, и считается, что они являются прототипами копий горизонта Лангквайд [Schubert, 1974. S. 25, 88; Moucha, 2005. S. 68].

Однако основная масса центральноевропейских копий более соответствуют сейминским, чем копьям из Дие и Детенице: это копья кладов Лангквайд, Флонхайм, Редерцхаузен, Нитрянски Храдок, Буллендорф, Форхайм-Зерльбах, Нойхоф ан дер Цен, случайная находка в Гретельмарк-Форст и т. д. [Stein, 1979. Taf. 33, 9; Coles, Harding, 1979. P. 49. Fig. 18; Gebers, 1978. Taf. 72.2; Müller-Karpe, 1980. Taf. 310 H; Novotná, 1970. Taf. 49; Schubert, 1974. Taf. 34, 9; Berger, 1984. S. 28, 49. Taf. 26, 2-4, 11; 45, 3]. Все они имеют короткую или средних размеров втулку, орнаментированную треугольниками или зигзагами, и круглый стержень листовидного пера, расширяющегося в основании (рис. 2, 3-7, 9, 10). По пропорциям они вписываются в сейминскую морфологию, но ближе всего им копья КД-40.

Существует развитие традиции, выраженное в копьях с гладкой втулкой типа Бюль. В Богемии известно три копья из Лужице, Неуметели и Смередов (рис. 3, 1-3). Копье из Смередов имеет расширение основания пера, как у евразийских копий. Поскольку копье из Детенице имеет параллели в виде литейной формы с поселения Йозефов культуры Ветеров, оно отнесено к позднему периоду унетичской культуры (A2b), а прочие рассматриваются в рамках горизонта клада Бюль [Moucha, 2005. S. 68]. Но этот клад датируется СБВ, а в кладах Неуметели и Детенице присутствуют унетичские вещи, из чего сделан вывод о том, что копья типа Бюль появляются раньше, в рамках РБВ, когда существует культура Мадьяровце, и этот период в рамках хронологии Рейнеке можно определить, как ступень A3 [Bartelheim, 1998. S. 88, 129, 145], хотя чаще он определяется как подфаза A2c.

В Польше самыми ранними¹ являются копья типа Форхайм (Бонин, Чешчево, Долице) с круглой неорнаментированной втулкой, листовидным пером и круглым стержнем (рис. 3; 4; 5). Исключением является копье из Бонин с ромбическим стержнем и противоположащими боковыми отверстиями на втулке [Gedl, 2009. S. 13, 47. Taf. 13]. Сходное копье с орнаментацией в стиле Хайдудшамшон-Апа происходит из безымянного клада в Венгрии (музей в

¹ Переход от периода 1 к периоду 2, то есть конец РБВ Центральной Европы. Это время формирования культуры Нова Гереквия, близкой культурам Ветеров и Мадьяровце.

Майнце). Он рассматривается как ранний в этой группе кладов [David, 2002. S. 390]. Эти копья имеют аналоги в комплексах, наследующих сейминские традиции, в петровских могильниках Бектениз и Кривое Озеро (КД-36) [Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 47] (рис. 1, 4, 5). Причем, нельзя сказать, что это более поздние памятники. Процессы культурогенеза в Зауралье в этот период были динамичны, и там сосуществовали культурные типы, которые мы считали разновременными: синташтинский, петровский, алакульский и сейминско-турбинский. И это их сосуществование непосредственно предшествует фазе A2b Европы [Григорьев, 2016; Григорьев и др., 2018. С. 158–175].

В Карпатском регионе копьё с гладкой втулкой с противоположащими отверстиями, близкие копьё типа Лангквайд и Бюль, появляются на стадии Хайдушамшон-Апа. В частности, в кладе Паулиш обнаружены три копьё. Вместе с ними найден топор с шайбой на обухе типа А, с микенским орнаментом, который синхронизировали складами в Нитрянски Храдок, Лангквайд, Хайдушамшон и Апа [Mozsolics, 1967. S. 26, 27, 61. Taf. 18; 1973. S. 33]. В ареале культуры Ватья найдены два копьё с гладкой втулкой (одно с ромбическим, второе с круглым стержнем), близкие копьё клада Бюль, Смедеров, Неуметели, Бонин, которые отнесены к III периоду культуры, предшествующему косидерскому горизонту [Bóna, 1975. S. 71. Taf. 57, 2, 3].

Таким образом, в Центральной Европе в рамках РБВ выделяли три основные стадии в развитии втульчатых копий. Первая представлена копьёми из Детенице и Дие, с ребристой втулкой и округлым стержнем пера. Они рассматривались как предшествующие копьёми клада Лангквайд, поэтому не исключена возможность их отнесения к ступени A2a. Вторая связана с горизонтом Лангквайд (A2b, поздняя унетичская культура, ранняя Мадьяровце, ранняя Ветеров, Нова Гереквия). В это время широко распространяются копьё с орнаментированной втулкой и круглым стержнем пера. На следующей стадии (A2c) преобладают неорнаментированные копьё с круглым, реже ромбическим стержнем. На востоке аналоги им известны не в собственно сейминско-турбинских могильниках, а на лесостепных и степных памятниках петровской, алакульской и срубной культур. Из этого можно заключить, что в этот регион сейминско-турбинская традиция проникает, в основном, не в классическом виде, а в переработанном в результате взаимодействия с традициями евразийской металлообработки. Единственное копьё классической сейминской традиции представлено в Бородинском кладе.

Недавно был опубликован анализ металла этого периода, в котором показано, что орнаментальный стиль Хайдушамшон-Апа появляется не ранее подфазы A2c, но основная масса находок относится к началу ступени B [David, 2002. S. 401]. И поскольку находки Бородинского клада относятся к этому орнаментальному стилю [Черных, Кузьминых, 1989. С. 260], мы сталкиваемся с

еще одним парадоксом, когда классические сейминские изделия оказываются более поздними относительно своих дериватов в Центральной Европе.

В Северной Германии и Южной Скандинавии первые втульчатые копья с листовидным пером, близкие по морфологии постсейминским изделиям Европы, появляются в начале периода Северный Бронзовый Век IA, синхронного подфазе A2b Центральной Европы (ок. 1700–1600 гг. до н. э.) [Vandkilde, 2010/11. P. 56, 61]. Некоторые их детали имеют параллели в Южной Германии, например, ряды точек на пере вдоль края втулки, поэтому предполагается импульс с юга. Наиболее ранним типом здесь является Багтерп, и от южных прототипов эти копья отличаются укороченной формой (обычно не более 10–15 см). Стержень пера округлый, но есть экземпляры с ромбическим [Jacob-Friesen, 1967. S. 89–92, 102–104], что южнее мы видели в копье из Бонин, и что имеет восточные евразийские прототипы (рис. 3, 6, 9).

В то же время традиция втульчатых копий проникает в Британию. В предыдущее время (Уэссекс I) здесь распространены черешковые копья. Но при переходе к следующему периоду возникает Арретонская традиция металлообработки, синхронная поздним погребениям серии Камертон-Сноусхилл (Уэссекс II), когда эти копья появляются впервые. Арретонская индустрия не представлена в собственно уэссекских комплексах, она является периферийной. В отличие от континентальных, перо британских копий более массивное, и его форма имеет прототипы в местных черешковых экземплярах (рис. 3, 7, 8). Эти копья имеют на втулке петли для привязывания, как на сейминско-гурбинских. Вместе с ними в Британию попадают типичные для континентальной Европы плоские топоры с боковыми планками, а на кинжалах появляется унетичская орнаментация. Примечательно, что на некоторых копьях тоже присутствует орнаментация в виде рядов точек на пере. Анализ этих комплексов позволил сделать вывод, что они формировались в результате континентального воздействия в период горизонта Лангквайд, т.е. A2b [Burgess, 1974; Gerloff, 1975. P. 128–130, 142–148, 154–156, 235–243]. А далее в Ирландию традиция втульчатых копий проникает лишь в начале СБВ, около середины II тыс. до н. э., уже из Британии [Eogan, 1983. P. 5, 6].

В Восточной Франции традиция втульчатых копий появляется тоже в конце РБВ, и тоже связана с оловянным легированием (см. напр. Junghans u. a., 1968. Taf. 46). Самым поздним было ее проникновение в Италию около начала СБВ, и Иберию (в финальном бронзовом веке).

Южнее, в Грецию, эта традиция не проникает. В периоды РБВ и СБВ (РЭ и СЭ) все копья там представлены экземплярами с плоским черешком и отверстиями для крепления. Исключением являются лишь два наконечника с разомкнутой втулкой из Агия Фотия (ПМ I–II) и Мальти (СЭ) [Branigan, 1974. P. 17–19; Avila, 1983. S. 80]. В ПБВ втульчатые копья распространяются уже

широко, но их перо очень узкое, а открытая втулка часто усилена обоймой [Höckmann, 1987; Avila, 1983. S. 81]. По морфологии пера они не имеют ничего общего с сейминскими, что не дает возможности для хронологических сопоставлений. В шахтных гробницах существует лишь одно копьё с ушком на втулке, известное по рисункам Шлимана, которое позволяет синхронизировать эти гробницы с сейминско-турбинскими комплексами [Penner, 1998. S. 184. Abb. 35].

Таким образом, мы видим определенный парадокс. В рамках фазы A2b в разных регионах Европы достаточно быстро начинает распространяться традиция втульчатых копий, которые можно рассматривать как постсейминские. В принципе, отход от строгих сейминских стереотипов с внедрением этой инновации вполне возможен. То же происходит и в Евразии. Но проблемой являются эти копьё с ребристой втулкой, которые, как принято считать, предшествуют копьё фазы A2b, и которые могут, тем самым, относиться к фазе A2a. Они разрывают типологический ряд между сейминско-турбинскими копьёми и копьёми фазы A2b. При этом собственно Бородинский клад можно датировать не ранее подфазы A2c. И существует еще один парадокс: заметное отставание в появлении второго компонента сейминско-турбинских комплексов – топоров с вертикальной втулкой (рис. 1, 8, 9).

Втульчатые топоры

Топоры с вертикальной втулкой («кельты» в российской литературе) вместе с втульчатыми копьёми в младшей фазе РБВ Центральной Европы не появляются. Они изредка встречаются в СБВ Юго-восточной Европы, но массовое их появление происходит в ПБВ [Wanzek, 1989. S. 18]. В Словакии втульчатые топоры появляются в косидерское время, но многочисленными они становятся тоже уже в период культуры полей погребальных урн [Novotná, 1970. S. 70, 71].

На Северо-западных Балканах появление втульчатых топоров происходит в самом конце СБВ, но основная масса находок более поздние [Žeravica, 1993. S. 75–108]. В Польше, Моравии, Баварии и Нижней Саксонии втульчатые топоры появляются тоже только с ПБВ, со времени культуры полей погребальных урн [Kuśnierz, 1998; Gedl, 2004; Říhovský, 1992. S. 12; Pászthory, 1998; Laux, 2005]. Западнее и южнее, во Франции, Италии и Иберии эти топоры присутствуют в комплексах не ранее начала ПБВ Центральной Европы, и их формы имеют параллели в Центральной и Северо-западной Европе [Chardenoux, Courtois, 1979; Carancini, 1984; Monteagudo, 1977. S. 241]. В Ирландии и Британии их начинают изготавливать тоже поздно, около XIII–XII вв. до н. э. (фазы Таунтон и Бишопслэнд), и им находят прототипы на северо-западе континентальной Европы [Rowlands, 1976. P. 41–43; Eagan, 2000. P. 4, 12]. В Британии известен лишь один тип (Уоллингтон), который можно синхронизировать с фазой B1 Цен-

тральной Европы, но это единичные находки, часто сделанные вне контекста [Schmidt, Burgess, 1981. P. 176]. В любом случае, находки втульчатых топоров в Британии датируются намного более поздним временем, чем втульчатые копья, и их появление связано с импульсами с континента.

К. Кибберт рассматривает внедрение втульчатых топоров как определенную технологическую революцию, и задается вопросом: почему с появлением втульчатого литья внедрение этих топоров происходит так поздно? В начальный период, когда появились копья с литыми втулками, встречаются отдельные втульчатые топоры, но это лишь пять находок, разбросанных по старым публикациям [Kibbert, 1984. S. 118–121]. Необходимо отметить, что ситуация в Европе идентична ситуации в Евразии, где тоже с появлением сейминско-турбинской традиции, копья с литой втулкой становятся типичны практически сразу, а топоры-кельты широко распространяются лишь в финальном бронзовом веке, хотя в Волго-Камском регионе эта традиция, вероятно, сохраняется с сейминского времени и продолжает там развиваться. В постсейминское время она известна на памятниках сусканской и лугавской культур, которые датируются XVII–XV вв. до н. э. [Лыганов, 2018. С. 129].

Объяснение этому, вероятно, достаточно простое. Топоры-кельты сейминско-турбинского типа были менее эффективны, чем вислобушные топоры Евразии или плоские топоры Европы. Лишь с разработкой более поздних форм с вытянутым клином они приобретают то преимущество, которое описывает К. Кибберт: втулка является продолжением клина, что приводит к экономии металла при той же эффективности орудия [Kibbert, 1984. S. 118]. И только после этого традиции волго-камской металлообработки проникают на Украину, где изделия ингуло-красномяцкого металлургического очага тесно связаны с западной европейской металлургией, но имели место и определенные восточные импульсы [Черных, 1976. С. 176–178]. И выше мы обсуждали, что наиболее рано эти изделия появляются на Юго-востоке Европы, распространяясь затем на запад, север и юг. Исследователи в Скандинавии тоже предполагают заимствование идеи литья втульчатых топоров из Волго-Камья через Фенноскандию в начале Северного ПБВ [Melheim, 2015. P. 199, 200].

Однако непосредственно в период проникновения в Европу сейминско-турбинских традиций были попытки адаптации этой идеи. В первую очередь, это клад младшей фазы РБВ (A2) в Кюттен-Дробиц в округе Зааль, в котором обнаружен топор с вертикальной овально-приостренной ребристой втулкой (рис. 4, 1). Лезвие топора полукруглое, а боковые стороны клинка усилены кантами [von Brunn, 1959. S. 16, 21, 40, 61. Taf. 57, 1, 2]. Этот топор производит впечатление симбиоза. С одной стороны, его лезвие закруглено, и эта тенденция к закруглению лезвия характерна для плоских топоров этого периода, и мы можем предположить, что идея втулки была заимствована из

сейминско-турбинских топоров. Кроме того, этот топор и кинжал присутствуют в Штутгартской базе данных (соотв. ан. 9549 и 40922). В них выявлено 6,8 и 9% олова, и типологически топор отнесен ко времени A2a [Krause, 2003]. То есть, этот клад предшествует горизонту клада Лангквайд.

В Словакии ребристое оформление втулки имеют трубчато-втульчатые топоры типа Кртенев, которые синхронизируются с классической фазой Мадьяровце (рис. 4, 2), кладом Хайдушамшон и периодом Лангквайд [Novotná, 1970. S. 53–55]. Такое же оформление втулки присутствует на трубчато-втульчатых топорах типов А и В горизонта кладов Хайдушамшон и Апа в Венгрии (рис. 4, 4), где они, в свою очередь, синхронизировались с кладом Лангквайд и кладом на поселении Нитрянски Храдок [Mozsolics, 1967. S. 26, 27. Abb. 3. Taf. 10]. В последнем кладе найден также проушной топор с длинным слегка изогнутым клином и гребнем на обухе (рис. 4, 3), который встречается в фазах Гемайнлебарн II и III. И аналогичные известны в кладах периода Хайдушамшон (рис. 4, 4, 7) (см. Mozsolics, 1967).

В Польше тоже известен тип топоров Кртенев с аналогичным оформлением втулки, например, топор из Хойнова (рис. 4, 8), но там встречен еще один интересный топор из Прзечмино типа Шанц-Драгомирешти (рис. 4, 9). Он тоже трубчато-втульчатый, но его втулка гладкая. Зато верхняя часть клина под втулкой массивная и округлая, и украшена в том же ребристом стиле [Gedl, 2004. Taf. 4, 36, 37]. То есть, здесь этот декор переносится на вертикальную часть топора, как на вертикальной втулке топора из Кюттен-Дробиц. Идентичные найдены в могильнике Тисафюред в Восточной Венгрии, и датируются они временем между горизонтами Хайдушамшон-Апа и Косидер [Bátora, 2006. S. 227].

В Австрии наиболее ранним в этой серии является топор с ребристой втулкой, длинным клином и удлинённым обухом типа Гемайнлебарн, который определенно относится к фазе Гемайнлебарн III/Лангквайд (рис. 4, 10), как вероятно, и топоры варианта Унтернальб² (рис. 4, 6), а более поздние Кртенев и тип А (по Можолитч) могут относиться к переходу между периодами Хайдушамшон и Косидер [Neugebauer, 1991. S. 12–15; David, 2002. Abb. 5, 8].

С этими находками связаны и втульчатые долота. Для сейминско-турбинских могильников они не типичны. Только в Ростовкинском могильнике обнаружена форма для отливки подобного изделия [Матющенко, Синицына, 1988. Рис. 38, 3]. В Центральной Европе втульчатые долота тоже появляются во время, более раннее и синхронное кладу Лангквайд. Это долота из Ухерске Храдиште и Ведровице (рис. 4, 12), причем втулка второго долота

² Ранее допускалось, что топоры варианта Унтернальб появляются раньше клада Лангквайд, хотя встречаются и в синхронных комплексах [Mayer, 1977. Taf. 7, 73, 74].

тоже ребристая и противоположащие края ее вытянуты, как у копий из Дие и Детенице, и оно было обнаружено в одном комплексе с топором типа Лангквайд [Hájek, 1953. S. 201. Obr. 1; Říhovsky, 1992. S. 8. Taf. 74, 1188]. Возможно, самым ранним долотом, оформленным в этом стиле, является долото из Австрии из клада Буллендорф, отнесенное ко времени Гемайнлебарн II (рис. 4, 11) [Mayer, 1977. S. 222. Taf. 119C, 88.1292].

В Венгрии, в могильнике Дунайварош (погр. A39), относящемся к периоду Ватъя III, обнаружен топор типа Кртенев с ребристой втулкой. И есть случайная находка того же времени топора типа Банов с вытянутыми противоположащими краями ребристой втулки (рис. 4, 5), как у копья из Детенице. Причем, этот период синхронен Фюзешабонь и непосредственно предшествует периоду Косидер [Bóna, 1975. Taf. 57. S. 71, 73, 77]. Соответственно, этот комплекс может быть отнесен к периоду A2c, но не ранее A2b [David, 2002. S. 347, 361, Abb. 5, 7; 5, 8]. Это совпадение вытянутых краев втулки и ребристого оформления позволяют синхронизировать эти топоры и долота с копьем из Детенице, и это заставляет сомневаться, что именно этот тип копий был основой для возникновения втульчатых копий в Центральной Европе и предшествует копьям, восходящим к сейминской традиции.

Раньше я предполагал, что появление сейминско-турбинской традиции в Центральной Европе происходит в начале фазы A2b [Grigoriev, 2002. P. 136; 2018. С. 14; Григорьев, 2018. С. 45], но некоторые из перечисленных находок (долото из Буллендорф) позволяют допускать, что это происходит в конце фазы Гемайнлебарн II в Австрии и фазы A2a Южной Германии. Но большинство изделий с ребристым декором, в целом, синхронно фазе A2b, а некоторые из них более поздние. Поэтому более вероятно, что восточные традиции металлообработки появляются в самом конце предыдущей фазы A2a (что требует проверки), но широкое распространение получают в рамках последующей фазы.

Втульчатые долота позволяют связать время появления сейминско-турбинских бронз в европейском пространстве с Уэссекской культурой. В конце классического Уэссекса возникает, уже упомянутая Арретонская индустрия. Выше мы уже приводили мнение Герлофф о том, что ее проникновение было связано с европейскими импульсами в период Лангквайд. В одном из комплексов этой индустрии (клад Уэнгфорд в Кэмбриджшире) вместе с литым втульчатым копьем найдено долото с ребристой втулкой (рис. 4, 13) [Gerloff, 1975. P. 128–130, 139, 145, 154–156]. В свое время Брунн указывал на наличие этой параллели втульчатым изделиям Центральной Европы, обозначая это как топор [von Brunn, 1959. S. 44]. Действительно, края лезвия у изделия из Уэнгфорд чуть расходятся, и оно имеет боковые планки. Поэтому, вероятно, это отражает попытку приспособления идеи вертикальной втулки к плоским топорам с планками европейских типов.

Выводы

Таким образом, проникновение втульчатого литья в Европу происходит в конце фазы A2a/Гемайнлебарн II, и взаимодействие их с местными унетигскими традициями металлообработки вызывает появление изделий с втулками, украшенными в ребристом стиле. Но надежно эта традиция датируется с фазы A2b (с середины XVII в. до н. э. по дендрохронологии), когда она быстро распространяется в разных регионах. В Северной Германии и Южной Скандинавии с ее проникновением начинается Северный Бронзовый Век. В Британии тоже ощущаются центральноевропейские импульсы, и происходит переход от периода Уэссекс I к Уэссексу II. В Южную Европу (Иберия, Италия, Греция) эта традиция проникает позже, и с этим первичным процессом не связана.

Это позволяет нам синхронизировать сейминско-турбинскую металлообработку и поздний этап синташтинской культуры с фазой A2b, хотя некоторые комплексы (Каменный Амбар 5, к. 2) могут доживать до фазы A2c. С фазы A2c, но главным образом с начала ступени B, с формированием поздних фаз культуры Оттомани-Фюзешабонь, культуры Витенберг, появлением шахтных гробниц в Микенах, возникает обширная система связей от Северной Европы до Микен и Казахстана, что проявляется в орнаментальном стиле Хайдудшамшон-Апа [David, 2002. S. 400–402] и позволяет синхронизировать с этим периодом Бородинский клад и комплексы с орнаментированными псалями в Восточной Европе (позднеабашевские, покровские и часть потаповских).

Нигде мы не видим адаптации второй составляющей сейминско-турбинских комплексов – топоров-кельтов. Это можно объяснить тем, что местные формы были более эффективны, что помешало воспринять эту инновацию. Топоры с вертикальной втулкой широко распространяются лишь в ПБВ, и возможно под воздействием иных восточных импульсов.

Но проникновение в Европу втульчатого литья сопровождается в рамках той же фазы A2b иными восточными компонентами, отсутствующими в сейминско-турбинских комплексах: первыми проявлениями курганного погребального обряда и обряда погребальной пищи, появлением колец и браслетов со спиральными концами, богато украшенной керамики с геометрическим орнаментом, плотным расположением домов в укрепленных поселках, как на петровских поселениях³ [Neugebauer, 1991. S. 31–34, 53; Batora, 2004; Köninger, 2006. S. 151, 154, 171; Köninger, Schlichtherle, 2009. S. 363–370]. Ранее, исходя из общепринятой периодизации, я полагал, что было два последова-

³ Само появление укреплений в Центральной Европе происходит раньше (напр. культура Хатван), и почти одновременно их возникновению в синташтинской культуре. Речь идет именно о плотной застройке.

тельных проникновения в Европу, в сейминское и федоровское время [Grigoriev, 2002. P. 213–222, 267–273]. Однако, отчетливо видно одно, в котором смешаны разные черты сейминско-турбинской и, в широком смысле, андроновской традиции. И это вполне укладывается в новую хронологию в Зауралье, где алакульские и петровские комплексы сосуществуют с синташтинскими и сейминско-турбинскими, и трансформации начались с появлением федоровского населения, когда прекращают свое существование синташтинская и петровская культуры, и формируется классический алакуль и черкакуль [Григорьев и др., 2018. С. 158–176]. Вероятно, эти события на востоке и послужили генератором описываемых изменений в Европе.

Есть еще одна особенность этого процесса. В Центральной и Юго-восточной Европе редко встречаются изделия, которые являются классическими сейминскими. Сюда проникает сейминско-турбинская традиция, трансформирующаяся в результате взаимодействия с зауральскими традициями металлообработки, восходящими к синташтинской культуре. Аналогичным образом в Британию проникает уже не евразийская традиция, а центральноевропейская, с унетичскими корреспонденциями, но она трансформируется в результате взаимодействия с местными традициями. Вероятно, это стандартная ситуация, когда в процессе культурогенеза принимали участие разные культурные компоненты с тех огромных пространств, на которых этот процесс разворачивался. И необходимо отметить, что речь должна идти не о распространении технологий, а именно о миграциях, так как параллельно происходят определенные трансформации в керамическом комплексе и погребальном обряде.

Литература:

Григорьев С.А. Проблема хронологии и происхождения алакульской культуры в свете новых раскопок в Южном Зауралье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34).

Григорьев С.А. Проблема хронологии синташтинской культуры // Степная Евразия в эпоху бронзы: культуры, идеи, технологии. Челябинск: ЧелГУ, 2018.

Григорьев С.А., Петрова Л.Ю., Плешанов М.Л., Гуцина Е.В., Васина Ю.В. Поселение Мочище и андроновская проблема. Челябинск: Цицеро, 2018. 398 с.

Лыганов А.В. Андронидные традиции в культурах позднего бронзового века лесостепного Поволжья // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара: СГСПУ, 2018.

Матющенко В.И., Синицина Г.В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск: изд-во Томского университета, 1988. 136 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на юго-западе СССР. М.: Наука, 1976. 302 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.

Avila R.A.J. Bronzene Lanzen- und Pfeilspitzen der griechischen Spätbronzezeit. *Prähistorische Bronzefunde. Ab. V, Band 1.* München: Beck Verlag, 1983. 234 s.

Bartelheim M. Studien zur böhmischen Aunjetitzer Kultur – chronologische und chorologische Untersuchungen. T. I. Bonn: R. Habelt GmbH, 1998. 328 s.

Bátora J. Die Anfänge der Hügelgrabbestattungen in der Mittelbronzezeit im Mittleren Donaugebiet // Einflüsse und Kontakte alteuropäischer Kulturen. První. Nitra: Archeologický ústav SAV Nitra, 2004.

Bátora J. Štúdie ku komunikácii medzi strednou a východnou Európou v dobe bronzovej. Vyd. 1. Bratislava: Petrus Publisher, 2006. 310 s.

Berger A. Die Bronzezeit in Ober- und Mittelfranken. Kallmünz: Lassleben Verlag, 1984. 163 s.

Bóna I. Die Mittlere Bronzezeit Ungarns und Ihre Südöstlichen Beziehungen. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1975. 317 s.

Bóna I. Bronzeguss und Metallbearbeitung bis zum Ende der Mittleren Bronzezeit // Bronzezeit in Ungarn. Forschungen in Tell-Siedlungen an Donau und Theiss. Frankfurt am Main: Walter Meier-Arend, 1992.

Branigan K. Aegean Metalwork of the Early and Middle Bronze Age. Oxford: Clarendon Press, 1974. 216 p.

Burgess C. The Bronze Age // (Renfrew C. ed.) British prehistory. A new outline. London: Duckworth, 1974.

Carancini G.L. Le asce nell'Italia continentale II. *Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 12.* München: Beck Verlag, 1984. 258 p.

Chardenoux M.-B., Courtois J.-C. La haches dans la France Méridionale. *Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 11.* München: Beck Verlag, 1979. 187 p.

Coles J.M., Harding A.F. The Bronze Age in Europe. London: Methuen&Co Ltd., 1973. 581 p.

David W. Studien zu Ornamentik und Datierung der bronzezeitlichen Depotfundgruppe Hajdúsámson-Apa-Ighiel-Zajta. T. I. Alba Iulia: Altip S.A., 2002. 909 s.

Eogan G. The hoards of the Irish Late Bronze Age. Dublin: University College, 1983. 247 p.

Eagan G. The socketed bronze axes in Ireland. *Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 22.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. 241 p.

Gedl M. Die Beile in Polen IV. *Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 24.* Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2004. 115 s.

- Gedl M.* Die Lanzen spitzen in Polen. Prähistorische Bronzefunde. Ab. V, Band 3. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2009. 127 s.
- Gerloff S.* The Early Bronze Age daggers in Great Britain. Prähistorische Bronzefunde. Ab. VI, Band 2. München: Beck Verlag, 1975. 260 s.
- Grigoriev S.A.* Ancient Indo-Europeans. Chelyabinsk: Charoid, 2002. 496 p.
- Grigoriev S.A.* Social processes in ancient Europe and changes in the use of ore and alloys in metallurgical production // *Archaeoastronomy and Ancient Technologies*. 2018. 6(2).
- Hachmann R.* Die frühe Bronzezeit im westlichen Ostseegebiet und ihre mittel und südosteuropäischen Verbindungen. Hamburg: Flemmings Verlag, 1957. 258 s.
- Hájek L.* Drobné příspěvky k poznání únětické kultury // *Památky Archeologické*. Ročník XLIV. 1953.
- Hájek L.* Černý ve starší době bronzové // *Památky Archeologické*. Ročník XLV. 1954.
- Herity M., Eogan G.* Ireland in prehistory. London, Henley and Boston: Routledge and Kegan Paul, 1997. 336 p.
- Höckmann O.* Lanzen und Speere der Ägäischen Bronzezeit und des Übergangs zur Eisenzeit // *Ägäische Bronzezeit*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1987.
- Jacob-Friesen G.* Bronzezeitliche Lanzespitzen. Norddeutschland und Skandinavien. Hidesheim: Augustus Lax, 1967. 126 s.
- Junghans S., Sangmeister E., Schröder M.* Kupfer und Bronze in der frühen Metallzeit Europas. Berlin: Gebr. Mann Verlag, 1968. Bd. 2, Teil 1. 490 s.
- Kibbert K.* Die Äxte und Beile im mittleren Westdeutschland II. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 13. München: Beck Verlag, 1984. 259 s.
- Kienlin T.L.* Frühes Metall im nordalpinen Raum. Eine Untersuchung zu technologischen und kognitiven Aspekten früher Metallurgie anhand der Gefüge frühbronzezeitlicher Beilen. T. I. Bonn. Rudolf Habelt Verlag, 2008. 447 s.
- Köninger J.* Siedlungsarchäologie im Alpenvorland VIII. Stuttgart: Theis Verlag, 2006. 598 s.
- Köninger J., Schlichtherle H.* Die Siedlung Forschner im siedlungsarchäologischen Kontext des nördlichen Alpenvorlands // *Siedlungsarchäologie im Alpenvorland XI*. Stuttgart: Theis Verlag, 2009.
- Krause R.* Studien zur kupfer- und frühbronzezeitlichen Metallurgie zwischen Karpatenbecken und Ostsee. Rahden/Westf.: Marie Leidorf Verlag, 2003. 338 s.
- Kuśnierz J.* Die Beile in Polen III. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 21. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. 118 s.
- Laux F.* Die Äxte und Beile in Niedersachsen II (Lappen- und Tüllenbeile, Tüllenmeißel und -hämmer). Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 23. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2005. 110 s.

Mayer E. Die Äxte und Beile in Österreich. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 9. München: Beck Verlag, 1977. 436 s.

Melheim L. Late Bronze Age axe traffic from Volga-Kama to Scandinavia? // *Archaeometallurgy in Europe III. Der Anschnitt. Beiheft 26.* Bochum: Bergbaumuseum. 2015.

Monteagudo L. Die Beile auf der Iberischen Halbinsel. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 6. München: Beck Verlag, 1977. 312 s.

Moucha V. Hortfunde der Frühen Bronzezeit in Böhmen. Praha: Archäologisches Institut der Akademie der Wissenschaften der Tschechischen Republik, 2005. 293 s.

Mozsolics A. Bronzefunde des Karpatenbeckens. Depotfundhorizonte von Hajdúsámson und Kosziderpadlás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 266 s.

Mozsolics A. Bronze- und Goldfunde des Karpatenbeckens. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1973. 364 s.

Neugebauer J.-W. Die Nekropole F von Gemeinlebarn, Niederösterreich. Mainz am Rhein: Philipp Zabern, 1991. 265 s.

Novotná M. Die Äxte und Beile in der Slowakei. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 3. München: Beck Verlag, 1970. 168 s.

Parker Pearson M. The Earlier Bronze Age // *The Archaeology of Britain. An Introduction from Earliest time to the twenty-first century.* London, New York: Routledge, 2009.

Pászthory K., Mayer E.F. Die Äxte und Beile in Bayern II. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 23. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1998. 207 s.

Penner S. Schliemanns Schlachtgräber und der Europäische Nordosten. Bonn: Rudolf Habelt, 1998. 240 s.

Říhovsky J. Die Äxte, Beile, Meißel und Hämmer in Mähren. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 17. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992. 310 s.

Říhovsky J. Die Lanzen-, Speer- und Pfeilspitzen in Mähren. Prähistorische Bronzefunde. Ab. V, Band 2. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1996. 205 s.

Rowlands M.J. The production and distribution of metalwork in the Middle Bronze Age in Southern Britain. BAR 31 (i). 1976.

Schmidt P.K., Burgess C.B. The axes of Schotland and Northern England. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 7. München: Beck Verlag, 1981.

Schubert E. Studien zur frühen Bronzezeit an der mittleren Donau // 54. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 1973. Berlin: de Gruyter, 1974.

Stein F. Katalog der vorgeschichtlichen Hortfunde in Süddeutschland. Bonn: Habelt Verlag, 1979. 279 s.

Tarot J. Die bronzezeitlichen Lanzespitzen der Schweiz. Bonn: Rudolf Habelt, 2000. 147 s.

Tihelka K. Hort- und Einzelfunde der ünëticer Kultur und des Větërov Typus in Mähren. *Fontes Archaeologiae Moravicae. T IV.* Brno, 1965. 154 s.

Točík A. Nitriansky Hrádok-Zámeček. Bronzezeitliche befestigte Ansiedlung der Madarovce Kultur. В I, Н 1. Nitra: Archeologicky Ustav Slovenskej akademie vied, 1981. 187 s.

Vandkilde H. Cultural Perspectives on the Beginnings of the Nordic Bronze Age // Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie. Band 67/68, 2010/11.

Wanzek B. Die Gußmodel für Tüllenbeile im südöstlichen Europa. Bonn: Rudolf Habelt, 1989. 289 s.

Žeravica Z. Äxte und Beile aus Dalmatien und anderen Teilen Kroatiens, Montenegro, Bosnien und Herzegowina. Prähistorische Bronzefunde. Ab. IX, Band 18. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1993. 124 s.

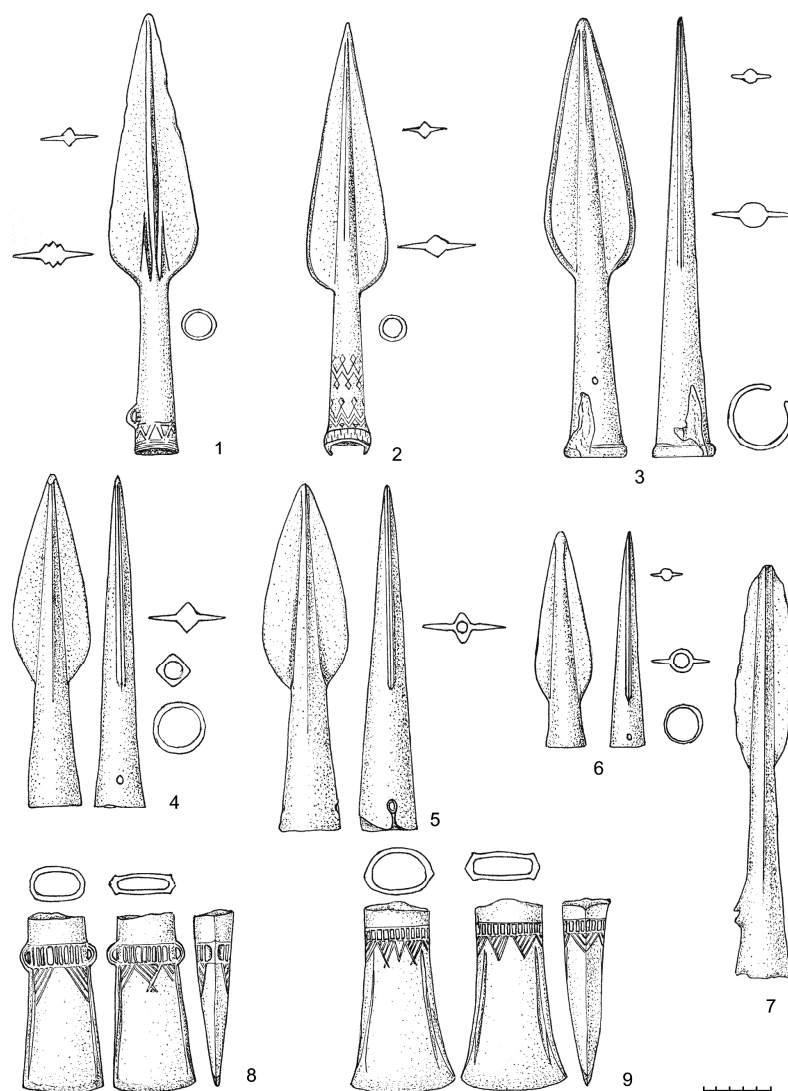

Рис. 1. Сейминско-турбинские втульчатые изделия: 1-7 – копья, 8, 9 – кельты.
 1 – Бородинский клад (КД-20), 2 – Бородинский клад (КД-34), 3 – Джангельды V (КД-40),
 4 – Кривое Озеро (КД-36), 5 – Бектениз (КД-36), 6 – Такгалачук (КД-40), 7 – Грибжиняй;
 8 – Соколово (К-24), 9 – Сейма (К-18)⁴

⁴ Рисунки выполнены О.И. Орловой. Источники для них см. в соответствующих сносках в тексте.

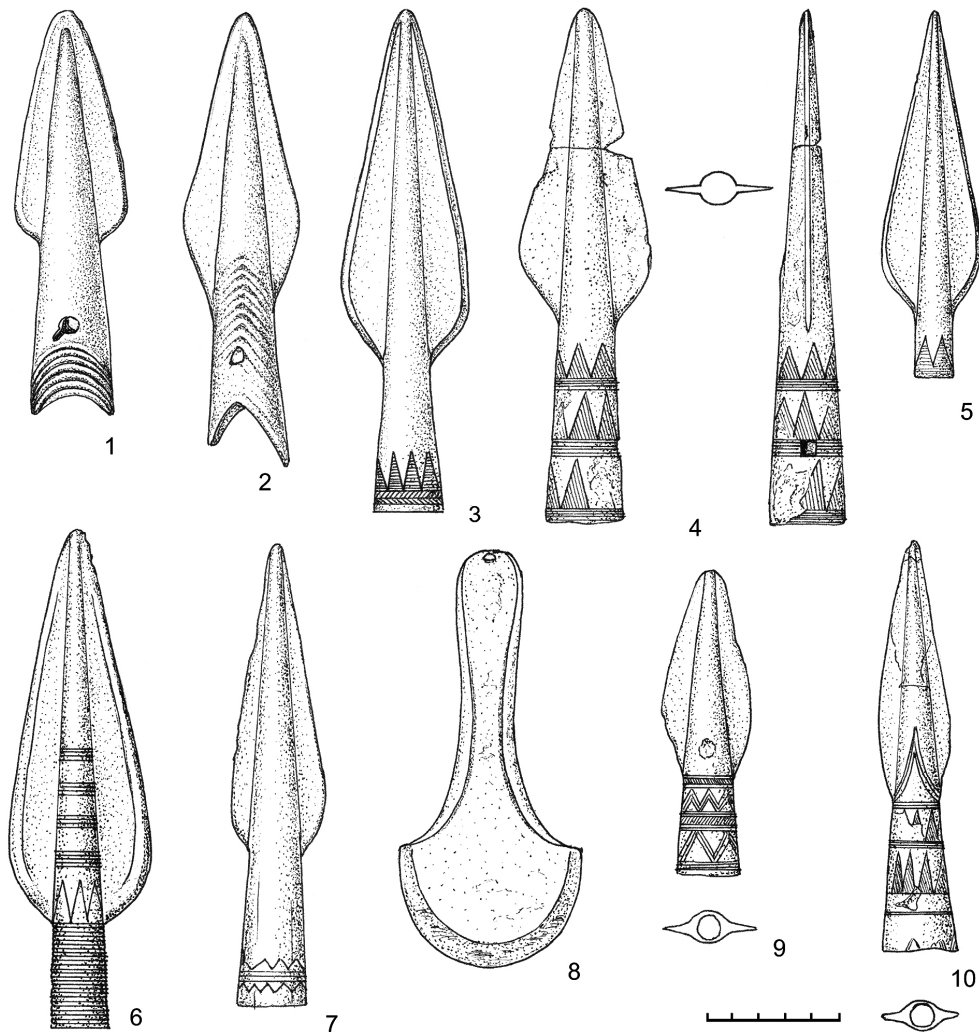

Рис. 2. Металл горизонта А2b: 1-7, 9, 10 - копья, 8 - топор: 1 - Детенице, 2 - Дие, 3 - Флонхайм; 4 - Нитрянски Храдок; 5-6 - Редерцхаузен; 7, 8 - Лангквайд, 9 - Гретельмарк-Форст, 10 - Нойхоф ан дер Цен

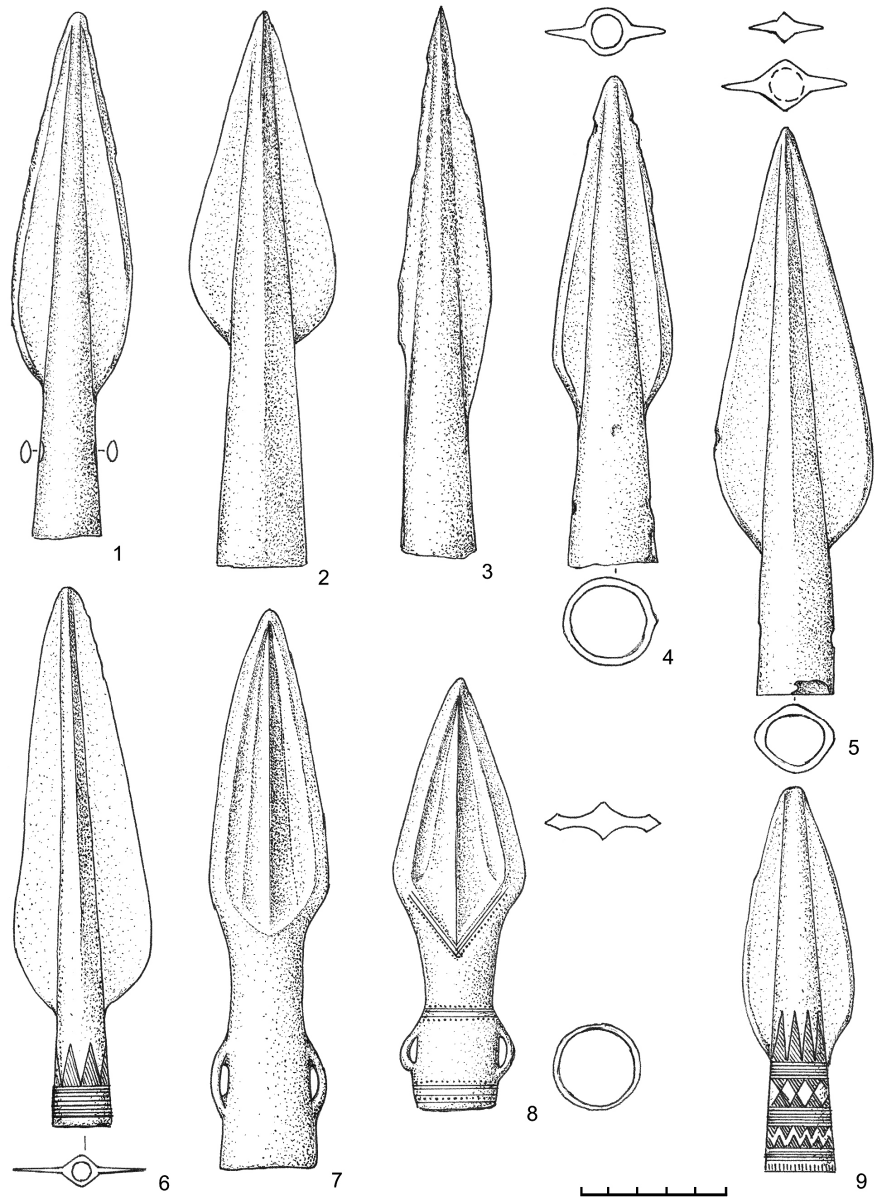

Рис. 3. Копья конца РБВ Европы: 1 - Лужице, 2 - Смедеро (без масштаба), 3 - Неуметели, 4 - Чешеве, 5 - Бонин, 6 - Вирринг, 7 - Хорн, 8 - Экли, 9 - Эбнар

Рис. 4. Топоры и долота: 1 - Кютген-Дробиц, 2, 3 - Нитрянски Храдок, 4 - Будапешт, 5 - Дунайварош, 6 - Унтернальб, 7 - Цеглед, 8 - Хойнов, 9 - Прзечиано, 10 - Гемайнлебарн, 11 - Буллендорф, 12 - Ведровице, 13 - Уэнгфорд. 4, 5, 7 - без масштаба

УДК 902(470+571)|637.7|
ББК 63.4(2Рос)

Бочкарев В.С., Тутаяева И.Ж.

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ
НАКОНЕЧНИКОВ КОПИЙ-НАВЕРШИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

В эпоху поздней бронзы в южной половине Восточной Европы получили распространение металлические наконечники копий с прорезями на пере. Их находки также известны на территории Казахстана, Средней Азии и Южной Сибири. Всего удалось учесть без малого 200 таких наконечников. Статистический анализ их метрических данных позволил выделить четыре типа прорезных наконечников копий. Три первых из них являются хронологическими типами, а четвертый – локально-хронологическим. Установлено, что прорезные наконечники возникли в Восточной Европе и оттуда распространились в восточном направлении. Их прототипами были наконечники с ушками. Наличие прорезей на пере не позволяет рассматривать эти наконечники в качестве настоящего боевого оружия. Но они могли быть наконечниками, знаками высокого статуса их владельцев.

Ключевые слова: прорезные наконечники копий, эпоха поздней бронзы, Северная Евразия, классификация

Bochkarev V.S, Tutaeva I.Zh.

ABOUT ONE GROUP OF METAL SPEARHEADS
OF THE LATE BRONZE AGE AS STANDARD FINIALS
FROM NORTH EURASIA

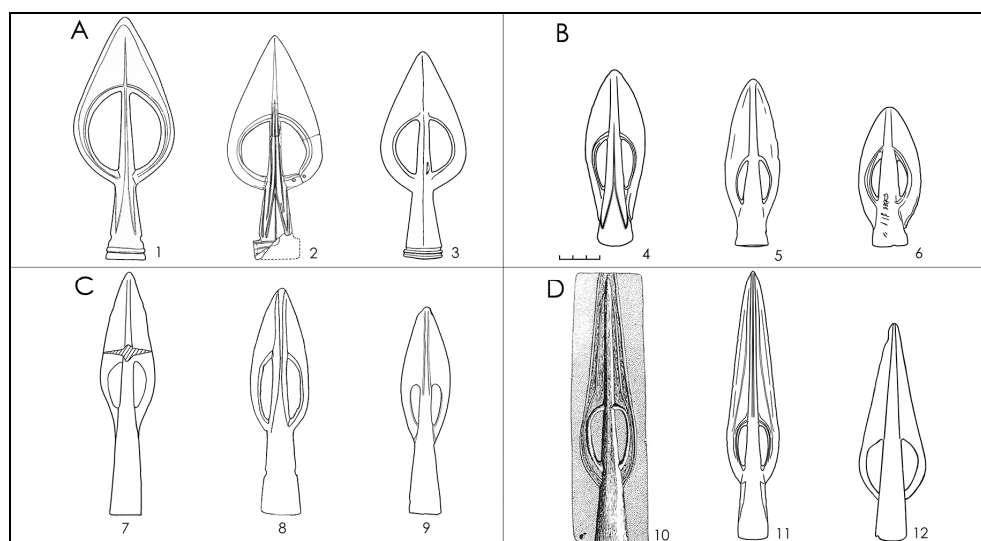
Metal spearheads with two openings in the blade were widespread in the southern half of Europe in the Late Bronze Age. That kind of findings is known from the territory of Kazakhstan, Central Asia and Southern Siberia. We managed to find almost 200 such copies. The statistical analysis of their metrics identified

four types of spearheads with two openings in the blade. The first three types are chronological markers, and the fourth is locally-chronological. It was established that spearheads with two openings in the blade first appeared in Eastern European and from there they spread eastward. The spearheads with two loops in the lower part of the socket were their prototypes. Because of openings in the blade this type of spearheads cannot be considered as real military weapons. But they could have been used as standards, signs with a high status meaning.

Keywords: spearheads with openings in blade, Late Bronze Age, North Eurasia, classification

В наборе металлического оружия эпохи бронзы Восточной Европы и сопредельных территорий особое место занимают наконечники копий и дротиков. Они представлены значительным количеством находок и отличаются большим разнообразием форм. Среди них встречаются изделия, которые в силу своих особенностей вряд ли использовались в качестве боевого оружия. Но они могли использоваться в качестве наверший, неких значков, указывающих на особый статус их владельцев. К числу таких изделий, вероятно, относятся так называемые прорезные наконечники. Они примечательны тем, что в нижней части их пера сделаны два сравнительно больших, симметрично расположенных отверстия полукруглой или полуовальной формы (табл. 1). Во всем остальном они соответствуют стандартным наконечникам копий и дротиков того времени.

Таблица 1. Выделенные группы прорезных наконечников копий эпохи поздней бронзы. А – группа первая; В – группа вторая; С – группа третья; D – группа четвертая

В эпоху бронзы прорезные наконечники получили очень широкое распространение. Их находки известны в Западной и Восточной Европе, на территории Казахстана, Западной Сибири и Средней Азии. Они также встречаются в ряде провинций Китая. В территориальном, типологическом, и культурном отношении их можно разделить на три большие серии: *западноевропейскую, северо-восточную и дальневосточную*. По нашему мнению, эти серии не связаны между собой, и каждая из них возникла самостоятельно. Их сходство объясняется явлением конвергенции.

В данной работе объектом рассмотрения будут материалы *северо-восточной серии*. В основном они происходят из южной половины Восточной Европы и в небольшом количестве с территорий Казахстана, Западной Сибири и Средней Азии (карта 1). Благодаря своей выразительной форме они уже давно привлекали внимание исследователей как отечественных, так и зарубежных. В разные годы ими занимались А.М. Таллгрен [Tallgren, 1913. S. 215–224; Tallgren, 1916. S. 28–29, Tallgren, 1926. S. 195, 196], А.В. Збруева [Збруева, 1952. С. 96, 97], Б.Г. Тихонов [Тихонов, 1960. С. 34–36], Е.Н. Черных [Черных, 1970. С. 53; Черных, 1976. С. 100–102], В.С. Бочкарев и А.М. Лесков [Bočkarëv, Leskov, 1980. S. 62], И.Ж. Тутаева [Тутаева, 2016. С. 176–181; Тутаева, 2017. С. 79–88] и др. В основном их работы были посвящены классификации и хронологии прорезных наконечников. Среди них следует выделить исследования А.В. Збруевой, которой удалось разделить эти наконечники на две хронологические группы. К первой были отнесены изделия эпохи поздней бронзы, а к второй – раннего железного века Волго-Уралья. Опираясь на эти данные, Б.Г. Тихонов более детально исследовал наконечники первой из них. Он их также разбил на две группы. В первую вошли маленькие наконечники, длиной не более 13 см, а во вторую – крупные изделия. Длина последних достигала 20 и более см. По мнению Б.Г. Тихонова эта классификация имеет функциональное значение. Маленькие изделия могли использоваться в качестве наконечников дротиков. Вскоре после Б.Г. Тихонова прорезными наконечниками Волго-Уралья, как и другими металлическими изделиями эпохи бронзы этого региона, занялся Е.Н. Черных. Он не стал их дифференцировать, а суммарно отнес все к так называемому предананьинскому хронологическому горизонту. Иначе он обошелся с аналогичными материалами из Поднепровья и Северного Причерноморья [Черных, 1976. С. 100–102]. По форме пера местные наконечники были разделены на три конечных типологических разряда (П-10, -12, -14). Однако эта классификация оказалась неудачной. Показательно, что сам Е.Н. Черных ее проигнорировал в хронологическом разделе своей монографии. Более основательно вопросы хронологии и классификации прорезных наконечников были исследованы в некоторых из вышеуказанных работ, изданных в конце прошлого – начале нынешнего века.

Завершая историографический обзор, можно констатировать, что за столетний период изучения прорезных наконечников было получено несколько важных результатов. Так, был накоплен значительный материал, исследованы его характерные особенности и определены его общие хронологические рамки. Опираясь на эти достижения, можно попытаться двинуться дальше. В данной работе будут предложены новые классификация и хронология прорезных наконечников, а также обоснована гипотеза об их функциональном назначении.

На момент публикации этой работы авторская база данных насчитывает 196¹ экз. прорезных наконечников копий эпохи поздней бронзы северо-евразийской серии. Из них 13 экз. представлены литейными формами. В географическом отношении этот материал распределяется следующим образом (карта 1).

Огромное их большинство оказалось на территории Восточной Европы и в основном в ее южной половине (63,4%). Восточнее Урала прорезные наконечники встречаются намного реже. Больше всего их найдено на юге Западной Сибири (13,4%), а на огромных пространствах Казахстана и Средней Азии они представлены буквально единицами (табл. 2).

Таблица 2. Распределение прорезных наконечников копий северо-евразийской серии по географическим регионам

<i>Восточная Европа</i>	123	63,40%
<i>Западная Сибирь</i>	26	13,40%
<i>Казахстан</i>	5	2,60%
<i>Средняя Азия</i>	4	2,10%
<i>Без места происхождения</i>	36	18,60%
Итого	194	100%

Столь же неравномерно распределились находки этих наконечников по основным видам археологических памятников (табл. 3). Треть из их (34,5%) зарегистрированы как единичные случайные находки, почти половина (41,2%) – как не имеющие точных данных об условиях обнаружения. В совокупности эти две группы составляют 75% от общего количества всех известных сейчас материалов. Конечно, в их число могли попасть и несколько наконечников из разрушенных комплексов. Но в целом вполне очевидно, что

¹ На самом деле общее число прорезных наконечников варьируется от 194 до 196 экземпляров, т.к. два экземпляра, по мнению авторов, дублируют друг друга. Это экземпляры с. *Катайское / дер. Околыничникова* и уроч. *Глушица / г. Новочеркасск*. Однако современные архивные данные не позволяют их четко идентифицировать между собой. Полный каталог предметов опубликован авторами в журнале *Stratum Plus*, № 2 за 2019 год.

среди указанных источников в количественном отношении резко преобладают единичные случайные находки. На наш взгляд этот дисбаланс обусловлен тем, что наконечники копий и дротиков в отличие от кельтов и особенно серпов редко депонировались в кладах (10,8%). Еще реже они оказывались в составе инвентаря погребений (4,6%). При этом почти все их кладовые находки локализируются на юго-западе Восточной Европы (Украина и Молдавия), а погребальные – в Волго-Уральском регионе. Что касается поселенческих материалов, то их относительно много (8,8%), и они встречаются по всему ареалу (табл. 3).

Таблица 3. Распределение прорезных наконечников копий по основным видам археологических памятников

<i>Клады</i>	21	10,80%
<i>Погребения</i>	9	4,60%
<i>Поселения</i>	17	8,80%
<i>Единичные случайные находки</i>	67	34,50%
<i>Условия находки неизвестны</i>	80	41,20%
Итого	194	100%

Также следует обратить внимание на распространение находок литейных форм (карта 1). Иногда они составляют целые комплексы, как, например, завадовский. Однако в основном их находят на поселениях сабастиновской и раннебелозерской культур (Златополь, Дикий Сад).

В заключении этого раздела следует еще раз подчеркнуть, что прорезные наконечники лучше всего известны по единичным находкам. В других видах памятников они встречаются лишь изредка, что связано с особенностью депонирования этой категории изделий. Напомним, что всего удалось учесть почти 200 экз. прорезных наконечников.

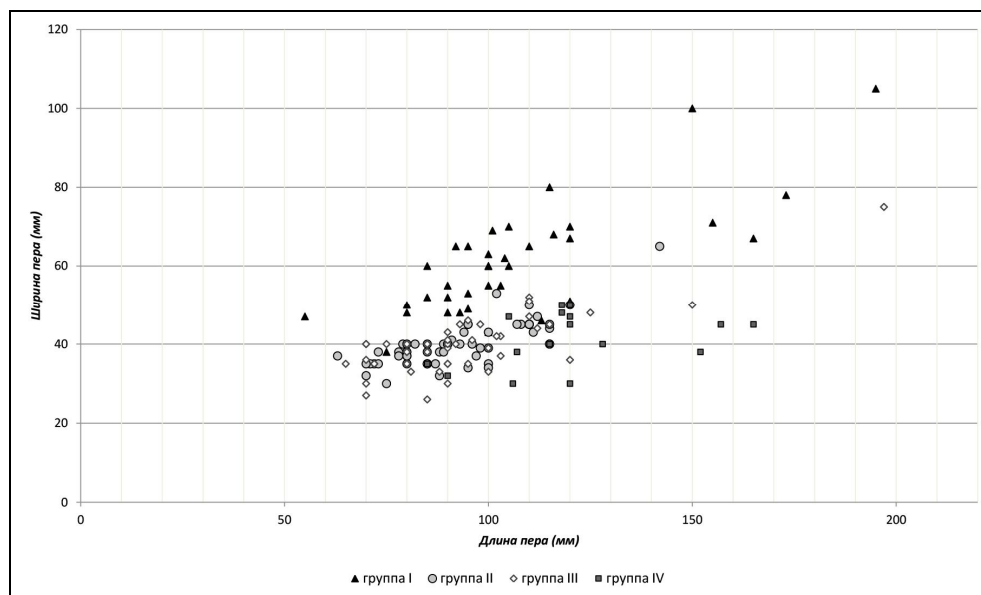
Даже беглое знакомство с этим материалом показывает, что он является весьма разнородным. Друг от друга наконечники отличаются размерами, пропорциями, формой пера и другими признаками. По результатам их визуального изучения они были распределены по четырем группам. В первую (I) группу вошли наконечники средних пропорций с широким пером и большими прорезями (табл. 1, А). Вторую (II) группу составляют длинноперые или, говоря иначе, коротковтульчатые наконечники. Длина их пера может достигать почти до 100% от длины всего изделия. Кроме того они имеют сравнительно узкое перо и небольшие прорези (табл. 1, В). В третью (III) группу попали изделия средних пропорций, но с таким же нешироким пером и небольшими прорезями как у наконечников II группы (табл. 1, С). В четвертую (IV) группу вошли наконечники с пером удлинённых пропорций

и сравнительно короткой втулкой (табл. 1, D). Иногда их перо имеет пламевидную форму.

Практическое использование этой классификации показало, что она является достаточно эффективным инструментом исследования. Так, с ее помощью удалось установить, что самыми ранними являются наконечники I группы, а самыми поздними – III и IV. Вместе с тем обнаружилось и ее недостатки. Наиболее существенный из них заключается в том, что в качестве критериев использованы не очень четкие и ясные признаки. Например, такие определения, как «широкое перо» или «короткая втулка» являются субъективными утверждениями и не поддаются однозначной трактовке. Чтобы устранить этот недостаток и усовершенствовать предложенную классификацию, описательные признаки были заменены на метрические. Для достижения наиболее показательного результата понадобилось три таких признака: длина и ширина пера и длина выступающей части втулки наконечников. Эти данные были сняты только у тех изделий, о которых у нас есть достаточно полная информация. Таких наконечников оказалось 162 экз., что является вполне представительной выборкой. Далее были изучены корреляционные связи между тремя указанными признаками.

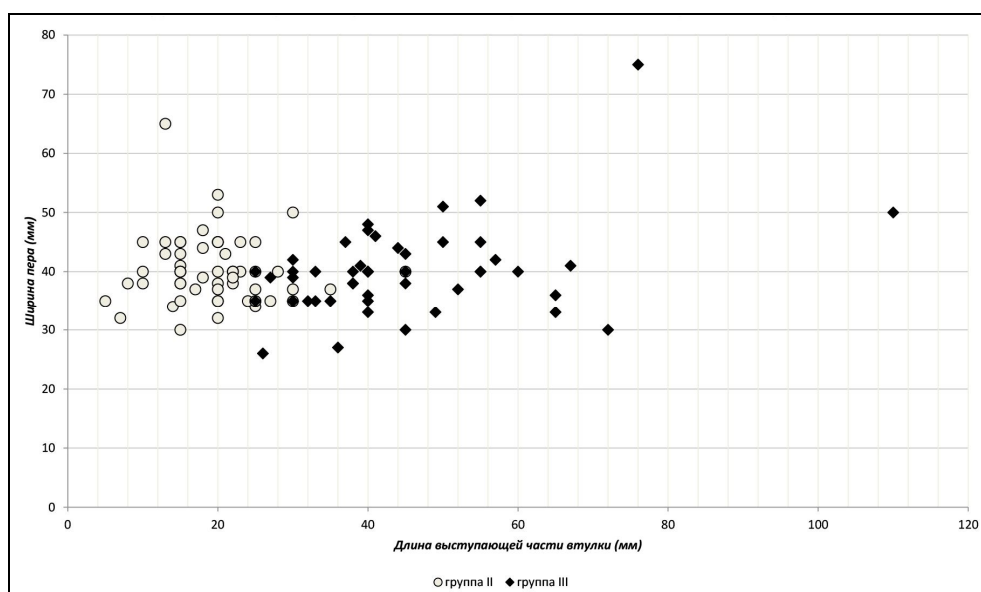
На первом из таких графиков были скоррелированы длина и ширина пера наконечников (табл. 4).

Таблица 4. Корреляция длины и ширины пера прорезных наконечников копий

Изделия каждой из четырех групп были обозначены разными значками. Оказалось, что на корреляционном поле эти значки не рассыпались, а сконцентрировались на трех его участках. Определенное место заняли значки I и IV групп. Они хорошо отделены друг от друга и также от значков II и III групп. Но эти последние оказались на одном участке поля и в результате чего перемешались. Это ожидаемый результат, т. к. наконечники II и III групп имеют одинаковые пропорции пера. Однако они хорошо различаются по длине выступающей части втулки. Поэтому на следующем графике были скоррелированы такие признаки как «ширина пера» и «длина выступающей части втулки» (табл. 5). В результате отчетливо выявляются две группы значков.

Таблица 5. Корреляция ширины пера и длины выступающей части втулки для групп II и III

В итоге можно заключить, что статистический анализ в целом подтвердил достоверность выделенных групп. Он так же помог определить метрические параметры каждой из них. В свою очередь это позволило более точно определить их составы. Все эти уточнения дают основания для преобразования указанных групп в полноценные *типы*. Каждому из них был присвоен номер и наименование по месту характерной находки. Ниже приводятся определение и описание каждого из них.

ТИП I – прохоровский

Учтено 46 экз. изделий этого типа, из которых 3 являются литейными формами.

Характерной чертой наконечников этого типа является большая ширина пера. По этому показателю, как в его относительном, так, чаще всего, и в абсолютном выражении, они превосходят прорезные наконечники всех остальных типов. В зависимости от длины пера он колеблется в пределах от 4,5 до 10 см. Чаще всего встречаются значения 6–8 см (табл. 4).

Другой примечательной особенностью наконечников этого типа являются большие размеры прорезей. Они занимают большую часть площади пера и нередко имеют полукруглую форму (рис. 1). Как правило, края прорезей укреплены тонкими валиками. В целом, их размеры прямо коррелируют с шириной пера. С течением времени оба этих показателя уменьшаются, что хорошо демонстрируют наконечники II, III и IV типов (см. далее). Почти у всех наконечников I типа перо имеет остролистную форму. Наибольшая ширина приходится на его нижнюю часть. Но у некоторых экземпляров оно приобрело пламевидную форму (рис. 1, 3, 7, 8), еще у двух – лавролистную (рис. 1; 9).

Большинство наконечников этого типа имеют средние пропорции. Это означает, что длина их пера составляет 60–70% от длины всего изделия. Вместе с тем, известно несколько длинновтульчатых (рис. 1, 3, 8, 11) и коротковтульчатых (рис. 1; 5; 7, 9) наконечников. У первых из них перо занимает менее 50% от длины изделия, а у вторых оно немногим превышает 70%.

Перечисленные особенности этих наконечников могут быть отнесены к числу основных, типобразующих признаков. Но, кроме того, у них есть еще несколько примечательных черт, которые могут служить дополнительными средствами при типологической идентификации этих наконечников. К их числу относится ребро на стержне пера (рис. 1, 1–4, 6–8, 10–12), валики или манжета у края втулки (рис. 1, 1, 2, 5, 6, 10–13), раструбное расширение устья втулки (рис. 1, 3, 8, 13). Все эти детали оформления втулки появляются уже у наконечников сейминского типа [Черных, Кузьминых, 1989. С. 79–88, рис. 39, 2–4; 40, 1, 2, 5; 42, 1–3; 43, 1–5; 44, 1–6; 45, 1–7], которые датируются I–III периодами [Бочкарев, 2017. С. 187, № 28]. Они также встречаются у наконечников IV периода. Но в последующее время некоторые из этих признаков исчезают.

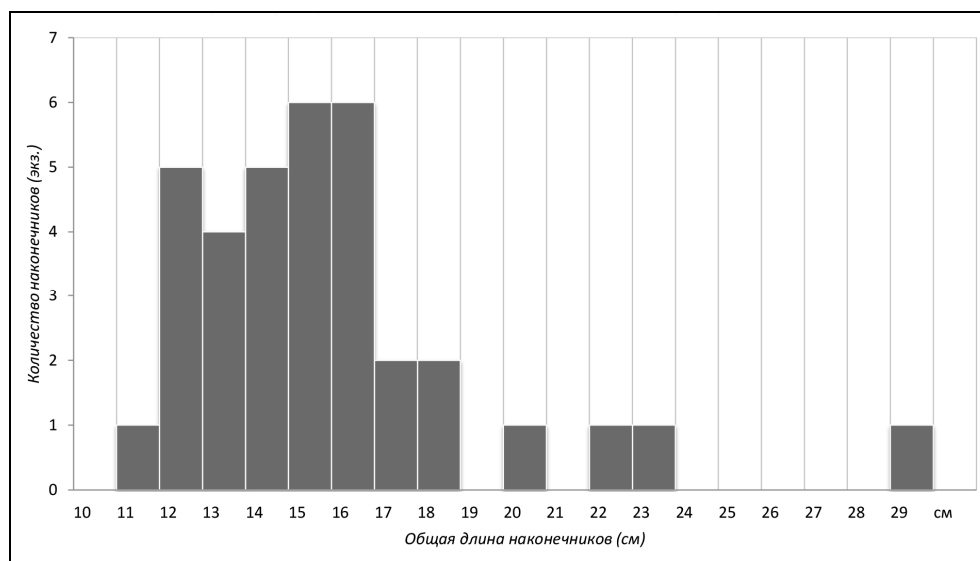
Не менее чем в 13 случаях выступающая часть втулки этих наконечников была украшена литым орнаментом. Он наносился тонкими валиками или ребрами и чаще всего представляет собой узор, напоминающий букву «W» с удлиненной средней частью (рис. 1; 1, 2, 10, 12). Особо следует подчеркнуть, что этот орнаментальный мотив лучше всего представлен на наконечниках IV периода. В частности, им украшались наконечники типа Одаиле-Подари [Бочкарев, 2017. С. 182, № 47]. Перечисленные признаки встречаются как поодиночке, так и в сочетании друг с другом. Все их комбинации показаны на таблице (табл. 6).

Таблица 6. Схема взаимовстречаемости некоторых признаков прорезных наконечников копий прохоровского типа

	Валики на втулке	Манжета	Ребро на стержне пера	Раструбное расширение устья втулки	Орнамент	Общее кол-во
Валики на втулке						
Манжета	●					1
Ребро на стержне пера	●●●●● ●●●●●	●●				12
Раструбное расширение устья втулки	●●●●●		●●●●● ●●●●●			12
Орнамент	●●●●● ●●●●●	●	●●●●●●● ●●●●●●●	●●● ●●●		29
Общее кол-во	24	3	21	6		

Таковы характерные особенности наконечников I типа. Завершая их обзор, можно дать ему определение. **В I или прохоровский тип прорезных наконечников копий входят изделия средних пропорций, с широким пером остролистной формы и большими прорезями.** Метрические параметры некоторых из этих признаков приведены выше. Для идентификации изделий I типа обязательными являются только два признака: «ширина пера» и «большие прорези». Они всегда встречаются вместе, т.к. связаны прямой корреляционной зависимостью. Остальные два признака этого типа («остролистная форма пера» и «средние пропорции»), хоть и встречаются очень часто, но не являются регулярными. Они могут варьировать. Как уже говорилось, среди изделий этого типа в небольшом количестве встречаются длинновтульчатые и коротковтульчатые наконечники, а также изделия с лавролистным пером. Но эти отклонения от стандарта не образуют устойчивых сочетаний, и поэтому их нельзя считать особыми вариантами. Исключение, возможно, составляет только наконечник из Подгоренского района Воронежской области (рис. 1, 5). Он относится к разряду коротковтульчатых, а его перо по внешним очертаниям приближается к лавролистной форме. Почти полную аналогию ему составляет экземпляр из предгорненского клада в Восточном Казахстане (рис. 2, 10). Возможно, они относятся к переходному варианту от типа I к типу II. Такие экземпляры, чья точная типологическая принадлежность остается дискуссионной, наличествуют во всех четырех типах. Вполне вероятно, что в будущем, по мере накопления новых материалов, в отдельный вариант также будут выделены крупные наконечники копий I типа. Сейчас они известны в количестве 5 экз. Их длина варьирует в пределах от 20 до 23 см (табл. 7).

Таблица 7. Гистограмма распределения длин наконечников копий прохоровского типа

Длина самого крупного из них достигает почти 30 см. Он также выделяется необычным оформлением прорезей (рис. 1, 8). Остальные изделия этого типа заметно мельче. Чаще встречаются наконечники длиной 12–18 см. Следует еще сказать, что крупные и особо крупные экземпляры встречаются преимущественно среди изделий I типа. Во II типе они отсутствуют (табл. 9), а в III и IV – представлены единицами (табл. 12, 15).

Наконечники I типа хорошо представлены в замкнутых комплексах (9 кладов и 3 комплекта литейных форм). В них они сочетаются только с определенными типами серпов, кельтов, тесел, ножей и бритв, что позволяет их уверенно датировать IV периодом [Бочкарев, 2017. С. 171–173, рис. 9]. Более того, они могут сами считаться руководящими типами этого периода. Их нет как в памятниках предшествующего, так и последующего времени. Они также могут быть признаны самыми ранними образцами прорезных наконечников во всей северо-евразийской серии. В пользу этого говорят, как хронология комплексных находок, так и типологические данные. Согласно «радиоуглероду» IV период датируется в пределах XVI/XV–XIV вв. до н. э.

Картографирование показало, что наконечники I типа получили распространение только на территории Восточной Европы и преимущественно в ее степной и лесостепной зонах (карта 2).

Они не встречаются западнее Карпат и восточнее Урала. На Северном Кавказе они представлены единичным экземпляром. Чаще всего подобного типа изделия находят в Волго-Уральском регионе, в Среднем и Нижнем Поднепровье, а также в Северном Причерноморье (табл. 8).

Таблица 8. Распределение прорезных наконечников копий прохоровского типа по географическим регионам

<i>Северо-Западное Причерноморье</i>	6	15,40%
<i>Поднепровье и Крым</i>	19	48,70%
<i>Днепро-Донское междуречье</i>	5	12,80%
<i>Кавказ</i>	1	2,60%
<i>Волго-Уральский регион</i>	8	20,50%
Итого	39	100%

Местные производства этих изделий документированы только для Поднепровья, откуда происходит несколько каменных форм для их литья (Златополь, Иванковичи). Но нет особых сомнений, что их производство было налажено на всей территории лобойковско-дербеденовской зоны металлопроизводства. В Волго-Уральском регионе их отливали в мастерских дербеденовского очага, а в юго-западном – лобойковско-голоуровского. Первый из названных очагов обслуживал население черкаскульской и сусканской культур, а второй – позднесрубной и ранесабатиновской. Очевидно, что в этих очагах по заказу местной родоплеменной знати и производились наконечники прохоровского типа. С течением времени они трансформировались в наконечники II типа, а эти последние в свою очередь получили очень широкое территориальное распространение.

ТИП II – гуровский

Учтено 69 экз., из которых 2 являются литейными формами.

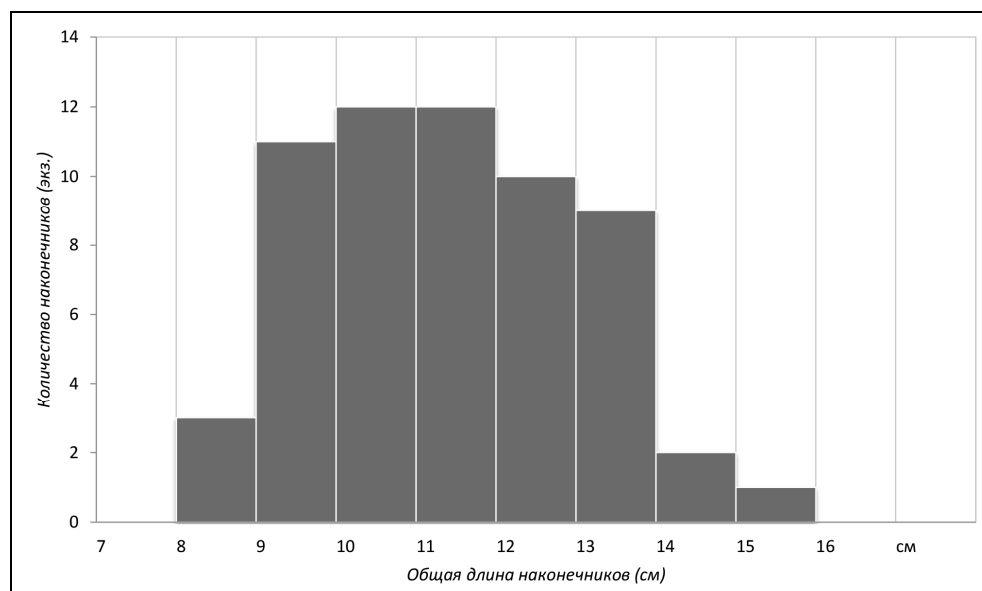
Одним из самых ярких признаков наконечников этого типа является удлиненное перо (рис. 2). Оно занимает более 70% длины всего изделия. У некоторых экземпляров оно доходит почти до края втулки. В тех случаях, когда втулка выходит за пределы пера, ее длина не превышает 3 см (табл. 5).

У большинства наконечников этого типа перо имеет лавролистную форму. Наибольшая ширина приходится на его середину. В целом оно уже, чем у наконечников I типа (табл. 4). Соответственно с этим меньшую площадь занимают и прорезы. Иногда они перемещаются в среднюю часть пера (рис. 2; 3). Их края, как и у других прорезных наконечников, утолщены или укреплены одним или несколькими валиками. В некоторых случаях валики сходятся на втулке выше и ниже прорезей (рис. 2; 2, 4) или спускаются на выступающую часть втулки (рис. 2; 7, 12). Тем самым создается некое валиковое обрамление вокруг прорезей. У края их втулки, как и почти у всех прорезных наконечников, размещены небольшие круглые отверстия для штифтов. С помощью последних изделия закреплялись на древках.

Вместе с тем, у достаточно большого количества наконечников II типа (25%) перо имеет остролистую форму (рис. 2; 2, 8, 9, 13). Но, поскольку оно сравнительно уже, чем у изделий I типа, его пропорции кажутся более стройными. Обращает на себя внимание форма пера одного из наконечников, найденного где-то на территории Украины. Его верхняя половина имеет остролистую очертание, а затем оно резко сужается и спускается вниз в виде двух узких, параллельно идущих крыльев (рис. 2; 11). По внешнему контуру оно аналогично форме пера наконечника красномаяцкого типа [Бочкарев, 2017. С. 194, № 76]. Его отличает лишь наличие прорезей.

Еще одной примечательной чертой этих наконечников являются их небольшие размеры (табл. 9). Длина самого крупного из них не превышает 16 см. Чаще всего встречаются изделия длиной 9–13 см. В соответствии с этим показателем, ширина их пера и прорезей будет сравнительно меньше, чем у других прорезных наконечников.

Таблица 9. Гистограмма распределения длин наконечников копий гуровского типа

Несколько таких наконечников, как и часть изделий I типа, были украшены орнаментом, а их втулки снабжены ребрами и валиками. Орнамент известен как литой, так и гравированный. Он воспроизводит в полном или упрощенном виде те же узоры («W» и т. д.), какими украшались наконечники I типа (рис. 2, 1, 5, 6, 12). Но есть и один новый мотив: ряд треугольников, об-

ращенных вершинами вверх. Ниже проходит узкая, косо штрихованная лента. Этот орнамент прочерчен на выступающей части втулки наконечника, найденного на берегу Амударьи в Узбекистане (рис. 2, 2). В целом, орнамент и другие дополнительные детали оформления втулки у этих наконечников встречаются заметно реже, чем у изделий прохоровского типа. Некоторые элементы, такие, например, как манжеты и раструбное расширение устья втулки, и вовсе отсутствуют.

В итоге нашего обзора может быть предложено следующее определение II типа. **Его составляют коротковтульчатые наконечники с пером преимущественно лавролистной формы и сравнительно узкими прорезями.** Для идентификации изделий этого типа обязательными являются первый и последний признаки. Причем следует вновь отметить, что размеры прорезей в основном определяются шириной пера. Форма пера у этих наконечников может варьировать, но преобладает ее лавролистный вариант. Он встречается еще только у некоторых наконечников III типа. Поэтому корреляция пера лавролистной формы с короткой втулкой может считаться характерным сочетанием для наконечников II типа.

При кажущемся разнообразии наконечников этого типа, в действительности они еще более стандартизированы, чем изделия I типа. Среди них нет хорошо выраженных и устойчивых вариантов. Те отклонения от стандартов, о которых говорилось выше, фиксируют только вариативность и разнообразие признаков одного и того же типа. Чаще всего они говорят о его возможных генетических связях с типом I.

Ареал распространения изделий II типа оказался гораздо шире, чем у I типа. Их находки встречаются не только в Восточной Европе, но и далеко за ее пределами. Они известны на территории Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии (карта 3).

Причем, карты их распространения показывают, что центры локализации прорезных наконечников переместились в это время из юго-западной части ареала в северо-восточную. Почти 60% их находок приходится на Волго-Уралье и на регионы, лежащие к востоку и юго-востоку от Уральских гор (табл. 10). В Западной Сибири была обнаружена одна из двух литейных форм для производства этих наконечников (пос. Еловка).

Таблица 10. Распределение прорезных наконечников копий гуровского типа по географическим регионам

<i>Поднепровье</i>	5	9,30%
<i>Днепро-Донское междуречье</i>	7	13,00%
<i>Подонье</i>	2	3,70%
<i>Кавказ</i>	4	7,40%
<i>Волго-Уральский регион</i>	12	22,20%
<i>Западная Сибирь</i>	17	31,50%
<i>Казахстан</i>	5	9,30%
<i>Средняя Азия</i>	2	3,70%
Итого	54	100%

Удивительно, что по сравнению с наконечниками I типа их было мало найдено в Поднепровье и Северном Причерноморье. Отсюда известны только две достоверные комплексные находки, и обе они происходят из раннебелозерского поселения «Дикий Сад» в г. Николаеве [Горбенко, 2004; 2007; 2014; Горбенко и др., 2009]. Один наконечник входит в состав большого клада металлических изделий, а другой представлен негативом на многопредметной литейной форме (рис. 2, 8, 13). Судя по типологическому составу указанных комплексов, а также материалам поселения, на котором они были найдены, их нужно отнести к VI периоду.

Однако это еще не означает, что весь II тип следует датировать временем депонирования указанных материалов. Имеется целый ряд данных, говорящих о том, что II тип наконечников появился и получил распространение еще в V периоде. В этой связи, прежде всего, следует обратить внимание на те признаки, которые роднят его с I типом. Это орнамент, валики и ребра на стержне пера и на выступающей части втулки. Подобное оформление наконечников копий и дротиков особенно было распространено в IV и V периодах. В VI и VII периодах оно полностью исчезает.

На высокую степень вероятности отнесения гуровского типа к V периоду указывают еще две его черты: сильно укороченная втулка и лавролистная форма пера. Коротковтульчатые наконечники более всего были распространены в IV и особенно в V периодах. В качестве примера можно сослаться на многочисленные находки изделий дремайловского и красномаяцкого типов [Бочкарев, 2017. С. 174, рис. 10, 9, 10]. Показательно, что один из наконечников II типа имеет такую же необычную форму пера, как и «красномаяцкие»

изделия (рис. 2, 11). К сказанному еще следует добавить, что коротковтульчатые наконечники со сплошным лавролистным пером чаще всего встречаются в V периоде.

Наконец следует сказать, что в типологическом ряду развития прорезных наконечников северо-евразийской серии гуровский тип занимает промежуточную позицию. Он сохраняет некоторые признаки I типа (орнамент, ребра, валики), и вместе с тем у него появляются черты, характерные уже для следующих III и IV типов (VI и VII периоды). Поэтому логично предположить, что время существования II типа в основном приходится на V период.

Этот вывод косвенно подтверждается комплексными находками из Сибири, Казахстана и Средней Азии (пос. Еловка, пос. Чаглинка, исыккульский и предгорненский клады). В литературе их обычно относят к концу эпохи поздней бронзы и суммарно датируют XII–IX вв. до н. э. [Аптекарев, Козенкова, 1986. С. 127; Аванесова, 1991. С. 48–49]. Сейчас, в свете новых данных, эта хронология кажется слишком растянутой и завышенной. Судя по некоторым восточноевропейским аналогиям, указанные комплексы должны датироваться в пределах $\frac{3}{4}$ II тыс. до н. э. Но конечно, этот вопрос требует специального рассмотрения. В данном случае мы ограничимся только его постановкой.

Как уже отмечалось выше, наконечники гуровского типа имеют очень широкое территориальное распространение. Мастерские по их производству находились в Северном Причерноморье (пос. Дикий Сад), Западной Сибири (пос. Еловка) и, вероятно, еще в ряде других регионов Северной Евразии. Вполне очевидно их использовало население различных культур: саргары-алексеевской, еловской, межовской, луговской, ивановской (хвалынской), сабашиновской и др.

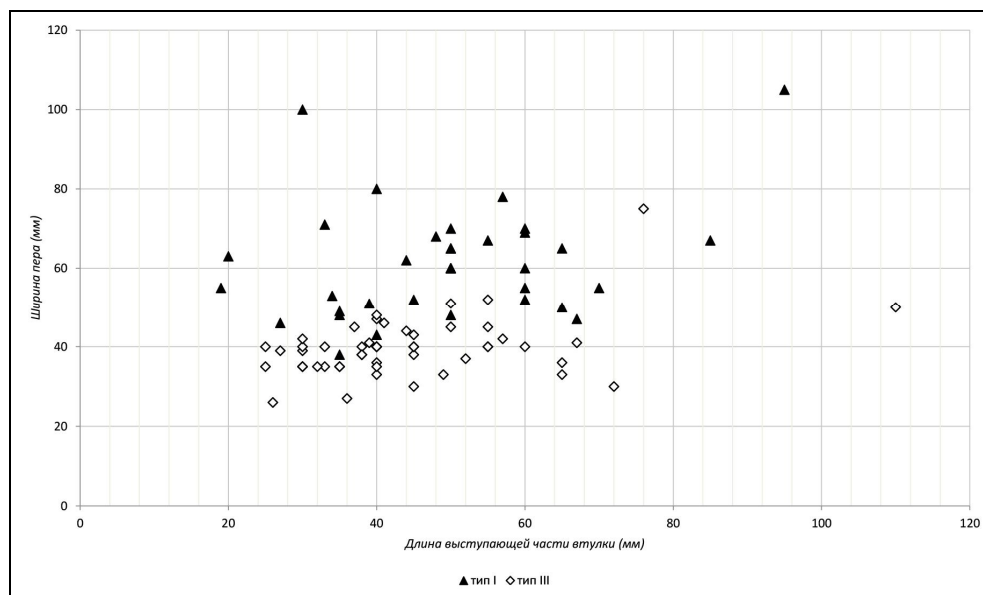
Они вышли из употребления вместе с этими культурами, хотя кое-где могли существовать и несколько дольше. В VI периоде изделия гуровского типа сменяют наконечники сабанчеевского типа.

ТИП III – сабанчеевский

Учтено 57 экз. Литейные формы для этого типа отсутствуют.

Как показывают корреляционные графики (табл. 4; 5), наконечники этого типа отличаются от изделий II типа более длинной втулкой, а от изделий I типа – менее широким пером (табл. 11).

Таблица 11. Корреляция длины выступающей части втулки и ширины пера для I и III типов

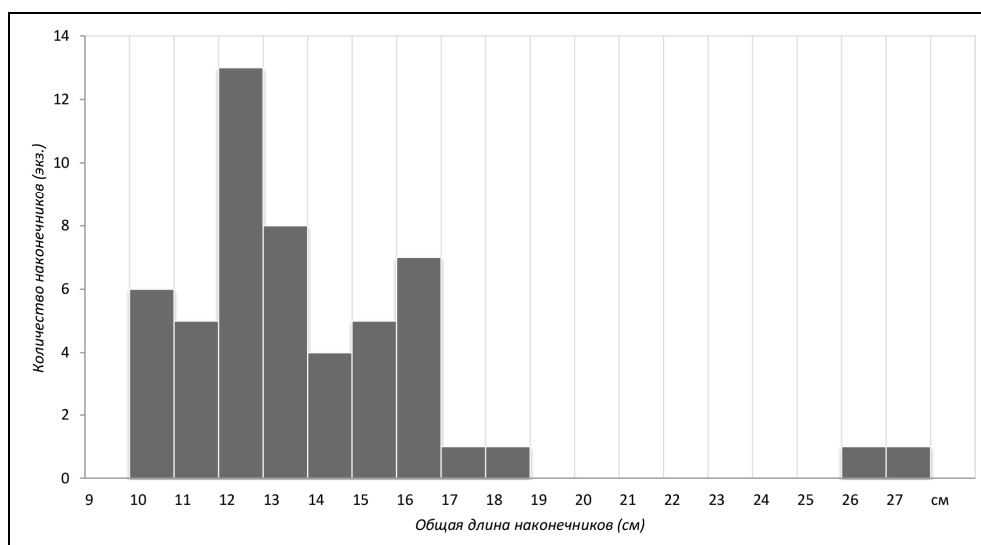

В соответствии с последним показателем они имеют и более узкие прорези. Иногда они бывают совсем маленькими (рис. 3, 3, 5, 7, 9, 10, 12), что отличает их также от наконечников II типа. Края таких прорезей, как и во всех остальных случаях, имеют утолщение или укреплены валиками.

Подавляющее большинство наконечников сабанчеевского типа имеет перо остролистной формы. Только у 11 экз. оно приобрело лавролистные очертания (рис. 3, 4, 6). Особо следует отметить, что у некоторых наконечников, кроме прорезей на пере, имеются еще узкие желобки, идущие вдоль стержня втулки (рис. 3, 1, 7, 9, 12). Среди прорезных наконечников эпохи поздней бронзы этот признак встречается только у изделий III типа. Но он также характерен для целого ряда прорезных копий раннего железного века Волго-Камья. Правда, у этих последних желобки, как правило, украшены литым орнаментом в виде елочки [Кузьминых, 1983. С. 95-101, табл. XXXIX, 5-6, 9-21].

Наконечники сабанчеевского типа имеют средние пропорции (табл. 12). Наибольшее их количество достигает общей длины от 10 до 16 см. И только 4 экз. отличаются большими размерами.

Таблица 12. Гистограмма распределения длин наконечников копий сабанчеевского типа

Индекс соотношения длины пера и длины всего изделия колеблется в пределах 60–70%. Но почти у трети находок он превышает 70%. Их вместе с наконечниками II типа следует отнести к разряду коротковтульчатых. Иногда это обстоятельство затрудняет типологическую идентификацию таких изделий. В этих случаях следует принимать во внимание такие дополнительные признаки, как наличие углублений на пере, отсутствие орнамента, валиков и т. д. Тем не менее, остается небольшая серия изделий, типологическая принадлежность которых не вполне ясна. Такие были отнесены к III типу условно.

Данные, которые были изложены выше, позволяют предложить следующую формулировку сабанчеевского типа. **В него входят наконечники преимущественно средних пропорций, со сравнительно узким пером, как правило, остролистной формы и с небольшими прорезями.** Для идентификации изделий этого типа важным является сочетание всех перечисленных признаков. Но самым показательным из них являются небольшие размеры прорезей. Хотя эти признаки заметно варьируют, их отклонения от стандарта не образуют сколько-нибудь устойчивых группировок. Поэтому в составе сабанчеевского типа пока не удастся выделить какие-либо подтипы или варианты.

Не менее 8 изделий этого типа происходят из комплексных находок (рис. 3, 2, 7, 13–15), что позволяет в общих чертах установить его хронологию. По единодушному мнению различных авторов, все перечисленные комплек-

сы датируются заключительными этапами эпохи поздней бронзы. В хронологическом отношении особенно ценными являются погребальные и кладовые находки. Два наконечника третьего типа оказались в погребениях маклашевской культуры (могильники Маклашеевский-II и Мурзихинский-II). В литературе эту культуру относят к предананьинскому времени. В рамках принятой нами хронологической схемы ее следует датировать VI и VII периодами или XII-X вв. до н. э. [Бочкарев, 2017. С. 175-177].

В этот же промежуток времени укладывается кобяковская культура Нижнего Подонья. На Хаперском поселении этой культуры был найден наконечник интересующего нас типа. Примечательно, что он оказался в одном слое с кельтом младшего кардашинского типа [Шарафутдинова, 1980. С. 60, 61, табл. XXXIII, 18, 19]. Такое сочетание изделий этих двух типов зафиксировано еще в сабанчеевском и упорненском кладах (рис. 3, 7, 2). Оба этих комплекса относятся к числу характерных памятников VI периода, а кельты указанного типа являются одним из его индикаторов [Бочкарев, 2017. С. 182, табл. 1 (часть Г), №№ 128*-137*, рис. 11, 9].

Согласно региональным периодизациям концом позднего бронзового века датируются находки наконечников III типа на Северном Кавказе и в Средней Азии. Такой наконечник оказался в одном из погребений Майртупского мог. II в Чечне (рис. 3, 13). Авторы раскопок относят этот памятник к раннекобанскому времени или концу II – началу I тыс. до н. э. [Vinogradov, Dudarev, 2000. S. 399-401]. В классических кобанских материалах Центрального Кавказа и в протомеотских памятниках Кубани они уже не встречаются.

Из среднеазиатских находок, прежде всего, следует назвать наконечник из Дальверзинского поселения в Фергане (рис. 3, 10). Слой, в котором он был обнаружен, относится к чувстской культуре. В литературе ее принято датировать концом II – началом I тыс. до н. э. [Заднепровский, 1962. С. 70; Мандельштам, 1968. С. 84]. Возможно, наконечник этого же типа был найден еще на одном чувстском поселении – Заргулдак-Тепе [Кузьмина, 1966. С. 30]. К сожалению, графической информации о нем неизвестно.

Итак, судя по датирующим материалам из разных частей ареала наконечники сабанчеевского типа получили распространение в течение двух последних периодов эпохи поздней бронзы или в XII-X вв. до н. э. В начале раннего железного века на территории Восточной Европы они прекращают свое существование. Только в Среднем Поволжье в начале I тыс. до н. э. на их основе сформировался новый тип прорезных наконечников, который получил название «ананьинский».

В территориальном отношении наконечники III типа были распространены столь же широко, как и II типа (карта 4).

Их находки известны по всему пространству степи и лесостепи от Южной Сибири и Средней Азии до Северного Кавказа и Поднепровья. Чаще всего они встречаются на Левобережной Украине и особенно часто в Волго-Уральском регионе (табл. 13). Очевидно, там находились основные мастерские по их производству. Конечно, их могли отливать и в других местах, включая Западную и Южную Сибирь.

Таблица 13. Распределение прорезных наконечников копий сабанчевского типа по географическим регионам

<i>Поднепровье</i>	7	15,20%
<i>Днепро-Донское междуречье</i>	8	17,40%
<i>Подонье</i>	5	10,90%
<i>Кавказ</i>	4	8,70%
<i>Волго-Уральский регион</i>	12	26,10%
<i>Западная Сибирь</i>	8	17,40%
<i>Средняя Азия</i>	2	4,30%
Итого	46	100%

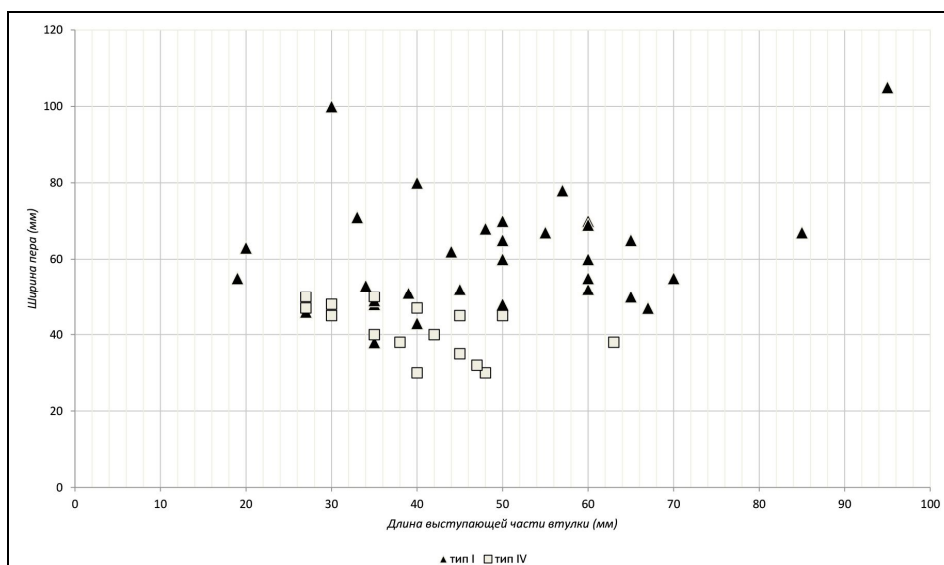
Как и в случае с другими прорезными наконечниками изделия III типа могли использоваться населением различных культур Северной Евразии конца эпохи поздней бронзы. Вероятно, наибольшую популярность они получили в маклашеевской культуре. В пользу этого предположения говорит частота их находок в Волго-Уральском регионе и обычай их депонирования в погребениях. О стойкой традиции использования прорезных наконечников здесь также свидетельствует то обстоятельство, что местное население продолжало их изготавливать и в раннем железном веке.

ТИП IV – завадовский

Учтено 22 экз., из которых 8 представлены литейными формами.

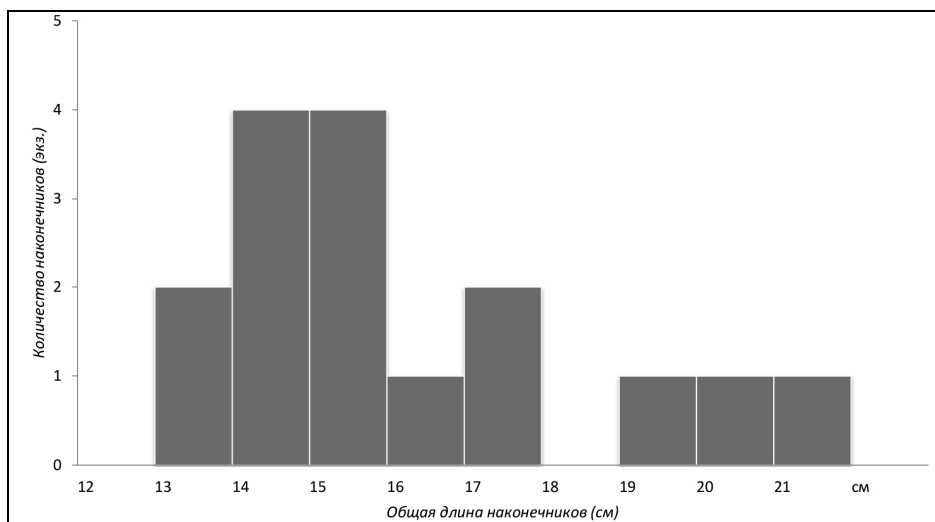
Самой характерной чертой наконечников этого типа является удлиненные пропорции пера (рис. 4). Это хорошо демонстрирует один из корреляционных графиков (табл. 4). Обычно их перо имеет вытянуто-остролистную форму, но в некоторых случаях оно приобрело пламевидные очертания (рис. 4, 2, 3, 9-11). Иногда его украшали тонким валиком, идущим вдоль кромки лезвия и повторяющим его контуры (рис. 4, 2, 3, 9, 11, 13). Как правило, прорезы на пере этих наконечников имеют сравнительно небольшие размеры. По площади они заметно меньше, чем у изделий прохоровского типа. В большинстве случаев эти наконечники относятся к разряду коротковтульчатых (табл. 14).

Таблица 14. Корреляция длины выступающей части втулки и ширины пера для типов I и IV

Длина выступающей части втулки у них не превышает 30% от общей длины изделий. А последняя колеблется в пределах от 13 до 18 см. Только у трех экземпляров длина превышает 19 см. (табл. 15).

Таблица 15. Гистограмма распределения длин наконечников копий заводского типа

Итак, к завадовскому типу могут быть отнесены наконечники с остролистным или реже пламевидным пером, удлинённых пропорций, со сравнительно небольшими прорезями на пере и короткой втулкой. Типообразующими являются два первых из перечисленных признаков. Отметим также, что только у изделий этого типа литым орнаментом украшалось перо, а не втулка.

Хронология завадовского типа устанавливается благодаря трем замкнутым комплексам. Все они состоят из литейных форм. Первый из них – завадовский клад (рис. 4, 1–4). Два других представляют собой, так называемые многопредметные формы – п-в Старая Игрень (р. Днепр) и Солоха (рис. 4, 8, 9). Все эти комплексы являются характерными памятниками VII периода [Бочкарев, 2017. С. 176, 177, 182, табл. 1 (часть Г), №№ 145, 148, 149]. Сами эти наконечники могут быть отнесены к числу ведущих типов VII периода. Но есть основания предполагать, что в Северном Причерноморье они возникли несколько раньше. Наконечники копий и дротиков с удлинёнными пропорциями пера появились здесь вместе с другими раннегальштатскими формами еще в VI периоде. Вероятно, что тогда же они могли снабжаться прорезями.

Завадовский тип представлен самой малочисленной серией находок. Их подавляющее большинство локализуется в Поднепровье и преимущественно в его южной части. Здесь же были найдены и все литейные формы для их производства (карта 5). Поэтому логично заключить, что завадовский тип является локальным образованием, характерным для белозерской культуры Поднепровья. Он практически не выходит за пределы ареала этой культуры. Его находки отсутствуют в Подонье, в Поволжье и на Урале. Нет их также на территории Молдавии, Румынии и Болгарии. Лишь на Северном Кавказе известны четыре находки наконечников завадовского типа.

Таковы основные типы прорезных наконечников северо-евразийской серии. Если их разместить в хронологической последовательности, то может быть выстроен типологический ряд развития наконечников этой серии (табл. 16).

Таблица 16. Типологический ряд развития прорезных наконечников северо-евразийской серии (по периодизации В.С. Бочкарева 2017 г.)

Территория Период	Юг Восточной Европы			Западная Сибирь	Средняя Азия
	Северное Причерноморье	Северный Кавказ	Волго-Уральский регион		
IV					
V					
VI					
VII					
Ранний железный век					

Начинается ряд с прохоровского типа, который появился в IV периоде. Он не имеет прямых прототипов в культурной среде предшествующего времени и поэтому кажется абсолютной новацией этого периода. Но все же у его изделий находится ряд общих признаков с наконечниками сейминского типа, имеющие ромбический стержень пера, которые были широко распространены в более ранних II и III периодах. К их числу относятся: сравнительно широкое перо остролистной формы, средние пропорции изделий, манжеты и валики у края втулки, раструбное расширение устья втулки, вертикальное ребро или валик на стержне пера. Как можно видеть, эти признаки весьма многочисленны и, что немаловажно, разнообразны. Среди них есть такие, которые можно считать типологическими рудиментами. Так, например, мощный валик, укрепляющий край втулки наконечников сейминского типа [Черных, Кузьминых, 1989. Рис. 42, 2; 43, 1, 4, 5; 44, 1, 3, 5, 6; 46, 2; 48, 6, 7], у изделий прохоровского типа распадается на несколько узких выпуклых полосок, имеющих явно декоративное значение (рис. 1, 2, 4, 6, 10–13). Напротив, другие «сейминские» признаки у этих наконечников получают дальнейшее развитие. Например, ребра на стержне пера внизу иногда раздваиваются.

Принимая во внимание эти наблюдения, резонно предположить, что прохоровский тип генетически был связан с сейминским. В пользу этой гипотезы говорят результаты сравнительного анализа материалов всех трех территориальных серий прорезных наконечников. По многим показателям эти наконечники очень различаются и, несомненно, принадлежат к разным типам. Больше всего их сближает наличие прорезей. Обращает на себя внимание еще одно обстоятельство – во всех трех сериях им непосредственно предшествуют наконечники, снабженные одним или двумя ушками [Greenwell, Brewis, 1909. S. 448, 449. Fig. 11–17; Evans, 1933. S. 194, 195. Pl. I, 1; II, 1, 3; Loehr, 1956. S. 39. Fig. 36 A, B; Варенов, 1989а. С. 29, рис. 9, 10, 11). На территории Восточной Европы это были наконечники сейминского типа. Но следует отметить, что ушковые наконечники здесь продолжали существовать параллельно с прорезными наконечниками на протяжении всего IV периода [Бочкарев, 2017. С. 171, 172, рис. 9, 2, 4]. От своих сейминских прототипов они отличаются меньшими размерами, другими пропорциями, орнаментом и т. д. [Бочкарев, 2004. Рис. 3]. Особенно примечательным является то, что ушки у них становятся относительно крупнее и во многих случаях передвигаются с края втулки к основанию пера [Бочкарев, 2004. Рис. 3, 2–4, 7, 8, 12]. Еще чаще подобные наконечники встречаются в западноевропейской и дальневосточной сериях [Greenwell, Brewis, 1909. S. 448. Fig. 21–27; Evans, 1933. S. 195–197. Pl. I, 2; Loehr, 1956. S. 39. Fig. 36 C, D; Варенов, 1989а. С. 24–29, рис. 9, 3, 4]. У некоторых из них ушки уже вписываются в площадь пера и становятся его ча-

стью [Greenwell, Brewis, 1909. S. 448, 449. Pl. LXV, 26–28; Loehr, 1956. S. 38, 39. Fig. 36 B, E; Варенов, 1989а. Рис. 9, 1, 2; Варенов, 1989б. С. 4–12, рис. 1, 1, 2; 3, 4–6]. Очевидно, эту форму можно рассматривать как начальное звено генезиса настоящих прорезных наконечников. Но в восточноевропейских материалах это звено фактически не представлено, если не принимать за его проявление ушковые наконечники IV периода [Бочкарев, 2004. Рис. 3, 2–4]. Возможно, что оно и вовсе отсутствовало по причине того, что трансформация ушковых наконечников в прорезные на территории Восточной Европы проходило иначе, чем в Западной Европе и на Дальнем Востоке. Она могла проходить не постепенно и плавно, а скачкообразно. Такой ход развития вполне соответствует характеру перехода от III периода к IV, когда появились прорезные наконечники копий. Он был скоротечным и резким. Тогда произошли радикальные изменения во многих сферах культуры, включая металлопроизводство. В IV периоде как бы внезапно и ниоткуда появились кельты дербеденовского типа, бритвы, кельты-тесла и т. д. Прорезные наконечники органично вписываются в этот контекст.

Сравнительный анализ тех же серий прорезных наконечников позволил установить, что их ушки предназначались, по всей вероятности, для крепления различного рода подвесок символического значения [Бочкарев, 2004. С. 385–408]. Это придавало таким наконечникам особое значение. Они могли быть навершиями, «командирскими» копьями, штандартами и т. д. Если прорезные наконечники действительно развились из ушковых, то они могли иметь те же функции, что и последние. К прорезам на перо прикреплялись ленты, фигурные подвески из мягких материалов, бунчуки и т. д. Это предположение косвенно подтверждается находками ремней в прорезях пера некоторых ананьинских наконечников [Бочкарев, 2004. С. 407, рис. 14, 2, 3, 4, 6].

Возвращаясь к описанию типологического ряда прорезных наконечников, отметим, что прохоровский тип существовал сравнительно недолго, около 100 лет. В V периоде его сменяет гуровский тип. Он представлен самым большим количеством находок – 69 экз. Как было показано выше, по целому ряду показателей он заметно отличается от прохоровского типа. Но и у них есть общие признаки, которые их сближают. Это, прежде всего, наличие сравнительно больших прорезей, орнамент, и некоторые детали оформления втулки. В целом, нет особых сомнений в том, что их связывает прямая преемственность. Это хорошо демонстрируют так называемые переходные варианты.

Судя по данным хронологии, гуровский тип существовал не только в V периоде, но и некоторое время в VI. Тогда же появился сабанчевский тип. У его изделий по сравнению с гуровскими изменились пропорции, форма пера, полностью исчез орнамент. У некоторых наконечников сильно уменьшились размеры прорезей, а на пере вдоль стержня втулки появились желобки.

Несмотря на эти различия, можно констатировать, что сабанчеевский тип стоит гораздо ближе к гуровскому, чем к какой-либо другой разновидности наконечников. Их также связывает целый ряд промежуточных форм. Такие наконечники почти с одинаковым основанием можно относить как к гуровскому типу, так и к сабанчеевскому. Если еще принять во внимание хронологическую последовательность этих типов и идентичность ареалов, то их генетическая связь кажется вполне вероятной. Другой основы возникновения сабанчеевского типа, кроме гуровского, просто не существует.

Сабанчеевский тип существовал дольше других – на протяжении VI и VII периодов. Возможно, поэтому он представлен таким большим количеством материала (57 экз.) и имеет такой обширный ареал. Его находки сравнительно редко встречаются только в Нижнем Поднепровье и совсем отсутствуют в юго-западном регионе Северного Причерноморья. Но в то время там возник локальный тип прорезных наконечников, названный завадовским. На наш взгляд, он является гибридным образованием. Из западных (раннегальштатских) источников он заимствовал удлиненное перо и частично форму, а из местных и восточных – прорези на пере. Завадовский тип сейчас известен только в 22 экземплярах. Он бесследно исчез вместе с гибелью белозерской культуры в начале железного века.

Таким представляется ход развития наконечников северо-евразийской серии. Как можно было видеть, большинство признаков этих изделий с течением времени заметно варьируют, изменяясь от типа к типу. Было установлено, что это происходит в полном соответствии с теми изменениями, которые претерпевали все другие восточноевропейские наконечники копий и дротиков эпохи поздней бронзы в процессе своего развития. Так в IV периоде широкое распространение получили наконечники с широким пером остролистной формы [Бочкарев, 2017. Рис. 9, 2, 3]. Эти же признаки характерны для изделий прохоровского типа. В V периоде появились коротковтульчатые наконечники, которые имели перо преимущественно лавролистной формы [Бочкарев, 2017. Рис. 10, 10]. Им соответствуют изделия гуровского типа. Наконец, в VI и VII периодах происходит возврат к пропорциям и форме пера, характерным для наконечников IV периода. Аналогичные изменения фиксируются для изделий сабанчеевского типа.

Таким образом, вполне очевидно, что прорезные наконечники в своем развитии следуют за изменяющимися нормами и стереотипами древкового оружия того времени. Но в действительности оружием они уже быть не могли. Прорези на пере, особенно если они такие большие, как у наконечников I типа, делали эти изделия хрупкими, непригодными для ударного действия. Это были уже декоративные наконечники или изделия с какой-то особой функцией, но не оружие.

Несколько иначе происходили изменения такого ключевого признака этих наконечников, как прорези. Они постепенно, но неуклонно уменьшались в размерах. Самые большие прорези встречаются у самых ранних наконечников (I тип), а самые маленькие – у самых поздних (III и IV тип). Параллельно с уменьшением прорезей шел процесс исчезновения орнамента и пламевидной формы пера. Чаще всего эти признаки встречаются у изделий I типа, а в III типе они вообще отсутствуют.

Уже говорилось, что прорези, как и ушки, видимо предназначались для крепления подвесок. Но, кажется, они служили не только для этой цели. Прорези, особенно если они были большими, заметно увеличивали или даже усложняли силуэтную выразительность наконечников. Они как бы удваивали или даже утраивали его контур. Особенно эффектно выглядят наконечники с ажурными прорезями, с пером пламевидной формы и орнаментированной втулкой. Прекрасный образец такого наконечника недавно был найден в Крыму – г. Саки/Евпатория (рис. 1, 8). Но с течением времени прорези уменьшаются, исчезает орнамент и характерная форма пера. Наконечники II и особенно III типа теряют свою внешнюю выразительность. Их уменьшенные прорези теперь предназначались только для крепления подвесок. Некоторые исключения в этом ряду составляют заводовские наконечники. Но как уже говорилось, форма их пера и орнамент были заимствованы извне.

Итак, есть основания предполагать, что прорезные наконечники имели иную функцию, чем обычное древковое оружие. Они использовались в качестве неких знаков отличия (наверший, штандартов и т. д.), демонстрирующих особый статус их владельца. Лучше всего эта функция выражена в наконечниках I типа. Очевидно, они принадлежали различным представителям местной родоплеменной знати.

Завершая работу, мы считаем своим долгом выразить благодарность всем тем коллегам-археологам и музейным работникам, которые оказали нам помощь в сборе материалов. Без их содействия эта статья не реализовалась бы в том виде, в котором мы смогли ее представить.

Литература:

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во «Фан», 1991. 200 с.

Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3.

Бодянский А.В., Шарафутдинова И.Н. Бронзолитейная мастерская у с. Златополь на Нижнем Днепре. // Археологические исследования на Украине в 1965–66 г.: Информационные сообщения. Вып. 1. Киев: Наукова думка, 1967.

Бочкарев В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири. // Археолог: детектив и мыслитель. Сборник статей, посвященный 77-летию Л.С. Клейна. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2004.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на Юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2.

Варенов А.В. Древнекитайский комплекс вооружения эпохи развитой бронзы: Учебное пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1989а. 92 с.

Варенов А.В. Копья иньского времени и выявление инокультурных памятников. Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 1989б. 20 с.

Варфоломеев В., Ломан В., Евдокимов В. Кент – город бронзового века в центре казахских степей. Астана: Қазақ ғылыми-зерттеу мәдениет институтының баспа тобы, 2017. 338 с.

Гершкович Я.П., Клочко В.И. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Сборник научных трудов. Киев: Наукова Думка, 1987.

Горбенко К.В., Гребенников Ю.С., Смирнов А.И. Степная Троя Николаевщины: Очерк. Николаев: Изд-во Ирины Гудым, 2009. 31 с.

Горбенко К.В. К вопросу о хозяйственной деятельности жителей поселения «Дикий Сад» // Vorysthenika-2004: Материалы международной научной конференции к 100-летию исследований острова Березань Э.Р. фон Штерном. Николаев: ИА НАНУ, 2004.

Горбенко К.В. Городище «Дикий Сад» у XIII–IX ст. до н. е. // Науковий щоквартальник «Емінак». 2007. № 1.

Горбенко К.В. Городище Дикий Сад як контактна територія Чорноморського регіону рубежу II–I тис. до н. е. // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В.О. Сухомлинського (Збірник наукових праць). Серія: Історичні науки. Вип. 3.37 (105). Миколаїв: МНУ імені В.О. Сухомлинського, 2014.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: ЧИГУ, 1991. 155 с.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. МИА. № 118. Москва-Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА. № 30. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 326 с.

Иванова С.В. Бронзовый наконечник копья из частной коллекции // Древнее Причерноморье: Сборник статей, посвященных 85-летию со дня рождения проф. П.О. Карышковского. Вып. 7. Одесса: Гермес, 2006.

Клочко В.И., Козыменко А.В. Древний металл Украины. Киев: ООО Издательский дом «Сам», 2017. 366 с.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2000.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии // САИ. Вып. В4-9. М.: Наука, 1966. 139 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке. Медь и бронза. Москва: Наука, 1983. 257 с.

Археологический альманах: каталог случайных находок из археологических собраний Донецкой области. Вып. 1 / Отв. ред. А.В. Колесник. Донецк: Донеччина, 1993. 236 с.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. МИА. № 145. Л.: изд-во Наука, 1968. 183 с.

Пелих А.Л., Фоменко В.А. Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // МИАСК. 2005. № 5.

Попов Х.И. Каталог Донского музея в Новочеркасске. Новочеркасск: б/и. 1914. 274 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. МИА. № 90. Москва: Академия наук СССР, 1960.

Тутаева И.Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // «Актуальная археология 3. Новые интерпретации археологических данных». Тезисы международной научной конференции молодых ученых Санкт-Петербург, 25-28 апреля 2016 г. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2016.

Тутаева И.Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Юга Восточной Европы // «Проблемы археологии Восточной Европы и Дальнего Востока». Материалы XII МАКСИА (Ростов-на-Дону, 26-29 ноября 2017 г.). Ростов-на-Дону - Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2017.

Церна С., Топал Д. Два новых клада и единичные находки металлических изделий эпохи бронзы - раннего гальштатта с территории Республики Молдова // *Tyragetia. Arheologie. Istorie Antică S.N. VII [XXII]*. 2013. № 1.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. МИА. № 172. М.: Наука, 1970. 180 с.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. Москва: Наука, 1976. 301 с.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). Москва: Наука, 1989. 320 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). САИ. Вып. В1-11. М.: Наука, 1980. 128 с.

Vočkarov V.S., Leskov A.M. Jung-und spätbronzezeitliche Gussformenimnördlichen Schwarzmeergebiet. PBF. Abteilung XIX, 1. Band. 97. C. H. Beck, Munich, 1980. 122 p.

Evans E.E. The Bronze Spear-head in Great Britain and Ireland // *Archaeologia*. 1933. № 83.

Greenwell W., Brewis W.P. The Origin, Evolution, and, Classification of the Bronze Spear-head in Great Britain and Ireland // *Archaeologia*. 1909. № 61(2).

Loehr M. Chinese Bronze age weapons. Ann Arbor: Univ. of Michigan press. 1956. 233 pp.

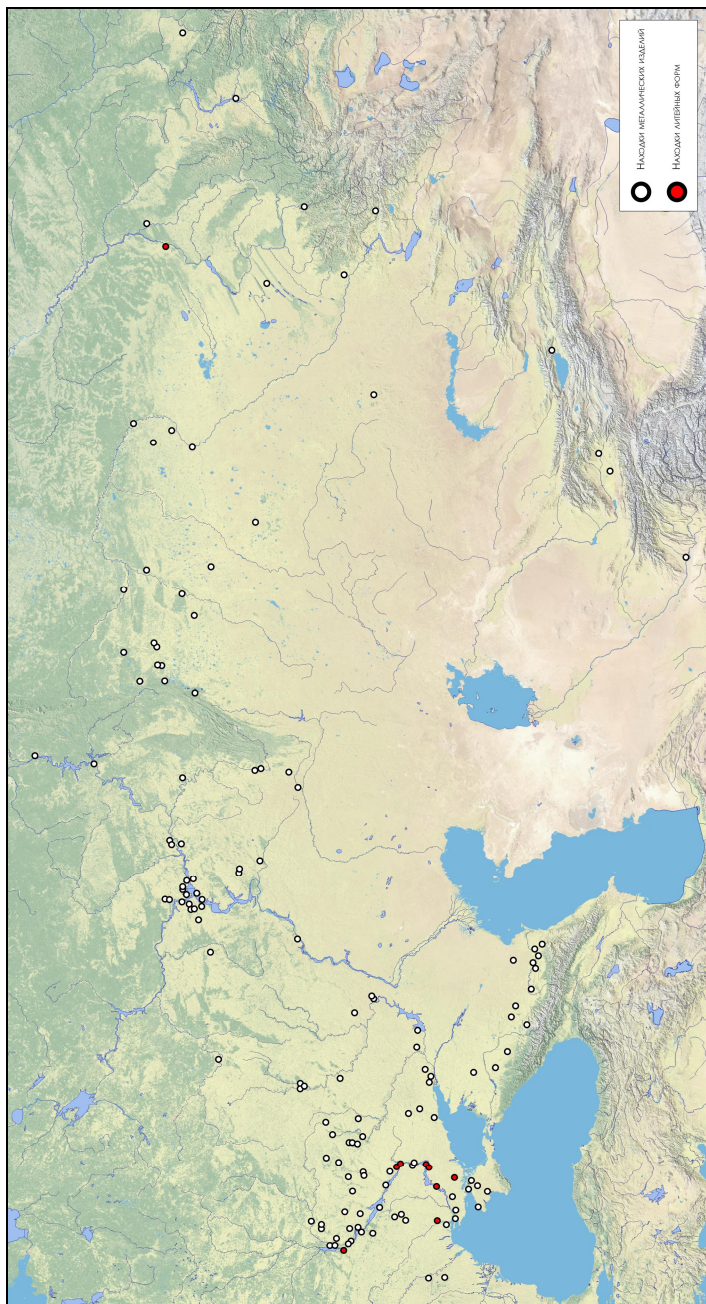
Stöllner Th., Samašev Z. Unbekanntes Kasachstan. Archäologie im Herzen Asiens. Band I. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum, vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013. 532 pp.

Tallgren A.M. Die bronzenen Speerspitzen Ostrussland mit zwei Ausschnitten im Blatt // *Opuscula Archaeologica Oscari Montelio Septuagenario Dicata* (D. IX. M. Sept. A. MCMXIII). 1913.

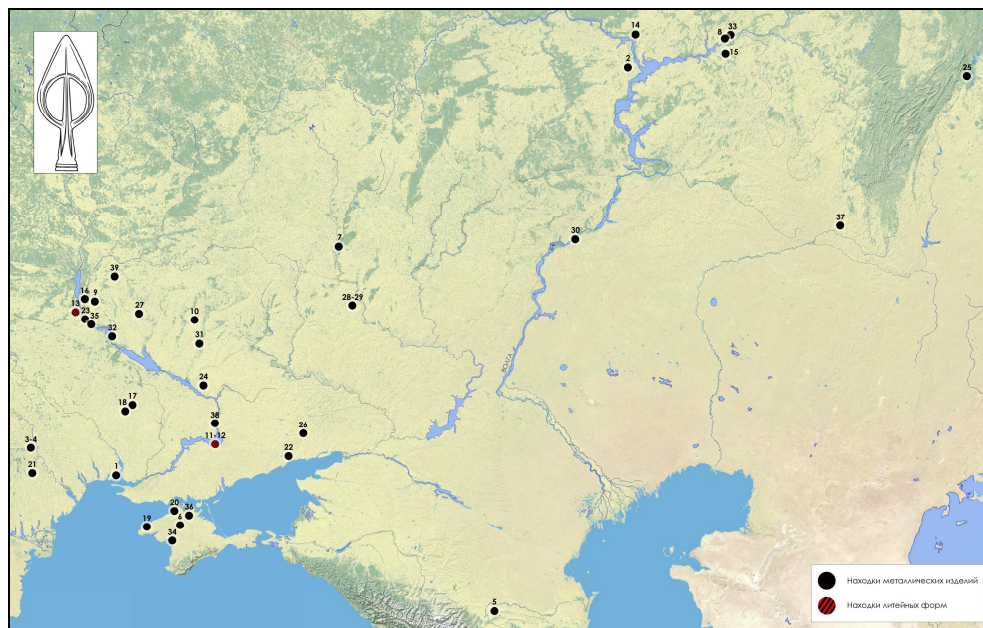
Tallgren A.M. Collection Zaoussailov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. Catalogue raisonné de la Collection de l'âge du bronze. Helsingfors: Édité par la Commission des collections Antell, 1916. 63 pp.

Tallgren A.M. La Pontide prescythique après l'introduction des métaux // *ESA*. 1926. № 2.

Vinogradov V.B., Dudarev S.L. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Cecenien // *Eurasia Antiqua*. 2000. № 6.

Карта 1. Общая карта распространения северо-евразийской серии
прорезных наконечников копий эпохи поздней бронзы
(металлические находки и литейные формы)

Карта 2. Распространения наконечников копий прохоровского типа
 1 – Аджигольская балка; 2 – Болгояры; 3–4 – Брэнешть / Brănești; 5 – Верхний Курп; 6 – Войково;
 7 – Воронежская обл.; 8 – быв. Вятская губ.; 9 – Гоголев; 10 – Зиньковский р-н; 11–12 – Златополь;
 13 – Иванковичи; 14 – быв. Казанская губ.; 15 – Карманово; 16 – быв. Киевская губ.;
 17 – Кировоградская обл.; 18 – Кировоградская обл.(?); 19 – Крым 1; 20 – Крым 2;
 21 – Кэрбуна / Cărbuna; 22 – Ласки; 23 – Леополь / Триполье; 24 – Лобойковка; 25 – река Миасс;
 26 – пос. Нижнее Ш; 27 – близ г. Пирятин; 28–29 – Подгоренский пос.(?); 30 – Подлесное;
 31 – Полтавская обл.; 32 – с. Прохоровка / с. Келеберда; 33 – Пустобаево;
 34 – г. Саки / Евпатория; 35 – Стретовка; 36 – быв. Таврическая губ.; 37 – Тимашево;
 38 – о. Хортица / о. Байда; 39 – Черниговская обл. 40–46 – происхождение неизвестно (на карте нет)

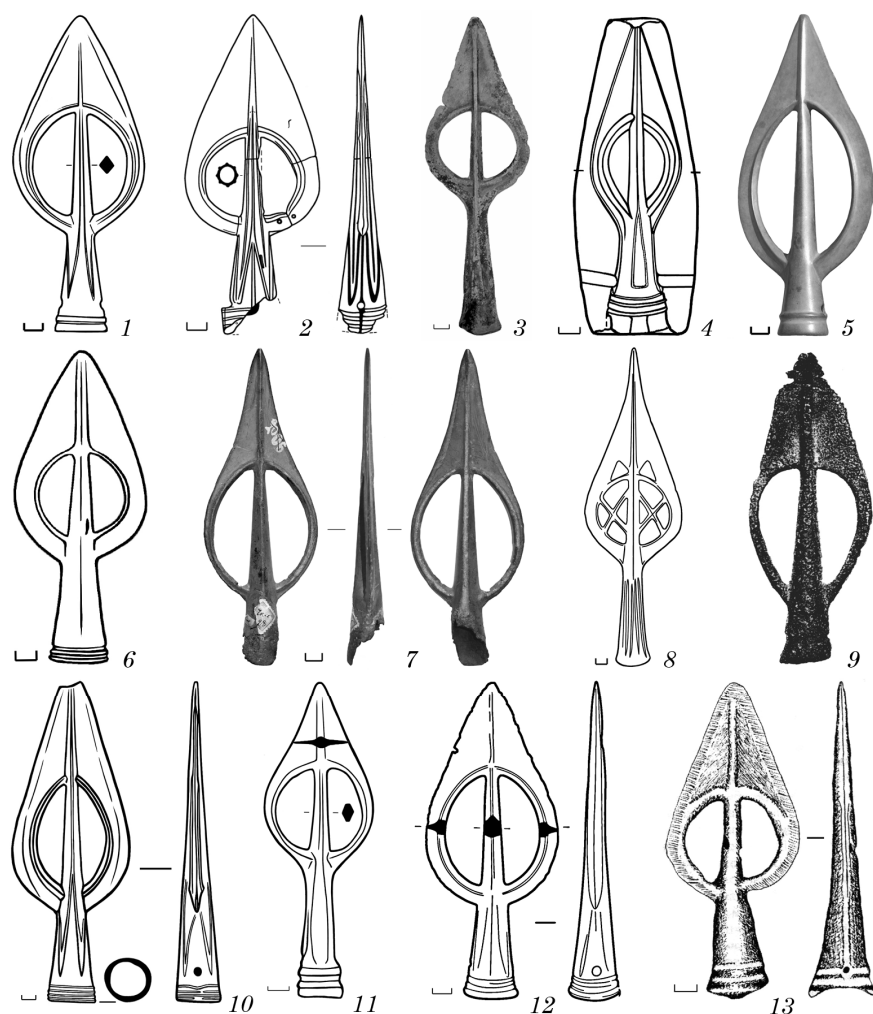

Рис. 1. Прорезные наконечники копий прохоровского (I) типа
 1 - с. Прохоровка / Келеберда (автор рис. О.В. Кузьмина, 1983 г.);
 2 - быв. Таврическая губ., хранение ГЭ; 3 - Кировоградская обл. (по <http://arkaim.co>);
 4 - с. Златополь (по Бодянский, Шарафутдинова, 1967. Рис. 1);
 5 - пос. Подгоренский (по <https://meshok.net>); 6 - с. Стретовка (автор рис. А.А. Иессен);
 7 - с. Тимашево (автор фотографии В.Е. Трегубов, Оренбургский губернаторский историко-краеведческий музей); 8 - г. Саки/Евпатория (рис. по фотографии); 9 - быв. Киевская губ. (по Tallgren, 1913. Fig. 9); 10 - с. Карманово (автор рис. С.В. Кузьминых); 11 - быв. Вятская губ. (автор рис. С.В. Кузьминых); 12 - Брэнешть / Brănești (по Церна, Топал, 2013. Рис. 4, 3);
 13 - Аджигольская балка (по Иванова, 2006. Рис. 1)

Карта 3. Распространения наконечников копий гуровского типа

- 47 – Алексеевский р-н; 48 – Байрашево; 49 – плато Бийчесын / Бечасын; 50 – оз. Большой Куяш;
 51 – Буканское; 52 – Верх-Боровское; 53 – близ хут. Гуров; 54-55 – Дикий Сад; 56 – Дунаевка;
 57-58 – Еловка; 59 – Заводоуковск; 60 – г. Запорожье; 61 – оз. Ирбитское; 62 – оз. Иссык-Куль;
 63 – Казбековский р-н; 64 – близ Катайское с. / ныне г. Катайск; 65 – Катон-Карагай;
 66 – река Кенгары; 67 – пос. Кент; 68 – Красная Горка; 69 – пос. Курбаши / Курбашинские Ш;
 70 – г. Курган(?); 71 – Курганская обл. 1; 72 – Курганская обл. 2; 73 – быв. Лаишевский у.;
 74 – Ломжа; 75 – Мало-Турминское; 76 – Нежинский р-н; 77 – дер. Окольничникова;
 78 – Острроверховка; 79 – Полтавская обл.; 80 – с. Предгорное; 81 – Пристань Башкирцева на Дону
 (г. Семилуки); 82 – дер. Родкино; 83 – близ г. Ростов-на-Дону; 84 – Рязанская обл.;
 85 – быв. Самарская губ.; 86 – Саркел / Белая Вежа; 87 – Спасский р-н; 88 – Старый Термез;
 89 – быв. Тарский округ; 90 – с. Ташкирмень / Таш-Кермень; 91 – близ с. Теньки;
 92 – Терекли-Мектеб; 93 – г. Тюмень(?); 94 – Харьковская обл.; 95 – Харьковская обл.(?);
 96-97 – Чаглинка; 98 – Черкасская обл.; 99-113 – происхождение неизвестно (нет на карте)

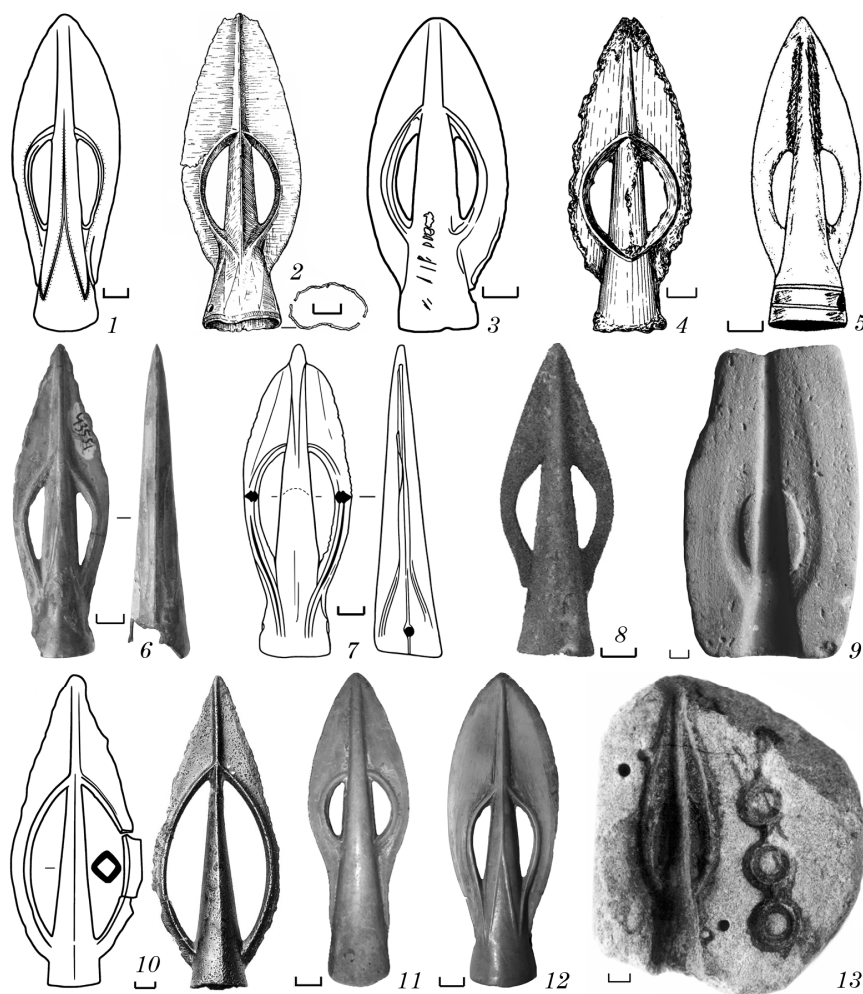
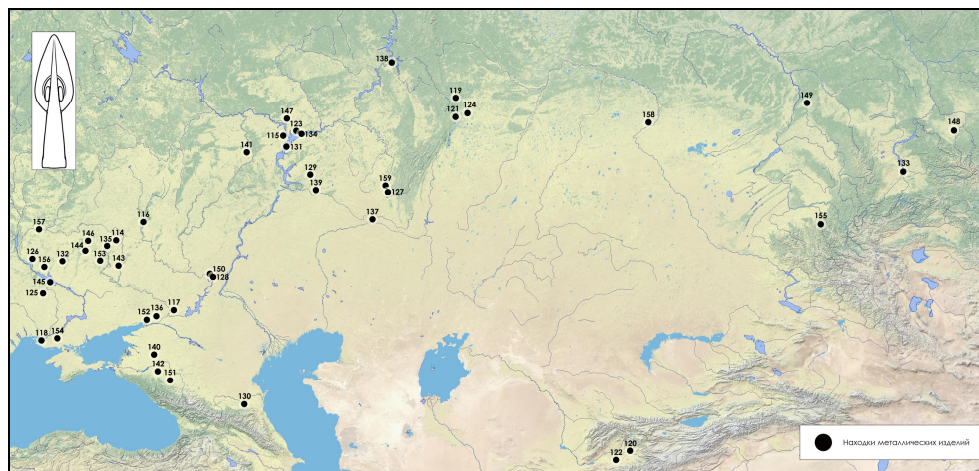

Рис. 2. Прорезные наконечники копий гуровского (II) типа
 1 - Происхождение неизвестно (рис. по фотографии); 2 - г. Старый Термез (автор рис. Н.А. Аванесова); 3 - с. Мало-Турминское (рис. по фотографии); 4 - пос. Кент (по Варфоломеев и др., 2017. Рис. 5, 3); 5 - плато Бийчесын (по Пелих, Фоменко, 2005. Рис. 2, 2); 6 - Происхождение неизвестно (авторы фотографии Ю.А. Черниенко, И.В. Пиструил, ОАМ НАНУ); 7 - Происхождение неизвестно, хранение ГЭ; 8, 13 - пос. Дикий Сад (автор фотографий К.В. Горбенко); 9 - пос. Еловка (автор фотографии А.А. Идимешев, Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ); 10 - с. Предгорное (автор рис. В.С. Бочкарев; фотография - по Stöllner, Samašev, 2013. P. 423, № 261); 11 - Происхождение неизвестно (по <http://swordmaster.org>); 12 - Происхождение неизвестно (по <https://forum.violity.com>)

Карта 4. Распространения наконечников копий сабанчеевского типа

- 114 – Белгородская обл.; 115 – с. Болгояры; 116 – г. Воронеж(?); 117 – уроч. Глушица;
- 118 – Голопристанский р-н; 119 – Гумешевский рудник; 120 – Дальверзин-тепе;
- 121 – река Зюзелки; 122 – Заргулдак-тепе; 123 – Именьково; 124 – Каменогорское городище;
- 125 – Кировоградская обл.; 126 – Козинцы; 127 – д. Красногорск; 128 – хут. Кутан;
- 129 – хут. Лебязинка; 130 – Майртупский мог. 2; 131 – Маклашеевский мог. II;
- 132 – быв. Минусинский край; 133 – Миргород; 134 – Мурзинхинский мог. II;
- 135 – близ Новосадовый пос.(?); 136 – Новочеркасск; 137 – быв. Оренбургская губ.;
- 138 – быв. Пермская губ.; 139 – пос. Петровский; 140 – Прикубанье; 141 – с. Сабанчеево;
- 142 – Северный Кавказ(?); 143 – Смородьковка; 144 – с. Солдатское; 145 – Стецовка;
- 146 – Сумская / Белгородская обл.; 147 – пос. Сухая Река; 148 – Тинская дер.;
- 149 – быв. Томская губ.; 150 – близ хут. Трактирский; 151 – ст. Упорная; 152 – Хапры;
- 153 – Харьковская обл.(?); 154 – быв. Херсонская губ.; 155 – Чепош; 156 – Черкасская обл.;
- 157 – Черниговская обл.; 158 – Черноозерье-VIII; 159 – Юмаковский мог. II;
- 160-170 – происхождение неизвестно (нет на карте)

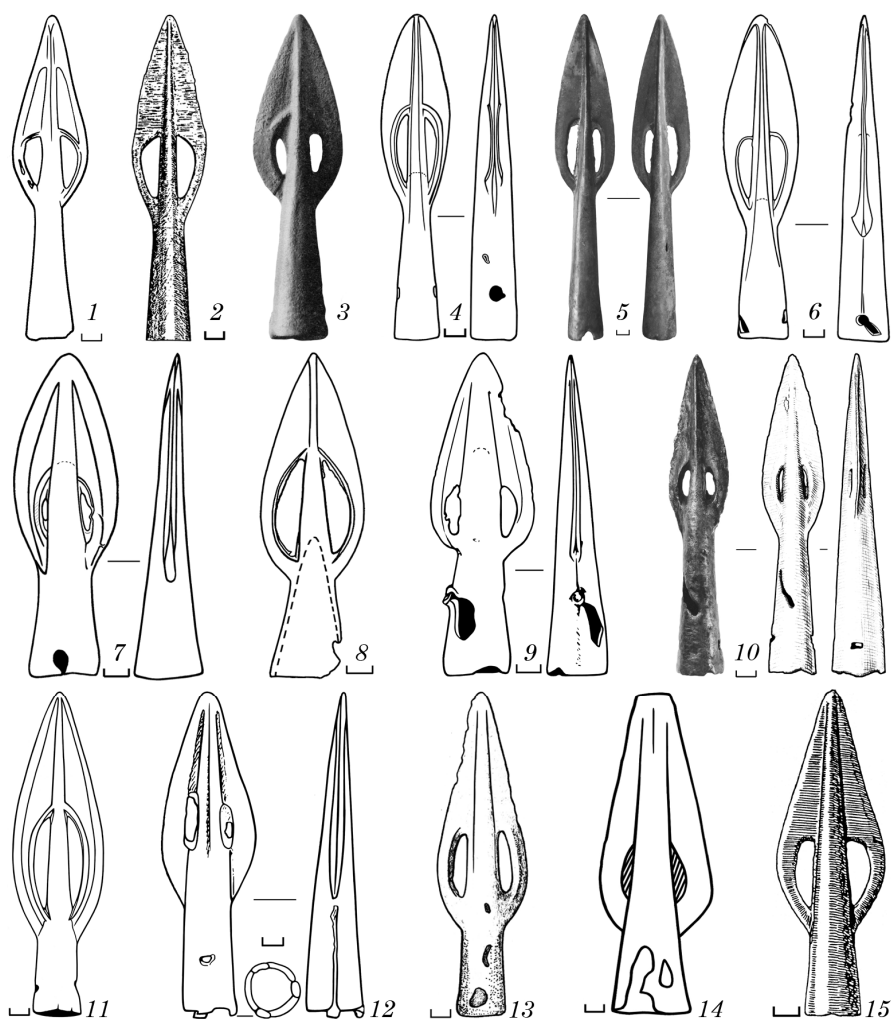
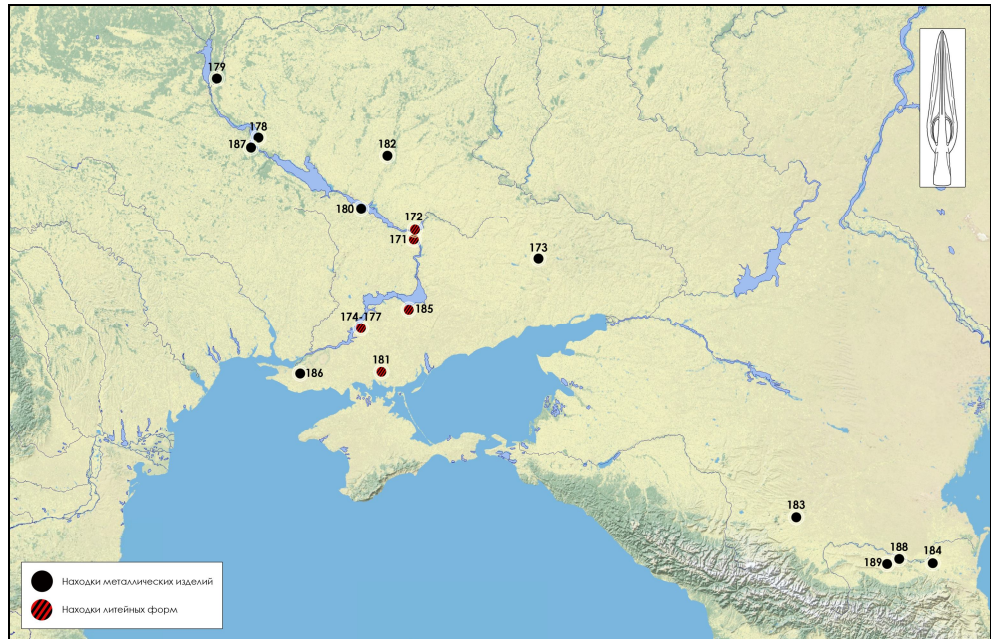

Рис. 3. Прорезные наконечники копий сабанчевского (III) типа

1 - Черноозерье-VIII (автор рис. В.С. Бочкарев); 2 - ст. Упорная (по Аптекарев, Козенкова, 1986. Рис. 1, 1); 3 - уроч. Глушица (по Попов, 1914. Табл. VI, 7); 4 - быв. Херсонская губ., хранение ГЭ; 5 - Черкасская обл. (по <https://swordmaster.org>); 6 - хут. Кутац, хранение ГЭ; 7 - с. Сабанчево, хранение ГЭ; 8 - хут. Лебяжинка (по Колев, 2000. Рис. 16, 2); 9 - быв. Минусинский край, хранение ГЭ; 10 - Дальверзин-тепе (фотография и рисунок из архива Ю.А. Заднепровского, ИИМК РАН); 11 - с. Чепеш (автор рис. М.П. Грязнов); 12 - Тинская дер. (автор рис. М.П. Грязнов); 13 - Майртупский мог. II (автор рис. С.Л. Дударев); 14 - Маклашеевский мог. II (схематичный рисунок А.А. Спицына, архив ИИМК РАН); 15 - Мурзихинский мог. II (по Чижевский, 2008. Рис. 4, 19)

Карта 5. Распространения наконечников копий завадовского типа
 171 – Волосское; 172 – Днепр г. / п-ов Старая Игреня; 173 – г. Донецк; 174–177 – Завадовка;
 178 – Келеберда; 179 – Киевская обл.(?); 180 – Мишуриин Рог; 181 – Ново-Троицкое;
 182 – Полтавская обл.; 183 – Северный Кавказ 1; 184 – Северный Кавказ 2; 185 – Солоха;
 186 – Херсонская обл.; 187 – Хмельня; 188 – быв. Чечено-Ингушетия; 189 – Чеченская Республика;
 190–194 – происхождение неизвестно (нет на карте)

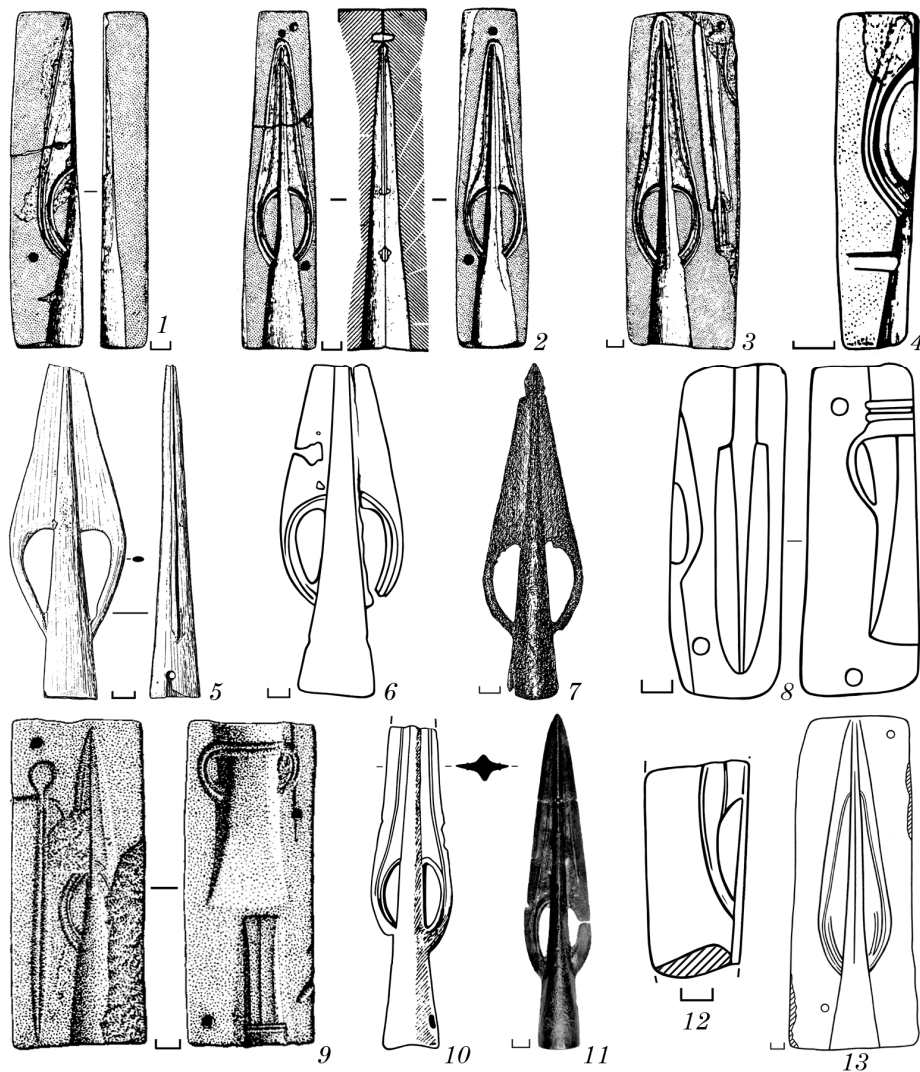

Рис. 4. Прорезные наконечники копий завадовского (IV) типа
 1-4 – с. Завадовка (по Гершкович, Клочко, 1987. Рис. 4г; рис. 4а, в; рис. 5а; рис. 1е);
 5 – г. Донецк (по Археологический альманах 1, 1993. Рис. 45, 4); 6 – с. Мишуриин Рог
 (автор рис. В.С. Бочкарев); 7 – быв. Чечено-Ингушетия (по Дударев, 1991. Табл. 1);
 8 – Днепр г. / п-ов Старая Игрень (автор рис. В.С. Бочкарев); 9 – Солоха
 (по Воцкарев, Leskov, 1980. Taf. 8, 72b); 10 – с. Келеберда (по Tallgren, 1926. Fig. 108, 9);
 11 – Херсонская обл. (по Клочко, Козыменко, 2017. С. 223. Илл. 2);
 12 – с. Волосское (автор рис. В.С. Бочкарев); 13 – с. Ново-Троицкое (автор рис. В.С. Бочкарев).

УДК 902 (470.44) |637.7|
ББК 63.4(235.54)

Малов Н.М.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ШВЕЙНЫЕ ИГЛЫ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ

Анализируются металлические иглы первых двух фаз позднего бронзового века Нижнего Поволжья, происходящие с памятников покровской и срубной археологических культур. Составлен каталог источников с данными орудиями ручного труда. В каталог вошло 24 источника, содержащих по одной иголке. Культурная принадлежность 17-ти из них – срубная, в том числе два поселения и один клад. Подавляющее большинство источников составляют 21 погребение взрослых людей, среди которых преобладают женские. Одно принадлежит ребенку, при котором была самая короткая, вероятно ученическая, игла длиной 36 мм. Деятельность женщин – мастериц, занимавшихся шитьем, отражалась в погребениях иглами гораздо чаще, чем в мужских (одно погребение). Памятники концентрируются на севере Нижнего Поволжья. Во взрослых погребениях выделяются короткие иглы размером от 52 до 70 мм. Более крупные орудия имеют длину от 85 до 110 мм. Сечение стержня игл обычно округло-овальное диаметром 2–3 мм, только у двух – квадратное. Ушки, где крепились нити, располагались на верхнем тупом конце и имели отверстие продолговато – овальной формы 1 x 3 мм.

Ключевые слова: металлические швейные иглы, погребения, поселения, клад, поздний бронзовый век, покровская культура, срубная культура, Нижнее Поволжье

*Malov N.M.*METAL SEWING NEEDLES OF THE LATE BRONZE AGE
FROM THE LOWER VOLGA REGION

The paper deals with analyzing metal needles from the earlier two phases of the Late Bronze Age from the Lower Volga Region. Those come from the monuments of the Pokrovsk and the timber-grave archaeological cultures. A catalogue of sources with those hand-labor tools has been compiled. The catalogue comprises 24 sources containing one needle each. 17 of those belong to the timber-grave culture, inclusive of two settlements and one hoard. The overwhelming majority of sources consists of 21 burials of adult people, with female ones prevailing. One burial belongs to a child, with the shortest, probably apprentice, needle, 36 mm long. Activities of women – mistresses of needlework was reflected with needles in burials much more frequently than in male burials (one burial). The monuments are concentrated in the north of the Lower Volga Region. Short needles, from 52 to 70 mm long, make peculiar features of some adult burials. Larger tools are from 85 to 110 mm long. The cross-section of a needle stem is generally roundish-oval, 2–3 mm in diameter; just two of them are square in their cross-section. The tags for thread fixation were made at the blunt upper ends; the holes were elongated-oval, 1 x 3 mm.

Keywords: metal sewing needles, burials, settlements, hoard, Late Bronze Age, Pokrovsk culture, timber-grave culture, Lower Volga Region

I. Введение

Одежда и обувь издревле играли важную роль в адаптации человека к окружающей внешней среде, а также защиты от ее воздействия. В условиях присваивающего хозяйства, одновременно с шитьем головных уборов и обуви из кож, одежды из шкур животных и мехов, появляются нити, а также специализированные орудия труда – костяные иглы с ушком и проколки или шилья-острия. Кроме того, они могли использоваться при изготовлении различных предметов обихода (посуда, мешки и др.). Иглы известны с начала верхнего палеолита [Массон, 1996. С. 26–28, рис. 7; Деревянко и др., 2016. С. 72–75; Шалагина и др. 2018. С. 89–98].

В неолите возникает производящее хозяйство, культивируются волокнистые растения, появляется шерстяная пряжа и ткань, расширяется потребность в текстильных изделиях и швейных иглах. С наступлением бронзового века в курганах южнорусских степей, Нижнего Поволжья и Сибири встречаются металлические иглы, остатки волокнистых тканей и ковров [Готье, 1925. С. 93; Городцов, 1927. С. 613–614, 621, рис. 28; Равдоникас, 1947. С. 300–301, 364].

Иголки представлены на серии археологических памятников эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья. В статье представлен каталог археологических источников с металлическими иглами и анализируется данная категория орудий труда позднего бронзового века региона. Учтены источники не только с территории Заволжья, но и из Волго-Донского междуречья. За редким исключением, все находки опубликованы. Приношу искреннюю признательность В.А. Лопатину и М.Г. Киму, разрешившим использовать материалы из Нижне-Красавских и Дмитриевских курганов.

II. Каталог археологических источников

1. Город Покровск. Территория современного г. Энгельса Саратовской области. Юго-восточная группа. Левый берег Волги. Курган № 13. Срубная культура. Раскопки экспедиции СГУ под руководством П.С. Рыкова. Погребение и инвентарь опубликованы [Рыков, 1926. С. 129–130; Rukov, 1927. S. 51–84. Abb. 22 № 6–8]. Единственное погребение в кургане диаметром 12 м и высотой 0,36 м. Данные из отчета П.С. Рыкова: «В насыпи над могилой – кости коровы. Обнаружена в слежавшейся почве могила прямоугольной формы с округленными углами, длиной 2,02 м, шириной 1,35 м и глубиной 1,30 м. В могиле лежал костяк молодой женщины на левом боку с руками согнутыми и перекрещенными так, что правая кисть охватывала левую и прижалась к лицу. Ноги согнуты в коленях, давая позу спящего человека. Ориентирован костяк к С–З. Длина костяка 1,67 м. В С–В углу найдена бронзовая игла с ушком, лежавшая в 30 см. от покойницы на линии её лба, а под ней обнаружена зола. У самого колена, слева, стоял высокий сосуд баночной формы с слегка острыми ребрами и резным орнаментом в виде небрежно исполненных ромбов. Против таза покойницы лежал бронзовый нож. Костяк прикрыт тленом от стеблей растений, некогда покрывавших покойницу» [Рыков, 1925. Л. 78]. Игла отсутствует в музейной коллекции. Судя по опубликованному и архивным фото, тупой конец иглы загнут вниз к острию и превращен в петлевидное ушко (рис. 4, 6). Она более длинная, чем игла из погребения 3 кургана 15 этого же могильника. В фондах археологии Саратовского областного музея краеведения (СОМК) хранится глиняный сосуд (старый № 447) и бронзовый нож (старый № 448). Сосуд имеет сильно отогнутый венчик, выраженную шейку и плечики, наибольшее расширение приходится на верхнюю часть тулова – на ребро, днище с небольшим технологическим поддоном диаметром не более 3 см (рис. 4, 8; 6, 2; 7, 2). Параметры сосуда: диаметр по венчику – 15, 5 см, по днищу – 8 см, высота – 17,5 см. Примесь в тесте визуально сложно определима, вероятно – шамот и дресва. На плечиках геометрический, так называемый «шнуровой» зигзагообразный орнамент, в нижней части которого расположены косые кресты. Длина ножа 16 см, длина черешка до перекрестия 5,5 см, ширина перекрестия 3,3 см, наибольшее расширения клинка

около 4 см (рис. 4, 7). Он относится к разряду двулезвийных с ромбической пяткой черенка, перекрестием и перехватом, изготовлен из металла химической группы ЕУ. По недоразумению указан, как происходящий из погребения № 2 кургана № 3 СЗ группы близ г. Покровска [Черных, 1970. С. 66, 129, рис. 57, 40; табл. I, № 1717]. По мнению автора раскопок захоронение женское.

2. Город Покровск. Территория современного г. Энгельса Саратовской области. Юго-восточная группа. Курган № 15, погребение № 3. Покровская культура. Раскопки экспедиции СГУ под руководством профессора П.С. Рыкова [Рыков, 1925. Л. 81–82]. Погребение и инвентарь опубликованы [Рыков, 1926. С. 131–132; Rikov, 1927. S. 51–84, abb. 22, 1, 5; Малов, 2003. С. 174–175, 213–214, рис. 7; 8]. Могила одна из двух основных, большого размера, с материковым выкидом, костями ног и зубами коровы на краю, рамой-срубом внутри. Кроме иглы в погребении найдены: бронзовые височные подвески (рис. 3, 2; 4, 2), два бронзовых браслета (рис. 3, 3, 4; 4, 3, 4), украшение из бронзовой бляшки, пастовых и сурьмяных бусинок (рис. 3, 1; 4, 1) и керамический сосуд (рис. 3, 6; 7, 1). Острая, тонкая бронзовая игла лежала за спиной покойницы около правого плеча (рис. 1, 1, 8; 3, 1; 4, 5). Длина иглы 90 мм, тупой конец загнут и превращен в петельку [Кривцова-Гракова, 1955. С. 55–57, рис. 12, 28]. К настоящему времени в СОМК сохранился фрагмент верхней части данного изделия (старый № 446) длиной 13 мм, с ушком, образованным в результате загибания прокованного верхнего тупого конца вниз к острию. Отверстие в ушке овальной формы, размером 1 × 3 мм. Сечение стержня иглы ниже ушка круглое, диаметром 3 мм. Судя по украшениям (бронзовые височные подвески, браслеты, бляшка) и по мнению П.С. Рыкова погребение женское.

3. Поселок Ровное (бывшее Зельман), левый берег Волги, Ровенский район Саратовской области. Курган А 11, погребение № 2. Срубная культура. Раскопки «Общества изучения местных древностей» под руководством А.А. Дульзона, А.А. Кроткова и П.Д. Рау в 1920 г. Автора раскопок и держателя Открытого листа установить не удалось, возможно разрешение было не именное, а выдано СУАК. Погребение и инвентарь опубликованы П.Д. Рау спустя много лет после раскопок [Рау, 1928. S. 60–61, 69. Taf. V № 8, 8B; Кривцова-Гракова, 1955. С. 57, 66]. Длина могилы 1,2 м, ширина 1,1 м. Инвентарь: два лепных сосуда, бронзовая острая иголка и браслет со спирально закрученными концами. Игла с ушком, загнутым на верхнем тупом конце вниз к острию. Судя по бронзовому браслету погребение женское.

4. Село Краснополье (бывшее Прайс). Курганная группа. Левый берег Волги, Ровенский район Саратовской области. Курган Е 14, погребение № 1 в прямоугольной материковой яме. Погребение покровско-срубной стадии 2.1 позднего бронзового века (ПБВ2) [Малов, 2012. С. 96–97]. Раскопки экспедиции Музея республики Немцев Поволжья под руководством П.Д. Рау

[Рау, 1928. S. 36–37. Abb. 6, S. 67. Taf. IV, 4]. Парное погребение женщины (скорченно на левом боку, кисти рук у лица) [Дебец, 1936. Прил. 1. С. 74–75] и ребенка (вытянуто на спине), с восточной ориентировкой. Кроме костяного пряслица при женском скелете, среди металлического инвентаря: шило-остриё четырехгранного сечения, узкожелобчатая височная подвеска круглой формы в 1,5 оборота (рис. 5, 5–6, 8, 9). Иголка деформирована, ее длина 55 мм, диаметр стержня 1,5 мм (рис. 5, 7). Тупой конец загнут в петельчатое ушко.

5. Село Черебаево. Курганная группа. Левый берег Волги. Старо-Полтавкинский район Волгоградской области. Курган № 2, погребение № 3 разрушено в древности, до сооружения впускной сарматской могилы. Срубная культура. Раскопки руководителя Заволжского отряда экспедиции ИА АН СССР профессора СГУ И.В. Сеницына [Сеницын, 1959. С. 44–45, рис. 4, 8]. Остроконечная игла с круглым сечением стержня, загнутым вниз ушком. При обнаружении она была согнута и надломлена в средней части. Отверстие в ушке имело овальную форму. В СОМК она сейчас хранится в выпрямленном виде, но ушко отсутствует (СОМК №42833 / АО 1836/2). Современная ее длина 110 мм (рис. 1, 10), т. е. игла была длиннее, чем указано в публикации И.В. Сеницына. Остальной инвентарь представлен фрагментами керамики, бронзовыми мелкими обломками желобчатой подвески и острием-шилом. Судя по обломкам бронзовой подвески погребение женское.

6. Сухая Саратовка. Курганная группа «Сухая Саратовка-I» из 8 насыпей на землях совхоза «Победа». Располагалась цепочкой по надпойменной террасе р. Сухой Саратовки, впадающей в р. Саратовку. Левый приток Волги, Энгельский район Саратовской области. Раскопки руководителя Энгельского отряда Средневожской экспедиции ИА АН СССР Л.Л. Галкина в 1974 году. Курган № 6, погребение № 4 с бронзовой швейной иглой. Покровская культура. Полный текст из неопубликованного отчета Л.Л. Галкина: «Погребение № 4 (рис. 35, 36, 37). Расположено в 275 см от «0R» кургана к 3 на глубине 58 см от поверхности кургана. На темножелтом слое выброса из погребения № 6, мощность которого под костяком погребения № 4 составляла 10 см. Границы могильной ямы не прослеживаются. Костяк плохой сохранности лежал скорченно на левом боку головой на юг, лицом в сторону захода солнца (заход солнца 8 сентября 1974 г. с точки погребения наблюдался по азимуту 268°). Руки погребенного согнуты в локтях, вытянуты перед собой. Ноги согнуты в коленях почти под прямым углом к позвонку, в 1 м от головы погребенного к югу обнаружен лепной сосуд абашевского типа. Диаметр сосуда 25 см (рис. 41). Между сосудом и черепом – каменное точило. В 13 см к юго-западу обнаружено бронзовое шило (рис. 39). В области правого плеча найдена бронзовая игла (рис. 39). У левого плеча найден бронзовый нож (рис. 39). В области шейных позвонков скопление пастовых бус. У ступней

левой ноги – каменный наконечник копья (рис. 40). К западу от погребения в 50 см обнаружен фрагмент орнаментированного острорезного сосуда с толченой раковиной в тесте (абашевского типа) (рис. 38)» [Галкин, 1974. Л. 11–12, рис. 37–41]. Курган распахивался, пахотный слой 20–25 см, насыпь кургана – темносерая почва 60 см, погребенная – темносерая почва 30–40 см. Погребение 4 впускное. Основным было захоронение № 6 без вещей: два скелета со следами красной охры, отнесенное автором раскопок к полтавкинским. Судя по отчетному рисунку, скелет в могиле № 4 находился в скорченном положении на левом боку, черепом ориентирован на юг, руки согнуты в локтях под прямым углом и протянуты вперед, кистевые фаланги располагались против живота (рис. 2, 4). Ноги согнуты в бедрах под тупым углом, а в коленях под острым. Такая поза адорации характерна для погребений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья. Однако ориентировка костяка не типична для индивидуальных погребений покровской и срубной культур. По этому признаку захоронение близко средневожским и южноуральским абашевским памятникам, где юго-восточная ориентировка костяков является одной из преобладающих, а в Среднем Поволжье представлена и южная [Евтюхова, 1961. С. 29, 35–40, табл. 1; Кузьмина, 1992. С. 7, табл. I]. Реставрированный крупный округлобокий сосуд из погребения № 4 очень большой ёмкости, с едва отогнутым венчиком и уплощенным днищем, диаметр которого 7,5 см и «раздутым» туловом хранится в СОМК (инв. № СМК 39222). Диаметр по срезу венчика 24 см, по едва намеченной шейке меньше на 1–1,5 см (рис. 5, 4; 6, 3). Наибольший диаметр 26,5 см приходится на середину тулова. Высота сосуда 20,5 см. В глиняном тесте визуально заметна существенная примесь толченых раковин. По основным показателям и деталям формы этот сосуд близок к типу II абашевских широкогорлых экземпляров, среди которых есть с уплощенным и плоским днищем [Евтюхова, 1964. С. 117]. Вся внешняя поверхность сосуда, включая днище и внутреннюю часть венчика, орнаментирована круговыми и глубокими параллельными желобчатыми бороздками. Аналогичные орнаментальные каннелюры есть на абашевской керамике, начиная с так называемых протоабашевского и заканчивая позднеабашевским этапами её развития [Халиков, Пряхин, 1987. С. 219, рис. 60а]. Округлобокие сосуды покровской культуры, среди которых есть и слабопрофилированные с коротким едва отогнутым или прямым венчиками, имеют определенное сходство в орнаментации горизонтальными каннелюрами не только с некоторой абашевской, но также синташтинской и петровской керамикой [Евтюхова, 1964. С. 112, рис. 1; Горбунов, 1985. С. 13, рис. 6; Генинг и др., 1992. С. 92, 251, рис. 25, 1, 2; 251, 12; Малов, 1992. С. 10–11; Малов, 2007. С. 66–67, 89, 91, рис. 7, 13; 9]. Место хранения остальных находок не установлено. Об этих вещах можно судить по фото из отчета исследователя. По фрагменту был рес-

таврирован второй маленький острореберный сосудик (рис. 6, 4). Его ориентировочные параметры: высота около 7 см, диаметр по венчику 9,5 см. Значительная серия небольших острореберных, округлобоких и биконических сосудиков представлена в абашевской, синташтинской и покровской культурах Волго-Уралья и Подонья [Евтюхова, 1964. С. 116, рис. 4; Беседин, 1998. С. 44–59; Малов, 2018. С. 32]. Иголka длиной 93–94 мм, ушко расковано и в нем, вероятно(?), пробито круглое отверстие диаметром 2–3 мм (рис. 2, 1). Нож черенковый двулезвийный, длиной 14,3 см, с приостренной пяткой (рис. 2, 2). Лезвийная часть длиннее, чем черенок. Он короткий, длиной около 4 см, ширина в его основании 2,2 см. В средней части клинка и черенка проходит ребро жесткости. Максимальная ширина клинка около 2,5 см. Обычно варианты таких ножей включают в одну группу с ромбической пяткой черенка. Их подтипы, бытующие с раннего периода Евразийской металлургической провинции, известны в абашевских, синташтинских, покровских, петровских и сейминско-турбинских памятниках [Дегтярева, 2010. С. 109–111, рис. 51; 52]. Шило-остриё (проколка) длиной 75 мм (рис. 2, 1). Рабочий конец острый, округлого сечения, противоположный тупой, срез прямой, шириной 3 мм. Кремневый ретушированный наконечник копья-дротика длиной 12 см (рис. 2, 3), повторяющий форму наконечников стрел, широко распространенных в синхронном блоке археологических культур, тщательно ретуширован по краю пера. Длина обломанного насада-черенка 3 см, ширина 2,5 см. О каменном «точиле» в отчете нет информации. Однако, различные абразивные орудия и камни представлены в блоке археологических культур начала эпохи поздней бронзы не только Волго-Уральского очага культуuroгенеза. Например, они есть в Ростовкинском могильнике, встречаются в покровских, синташтинских и петровских памятниках [Матющенко, Сеницына, 1988. С. 85; Малов, 2003. С. 184; Виноградов, 2011. С. 133–137, рис. 57–60]. По обрядовым признакам и инвентарю захоронение относится к покровской культуре ранней фазы Волго-Уральского очага культуuroгенеза.

7. Село Алексеевка. Второй Алексеевский грунтовой могильник. Правый берег Волги, Хвалынский район Саратовской области. Раскопки экспедиции Куйбышевского педагогического института. Памятник синташтинско-потоповского типа [Васильев и др., 1994. С. 52, 56–57, 60, 100, 164, табл. 3. III-2, рис. 60; Малов, 2000. С. 36–37, № 22; Малов, 2003. С. 160, 161, 165]. Могила прямоугольных очертаний. В её заполнении костяк ребенка. На дне скелет женщины(?) в позе адорации головой ориентирован в западный сектор, тазовые кости и кости ног подкрашены охрой. Инвентарь: бронзовые височные подвески с золотой фольгой, два бронзовых браслета, нож и шесть сосудов. Среди находок остатки клубка шерстяных ниток с воткнутой бронзовой иглой овального сечения и без ушка, рукава шерстяной(?) одежды, обшитые по

краю кожаными полосками с бахромой [Агапов и др., 1978. С. 150–151]. Судя по бронзовым височным подвескам с золотой фольгой погребение женское.

8. Село Большая Дмитриевка. Курганная группа. Правый берег р. Терешки, приток Волги, Вольский район Саратовской области. Курган № 3 погребение № 14. Срубная культура. Раскопки экспедиции Вольского краеведческого музея под руководством М.Г. Кима [Ким, 1979. Л. 15–16, рис. 62–67; Ким, 1980. С. 149–150]. По мнению автора раскопок основным являлось разрушенное погребение № 3. Могила № 14 с материковым выкидом, входит в число тех, после которых была совершена досыпка кургана. Материковая яма прямоугольной формы с поперечным деревянным перекрытием, возможно, около дна имела остатки венца от сруба. На дне скелет взрослой женщины(?) накрыт берестой, в позе адорации, черепом на ЮЮВ. Вокруг черепа и под ним красная охра. На дне 7 рёбер мелкого рогатого скота. Дно посыпано мелом, сверху располагалась плетеная травянистая подстилка. Инвентарь: два сосуда, сурьмяные бусы (159 целых и 5 обломков), бронзовое шило с костяной рукоятью и игла. Бусами, вероятно, был обшит головной убор. Шило и игла лежали около коленей погребенной. Игла длиной 84 мм и диаметром округлого стержня 2 мм, с загнутым в ушко тупым концом (рис. 1, 3). Её истлевший острый конец направлен к коленям. Хранится в Вольском краеведческом музее (инв. № ВКМ 11954/161). По мнению автора раскопок погребение женское.

9. Село Большая Дмитриевка. Правый берег р. Терешки, Вольский район Саратовской области. Курган № 12, погребение № 10. Срубная культура. Раскопки экспедиции Вольского краеведческого музея под руководством М.Г. Кима [Ким, 1979. Л. 33, 40–41, ил. 186; Ким, 1980. С. 149–150]. Курган содержал 19 погребений, все срубной культуры. Могильные выкиды отсутствовали, поэтому основное захоронение не определялось. Погребение 10 располагалось в небольшой подпрямоугольной яме, с остатками от поперечного деревянного перекрытия в заполнении. На дне скелет подростка в позе адорации (скорченное положение на левом боку), черепом ориентирован на ССВ. Инвентарь: бронзовая игла и спиральные пронизи, два сосуда, сурьмяные бусы. Бронзовая остроконечная игла, длиной 52 мм и диаметром округлого стержня 1,2–1,3 мм, хранится в Вольском краеведческом музее (№ ВКМ 11990/186). Ушко, образованное на загнутом тупом конце, обломано (рис. 1, 3, 18). Иголка лежала на позвоночнике, ближе к плечу, остриём направлена к черепу. Судя по бронзовым спиральным пронизям и сурьмяным бусам погребение женское.

10. Село Натальино. Курганная группа № 2 расположена на левом берегу Волги. Балаковский район Саратовской области. В 1977 г. отрядом Волго-Уральской экспедиции ИА АН СССР под руководством Н.М. Малова были вскрыты четыре насыпи [Малов, 2017. С. 45]. Курган № 4 содержал восемь по-

гребений срубной культуры. Погребение № 6 парное, одно из трех основных коллективных [Памятники..., 1993. С. 20–21, 131, табл. I № 16, табл. 1, 36]. Материковая яма подпрямоугольной формы с закруглёнными углами, размером 140 x 110 см, глубиной 132 см, ориентировка длинных сторон СВ–ЮЗ. Сверху она была перекрыта обожжёнными деревянными плахами толщиной 15–20 см, лежащими вдоль могилы. Края перекрытия заходили на погребённую почву. На дне могилы (с зеленоватым тленом и меловой подсыпкой) лежали остатки двух костяков взрослых людей. Костяк 1 – около СЗ стенки, на левом боку в позе адорации, черепом на СВ, ступни слабо окрашены красной охрой. Со стороны спины, на ребрах находилась острая бронзовая игла с петельчатым ушком (рис. 1, 2; 6, 1). В верхней части, под ушком, она согнута под прямым углом. Длина иглы – 85 мм. Ушко образовано в результате сгибания вниз верхнего конца. Отверстие в ушке овальной формы и размером 2 x 5 мм. Сечение стержня ниже ушка круглое, диаметром 3 мм. Находка хранится в СОМК (НВСП 24768). Костяк 2 плохой сохранности, лежал перед первым, спиной к нему, параллельно ЮВ стенке. Поза – скорченное положение на левом боку, черепом на СВ, ноги согнуты в коленях. Пяточные кости слабо окрашены красной охрой.

11. Сухая Мечетка. Селище IV. Правый берег р. Сухая Мечетка, окраина г. Волгограда. Раскопки 1986 г. под руководством Е.П. Мыськова [Мысков, Лапшин, 2007. С. 19. № 25в; 26, рис. 31/7]. Срубная культура. На участке 34 обнаружена бронзовая игла длиной 70 мм с петельчатым ушком (рис. 1, 12).

12. Село Широкий Карамыш. Курганная группа в урочище «Горбатый мост». Край второй надпойменной террасы левого берега р. Карамыш, притока Медведицы. Лысогорский район Саратовской области. Раскопки Карамышской экспедиции СГУ под руководством Н.М. Малова в 1987 г. Курган № 4 содержал 10 погребений эпохи поздней бронзы: три покровской культуры [Малов, 1992а. С. 33, 45, рис. 3, 13–16; 5, 7–12] и шесть срубной культуры, одно (№ 9) культурно неопределённое [Малов, 1987. Л. 23–33]. Погребения №№ 1, 2, 4, 9 не имеют материковых выбросов, являются впускными и самыми поздними в кургане. Погребение № 5. Срубная культура. Могильная яма прямоугольная, расположена в 6,5 м к ЗЮЗ от центра кургана, ориентирована длинной осью по линии С–Ю. Её размеры: длина 140 см, ширина 90 x 100 см. На дне, почти по диагонали могилы, лежал скелет взрослого человека в позе адорации на левом боку, черепом на ССЗ. Руки согнуты в локтях, кистями направлены к лицу. Ноги подогнуты в бедрах под прямым и острым углами, а в коленях под острым. На кистях рук, против черепа, лежал на боку, в обломках, крупный округлобокий сосуд без орнамента (рис. 5, 1). Диаметр по венчику 18–19 см, по дну – 9,5 см, высота 21–21,5 см. На внутренней и внешней сторонах стенок есть нагар от пищи. В глине визуально заметна

примесь шамота и фрагментов каменной «крошки» белого цвета. Второй сосуд – острореберной формы и меньшего объема стоял около западной стенки (рис. 5, 2). В глине заметна примесь шамота и органики. По срезу венчика на плечиках и придонной части крупнозубчатым штампом нанесен орнамент. Под венчиком, до обжига, проделаны четыре сквозных отверстия для подвешивания или привязывания крышки, по два с каждой стороны. В области правого сосцевидного отростка черепа обнаружена, в обломках, бронзовая желобчатая височная подвеска в 1,5 оборота, овальной формы (рис. 5, 3). Обломки от второй аналогичной парной подвески встречены ниже ребер, в районе средней части позвоночника. Со стороны спины, около правой лопатки обнаружена бронзовая игла с петельчатым ушком, образованным в результате отгиба вниз верхнего раскованного конца. Её длина 58 мм, сечение стержня круглое. Ниже ушка стержень согнут (рис. 1, 7). Весь инвентарь хранится в СОМК. Судя по бронзовым височным подвескам погребение женское.

13. Село Чардым. Курганная группа расположена на левом берегу одноименной реки, недалеко от ее впадения в Волгу. Воскресенский район Саратовской области. Курган № 1, парное погребение № 11. Погребение покровско-срубной стадии 2.1 позднего бронзового века (ПБВ2) [Малов, 2012. С. 97]. Раскопки экспедиции СГУ под руководством П.С. Рыкова в 1930 г, повторное исследование В.Г. Миронова в 1987 г. [Малов, 2017. С. 42–43]. Могила № 11 (по П.С. Рыкову) имеет материковый выкид [Миронов, 1987. Л. 6–11, 27, 35], поэтому можно полагать что, она была одной из основных. Текст из неопубликованного Отчета П.С. Рыкова: «Погребение 11. Около восточной стенки первоначального колодца, выходя за его пределы, на середине ее длины обнаружена могильная яма, имевшая в длину 1,7 м, в ширину 1,55 м и в глубину 2 м при ориентировке по линии СВ–ЮЗ. В ней лежали два костяка – мужской (слева) и женский (справа) в той же позе, что и первые два слева костяка в погребении 7 и также ориентированные (к СВ). Против тазовых костей и коленных сочленений покойников найдены бронзовые пронизки, вероятно от нашивок на одежде, и маленькое бронзовое острие. Близ В стенки ямы, около СВ угла, стоял глиняный крупный баночно-вазообразный горшок, а около ступни левой ноги покойницы, лежала нижняя челюсть свиньи» [Рыков, 1930. Л. 55–69]. Сосуд не поступал в СОМК. В Отчёте о повторном исследовании могилы № 11 (погребение № 5 по В.Г. Миронову) отмечено: «4) П.С. Рыков не указал на плане точное местоположение бронзовых «пронизок» и «острия», но 3 бронзовых бусинки диаметром около 6 мм и шириной до 4–5 мм найдены в переотложенном состоянии – под костяками – по центральной оси могилы в области лежавшего здесь правого скелета; бронзовая же круглая иглолка длиной 67 мм (кончик позже разрушился) с приклёпаным ушком найдена на дне могилы у северной стенки (не её ли имел ввиду исследователь?)»

[Миронов, 1987. Л. 18]. Иголлка с острым концом и «загнутым в карман» ушком, поступившая в СОМК, сейчас сохранилась в длину на 50 мм (рис. 1, 11). Однако, судя по рисунку в отчете В.Г. Миронова, её первоначальная длина была 67 мм. Диаметр стержня иглы в верхней части 2 мм, в нижней 1 мм, размер овального отверстия в ушке 1 x 2 мм.

14. Село Букатовка. Курганная группа I. Курган № 1, погребение № 4 взрослого человека в позе адорации, черепом на север. Поздняя покровская культура. Левый берег р. Терешки, приток Волги, село Букатовка Воскресенского района Саратовской области. Раскопки отряда экспедиции археологической лаборатории СГУ под руководством С.В. Ляхова в 1990 г. [Ляхов, 1994. С. 86–92, рис. 1, 10]. Острая бронзовая игла длиной 107 мм, сечение стержня круглое, диаметром 3 мм, с загнутым в «карман» петельчатым ушком (рис. 1, 6). Хранится в СОМК (№ СМК 56941). Остальной инвентарь: лепной сосуд, подвеска из створки раковины с отверстием, бронзовое шило и височная желобчатая подвеска. Судя по бронзовой височной подвеске, погребение женское.

15. Село Букатовка. Курганная группа II. Курган № 4, разрушенное погребение № 4 взрослого человека. Срубная культура. Левый берег р. Терешки, село Букатовка Воскресенского р-на Саратовской области. Раскопки отряда археологической лаборатории СГУ под руководством С.В. Ляхова в 1990 г. Острая бронзовая игла длиной 37 мм с утраченным ушком, сечение стержня круглое диаметром 2 мм (рис. 1, 14) [Ляхов, 1994. С. 86–92, рис. 3, 9]. Игла изогнута в средней части под острым углом, хранится в СОМК (№ НВСП 32591). Остальной инвентарь: лепные сосуды, костяное пряслице и пронизка, бронзовые нож и шило.

16. Село Учхоз. Курганный могильник Учхоз-1. Река Ольшанка, левый приток р. Хопер, Урюпинский район Волгоградской области. Раскопки экспедиции под руководством В.И. Мамонтова. Курган № 3, погребение № 3. Срубная культура [Ломкин, 1995. С. 12–19, рис. 6, 4–7]. Прямоугольная материковое яма с поперечным деревянным перекрытием. На дне деревянная подстилка. Скелет взрослого человека в позе адорации, черепом на СВ. Среди инвентаря два сосуда, бусы стеклянные (пастовые-фаянсовые цилиндрические), бронзовое шило и, за тазовыми костями, игла. Ушко и острие иглы сломаны, сечение стержня круглое. Длина сохранившейся части 60 мм.

17. Село Преображенка. Селище Преображенка 1, постройка 1. Срубная культура. Правый берег р. Большой Иргиз, приток Волги, Пугачевский район Саратовской области. Раскопки экспедиции СГУ под руководством В.А. Лопатина [Лопатин, 1996. С. 147–148, рис. 4, 30]. Бронзовая игла из котлована постройки. Диаметр круглого сечения стержня 2 мм. Верхняя часть ушка обломана, отверстие для нити было округлой формы (рис. 1, 4). Длина сохранившейся части иголки около 85 мм.

18. Село Смеловка. Грунтовый могильник. Левый берег Волги, Энгельский район Саратовской области. Раскопки экспедиции СГУ под руководством В.А. Лопатина. Погребение № 124 [Лопатин, 2010. С. 52, 218, рис. 22, 1–3]. Срубная культура. Могила прямоугольная, на дне скелет мужчины (Maturus II) возрастом 40–50 лет, в позе адорации, черепом ориентирован на СВ. Возле костей стоп обломки длиной 18 мм от бронзовой иглы с овальным сечением стержня. Около костей рук ребра МРС и баночный сосуд прямостенного типа с примесью песка и шамота, орнаментированный прочерченным зигзагом.

19. Станция Карамыш. Могильник «Мессер-V». Правый берег реки Карамыш, Волго-Донской бассейн, Красноармейский район Саратовской области. Раскопки экспедиции СГУ под руководством В.А. Лопатина в 2005 г. Курган № 3, погребение № 2. Эпоха поздней бронзы. Авторы публикации не исключают, что оно может быть сопровождающим «жертвоприношением» по отношению к основному погребению № 1 (покровского типа) [Лопатин, Четвериков, 2006. С. 28–30, 37–38, 49, рис. 5, 2]. Погребение № 2 представлено скелетом женщины возрастом 18–20 лет. Костяк на древнем горизонте, с меловой подсышкой и органической подстилкой, лежал в вытянутом положении на спине, с завалом на левый бок и черепом ориентирован к СВ. Среди костей грудной клетки обнаружены мелкие обломки бронзовой иглы, составляющие вместе отрезок длиной 21 мм. Сечение иглы круглое, диаметром 2 мм.

20. Село Неткачево. Курган № 16. Волго-Донское междуречье, Котовский район Волгоградской области. Курган содержал 21 погребение. За исключением одного культурно не определимого захоронения, остальные относятся к срубной культуре. Погребение № 14. Срубная культура. Прямоугольная могила с перекрытием из деревянных плах. На дне в позе адорации скелет женщины возрастом 35–45 лет, на органической подстилке, черепом на СВ. Среди инвентаря: в районе шейных позвонков рубленный бисер (54 шт.) из прозрачного стекла черного цвета, на запястьях бронзовые браслеты сегментовидного сечения и игла, два сероглиняных сосуда [Дьяченко и др., 2006. С. 105–163, рис. 39, 1–5]. Игла длиной 62 мм со свернутой в петельку ушком, обнаружена около более крупного баночного сосуда в СВ углу ямы (рис. 1, 9).

21. Поселок Ртищево. Бассейн р. Хопер, Ртищевский район Саратовской области. Курганная группа «Ртищево-1». Курган № 1 погребение 3. Срубная культура. Инвентарь: между черепом и восточной стенкой в обломках остро-реберный и баночный сосуды, у ног бронзовое шило с костяной рукоятью, южнее которого бронзовая игла. Квадратная в сечении игла длиной 53 мм, с раскованным ушком и заостренным концом лежала на отпечатках древесной коры(?) [Тупалов, 2008. С. 40–41, 45, рис. 4, 5].

22. Село Новая Покровка. Курганная группа 2. Бассейн р. Терешки, Вольский район Саратовской области. Курган № 1 содержал 25 захоронений

срубной культуры. Погребение № 1. Срубная культура. Яма подпрямоугольной формы с поперечным деревянным перекрытием, в заполнении фрагмент венчика с двумя рядами шнуrowого орнамента. На дне скелет ребенка в позе адорации головой на СВ. Среди инвентаря два лепных сосуда и фрагмент керамики. Между локтями и коленями обнаружена бронзовая игла длиной 36 мм с ушком, сечение квадратное, концы раскованы и заострены [Юдин, 2010. С. 53, 87, рис. 20, 3–7].

23. Село Богатыревка. Петровский район Саратовской области. Медные предметы (серп, нож, тесло, шило, игла), по информации находчика, обнаружены в одном месте недалеко от села на высокой террасе правого берега р. Медведицы, притоке Дона. Эти вещи, переданные в 2011 г. в лабораторию Нижневолжской археологии института археологии и культурного наследия СГУ, рассматриваются исследователями как единый кладовый комплекс [Лопатин и др., 2015]. Срубная культура. Клад общим весом 0,426 кг хранится в Институте археологии и культурного наследия СГУ. Кроме иглы в составе комплекса вошли еще четыре металлических предмета: изогнутый вдвое серп, нож, тесло и шило. Игла длиной 88 мм и весом 1,6 гр, с утраченным ушком, выкована из круглого в сечении дрота диаметром 2 мм (рис. 1, 17).

24. Село Нижняя Красавка. Левый берег р. Медведицы, притока Дона. Аткарский район Саратовской области. Курган № 3, погребение № 5. Срубная культура. Раскопки экспедиции СГУ под руководством В.А. Лопатина [Лопатин, 2016. Л. 55–56, рис. 120; 123, 2]. Скелет взрослого человека на левом боку в скорченном положении, головой на север, с обломками от неорнаментированного баночного сосуда. Около фрагментов тазовых костей зафиксирована бронзовая игла длиной 85–86 мм, с петельчатым ушком, сечение стержня круглое – диаметром 3 мм (рис. 1, 5).

III. Интерпретация

Металлические иглы были впервые обнаружены на археологических памятниках Нижнего Поволжья в Покровских, Краснопольских и Ровенских курганах. Саратовские археологи, опубликовавшие предметы, верно определили функциональное предназначение данных орудий труда и культурную принадлежность. При этом захоронение из кургана № 13 отнесено П.С. Рыковым к стадии «В хвалынской культуры», где отмечалось влияние «срубной культуры» [Рыков, 1927. С. 90–91, табл. III, № 10; Малов, 1986. С. 22–24, рис. 1]. Погребение № 3 из кургана № 15 этой же группы, являлось одним из двух основных соседских, социально значимых. Погребение № 3 взрослой женщины сопровождало мужское, в котором был бронзовый наконечник копья [Малов, 1992а. С. 31, 33–45, рис. 2, 3, 8, 12, 13; 3, 23; 5, 17, 18; Малов, 2003. С. 174–175, 214, рис. 8, 2]. Оба погребения П.С. Рыков включил в стадию «С» хвалынской культуры, где фиксировались «бессарабско-сейминские влия-

ния» и не было керамики, аналогичной срубной [Рыков, 1927. С. 92–93, табл. IV № 1, 2]. П.С. Рыков был склонен относить погребения из Чардымского кургана к стадии «Д», сменявшей стадию «С» и следовавшей за последней [Малов, 2016. С. 346–349]. По его предположению стадия «Д» была представлена в лесной и лесостепной зонах, в бассейне р. Хопёр и Саратовском Правобережье. В середине 1930-х годов П.С. Рыков упомянул находки игл около г. Энгельса, характеризуя культуру эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, которую обозначал термином «срубно-хвалынская» [Рыков, 1936. С. 45].

В послевоенные годы, публикуя «костяную иглу» с обломанным ушком из землянки № 1 Максютковского селища срубной культуры, И.В. Синицын не нашел ей аналогий, но напомнил, что в курганных погребениях этого времени известны образцы бронзовых игл [Синицын, 1949. С. 202–204, рис. 11]. Во второй половине XX века нижневолжские иголки позднего бронзового века рассматривались как артефакты первого периода срубной культуры Поволжья. Отмечалось, что они изготовлены из медной проволоки круглого сечения [Кривцова-Гракова, 1955. С. 55–57, рис. 12, 28]. Несмотря на то, что здесь были выявлены единичные находки игл, исследователи верно подметили их происхождение из женских погребений вместе с другими принадлежностями швейного дела – бронзовыми шильями и костяными пряслицами [Кривцова-Гракова, 1955. С. 57; Тихонов, 1960. С. 80]. Уточнялся блок не только волгоуральских (андроновская), но и гораздо более южных (тазабагьябская, бегазы-дандыбаевская) культур, в которых встречались иголки эпохи поздней бронзы. Игла из Покровского кургана 15 сближалась с андроновскими, известными по раскопкам Садчиковского поселения на верхнем Тоболе [Кривцова-Гракова, 1955. С. 57]. Данной категории женских металлических изделий тазабагьябской культуры также находили аналогии в курганах, исследованных П.С. Рыковым близ г. Покровск [Итина, 1961. С. 75, 87, рис. 2, 4, 5].

По поводу ровненского браслета было справедливо указано, что он напоминал андроновский, хотя в спираль закручен только один его конец, а второй слабо загнут [Кривцова-Гракова, 1955. С. 66]. Сейчас в Нижнем Поволжье известно ещё два прутковых браслета данной категории в курганных погребениях срубной культуры близ Венгеловки (к. 3 п. 2) и Александрова Гая (к. 1) [Памятники..., 1993. С. 154, табл. 24, 5; Малов, 2000а. С. 217–218, рис. 2, 2, 3]. Такие украшения были наиболее популярны у женщин алакульской и федоровской (андроновских) культур, под влиянием которых они в результате подражания проникли в срубную культуру Нижнего Поволжья и степного Волго-Уралья.

В фундаментальных исследованиях Е.Н. Черныха иглы с ушками, в том числе из Покровска (к. 15 п. 3) и Черебаево (к. 2 п. 3), отнесены к «прочей» категории изделий [Черных, 1970. С. 64, 69, рис. 60, 35, 38]. Они широко распростра-

нены во времени и пространстве, а дифференцирующие их признаки чаще всего сильно сглажены [Черных, 1976. С. 124–125]. Среди восточных культур бронзовые иглы обнаружены в бегазы-дандыбаевских погребальных памятниках Казахстана [Маргулан и др., 1966. С. 272, табл. LV-28; Маргулан, 1979. С. 85, 110, рис. 55, 2; 78, 5] и лесостепном Обь-Иртышье [Молодин, 1985. С. 63–64].

Одна игла (Покровск к. 15) изготовлена из меди химической группы ВК [Черных, 1970. С. 69, 129, рис. 60, 35, табл. 1, № 1728]. Металл данной группы достаточно широко представлен в покровской археологической культуре [Малов, 2007. С. 42–43]. Вопрос об истоках немногочисленной в срубной общности мышьяковой – сурьмяно-мышьяковой меди до сих пор не вполне ясен. Сейчас такой цветной металл трактуют как естественные или искусственные(?) сплавы меди и мышьяка (**Cu+As** или **Cu+As+(Sb)**) [Черных, 2007. С. 94–101, рис. 6, 4]. Рисунок выпрямленной иглы из Черебаево, изготовленной из металла группы ВУ, опубликован Е.Н. Черных [Черных, 1970. С. 69, 129, рис. 60, 36, табл. 1 № 1768]. В последующем продолжалось изучение состава цветного металла из новых раскопок. По заключению С.В. Кузьминых натальинская игла изготовлена из меди «металлургической группы **Cu (Pb)**, «загрязненной» повышенными концентрациями свинца. Такого рода сплав свидетельствует, скорее всего, о перемешивании металла разного происхождения» (Лаборатория спектрального анализа ИА РАН, шифр 30103).

При рассмотрении погребения № 8 из Алексеевского второго грунтового могильника самарские исследователи констатировали, что металлические иглы и шилья малочисленны в покровских могилах: «Иглы и шилья отличаются только их очевидным количественным преобладанием в памятниках потаповского типа» [Кузнецов, Семенова, 2000. С. 132–133]. Данные заключения являются недоразумением, поскольку в потаповских погребениях находки игл до сих пор единичны, а шилья достаточно часто встречаются в покровской культуре. Вероятно, самарские коллеги в те годы относили к покровским только комплексы «раннего этапа срубной культуры», где встречались иглы с «завернутым» или пробитым ушком, [Семёнова, 2000. С. 164]. Покровские памятники, использованные А.П. Семеновой, не одновременны потаповским, так как входят в группу поздних «покровско-срубных» [Малов, 2007. С. 42].

Если относить алексеевское погребение № 8 к потаповским, то тогда в этой культурной группе были известны только две могилы, где встречено по иголке. К тому же, исследователи справедливо указывали на неодновременность и не однокультурность потаповских древностей, что подтверждалось неоднородностью химического состава металла [Агапов и др., 1994. С. 167–170; Малов, 2000. С. 36–37, № 22; Малов, 2003. С. 160, 161, 165]. Самую многочисленную серию материалов из Потаповского и VI Утевского могильников сопоставляли в культурном отношении прежде всего с памятниками синташ-

тинского и покровского типов [Шарафутдинова, Кузьмина, 1995. С. 213–215]. Потаповские комплексы существовали не ранее памятников абашевской культуры Среднего Поволжья, принявшей участие в процессе сложения срубной культуры (покровский культурный тип) западной лесостепной группы [Кузьмина, 2000. С. 99] и оказавшей определенное влияние на раннюю покровскую культуру пограничья лесостепи – степи и степной зоны Нижнего Поволжья [Малов, 2003. С. 199–200; Малов, 2012. С. 96–97; Малов, 2014. С. 86–87]. П.Ф. Кузнецов, изменивший свою точку зрения, сейчас также полагает, что синташтинская, потаповская и ранняя покровская культуры входят в блок родственных колесничных культур начальной фазы позднего бронзового века [Кузнецов, 2014. С. 191]. Находка клубка ниток из Алексеевского могильника с воткнутой в него иглой привлекла внимание при рассмотрении мотива о катящемся клубке, за которым герой следует по пути в царство мертвых [Цимиданов, 1999. С. 225–226].

Автор раскопок Ртищевского кургана считает наиболее ранним в нем разрушенное захоронение № 2, относя его к покровскому времени позднего бронзового века [Тупалов, 2008. С. 38–46]. Судя по типу навершия булавы крестовидной формы из змеевика и фрагментам керамики, погребение № 2 было совершено не во время бытования памятников покровского типа, а гораздо раньше начала эпохи поздней бронзы. Поэтому оно не может служить основанием для датировки более поздней могилы с иглой. По своей форме это навершие сопоставимо с аналогичными предметами из энеолитических и катакомбно-полтавкинских погребальных комплексах [Шилов, 1977. С. 5–16; Королев и др., 2018. С. 63, рис. 6, 1, 2].

Старые и вновь открытые археологические источники степного Волго-Уральского междуречья свидетельствуют о том, что иглы происходят из комплексов покровской и срубной культур [Малов, 1992. С. 13; Памятники., 1993]. В Волго-Уралье они встречаются (иногда вместе с шильями) в могилах степных культур эпохи поздней бронзы (I–II периоды): синташтинской, потаповской, покровской, срубной и алакульской [Бочкарев, 2010. С. 198–202]. Составленный каталог археологических источников позволяет заключить, что иглы были распространены в памятниках первых двух фаз эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья, датируемых в калиброванном значении XX–XV вв. до н. э. [Малов, 2007. С. 46–48].

Всего в каталог вошли 24 источника, содержащие по одной иголке. Культурная принадлежность 17-ти из них – срубная, в том числе два поселения (Преображенка-I, Сухая Мечетка) и один клад (Богатыревка). По две иглы обнаружены в юго-восточной группе Покровских и в Больше-Дмитриевских курганах. Находки игл на двух селищах убеждает в том, что они непосредственно использовались в повседневном быту носителями сруб-

ной культуры. Это подтверждают также находки игл на полах комплексов №№ 2 и 3 поселения Горный [Кузьминых, 2004. С. 86].

К фазе ПБВ1 относятся погребения из Покровского кургана 15, Сухой Саратовки и Алексеевки. Начало ПБВ2 представлено покровско-срубными (Краснополье, Чардым, Букатовка I) и синхронными с ними ранними срубными комплексами стадии 2.1. [Малов, 2012. С. 96–97]. Более поздние и многочисленные источники с иглами характеризуют классическую срубную культуру стадии 2.2 ПБВ2 (Покровск к. 13, Ровное, Б. Дмитриевка, Натальино, Букатовка II, Преображенка, Ш. Карамыш, Смеловка, Сухая Мечетка, Учхоз, Неткачево, Ртищево, Н. Покровка, Богатыревка, Н. Красавка) [Малов, 2014. С. 86–88].

подавляющее большинство комплексов составляют 21 погребение. Если учитывать совокупность раскопанных погребальных памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья, то следует признать, что иглы помещали в захоронения не часто. Можно предположить, что это регламентировалось нормами погребального ритуала, связанными с особыми сакральными представлениями о функциях данного орудия труда. Некоторые лица, захороненные с предметами, использовавшимися при прядении и ткачестве, могли иметь отношение и к ритуальной деятельности [Цимиданов, 2004. С. 81–88].

В 19 могилах была керамика покровской и срубной культуры. Симптоматично, что в двух источниках представлен сосуд и обломки керамики с веревочно-шнуровой орнаментацией: из Покровска, курган № 13, и погребение № 1 из кургана № 1 группы Новая Покровка 2. Вероятно, посуда с такой орнаментацией, символически изображающей швы, здесь оказалась в связи с тем, что умершие занимались прядением и вязанием нитей, шнуров, декоративной вышивкой, портняжным и швейным делом. Захоронение из Алексеевского могильника синташтинско-потаповское, 5 погребальных комплексов относятся к покровской культуре и один (Мессер) культурно не установленный.

В результате картографирования определена концентрация памятников на севере Нижнего Поволжья, вдоль волжского побережья и в бассейне рек донского бассейна. Это преимущественно зона степей и пограничье с южной лесостепью. В полупустыне и пустыне они пока не обнаружены, здесь иголки не входили в состав погребального инвентаря. Наиболее северными памятниками являются второй Алексеевский грунтовой могильник на правом берегу Волги и курган около Новой Покровки на р. Терешке, южными – Черebaевские курганы и селище на Сухой Мечетке. Наиболее восточный памятник – селище Преображенка-I на правом берегу р. Большой Иргиз. Самый западный – Ртищевский курган в бассейне р. Хопер.

Могильные ямы прямоугольной, изредка овальной формы, с деревянным перекрытием, как правило материковые. Погребения из Сухой Саратовки и Ртищево впущены в насыпь более древних курганов. Позы погребенных

и их ориентировка фиксируются не везде. Однако большинство (14 погребений) скелетов находились в позе адорации: Покровск, к. 13, 15; Ровное; Сухая Саратовка, Алексеевка; Большая Дмитриевка, к. 3 п. 14; Натальино, Широкий Карамыш; Учхоз, Букатовка; Неткачево, Новая Покровка, Нижняя Красавка. Только однажды покойник помещен в вытянутом положении с завалом на левый бок (Мессер). Скелеты обычно ориентированы черепом в северный сектор, имея отклонения к СВ или СЗ. Вместе с тем, есть восточная (Ровное, Краснополье) и южная (Сухая Саратовка, Большая Дмитриевка, к. 3 п. 14) ориентировки.

Вошедшие в каталог погребения срубной культуры имеют некоторые особенности. В Дмитриевке (к. 3, п. 14) на дне могилы 7 ребер мелкого рогатого скота, а вокруг черепа и под ним красная охра. Около дна – остатки, вероятно, венца от сруба. Дно посыпано мелом, сверху располагалась плетеная травянистая подстилка, а скелет накрыт берестой. Этот закрытый комплекс дополняет общее количество памятников срубной культуры Нижнего Поволжья с погребальными берестяными покрывалами [Малов, 2017. С. 53]. Кости животных встречены и в других комплексах. Ребра мелкого рогатого скота присутствовали в погребении из Смеловского могильника. На дне могилы в Чардымском кургане лежала нижняя челюсть свиньи. В кургане № 13 близ Покровска над могилой были кости коровы, а на дне – зола и тлен от стеблей растений. Охра зафиксирована в Натальино и Алексеевском могильнике. Меловая посыпка дна встречается редко (Дмитриевка, к. 3 п. 14, Натальино). Социально значимое погребение № 3 из кургана 15 около Покровска, относящееся к покровской культуре, располагалось в раме-срубке, а на южном краю могилы лежали кости ног и зубы крупного рогатого скота.

Половозрастные антропологические определения костяков единичны, но, с учетом бронзовых украшений женского типа (височные подвески и браслеты), преобладают женские: Покровск (к. 13, к. 15, п. 3), Ровное, Краснополье, Черебаево, Алексеевка, Большая Дмитриевка (к. 3, п. 14; к. 12, п. 10), Широкий Карамыш, Букатовка, Мессер, Неткачево. В некоторых из них есть сурьмяные или фаянсовые (пастовые) бусы. Однако в эпоху поздней бронзы мелкий бисер иногда встречается и в мужских захоронениях. Поэтому в число женских не включены два захоронения, содержавшие из украшений только бисер (Сухая Саратовка, Учхоз). В итоге женских 12, а бесспорно мужское только одно (Смеловка, погребение № 124). Деятельность женщин, связанных с шитьем и плетением, отражалась в погребениях иглами гораздо чаще, чем в мужских. Парных – четыре. Из них два содержат скелеты взрослых людей (Чардым, Натальино), а в Краснополье и Алексеевке – останки женщины и ребенка.

В похоронной обрядовой культуре отразилась принадлежность умерших к различным половозрастным и социальным стратам. Иголки представлены преимущественно там, где есть костяки взрослых людей. Только в одной индивидуальной могиле захоронен ребенок (Новая Покровка), при котором была самая короткая «ученическая» игла длиной 36 мм. Иглы относятся к категории опасных острых – колющих ручных инструментов, для работы с которыми следовало иметь определенные навыки и умения. Вероятно, поэтому они не только присутствуют преимущественно во взрослых погребениях, но и имеют здесь большую длину.

Относительно погребенных иглы расположены преимущественно за спиной, около плеча или коленей, между локтями и коленями. В погребальной практике иглы могли выполнять функцию булавок-застежек типа фибул на заупокойной одежде. Поэтому многие из них лежали на позвоночнике и грудной клетке, ближе к плечу и лопаточным костям (Сухая Саратовка, Натальино, Дмитриевка, к. 12 п. 10, Широкий Карамыш, Мессер), а также около тазовых костей (Неткачево, Нижняя Красавка).

Сечение стержня игл обычно округло-овальное, диаметром 2–3 мм, только у двух оно квадратное (Ртищево, Новая Покровка). Некоторые иглы погнуты или деформированы. Такая деталь отмечается и на иглах срубной культуры других регионов, как, например, на селище Горное [Кузьминых, 2004. С. 84–86, рис. 2.10, 1–4]. Выделяются экземпляры (Черебаево, Натальино, Ш. Карамыш, Букатовка I), где стержень корпуса надломлен ниже ушка под тупым, прямым и острым углом. Возможно, это связано с таким обрядовым явлением, как «умерщвление предмета и освобождение его души».

С древнейших времен иглы использовались в домашнем быту. Они применялись при вышивке, плетении (в том числе сетей), изготовлении и сшивании нитями тканей из различных материалов (шкур, кожи, замши, мехов, войлока, бересты и др.). Поэтому у них разная длина тем более, что игольные острия изнашивались и подправлялись, в результате орудия становились короче. Однако не все иглы сохранились полностью в хорошем или удовлетворительном состоянии.

По размеру иглы подразделяются на короткие, средние и крупные. Две самые короткие иглы длиной 36–40 мм обнаружены в детских погребениях около Новой Покровки и в Букатовке II (ушко утрачено). Длина остальных игл, происходящих из взрослых захоронений, варьирует от 52 до 110 мм, что в целом характерно для аналогичных орудий труда синхронного блока культуры. К средним отнесены экземпляры длиной от 52 до 70 мм: Краснополье, Большая Дмитриевка к. 12, Сухая Мечетка, Ш. Карамыш, Чардым, Учхоз, Неткачево, Ртищево. Длина самых крупных игл от 85 до 110 мм: Покровск к. 13 и

к. 15, Черебаево, Сухая Саратовка, Большая Дмитриевка к. 3, Натальино II к. 4, Букатовка I, Преображенка-I, Богатыревка, Нижняя Красавка.

Петельчатые ушки, куда вставлялась и крепилась нить, прослеживаются у 20 иголок. Изредка сохранилась только нижняя часть ушка. Они располагались на верхнем тупом конце и имели отверстие продолговато-овальной формы 1 x 3 мм. Этот конец расковывался, делался более тонким и затем отгибался в петельку, образуя зазор для нити. Возможно, что в Сухой Саратовке округлое отверстие было пробито в раскованном конце?

О толщине нитей можно также судить по размеру внутренних каналов пастовых и сурьмяных бус, малым отверстиям на пластинах металлических наконечников и костяных пряжек, а также по прошивке берестяных туесов и полотен. В целом они совпадают с диаметрами игольного корпуса и щелями для нитки в ушках. Диаметр канала бус обычно в пределах 1–2 мм. При этом в комплексе позднего бронзового века из Натальино II (к. 3 п. 1) сохранились остатки нити красного – коричневого цвета, на которую был нанизан бисер [Малов, 1992а. С. 45–46]. В данном случае были применены красители, различные способы получения которых были известны в эпоху палеометаллов.

Можно полагать, что иглами также работали с кожей. Кожаную обувь в степном Поволжье шили и носили в позднем бронзовом веке. Об этом свидетельствуют костяной и нефритовый амулеты в форме туфельки или башмачков с коротким голенищем и отверстием для подвешивания, происходящие из двух погребений срубной культуры. Один костяной экземпляр такой подвески, в форме башмачка с загнутым носком, найден в погребении № 2 кургана № 6 около с. Волчанка (рис. 7, 3). Примечательно, что здесь также встречен обломок бронзовой иглы и предмет, сделанный, вероятно из кожи [Кузнецова, Седова, 1991. С. 162, 175–176, рис. 1, 1; 8]. Другой, нефритовый амулет происходит из погребения № 7, кургана № 1 одной из Чардымских групп (рис. 7, 4), исследованных В.Г. Мироновым [Малов, 2000. С. 46].

Кроме игл, при шитье, изготовлении нитей и раскройке исходного материала, требовались другие приспособления и инструменты. Поэтому в погребальный набор мастеров швейного дела, кроме иголок, входят пряслица, ножи и шилья-острия. Костяные пряслица, характеризующие развитие прядильно-ткацкого домашнего ремесла, редко клали в могилы. Совместно с иглами они зафиксированы только в Краснополье и Букатовке II.

Пряслица дисковидной формы, сделанные из эпифизов бедренных костей крупного рогатого скота, широко представлены в срубной культуре степного Поволжья и других регионов [Синицын, 1969. С. 198, 204, рис. 1, 2; Шендаков, 1970. С. 238–241, рис. 1]. В эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья они чаще представлены на бытовых, чем в погребальных памятниках.

Мнение о том, что пряслица встречаются только в потаповских памятниках, является недоразумением [Матвеев, Добрынин, 2003. С. 150].

Однако другое заключение воронежских коллег о том, что пряслица в синташтинских и покровских захоронениях отражают преемственность или вектор развития именно абашевских традиций, представляется недостаточно убедительным [Матвеев, Добрынин, 2003. С. 150–151]. Дело в том, что авторы не указали количество абашевских комплексов с костяными пряслицами, где погребенные находились бы в скорченном положении на спине. Исследователи использовали при аргументации серию погребений покровской культуры из обширного региона, обозначив их термином «абашевско-срубные», где для умерших характерна иная позиция – поза адорации. В этой связи следует обратить внимание на другое противоречие, связанное с металлическими иглами. В абашевских культурах не была распространена погребальная традиция помещать такие швейные иглы в могилы, но она представлена в синташтинских, покровских и срубных закрытых комплексах.

Ножи, иглы и шилья-острия могли применяться не только в швейном деле и при обработке шкур, но также в хирургии, при иглоукальвании и нанесении татуировок. Нельзя исключать, что иглы использовались в качестве хирургического инструмента при сшивании ран и накладывании послеоперационных швов, поскольку в эпоху палеометаллов осуществлялись медицинские операции, в том числе и по трепанации. Череп с явными следами таких операционных вмешательств встречены в энеолитических и древнеямыных погребениях Нижнего Поволжья.

Два черепа времени ямной культуры с округлыми отверстиями, прикрытыми замыкающей пластинкой, обнаружены в зоне Чограйского водохранилища. В обоих случаях трепанация была сделана не менее, чем за год до смерти [Синицын, Эрдниев, 1979. С. 73–74]. На окраине г. Энгельса обнаружен энеолитический костяк мужчины 45–50 лет, на черепе которого было отверстие – результат искусственной трепанации. После этого оперированный прожил несколько месяцев [Дремов, Юдин, 1992. С. 19]. Зафиксирован факт операционного характера и на черепе покровской культуры ранней фазы эпохи поздней бронзы. Со стороны левого виска на женском черепе в погребении 2 кургана № 35 близ г. Покровска имелись следы надрезов, образующие четырехугольник [Малов, 2014а. С. 206, 211]. Вероятно, при таких операциях применялись и ножи. Они присутствуют вместе с иглами в четырех могилах: Покровск, к. 13, Сухая Саратовка, Алексеевка II, Букатовка II.

Вместе с иглами чаще всего встречаются такие ручные орудия как, короткие или длинные шилья-острия. Они отмечены в семи захоронениях: Краснополье, Сухая Саратовка, Большая Дмитриевка, к. 3 п. 14, Букатовка I и II, Учхоз, Ртищеве. При этом в Большой Дмитриевке и Ртищеве шилья имели костяную

рукоять. П.Н. Третьяков не исключал того, что в абашевской культуре шилья служили для татуировки [Малов, 1989. С. 91]. Теперь для этого имеются определенные основания. Например, на теле ледяной мумии Этци выявлена 61 татуировка. Она выполнена с помощью надрезов на коже, в которые втирали порошкообразный древесный уголь [Медникова, 2007. С. 12, 27; Samadell Marco, 2015; Albert Zink, 2018]. Здесь линии и «узоры» оказались сосредоточенными вокруг точек, используемых специалистами при иглоукалывании.

Шилья типологически неоднородны, бытуют в широком культурно-хронологическом и географическом ареалах. Иногда в одном погребении они представлены несколькими экземплярами и могли выполнять совершенно различные функции. Некоторые из них обоюдоострые, иногда с утолщением или упором в средней части. Шильями являются те острия, которые использовались для прокалывания берестяных, кожаных и других плотных материалов, необходимых для изготовления контейнеров (туесков, посуды), одежды, обуви, мешков и др. Они имели деревянные или костяные рукояти, а противоположный от пятки, где крепилась рукоять, их рабочий конец был острым. О.А. Кривцова-Гракова связывала большинство шильев с изготовлением кожаных вещей [Кривцова-Гракова, 1955. С. 56].

Выделяются односторонние шилья, у которых один конец тупой. Около середины прошлого века их стали выделять в особый тип, который в нижневолжском регионе представлен не только в Покровских курганах 7 и 15. Он известен и в погребальных комплексах других культур эпохи поздней бронзы Евразии. Некоторые из «шильев» этого типа не были частью так называемых «стрекал», а вполне могли использоваться мастерами при изготовлении некоторых категорий металлических предметов. О.А. Кривцова-Гракова полагала что, шилья с одним тупым концом служили чеканами для выбивания украшений в виде выпуклостей на металлической посуде [Кривцова-Гракова, 1956. С. 57]. И.В. Сеницын также отметил, что четырехгранные в сечении бронзовые стержни с тупым концом из Скатовского кургана № 11 являются пробойниками или чеканами, но их неправильно называют шильями [Сеницын, 1959. С. 193–194].

Однако есть односторонние шилья с тупым рабочим концом (деревянные рукоятки были или не фиксируются), которые многие исследователи, без достаточно убедительной аргументации, интерпретируют в качестве «стрекал». Некоторые археологи даже считают их одним из существенных признаков погребений колесничих. Шилья с тупым рабочим концом, помещенные в футляры, или с короткими деревянными, либо костяными рукоятками, явно не служили «стрекалами». Не углубляясь в методические проблемы изучения «стрекал», отметим что, историографический анализ обоснования гипотезы и методики их выделения заслуживают специального рас-

смотрения. Кроме того, некоторые из «шильев-стрекал» окажутся деталями станковых свёрл, как например шестигранный предмет в погребении № 2 Покровского кургана № 7 и острие из могильника Селезни-2 [Моисеев, 2002. С. 85–90; Малов, 2003. С. 167–168, 207, рис. 1, 5, 8, 10].

Металлические иглы очень редко встречаются в кладах позднего бронзового века. В каталог источников вошел один клад – Богатыревский. По времени обнаружения он шестой из числа найденных в Нижнем Поволжье. Клады и иглы происходят из северной части Нижнего Поволжья – зоны степей и южного пограничья лесостепи со степью. Самые северные клады Сосново-Мазинский и Знаменский, южный – Приморский, восточный – Перелюбский, западный – Богатыревский. В зоне полупустынь и пустынь пока не обнаружены и литейные формы эпохи поздней бронзы [Малов, 2005. С. 17–18]. В Нижнем Поволжье совпадают ареалы распространения кладов, игл и литейных форм эпохи поздней бронзы.

Богатыревский клад. Богатыревский клад выделяется не только небольшим весом, но и тем, что содержит единичные категории не однотипных орудий различного предназначения. По набору вещей богатыревский комплекс авторы публикации справедливо соотнесли с Лобойковским кладом, а металл изделий, близкий к химической группе ВК, сопоставили с уфимско-оренбургскими залежами медистых песчаников [Лопатин и др., 2015]. Кроме Лобойковского, иглы входят в состав клада, обнаруженного на территории Ростовкинского могильника [Матющенко, Сеницына, 1988. С. 101, рис. 89]. Клады далеко не всегда имеют отношение к конкретному археологическому памятнику. Богатыревский клад медных изделий обнаружен не там-же, где находится и селище срубной культуры Медведицкое I. Хотя они расположены на разных берегах одной реки, между местом обнаружения клада и поселением обширная лесистая пойма. Богатыревский клад найден не вблизи поселения или кургана позднего бронзового века. Хотя около села Богатыревка, за речкой Грязнухой, а не на берегу Медведицы, располагались курганы [Рыков, 1923. Л. 20]. Что касается технологии изготовления, то игла возможно была откована из литого дрота методом растяжки [Лопатин и др., 2005. С. 182]. По заключению А.Д. Дегтяревой синташтинские иглы также изготавливались в результате свободнойковки прутков-заготовок. В результате кузнечных операций осуществлялась вытяжка корпуса, его сечение достигало определенных очертаний, заострялось рабочее окончание и формировалось ушко [Дегтярева, 2010. С. 121].

Знаменский клад. Один из кладов малого веса с минимальным числом предметов обнаружен в 1869 г. в селе Знаменском Вольского уезда Саратовской губернии. Знаменский клад, относимый к концу бытования культур валиковой керамики – финальной бронзе фазы ПБВЗ (стадии 3.2. ХКВК), со-

держал два предмета: кельт и копьевидное долото [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12-13, рис. 1, V; Бочкарев, 2008. С. 245-252; Малов, 2013. С. 112]. Знаменское или Черкасское – богатое имение Уваровых [Лунин, 1869. С. 21-24]. Изначально село называлось по имени первого владельца – «Черкасское». Именовалось оно также «Знаменским» по своему храмовому празднику. В первой половине XIX в. оно принадлежало С.С. Уварову – государственному деятелю, президенту Петербургской АН, министру просвещения, который в 1827 г. построил в имении храм в честь Знамения Пресвятой Богородицы. Потом оно перешло в собственность к его сыну, одному из известных российских археологов графу А.С. Уварову, в состав коллекции которого и вошел Знаменский клад. После кончины Алексея Сергеевича владелицей имения стала его жена П.С. Уварова – президент Императорского Московского археологического общества и почетный член СУАК. Это поселение, за которым закрепилось название Черкасское, расположено в бассейне р. Терешки и в административно-территориальном отношении входит в состав Вольского района Саратовской области.

Сосново-Мазинский клад. Наиболее металлоемкий Сосново-Мазинский клад обнаружен в 1901 г. при распашке поля между с. Сосновая Маза и деревней Елховка Хвалынского уезда Саратовской губернии. Вес переданных в ГИМ предметов 21 кг. Памятник, давший название хвалынской культуре позднего бронзового века, относится к периоду ранних срубно-хвалынских памятников с валиковой керамикой, ориентировочно бытовавших 1300–1200 лет до н. э. [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12-13, рис. 1, IV. С. 47-58. С. 318, табл. 108; Малов, 2013. С. 89-92]. Большую и основную часть клада составляли «серпы-косари», было несколько кинжалов, кельтов, долото и слиточек меди [Черных, 1970. С. 64, 68, 134, рис. 55, 11-14; 59, 8-12; табл. 11]. Некоторые вещи, из числа «разошедшихся по рукам» и серп из села Сосновая Маза, происходящий не из клада (СОМК, КЗВ СУАК № 225), поступили в музей спустя много лет после его обнаружения [Малов, 2008. С. 420-422]. Сейчас к нему следует относить 84 экспоната, основная часть которых находится в ГИМ. Два предмета из клада сохранились в Саратовском областном музее краеведения: кельт – поступил в 1908 г. (СМК № 929/568) и серп-косарь – поступил в 1912 г. (Книга записи вещей СУАК. СМК № 571/38584). Еще три находки, переданные М.А. Радищеву находчиком клада крестьянином Т.М. Токаревым, хранятся в Хвалынском краеведческом музее. Они заслуживают специального анализа и публикации. Это кинжал размером 34 x 5, 6 x 1,4 см (№ 3237); серп косарь размером 22, 8 x 5,6 x 1 см (№ 3238); обломки от серпа-косаря размером 4,4 x 4,1 см (№ 3239).

Из степного Заволжья происходят три клада.

Ново-Порубежский клад. Выпахан крестьянами в 1924 г. недалеко от села Новая Порубежка Пугачевского района Саратовской области. Содержал медные вещи общего веса 20 фунтов или около 5 кг. Полный перечень предметов, входивших в его состав и проданных слесарю, неизвестен. Имеются сведения только об одном тесле с цапфами времени культур валиковой керамики фазы ПБВ 3 – ХКВК, которое поступило в Пугачевский краеведческий музей [Малов, 2013. С. 105–107, рис. 1, 1].

Перелюбский клад. В 1964 г. около села Перелюб Перелюбского района Саратовской области, на правом берегу р. Камелик, выкопан клад общим весом около 6 кг, содержащий 16 медных крюкастых серпов, два из которых утрачены. В СОМК были доставлены 13 целых экземпляров и один обломанный [Синицын, 1969. С. 206–207, рис. 3; Черных, 1970. С. 62, 130, рис. 53, 1–3. № 5116–5118; Максимов, 1972. С. 178–181, рис. 1; Памятники., 1993. С. 88. № 2. С. 159–160, табл. 29, 2–12; 30, 1–3]. В 1967 г. И.В. Синицын обследовал место находки и установил, что клад был зарыт в небольшой грунтовой яме на глубине 0,75 м около одиночного кургана. Перелюбские жатвенные серпы выделяются в особый тип и связывают в Нижнем Поволжье с носителями культурных групп валиковой керамики периода III эпохи поздней бронзы (1400–1300 до н. э.) срубно-хвалынской стадии ПБВ 3.1– ХКВК [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12–13, рис. 1, С. 107; Малов, 2013. С. 105].

Приморский клад. Найден в 1988 г. на окраине поселка Приморск Быковского района Волгоградской области [Сергацков, 1995. С. 113–117, рис. 1]. Содержал 8 бронзовых крюкастых серпов, два из которых поступили на хранение в Волгоградский краеведческий музей. Клад относят к варианту «Дербедень» времени существования срубно-хвалынских памятников типа селища Смеловка фазы ПБВ 3.1– ХКВК периода III эпохи поздней бронзы (1400–1300 до н. э.) [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12–13, рис. 1. С. 92. № 421, 422; Малов, 2013. С. 106–110, рис. 3].

Сокровища кладов объясняется экономическими, вотивными (религиозными), социокультурными (процессуальными) и другими причинами. Небольшое, в количественном отношении, собрание готовых металлических предметов из Знаменского клада представляло значительную реальную, символическую и универсально-престижную ценность. В престижных обществах эпохи «военного вождевластия», когда существовала покровская культура, металлические клады и вещи олицетворяли богатство, власть и сакральную мощь. Это широко использовалось элитой бронзового века для демонстрации своего социального статуса с помощью погребальных обрядов, других культовых и общественных действий, жертвуя богам накопленные сокровища в виде кладов, или снабжая покойников богатым металлическим инвентарем [Бочкарев, 2002. С. 49–53].

Феномен цикличности или взаимосвязи между депонированием металлических кладов и помещением в могилы значимого металлоемкого инвентаря наблюдается в Нижнем Поволжье. Здесь не обнаружены клады одновременные покровской культуре, элита которой предпочитала депонировать металлические вещи и другие предметы в захоронениях. Найденные клады относятся к более позднему периоду. Они сокрыты во время бытования срубных (Богатыревка), срубно-хвалынских (Новая Порубежка, Сосновая Маза, Перелоб, Приморск) и поздних (Знаменское) хвалынских памятников с валиковой керамикой. К тому же, в них присутствует металлический набор, который не депонировался в могилах. Именно на вторую половину II тыс. до н. э. приходится наиболее активное сокрытие кладов позднего бронзового века в Нижнем Поволжье.

Литература:

Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Работы на севере Саратовской области // АО-1977. М.: Наука, 1978.

Агапов С.А., Кузьминых С.В. Металл Потаповского могильника в системе Евразийской металлургической провинции // Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во Самарского университета, 1994.

Беседин В.И. Острореберные сосуды абашевской общности // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 7. Рязань, 1998.

Бочкарев В.С. Проблема интерпретации европейских кладов металлических изделий эпохи бронзы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 2002.

Бочкарев В.С. Знаменская находка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов: Изд-во СГУ, 2008.

Бочкарев В.С. «Киммерийские» котлы // Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. ИИМК РАН. СПб: «Инфо Ол», 2010.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский могильник индоиранских племен на Волге. Самара: Изд-во Самарского университета, 1994.

Виноградов Н.Б. Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н. э. (памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск, 2011.

Воскресенский С.Г. Вольский район // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, событиях, фактах, именах). Саратов: Приволжское изд-во, 2011.

Галкин Л.Л. Отчёт о раскопках Энгельсского отряда Средневожской экспедиции АН СССР 1974 г. // Архив ИА РАН. Фонд Р-1, Дело № 6467.

Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Ч. 1. Челябинск: Челябинский гос. университет, 1992.

Горбунов В.В. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век Южного Приуралья. Уфа: Башкирский гос. педагогический ин-т, 1985.

Городицов В.А. Бронзовый век на территории СССР // БСЭ. М., 1927. Т. 7.

Готье Ю.В. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Т. I. Ленинград: Изд-во Брокгауз-Ефрон, 1925.

Дебец Г.Ф. Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // Антропологический журнал. № 1. 1936.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: «Наука», 2010.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2002.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Павленок Г.Д., Белоусова Н.Е. Костяная игла начала верхнего палеолита из центрального зала Денисовой пещеры (по материалам раскопок в 2016 году) // Проблемы, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Вып. XXII. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2016.

Дремов И.И., Юдин А.И. Древнейшие подкурганные захоронения степного Заволжья // РА. № 4. 1992.

Дьяченко А.Н., Кривошеев М.В., Шинкарь О.А. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 2. Волгоград, 2006.

Евтюхова О.Н. К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры // МИА. № 97. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

Евтюхова О.Н. Керамика абашевской культуры в Среднем Поволжье // Памятники каменного и бронзового веков Евразии. М.: «Наука», 1964.

Итина М.А. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча 3 // Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 5. М., 1961.

Ким М.Г. Отчет об археологических раскопках курганов у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области. 1979 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1 № 7015.

Ким М.Г. Могильник срубной культуры у с. Дмитриевка // АО-1979. М., 1980.

Королев А.И., Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А., Хохлов А.А. Неординарное погребение энеолитического могильника Екатериновский Мыс // Поволжская археология. № 3 (25). Казань: Изд-во «Фэн», 2018.

Кузнецов П.Ф. Вопросы соотношения колесничных культур ранней фазы позднего бронзового века // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железного века в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. Гос. ун-та, 2014.

Кузнецов П.Ф., Семёнова А.П. Памятники потаповского типа // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000.

Кузнецова Л.В., Седова М.С. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье // СА. № 3. 1991.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Уч. пособие. Самара: Самар. Пед. ин-т, 1992.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в Самарском Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000.

Кузьминых С.В. Металл и металлические изделия // Каргалы, Т. III: Селище Горный: Археологические материалы. Технология горно-металлургического производства: Археологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. // МИА № 46. М.: Изд-во АН СССР, 1955.

Ломкин А.В. Археологические исследования у поселка Учхоз // Древности Волго-Донских степей. Вып. 5. Волгоград: «Перемена», 1995.

Лопатин В.А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Исследование курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 7. Саратов: «Научная книга», 2006.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.

Лопатин В.А. Отчёт об археологических исследованиях поселения и кургана № 3 эпохи поздней бронзы у с. Нижняя Красавка Аткарского района Саратовской области в 2016 году (по открытому листу № 543) // Архив Института археологии и культурного наследия СГУ.

Лопатин В.А., Леонтьева А.С., Четвериков С.И. Богатыревский клад // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 11. Саратов, 2015.

Лунин А.А. Историко-статистическое описание селений Вольского уезда Саратовской губернии. Вольск: Типография В.А. Борщинского, 1869. Вып. 4.

Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов // Срубная культурно-историческая область. Материалы III Рыковских чтений. Саратов: Изд-во СГУ, 1994.

Малов Н.М. Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов: Изд-во СГУ, 1986.

Малов Н.М. Отчет о раскопках Широко-Карамышских курганов и Смеловского селища в Саратовской области за 1987 год // Архив археологической лаборатории СГУ.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во СГУ, 1989.

Малов Н.М. «Абашевские племена» Нижнего Поволжья (памятники покровского типа). Автор. дис ... канд. ист. н. СПб.: ИИМК РАН, 1992.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во СГУ, 1992а. Вып. 3.

Малов Н.М. Золото и серебро в срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Вып. 11. Саратов: Изд-во СГУ, 2000.

Малов Н.М. Погребение срубной культуры из Александрово-Гайского кургана // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов: Изд-во СГТПП, 2000а.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М. Литейные формы с Нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов: Изд-во СГУ, 2005. Вып. 12.

Малов Н.М. Покровская культура начала эпохи поздней бронзы в северных районах Нижнего Поволжья: по материалам поселений срубной культурно-исторической области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: «Научная книга», 2007. Вып. 5.

Малов Н.М. Сосново-Мазинский клад: история обнаружения и комплектования коллекции // Тр. II (XVIII) Всерос. Археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 1.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы пе-

риодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб: «Скифия-принт», 2013.

Малов Н.М. Памятники срубной культурно-исторической области в Нижнем Поволжье: концептуальные основы культурурогенеза // Древние культуры Юго-восточной Европы и Западной Азии. Сборник к 90-летию со дня рождения и памяти Н.Я. Мерперта. М.: Институт археологии РАН, 2014.

Малов Н.М. Необычное парное погребение из Покровского кургана № 35 начала эпохи поздней бронзы: по материалам раскопок П.С. Рыкова // Арии степей Евразии: эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: сб. памяти Е.Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. Гос. ун-та, 2014а.

Малов Н.М. Профессор П.С. Рыков – исследователь позднего бронзового века Поволжья, Волго-Уральского и Волго-Донского междуречья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2016. Т. 16. Вып. 3.

Малов Н.М. Туески, берёзовая кора и древесина в погребениях покровской и срубной культур позднего бронзового века Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2017. Вып. 13.

Малов Н.М. Погребение эпохи поздней бронзы из кургана на выгоне города Покровска: раскопки П.Н. Шишкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 3.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука КазССР, 1966.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1979.

Массон В.М. Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы палеоэкономики, культурурогенеза и социогенеза // Археологические изыскания. СПб: ИИМК РАН, 1996. Вып. 35.

Матвеев Ю.П., Добрынин А.В. Костяные пряслица в памятниках абашевского ареала // Серия «Археология Восточноевропейской лесостепи». Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2003. Вып. 17.

Матющенко В.И., Синицына Г.В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988.

Медникова М.Б. Неизгладимые знаки: Татуировка как исторический источник. М.: Изд-во: Язык славянской культуры, 2007.

Миронов В.Г. Отчёт о раскопках кургана эпохи бронзы у с. Чардым, Воскресенского района Саратовской области Воскресенской экспедицией СГУ и СОМК в 1987 г. // Научный архив СОМК.

- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: «Наука», 1985.
- Моисеев Н.Б.* Реконструкция лучкового сверла эпохи бронзы (на основе материалов Селезневских курганов доно-волжской абашевской культуры // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.
- Мыськов Е.П., Лапшин А.С.* Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка и Ерзовские курганные могильники. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. Коллектив авторов. Ответственный ред. Н.М. Малов. Саратов: Изд-во СГУ, 1993. Вып. В1-10.
- Равдоникас В.И.* История первобытного общества. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1947. Ч. II.
- Рыков П.С.* Отчет об археологических раскопках и разведках в Саратовской губ. и области Немцев Поволжья, произведенных летом 1923 года // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, 1923. Арх. № 116.
- Рыков П.С.* О раскопках П.С. Рыкова в АССР немцев Поволжья, Нижнем Поволжье и в Уральской губ. Отчет за 1925 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2, 1925. Арх. № 204.
- Рыков П.С.* Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Известия Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжск. Области при Саратовском гос. университете). Саратов, 1926. Т. 1.
- Рыков П.С.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье // Известия краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской обл. при СГУ. Саратов, 1927. Т. II.
- Рыков П.С.* Раскопки П.С. Рыкова в Нижнем Поволжье. Переписка и отчет за 1930 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. № 2, 1930. Арх. № 221. Л. 55-69.
- Рыков П.С.* Археологическая экспедиция по Хопру // Сообщения ГАИМК. № 8. 1931.
- Рыков П.С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов: СаркрайГИЗ, 1936.
- Семенова А.П.* Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000.
- Сергацков И.В.* Клад бронзовых серпов из поселка Приморск // Древности Волго-Донских степей. Волгоград: «Перемена», 1995. Вып. 5.
- Синицын И.В.* Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья // СА. М.-Л., 1949. Вып. XI.
- Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.) // МИА, № 60. М., 1959.

Синицын И.В. Поселение Осинов-Гай в Заволжье // Древности Восточной Европы. М: Изд-во «Наука», 1969.

Синицын И.В., Эрднеев У.Э. Трепанация черепа в древности // Археологические памятники Калмыкии. Элиста: Калмыцкий ННИИФЭ, 1978.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. № 90. Б.Г. Тихонов, Ю.С. Гришин. Очерки по истории производства в Приуралье и южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960.

Тупалов И.В. Курган эпохи бронзы у г. Ртищево // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. Вып. 8.

Халиков А.Х., Пряхин А.Д. Абашевская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: «Наука», 1987.

Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населения срубной культуры // Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. М.: 1999.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Институт археологии НАН Украины. Донецк, 2004.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. № 172. М.: Изд-во «Наука», 1970.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.: Изд-во «Наука», 1976.

Черных Е.Н. Каргалы. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития; Каргалы в системе металлургических провинций; Потаенная (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов. М.: Язык славянской культуры, 2007.

Шалагина А.В., Боманн М., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Из-во Алтайск. Гос. ун-та, 2018. Том 21, № 1 (2018).

Шарафутдинова Э.С., Кузьмина О.В. Хроника семинара «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Изд-во Сам ГПУ, 1995.

Шендаков Г.Н. О пряслицах срубной культуры // СА. № 1. 1970.

Шилов В.П. К вопросу о связях Поволжья и Кавказа с Трансильванией в начале II тысячелетия до н. э. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М.: Изд-во «Наука», 1977.

Юдин А.И. Курганы эпохи бронзы у села Новопокровка и станции Чернавка // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ран-

ней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005–2006 гг.). Саратов: Изд-во «Научная книга», 2010.

Rau P. Höckergräber der Wolgasteppe // Mitteilungen des Zentralmuseums der aut. Soz. Räte-republik der Wolgadeutschen. Jahregang 3, Heft 1. Pokrowsk, 1928.

Rukov P. Die Chvalynsker kultur der Bronzezeit an der unteren Wolga (Хвалынская культура бронзовой эпохи на Нижней Волге) / ESA. В. I. Helsinki, 1927.

Samadell Marco, Melis Marcello, Miccol Matteo, Vigl Eduard Egarter, Zink Albert R. Complete mapping of the tattoos of the 5300-year-old Tyrolean Iceman // Journal of Cultural Heritage. Volume 16, Issue 5, 2015.

Albert Zink, Marco Samadelli, Paul Gostner, Dario Piombino-Mascali. Possible evidence for care and treatment in the Tyrolean Iceman // International Journal of Paleopathology. Available online 8 August 2018. <https://doi.org/10.1016/j.ijpp.2018.07.006>

Рис. 1. Бронзовые иглы. 1, 8 - Покровск ю. в. группа к. 15 п. 3; 2 - Натальино II к. 4 п. 6; 3 - Дмитриевка к. 3 п. 14; 3, 18 - Дмитриевка к. 12 п. 10; 4 - Преображенское селище; 5 - Нижняя Красавка к. 3 п. 5; 6 - Букатовка II к. 4 п. 4; 7 - Ш. Карамыш к. 4 п. 5; 9 - Неткачево. к. 16 п. 14; 10 - Черебаево к. 2 п. 3; 11 - Чардым к. 1 п. 11; 12 - Сухая Мечетка селище IV; 13 - Ртицево-1 к. 1 п. 3; 14 - Букатовка II к. 4 п. 4; 15 - Новая Покровка 2 к. 1 п. 1; 16 - Учхоз 1 к. 3 п. 3; 17 - Болдыревский клад

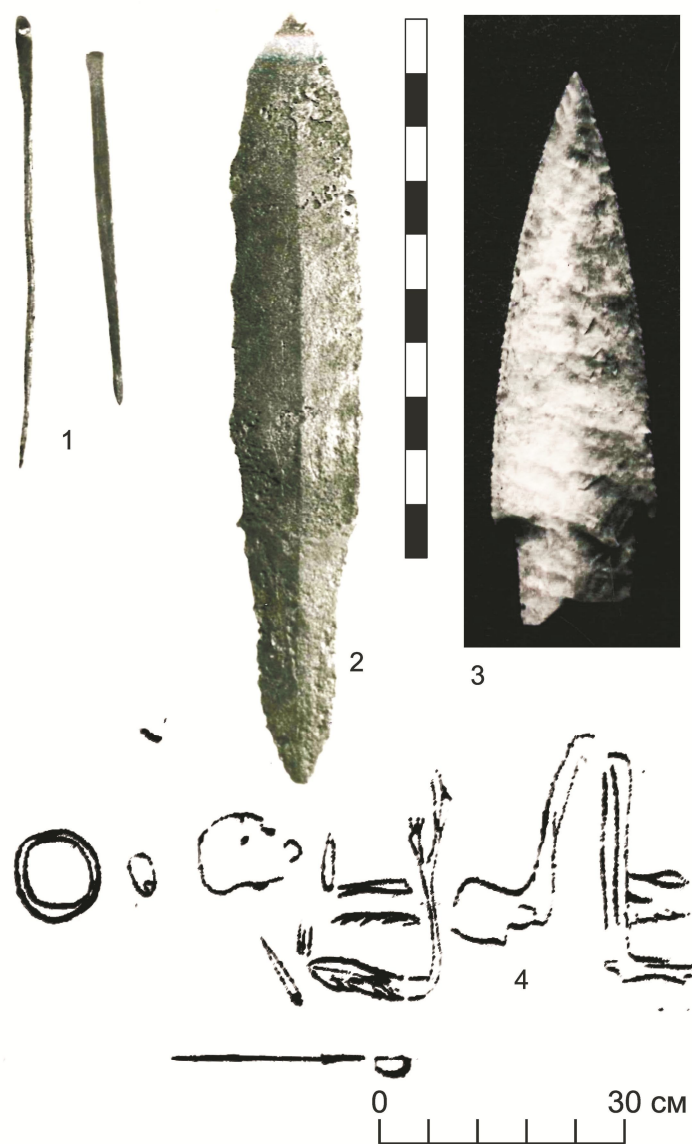

Рис. 2. Сухая Саратовка-I. Курган 6 погребение 4. 1 - Бронзовая игла и шило; 2 - Бронзовый нож; 3 - Наконечник копья-дротика из кремния; 4 - План погребения 4

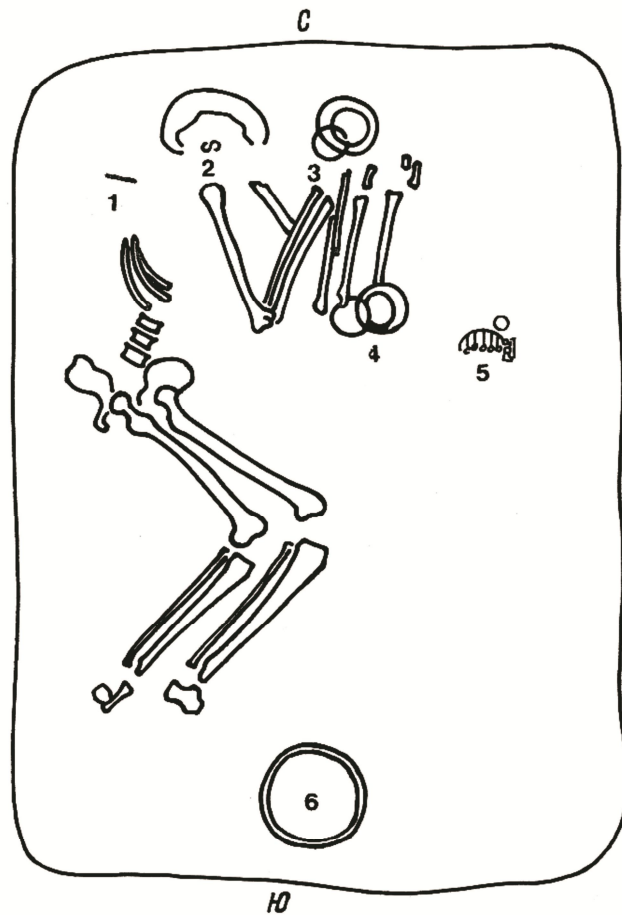

Рис. 3. Расположение вещей на плане погребения 3 из кургана 15 юго-восточной группы около г. Покровска. 1 – Бронзовая игла; 2 – Бронзовые височные подвески; 3, 4 – Бронзовые браслеты; 5 – Украшение из бронзовой бляшки, пастовых и сурьмяных бусинок; 6 – Керамический сосуд

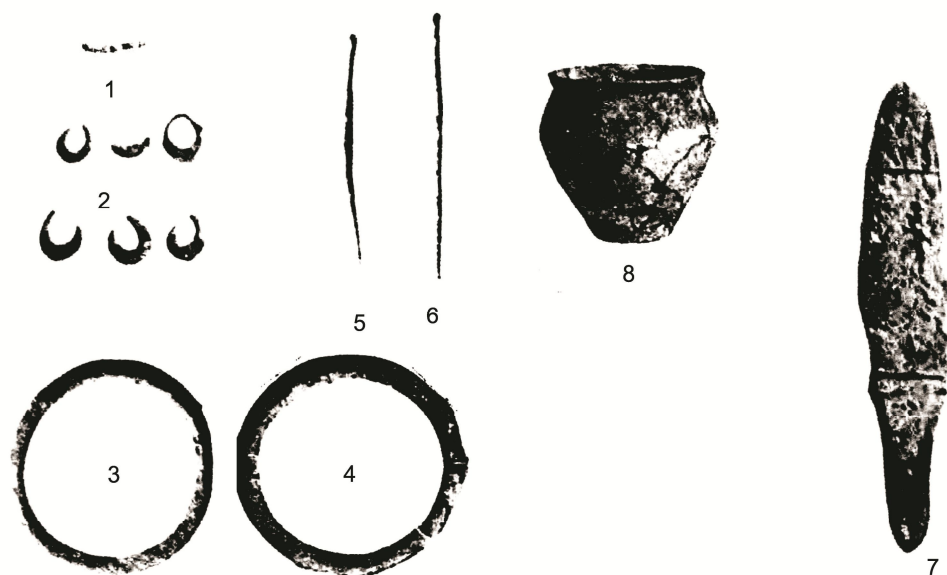

Рис. 4. Вещи из погребения в кургане 13 (5, 7, 8) и могилы 3 в кургане 15 (1-4, 6) юго-восточной группы около г. Покровска

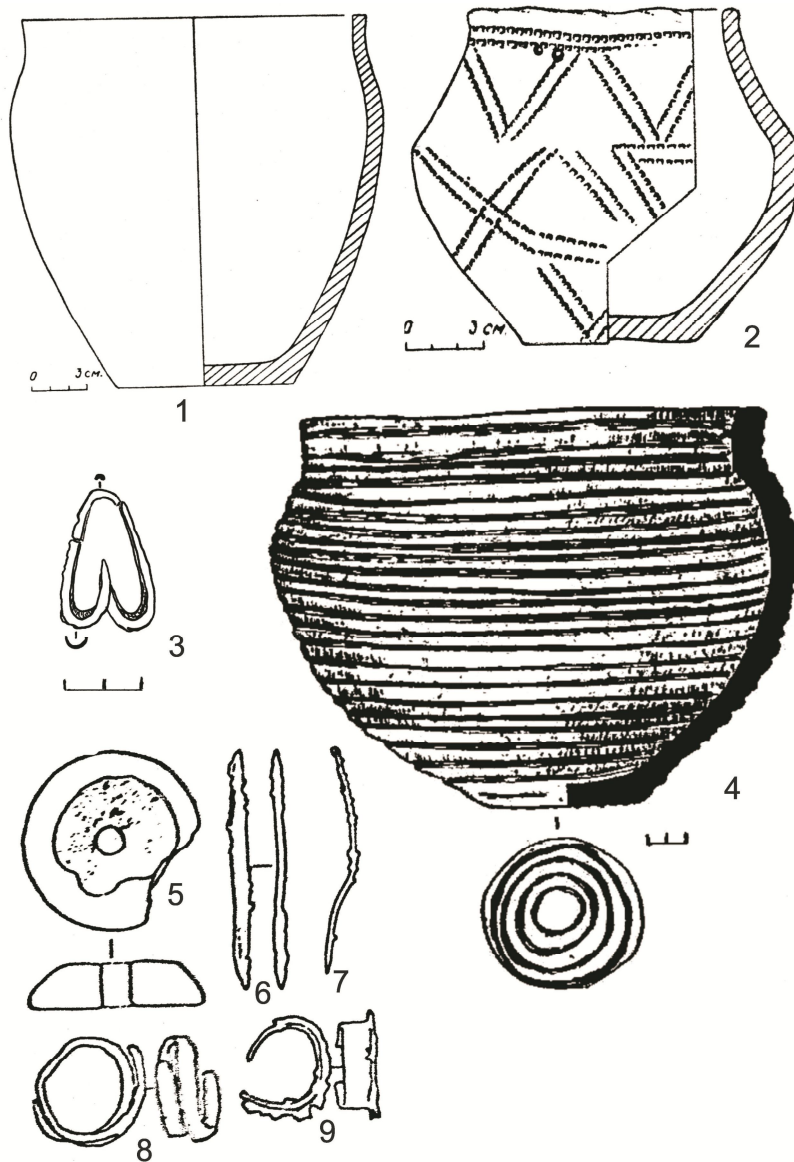

Рис. 5. Инвентарь из погребений. 1-3 - Широкий Карамыш («Горбатый мост») к. 4 п. 5; 4 - Сухая Саратовка-I. Курган 6 погребение 4; 5-9 - Краснополье (Прайс). Курган E14, погребение 1

Рис. 6. Инвентарь из погребений. 1 - Натальино-2 к. 4 п. 6;
2 - Покровск ю. в. группа к. 13; 3, 4 - Сухая Саратовка-I. к. 6 п. 4

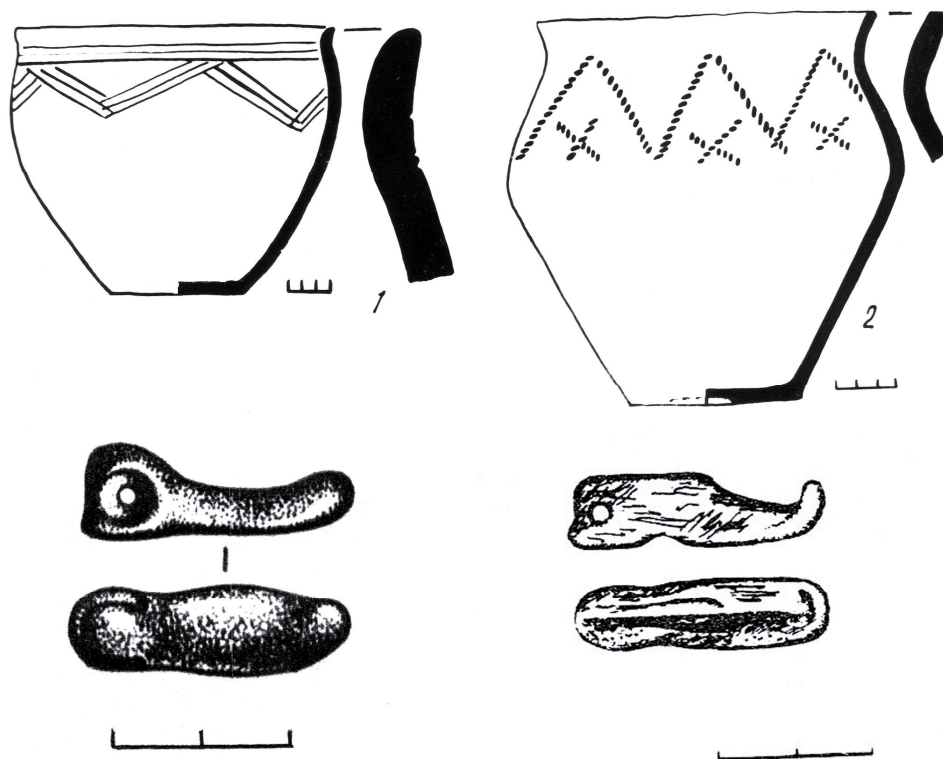

Рис. 7. Керамические сосуды и подвески в форме туфелек.
1 -Керамика из Покровской ю. в. группы. к. 15 п. 3; 2 - к. 13;
3 - Костяная подвеска-амулет: Волчанка к. 6 п. 2;
4 - Нефритовая подвеска: Чардым к. 1 п. 7

УДК 902(470.61)|637.7|
ББК 63.4(235.7)

Сергеева О.В.

РАСКОПКИ ПОСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
«РЕБРИКОВСКОЕ I» В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В 2018 большой площадью исследовано поселение эпохи поздней бронзы Ребриковское I, расположенное в Красносулинском районе Ростовской области. Статья в полном объеме вводит в научный оборот результаты данного исследования. На поселении раскопано 12 котлованов построек с каменными стенами и длинными тамбурами-входами. Постройки нескольких типов: однокамерные и многокамерные. В части из них найдены колодцы. В раскопе собрано большое количество керамики и орудий труда, в основном связанных с кожевенным производством. В статье дан анализ керамической коллекции, находок из камня и кости. Поселение относится к позднесрубной культуре, датируется III – нач. IV этапа (XIV–XIII вв. до н. э.).

Ключевые слова: Нижнее Подонье, позднесрубная культура, каменная постройка, колодец, керамика, костяное орудие

Sergeyeva O.V.

EXCAVATIONS OF THE SETTLEMENT REBRIKOVSKOYE I
OF THE LATE BRONZE AGE IN THE ROSTOV REGION

In 2018, the large area of the Late Bronze Age settlement Rebrikovskoye I, located in the Krasnosulinsky district of the Rostov region, was explored. The article fully introduces the results of this study into scientific use. 12 pits of stone walls buildings with long entrances were excavated at the settlement. Buildings are of the several types: single-chamber and multi-chamber. In some of them the wells

were found. A large number of ceramics and tools, mainly connected with leather making, were found in the excavation. The article contains the analysis of the ceramic collection and the findings made of stone and bone. The settlement belongs to the late timber-grave culture of III – early IV stage (XIV–XIII centuries BC).

Keywords: Nijneye Podonye region, late timber-grave culture, stone building, well, ceramics, bone tool

Основная задача статьи ввести в научный оборот, как можно более полным объемом, материалы поселения эпохи поздней бронзы Ребриковское I, расположенного в Красносулинском районе Ростовской области. Поселение раскопано большой площадью. Основная масса находок принадлежит эпохе поздней бронзы. К этому времени относятся и исследованные каменные постройки. Кроме этого, в раскопе в небольшом количестве встречена керамика средневековья, которая планиграфически отделяется от позднебронзовой.

Поселение «Ребриковское I» располагается в 0,6 км к юго-востоку от окраины х. Ребриковка Красносулинского района Ростовской области. Памятник находится на мысу, образованном изгибом русла реки Кундрючья. На севере и северо-востоке граница проходит по руслу реки, а на юге-юго-западе – по краю мыса, у подножия возвышающейся террасы, которая амфитеатром охватывает территорию поселения (рис. 1). Аналогичное расположение памятников наблюдается и на других позднебронзовых поселениях Почтовое, Мечетное 1 [Цыбрий, Ларенок, 2009. С. 50; Пробейголова, 2014. С. 319].

Размеры поселения по линии «северо-запад – юго-восток» составляет 480 м, по линии «северо-восток – юго-запад» 250 м. Территория памятника полностью находится под современными земельными сельхозугодьями и подвержена многолетней интенсивной распашке.

Памятник открыт экспедицией НП «Южархеология» под руководством А.Л. Исакова в 2011 г. общая площадь объекта культурного наследия – 120.000 кв. м. Площадь раскопа составила – 7750 кв. м

Раскоп заложен непосредственно в границах проектируемой трассы, идущей через центральную часть памятника. Он имел сложную конфигурацию (рис. 2, 1) и соответствовал всем изгибам проектируемого трубопровода. Общая длина раскопа 220 м.

В целом **стратиграфия** раскопа простая.

- Пахотный слой – серо-коричневая гумусированная супесь. Мощность до 0,3 м.
- Коричневая супесь, мощность 0,1-0,25 м до 0,6 м в районе котлованов построек. Данный слой составляет культурный горизонт, принадлежащий поздней бронзе.

- Коричнево-желтая супесь, плавно осветляющаяся книзу, мощностью 0,2-0,4 м.

- Материк – плотная глина.

В центральной части раскопа выявлено старое русло реки, в настоящее время сnivelированное распашкой.

На площади раскопа обнаружено 17 объектов. Все они относятся к эпохе поздней бронзы (рис. 1; 2).

Условный пласт 1 приходится на пахотный слой, он содержал незначительное число находок. Это фрагменты круговой и лепной керамики (рис. 1, 1-9), кости животных.

Индивидуальные находки:

1 – кв. 220 – крышка каменная, подовальной формы, размер 9,4 x 8,3 см.

2 – кв. 166 – костяное орудие изготовлено из трубчатой кости крупного животного, сегментовидной формы, на поверхности видны неглубокие насечки. Длина 13,9 см, максимальная ширина 3,5 см.

3 – кв. 166 – костяное орудие изготовлено из трубчатой кости крупного животного, сегментовидной формы, на поверхности видны неглубокие насечки. Длина 12,5 см, максимальная ширина 3,3 см, толщина от 0,9 до 2,5 см.

4 – кв. 183 – кремневая пластина. Размер: 3,1 x 2 см (рис. 3, 8).

5 – кв. 164 – каменное орудие плоское полукруглой формы с обработанным краем. D – 5,5 см, толщина 1,3 см (рис. 3, 3).

6 – кв. 256 – Нуклеус(?) кремневый? размер 4 x 3,5 см (рис. 3, 9).

Условный пласт 2 включает в себя нижний слой пашни и слой серо-коричневого суглинка. В пределах пласта находки распределены неравномерно, большое количество квадратов вообще их не содержали. В районе построек число находок резко возрастает. В пласте найдены фрагменты лепной керамики, кости животных, костяные и каменные орудия (рис. 3, 3-5; 10-27).

Индивидуальные находки:

1 – кв. 74 – скребок кремневый на отщепе, размер 2,8 x 3,6 см (рис. 3, 12).

2 – кв. 146 – крышка каменная округлой формы. D – 7 см.

3 – кв. 242 – заготовка костяного изделия из плоской кости животного в форме лопаточки, размером 5,7 x 4,8 см (рис. 4, 25).

4 – кв. 258 – крышка каменная, плоская, овальной формы с неровными отколотыми краями, размер 9,3 x 11,3 x 1,4 см (рис. 5, 18).

5 – кв. 258 – крышка каменная, овальной формы, размером 5,2 x 6,4 x 2,2 см.

6 – кв. 199 – бронзовая тонкая пластина, размер: 5,5 x 2,3 x 0,2 см.

7 – кв. 125 – кремневое орудие со следами ретуши, размер: 5,2 x 5,3 x 2,5 см (рис. 3, 13).

8 - кв. 296 - крышка каменная, плоская, овальной формы, размер 7,3 x 8,2 x 1,0 см.

9 - кв. 172 - камень для пращи, круглой формы с одной плоской гранью. D - 6,5 см (рис. 3, 17).

10 - кв. 185 - крышка каменная, плоская, округлой формы. 9,2 x 10,4 x 1,8 см.

11 - кв. 179 - крышка каменная, плоская, овальной формы. 8,5 x 10 x 1,8 см.

12 - кв. 232 - костяное орудие из нижней челюсти, заполировано, со следами срезов. Длина 16,5 см, ширина средняя 3,8 см (рис. 14, 2).

13 - кв. 228 - костяное лоцило(?) из ребра животного, один край скруглен и обточен. Длина 15 см, ширина средняя 3,3 см.

14-16 - кв. 250 - крышка каменная, округлой формы, размер 9,5 x 8,2 x 7 см.

17 - кв. 262 - скребок кремневый. 5,1 x 3,7 см.

18 - кв. 190 - ступа или зернотерка каменная округлой формы с углублением в центре. D - 21 см. (рис. 14, 1).

19 - кв. 190 - костяное орудие из лопатки животного. Длина 16,8 см, максимальная ширина 6,1 см (рис. 14, 3).

20 - кв. 211 - костяной тупик, частично заполирован, на внешней поверхности видны следы сработанности. Длина 14 см, ширина 4,5 см.

21 - кв. 288 - каменное изделие, округлой формы, на одной из сторон 5 небольших углублений. Диаметр 4,5-5,5 см (рис. 5, 14).

22 - кв. 181 - костяной тупик с заполированной внешней поверхностью. Длина 12 см, ширина максимальная 4 см.

23 - кв. 223 - наконечник стрелы кремневый, основание прямое, в сечении линзовидный, размер: 4 x 2 см.

На границе второго и третьего пластов располагался объект 10.

Объект 10 (очаг) расположен в квадрате 170. Диаметр прокала 0,7 м, мощность 0,12 см.

Условный пласт 3 включает в себя слой серо-желтой супеси. Распределение находок в пласте аналогично пласту 2. В районе построек их количество велико. В пласте найдены фрагменты лепной керамики, кости животных, костяные и каменные орудия (рис. 6, 11).

Индивидуальные находки:

1 - кв. 198 - каменное пряслице или грузило, квадратной со скругленными углами формы и отверстием в центре. Размер 7,2 x 6,4 см (рис. 6, 13).

2 - кв. 198 - лепной сосуд баночной формы. Дно плоское, срез венчика округлый. Склеен из фрагментов. D дна - 11 см. H - 10,2 см. D венчика - 14,5 см (рис. 6, 10).

3 – кв. 197 – костяной тупик, на внешней поверхности следы сработанности. Длина – 12,2 см, ширина средняя – 3,6 см.

4 – кв. 124 – фрагмент каменного пряслица(?). Длина 3,2 см, ширина 1,3 см, высота 1,5 см.

5 – кв. 199 – тёрочник каменный, прямоугольной формы. Длина 11,2 см, ширина 8,1 см, высота 3,7 см (рис. 14, 7).

6 – кв. 199 – фрагмент костяного орудия в виде небольшой лопаточки из трубчатой кости животного, размер: 8,1 x 3,1 см (рис. 14, 5).

7 – кв. 173 – костяное орудие из ребра животного, закруглено на одном конце. Длина 24,5 см, ширина 3,1–4,1 см.

8 – кв. 173 – костяной тупик из челюсти животного с обработанным краем. Длина 14 см, мин. ширина 4,4–6,4 см.

9 – кв. 208 – крышка каменная, округлой формы, размер D – 10,7 см, толщина 2,3 см.

10 – кв. 172 – часть каменного орудия клиновидной формы, с одной отполированной гранью. Длина 13 см, ширина 6,4 см, толщина 1,0–3,3 см (рис. 16, 1).

11 – кв. 259 – крышка каменная, плоская, овальной формы, размер 6,1 x 7,1 x 1 см.

12 – кв. 186 – крышка каменная, плоская, овальной формы, размер 10,5 x 11,5 x 2,5 см (рис. 11, 19).

13 – кв. 178 – костяное орудие из лопатки животного (в виде лопаточки). Длина 12 см (рис. 15, 1).

14 – кв. 231 – каменная крышка, плоская, округлой формы, размер D – 10,2 см, толщина 1,2 см.

15 – кв. 231 – костяная рукоять (фрагмент), поверхность заполирована, длина 8,5 см.

16 – кв. 195 – Оселок (отвес ?) каменный, заполированный, в виде бруска, с канавкой по всем граням с одного конца. Длина 10,5 см, ширина граней (средняя) – 2 см (рис. 6, 9).

17 – кв. 195 – камень для пращи кремневый шаровидной формы. D – 5,8 см.

18 – кв. 284 – скребок кремневый, размер 4,1 x 2,5 см (рис. 11, 14).

19 – кв. 244 – костяной тупик из нижней челюсти, заполирован, со следами сработанности. Длина 22,5 см, ширина 3,5–5,2 см (рис. 15, 6).

20 – кв. 185 – костяное лоцило(?) из ребра животного, закруглено на одном конце. Длина 20,5 см, ширина 2,5 см.

21 – кв. 206 – крышка каменная, плоская, округлая, размер D – 5,5 см, толщина 1,0 см.

22 – кв. 233 – каменное орудие подпрямоугольной формы с обработанными и сужающимися к концам гранями (в сечении линзовидной формы). Длина 8,1 см, ширина 5,1 см, толщина в центре 1,9 см (рис. 11, 18).

23 – кв. 250 – крышка каменная округлой формы с обработанными краями, диаметр 4,2 см, толщина 2 см.

24 – кв. 211 – костяное орудие (скребок?) с обрезанными краями из плоской кости животного. Длина 14,1 см, ширина 4,2–5,3 см. Максимальная толщина 2,5 см (рис. 14, 8).

25 – кв. 240 – костяной тупик(?) из тазовой кости. Длина 16,3 см, ширина 4,3–5,4 см (рис. 15, 2).

26 – кв. 183 – кремневая пластина, в сечении трапециевидная, размер: 3,1 x 2,4 x 0,5 см (рис. 11, 15).

27 – кв. 299 – костяное изделие с закругленным концом и насечками на поверхности, изготовлено из трубчатой кости. Длина 6,1 см, ширина 2,3–3,1 см (рис. 15, 4).

28 – кв. 287 – Крышка каменная, плоская овальной формы, размер 7,8 x 8,5 x 2,4 см.

29 – кв. 298 – точильный камень овальной формы с одной плоской гранью, на которой видны следы сработанности, размер 5,4 x 6,3 x 2,4 см.

30 – кв. 202 – костяной тупик из нижней челюсти со сглаженными краями и заполированной поверхностью. Длина 19,5 см, ширина 4,3 см (рис. 14, 6).

31 – кв. 202 – ядро каменное, округлой формы. Размер: 7,3–8,5 см.

32 – кв. 234 – костяное орудие из ребра животного с одним закругленным и вторым косо срезанным краем, и следами сработанности на внешней поверхности. Длина 12 см, ширина 4,5 см (рис. 15, 5).

33 – кв. 192 – костяное орудие из трубчатой кости в виде лопаточки с одним обрезанным и сработанным краем, размер: 9,4 x 4,5 см (рис. 14, 4).

34 – кв. 237 – крышка каменная, плоская, размер D – 7 см, толщ. 1,4 см.

35 – кв. 215 – костяной тупик из челюсти животного. Длина 14 см, ширина 6 см (рис. 16, 2).

36 – кв. 271 – костяное орудие из тазовой кости животного, отполировано по одной из граней, с продольными и поперечными царапинами на внешней поверхности. Длина 15 см, ширина от 3,1 до 7,2 см, толщина 2,5 см (рис. 15, 3).

36 – кв. 214 – каменное пряслице/грузило. Округлой формы тонкая каменная пластина с отверстием в центре. D – 6,5–7,1 см. Толщина 0,4–0,8 см (рис. 16, 3).

37–38 – кв. 247 – крышки каменные, округлой формы. D – 6 и 9,5 см, толщина 2,6–3,9 см.

Условный пласт 4 включает в себя слой коричневой супеси с включениями мелких кусочков обожженной глины (заполнение построек). В пласте

найжены фрагменты лепной керамики, кости животных, костяные и каменные орудия (рис. 12; 13).

Индивидуальные находки:

1 – кв. 64 – пест каменный. Форма неправильной трапеции с закругленной вершиной. Высота – 14,2 см, ширина 3,8–7 см, толщина 3,2 см (рис. 12, 1).

2 – кв. 217 – точильный камень (брусок) прямоугольной формы, размер 7,2 x 2,4 x 1,7 см.

3 – кв. 254 – костяной скребок(?) из тазовой кости животного, прямоугольной формы с одним косо обрезанным краем (рис. 16, 4).

4 – кв. 253 – кварцитовый пест кубической формы, размеры 8 x 6,5 x 6,5 см (рис. 16, 5).

5 – кв. 201 – костяное орудие. Длина 12 см, ширина от 2,2 до 4,5 см (рис. 16, 8).

6 – кв. 254 – костяное ложило(?) из ребра животного с закругленным краем. Длина 16 см, ширина 3 см.

7 – кв. 256 – пест каменный прямоугольной формы с закругленными гранями. Длина 12,5 см, ширина 5,5 см.

8 – кв. 265 – крышка каменная, плоская. D – 7 см, толщина 1,4 см.

9–10 – кв. 215 – костяные тупики с заполированной поверхностью и сглаженными краями. Длина 13,5 и 15 см.

11 – кв. 215 – костяное орудие из фрагмента трубчатой кости, один конец треугольной формы, на нем видны косо расположенные царапины, поверхность заполирована. Длина 11,3 см, ширина 4 см (рис. 16, 7).

12 – кв. 247 – крышка каменная, плоская, округлой формы, размер D – 6 см, толщина 1,1 см.

На уровне материка зафиксировано 16 объектов.

Объект 1 (скопление керамики) обнаружен в квадрате 196 на уровне материка. Среди керамики найден фрагмент венчика баночного прямостенного сосуда.

Объект 2 (хозяйственная яма?) обнаружена в квадрате 230. Яма в плане подпрямоугольной формы, размером 1,55 x 0,42 м, глубиной в материке 0,12 м. Стенки вертикальные, дно ровное. В заполнении найдены фрагменты стенки и венчика округлобокого лепного сосуда.

В раскопе исследовано 12 котлованов построек, они располагаются очень кучно, иногда имеют общие стены (порой сложно с уверенностью отделить одну постройку от другой), 2 колодца (рис. 2, 2). Постройки образовывали два скопления вокруг небольшого свободного пространства – двора. Одно скопление – постройки 5–7 (рис. 1, 2), второе – все остальные (рис. 1, 3).

Объект 3 (котлован постройки) – состоит из двух помещений, соединяющихся узким проходом, общей площадью 95 кв. м.

Помещение 1: котлован подпрямоугольной формы с прямыми углами, ориентирован длинными сторонами с севера на юг (рис. 17). Размер 9,5 x 6,6 м, глубина в материке 0,25–0,3 м. Дно ровное. Площадь 63 кв. м.

Стены постройки сложены из каменных плит среднего размера, стоявших на момент раскопок под небольшим наклоном, а ранее, они, вероятно, облицовывали стену котлована. Во внутренней части постройки, вдоль стен, развалы из пластушки меньшего размера, сложенной постелистой кладкой. В северной стене выход из помещения в виде тамбура. Его длина 5 м, ширина 2,7 м. Сложен он также, как и стены самой постройки – вертикальные плиты и пластушка меньшего размера, на момент раскопок упавшая внутрь тамбура. В северной половине котлована около входа – круглая каменная площадка, диаметром 2,7 м. Она располагалась на высоте 0,4–0,5 м от дна котлована. Каменные плитки среднего размера на площадке лежали кругами или по спирали. На камнях не зафиксировано ни угля, ни золы, ни каких-либо находок. В середине западной стены располагается проход во второе помещение, меньшего размера. Его ширина около 1,1 м.

Помещение 2 овальной формы, размером 6 x 5,4 м, площадь 32 кв. м. Сложено оно из крупных подпрямоугольных плит, размером 40 x 60 – 50 x 110 см, которые на момент раскопок лежали под небольшим наклоном, а ранее облицовывали стену. Между ними располагается более мелкая пластушка. Часть западной стены соприкасается со стеной постройки 4. Дно помещения ровное, на 0,2 м выше уровня дна помещения 1, оно постепенно понижается в сторону прохода. Среди завалов камней от стены в южной части помещения найдено два развала сосуда. Сосуды находились один в другом (рис. 19, 8, 9). Первый, наиболее крупный сосуд баночной формы с зауженным горлом, срез венчика скошен наружу. Сохранившаяся высота 21 см, диаметр по венчику 22 см. Внешняя поверхность имеет следы заглаживания или расчесов. На плече – налепной треугольный в сечении валик, орнаментированный парными удлиненными клиновидными вдавлениями. В нем находился округлобокий сосуд с федоровскими чертами. Он меньшего размера с прямым венчиком и хорошо заглаженной внешней поверхностью. Диаметр по венчику 14 см, диаметр дна 11 см, высота около 14 см. Сосуд богато орнаментирован. Венчик украшен многорядными прямыми прочерченными линиями, под которыми на переходе к тулову ряд подтреугольных вдавлений. На плече – прочерченные треугольники, обращенные вершинами вниз. Очагов или каких-либо ям в помещении не зафиксировано.

В заполнении найдены 108 фрагментов лепной керамики (рис. 19, 1–11), кремневый отщеп и 47 костей животных. Найденные фрагменты венчиков принадлежат в основном округлобоким или слабопрофилированным сосудам с коротким венчиком. Два из них орнаментированы налепным, тре-

угольным в сечении валиком. Из индивидуальных находок найдена каменная крышка, плоская, округлой формы, размером 8,1 x 8,7 x 3,2 см (рис. 19, 1).

Объект 4 (котлован постройки) – котлован квадратной формы, ориентирован по сторонам света (рис. 18). Размер 8 x 8 м, глубина в материке 0,3–0,4 м, общая площадь около 64 кв. м. Дно ровное, понижается с севера на юг.

В основании стен постройки была положена пластушка большого размера, стоявшая на момент раскопок под небольшим наклоном (наружу), а ранее, облицовывала стены. Между крупными плитами постелисто уложены плитки меньшего размера. Помимо каменных стен были расчищены остатки внутренней каменной перегородки. Выход из помещения, вероятно, находился в восточной стене – юго-восточный угол. Здесь мы имеем ряд камней, отходящих от котлована. Если это одна из стен тамбура, то его второй стеной является стена постройки 3, либо мы имеем один тамбур на две постройки 4 и 13. Мы также наблюдаем пробелы в каменной кладке, расположенные в северо-восточном и юго-западном углах. Возможно, вход в постройку располагался в одном из них. Южная стена является общей с постройкой 13. Часть восточной стены соприкасается с постройкой 3. Очагов или каких-либо ям не зафиксировано.

В заполнении найдено 37 фрагментов лепной керамики от сосудов баночной и округлобокой формы (рис. 19, 12–16), в том числе с налепными, треугольными в сечении валиками и 44 кости животных. Из индивидуальных находок найдена каменная крышка, плоская, круглой формы, диаметр 8,5 см, толщина 2,5 см.

Объект 13 (котлован постройки) – котлован прямоугольной формы с закругленными углами, ориентирован длинными сторонами с запада на восток. Размер ориентировочно 8 x 4,8 м. Дно ровное, глубина в материке 0,3–0,35 м.

Западная и южная стены постройки были сложены в основном постелистой кладкой из пластушки среднего размера, уложенной в 5–6 рядов. Стена имела высоту 0,5–0,6 м. Северная стена общая с постройкой 4. Восточная стена, вероятно, частично разобрана, т. к. от нее сохранилось небольшое количество камней. Выход из постройки четко не обозначен, т. к. нет тамбура, или он разобран. Вероятно, он располагался в восточной стене (рис. 18).

В центральной части постройки расчищен колодец, округлой формы, диаметром 1,0 м, глубиной от уровня пола 2,5 м. Стенки немного расширяются ко дну, дно ровное. Заполнен колодец серым грунтом с небольшими скоплениями угля. В нем также находились отдельные камни. Кроме этого в колодце найдены несколько фрагментов стенок лепной керамики и отдельные кости животных.

В заполнении котлована найдены малое количество фрагментов лепной керамики (рис. 19, 17) и костей животных.

Объект 5 (котлован постройки) – котлован подпрямоугольной формы, ориентирован длинными сторонами с запада на восток. Размер 6,3 x 3,8–4,6 м, глубина в материке 0,3–0,35 м. Площадь котлована около 30 кв. м. Дно ровное.

Стены постройки были сложены из пластушки. Северная и южная стены (длинные) – из пластушки средних размеров, поставленные, вертикально, а на момент раскопок лежащих с наклоном наружу. Размер плит колеблется от 60 x 50 м до 100 x 50 м. Торцевые стены сделаны из пластушки меньшего размера, уложенной друг на друга, а затем упавшей либо за котлован, либо в него (рис. 20).

В северо-западной стене постройки длинный вход-тамбур. Конструкция тамбура наиболее четкая по сравнению с другими котлованами. Его длина 5 м, ширина 1,45 м. Он сделан из крупных плит, поставленных орфостатно на уровень материка, на момент раскопок, наклоненных наружу (рис. 20). При переходе из тамбура в помещение ступень, высотой 0,2 м, выложенная небольшими каменными плитками. При входе в тамбур со стороны улицы на 0,18 м выше уровня материка расчищен фрагмент черепной крышки человека. Перед входом и до середины длины тамбура зафиксирован зольный слой, диаметром около 6 м и мощностью более полуметра. Слой содержал большое количество находок (рис. 22).

В центральной части раскопан колодец, диаметром 1,1 м и глубиной от дна постройки 2,2 м (рис. 20, 1). Стенки колодца вертикальные, дно сходилось на конус. Колодец был полностью забит пластушкой, причем камни попали туда не в процессе разрушения стен, а помещены туда намерено в момент засыпания. Среди камней, ближе ко дну, встречались отдельные угольки. После выборки на дне появилась вода. В заполнении также найдено несколько костей животных, венчик баночного сосуда и стенка, украшенная наlepным треугольным в сечении валиком.

На центральной поперечной оси расчищено пять небольших ям, диаметром 0,1–0,25 м и глубиной в полу 0,1–0,18 м. Еще одна такая же яма находилась ближе к восточному углу. Сложно сказать, связаны ли эти ямы с конструкцией постройки.

В заполнении котлована и тамбура найдены многочисленные фрагменты лепной керамики (297, в том числе 137 в тамбуре), кости животных (473, в том числе 241 кость в тамбуре), 2 кремневых отщепы, большое количество костяных орудий (рис. 21; 22). Все индивидуальные находки найдены в заполнении тамбура и зольном слое.

Индивидуальные находки:

1 – костяное изделие из плоской кости подтреугольной формы. Длина 7,2 см, максимальная ширина 4,2 см (рис. 22, 5).

2 – пестик каменный, подпрямоугольной формы со слегка отполированными гранями и тонкими линиями сработанности на одной из них, размер 6,5 x 5 см (рис. 21, 15).

3 – костяной тупик из челюсти животного со сглаженными гранями, частично заполирован на рабочей поверхности. Длина 21 см, ширина 4,1–6,5 см.

4 – костяной тупик из челюсти животного (фрагмент). Длина 15 см, ширина средняя 3,5 см.

5 – костяное орудие из тазовой кости животного. Длина 18,5 см, ширина 3,1–6 см (рис. 22, 4).

6 – крышка каменная, плоская, овальной формы с обработанными краями. D – 7,4 см, толщина 2,2 см.

7 – крышка каменная округлой формы, со сглаженными краями, плоская. D – 6,4 см, толщина 1,5 см (рис. 22, 9).

8 – крышка каменная округлой формы, плоская. Грани неровно отколоты, размер 6,5 x 7,2 x 1,3 см (рис. 22, 10).

9 – костяное лощило(?) из ребра животного с одним закругленным концом, поверхность местами слабо заполирована. Длина 15,5 см, ширина 2,4–3,3 см.

10 – костяное лощило(?) из ребра животного с одним закругленным концом. Длина 13,5 см, ширина от 3 до 3,5 см.

11 – костяное лощило(?) из ребра животного с одним закругленным концом. На поверхности видны два места со слабой заполированностью, по одному с каждой стороны ребра. Длина 13 см, ширина 3,5 см.

12 – фрагмент костяного тупика из челюсти животного, одна из граней заполирована. Длина 12 см, ширина 6,5–7,2 см (рис. 22, 7).

13 – фрагмент костяного тупика из челюсти животного, одна сторона заполирована. Длина 13,4 см, ширина 5 см.

14 – фрагмент костяного орудия. Обрезанная и заполированная часть плоской кости с мелкими царапинами на внешней поверхности. Длина максимальная 8,5 см, ширина максимальная 5,5 см (рис. 22, 3).

Объект 6 (котлован постройки) – котлован подпрямоугольной формы, ориентирован длинными сторонами с запада на восток (рис. 24). Размер 8,8 x 6,4–7,3 м, глубина в материке 0,1–0,15 м. Площадь 60 кв. м. Дно постройки было утрамбовано и обмазано глиной.

Стены постройки сложены из пластушки. Южная, восточная и западная стены сложены постелистой кладкой из каменных плит средних размеров. Внизу пластушка более крупная, выше – размером меньше. На момент раскопок стены упали в сторону котлована или наружу. Местами можно насчитать по 5–6 плит в вертикали. Северная стена, вероятно, сложена из плит, поставленных орфостатно. Северная стена постройки 6 параллельна южной стене постройки 5. Расстояние между ними около полуметра.

В южной стене, ближе к юго-западному углу, располагается выход в длинный тамбур. Длина тамбура 7 м, ширина 2 м. Он был сделан из крупных плит, поставленных вертикально на уровень древней поверхности. На момент раскопок плиты располагались с наклоном внутрь тамбура, их размеры 50 x 60 – 100 x 70 м. За крупными находились россыпи более мелкой пластушки, среди которой просматривались участки, с постелистой кладкой. У самого входа в тамбур, поперек него, под завалами камней был расчищен скелет человека (рис. 24, 2). Он лежал на уровне материка, скорчено на левом боку, руки кистями протянуты к лицу. Ноги согнуты в коленях, бедренными костями под прямым углом к позвоночнику, стопы прижаты к тазу. Головой ориентирован на восток. Кости плохой сохранности, отсутствуют кисти рук, стопы, ребра и нижняя челюсть. Никаких предметов рядом с костяком не зафиксировано.

В заполнении найдены 51 фрагмент лепной керамики, 91 кость животного (рис. 25, 1-19). Керамика из котлована постройки 6 не отличается от найденной ранее. Здесь лишь выделяется фрагмент баночного сосуда закрытой профилировки, богато орнаментированный прочерченными линиями, пространство между которыми заполнено округлыми оттисками пера (рис. 25, 5).

Из центра восточной стены тамбура ведет небольшой проход в помещение 7.

Объект 7 (котлован постройки) – котлован подпрямоугольной формы, ориентирован длинными сторонами с запада на восток, как и котлован 6. Размер 4,5 x 3,7 м, глубина в материке 0,1 м. Площадь 16,5 кв. м. Дно утрамбовано, немного понижается в направлении с юга на север.

Стены постройки были сложены из пластушки. В основании стен плитка средних размеров: 20 x 40 – 40 x 60 см, стоящая вертикально или с небольшим наклоном. Небольшие участки стен сложены пластушкой, уложенной постелисто. В центре западной стены выход в восточную стену тамбура постройки 6. Выход сделан также в виде небольшого узкого тамбура. Его длина 1,6 м, ширина около 0,5–0,6 м. Он ограничен вертикально поставленными каменными плитами.

В заполнении найдены 50 фрагментов лепной керамики (рис. 25, 20–24) и 49 костей животных.

Помещения 6 и 7 составляли единое целое. Их общая площадь без коридоров составила 76,5 кв. м, Площадь вместе с коридорами 90 кв. м. Возможно, постройки 5 и 6 соединялись между собой.

Объект 8 (колодец) примыкал к центральной части восточной стенки тамбура помещения 5 (рис. 20, 2). Яма овальной формы, размером 1,54 x 1,35 м, глубина в материке 2,36 м. Стенки вертикальные. Дно выложено большими каменными плитами. Заполнение однородное – серый золистый

грунт. Он заполнен тем же золистым грунтом, что находился в районе тамбура постройки 5.

В заполнении найдено 118 фрагментов лепной керамики, 111 костей животных, 4 фрагмента глиняной обмазки, кремневый отщеп и костяные орудия (рис. 23). Керамика подобна керамике из котлованов других построек. Здесь найден почти полный развал сковороды, прямоугольной в плане формы с невысокими вертикальными стенками (рис. 23, 15). Размеры: 15,6 x 11,8 см, высота 4,2 см (рис. 23, 15).

Индивидуальные находки:

1 – костяной тупик из челюсти животного, поверхность частично заполирована. Длина 19 см, ширина 6,5 см (рис. 23, 13).

2 – костяное лоцило(?) из ребра животного с двумя закругленными концами и следами сработанности. Длина 16 см, ширина 2,5 см (рис. 23, 17).

3 – костяной тупик из челюсти животного со срезанным краем челюсти и частично заполированной поверхностью. Длина 14,5 см, ширина 5,5–7,5 см.

4 – костяная проколка. Длина 10,4 см (рис. 23, 16).

Постройки №№ 9, 11, 12 и 14 составляли модульное помещение с системой переходов и двумя выходами-тамбурами, две из которых были жилые №№ 9, 14 и две, вероятно, хозяйственного назначения. Общая площадь всех помещений вместе с коридорами составляет около 184 кв. м.

Объект 9 (котлован постройки) – котлован подпрямоугольной формы, с закругленными углами, ориентирован длинными сторонами с северо-запада на юго-восток (рис. 26). Размер 12 x 7,2 м, глубина в материке 0,2–0,6 м. Площадь 86 кв. м. Дно неровное, корытообразное (с понижением в центре), было утрамбовано и обмазано глиной.

Стены постройки сложены из пластушки, уложенной постелистой кладкой. Северо-западная и северо-восточная стены, вероятно были высокими, т.к. внутри вдоль стен сильный завал камней. Значительная их часть лежала вертикально (упавшая постелистая кладка). Юго-западная стена сложена из небольшой пластушки в 5–6 рядов. На отдельных участках в стенах располагаются крупные плиты, стоявшие вертикально. В южном углу котлована расчищен вход-тамбур, размером 6 x 1,2 м. Он сделан из плит среднего размера, поставленных вертикально на уровень древней поверхности

В центре постройки раскопан колодец, округлой формы, диаметром 1,1 м, глубина от дна 3,25 м. Дно колодца неровное, перекрыто большими плитами, в северной половине углубление, диаметром 0,38 м. Стенки вертикальные, ближе ко дну слегка расходятся, из-за их оплывания. На дне в процессе выборки выступила вода. Заполнение: серый грунт с небольшими скоплениями угля и незначительными прокалами вверху. В верхней части заполнения – много камней. В колодце найдено большое количество (219 фр.)

фрагментов лепной керамики (рис. 28, 1-7) и костей животных (62 шт.). На самом дне располагались два развала. Один баночный сосуд орнаментирован двумя рядами овальных вдавлений под венчиком (рис. 28, 5). D венчика – 19 см, D дна – 11 см, Н – 19 см. Второй сосуд острореберной формы, орнаментированный нерегулярным орнаментом, выполненным прочерченными линиями (рис. 28, 6). D венчика – 19 см, D дна – 8 см. Здесь также найдены довольно крупные части баночного сосуда, украшенного сдвинутыми вдавлениями (рис. 28, 1) и острореберного сосуда с линзовидными насечками по ребру (рис. 28, 3). Среди керамики выделяется фрагмент стенки с широким плоским валиком, орнаментированным на всю ширину овальными вдавлениями (рис. 27, 29).

В северо-западном углу располагается переход в постройку 12, в виде узкого изогнутого тамбура. Ширина тамбура 0,6–0,8 м. Его стены облицованы пластушкой средних размеров, расположенной под наклоном, а также плитками меньших размеров, уложенными друг на друга и упавшими внутрь. В западной стене, ближе к северо-западному углу, расположен выход в постройку 11.

В заполнении найдены 101 фрагмент лепной керамики (рис. 27; 28), 45 костей животных, кремневый отщеп, костяные орудия. Среди керамики выделяются два фрагмента с двумя (рис. 27, 1) и тремя (рис. 27, 3) налипными треугольными валиками. Сосуды округлобокие, валики располагаются на шейке и плече.

Индивидуальные находки:

1 – фрагмент костяного тупика из челюсти животного, со следами сработанности. Длина 10,5 см, ширина 3,5–4,5 см.

2 – кремневое орудие, в сечении трапециевидное, по краям следы ретуши. Размер: 8,8 x 5,3 x 2,3 см (рис. 28, 8).

Колодец:

3 – рукоять костяная из трубчатой кости животного.

4 – точильный камень. Каменный брусок с тремя обточенными и ровными гранями, со следами сработанности, размер 13,4 x 4,3 x 3 – 2,3 см.

5 – музыкальный инструмент из трубчатой кости животного. С узкой стороны имеет канавку, с другой стороны квадратное отверстие. Размеры: длина 10,4 см, диаметр 1–2,2 см (рис. 28, 7).

Объект 12 (котлован постройки) – котлован овальной формы ориентирован длинными сторонами с запада на восток (рис. 26). Размер 5,5 x 3 м. Дно ровное, глубина в материке 0,2–0,25 м. Площадь 16,5 кв. м.

Западная и восточная стены постройки сложены из пластушки, уложенной друг на друга. Южная стена состоит из 8–9 рядов плиток. Северная – из пластушки, поставленной вертикально или наклонно. Между вертикальными

ми располагаются плитки уложенные друг на друга. В западном углу постройки находится вход-тамбур в постройку 9. В заполнении найдены 5 фрагментов стенок лепной керамики и 12 костей животных.

В восточной стене расчищен тамбур, соединяющий постройку 12 с постройкой 14. Длина тамбура 3,9 м, ширина 0,8 м.

Объект 11 (котлован постройки) – котлован подпрямоугольной формы ориентирован длинными сторонами с запада на восток. Размер 7,4 x 3,7 м, глубина в материке 0,2–0,4 м (рис. 29). Площадь 27 кв. м. Дно относительно ровное, понижается с запада на восток, возможно, оно частично было покрыто пластушкой.

Стены постройки облицованы крупными плитами, поставленными орфостатно. Небольшие участки из мелкой пластушки, уложенной постелисто. Северная стена тамбура сложена из вертикальных плит крупного размера, южная из плит, уложенных друг на друга. В восточной стене расчищен вход-тамбур размером 2,5 x 0,6 м. Тамбур соединяется постройкой 9.

В заполнении найдены 10 фрагментов лепной керамики (рис. 31, 1–3) и 9 костей животных.

Объект 14 (постройка) – котлован подпрямоугольной формы, ориентированный длинными сторонами с северо-запада на юго-восток (рис. 30). Размер 6,8 x 5,8 м, площадь 39,5 кв. м. Дно ровное, понижается с севера на юг, глубина в материке 0,25–0,3 м.

Стены постройки были сложены из небольшой по размеру пластушки, уложенной в постелистой технике. В отличие от других построек, в ее стенах было большое количество мелких камней. Восточная стена разрушена. В южном углу постройки находится вход-тамбур, также частично разрушенный и не имеющий четких границ. Его длина около 6,5 м.

В северо-западной торцевой стене располагается проход в постройку 12, в виде тамбура. Его длина 3,9 м, ширина 0,8 м.

В северной половине постройки раскопан колодец, диаметром 0,75 м, глубиной от уровня пола 2,33 м. Дно колодца неровное, перекрыто большими плитами. Стенки вертикальные, ближе ко дну слегка расходятся вследствие оплывания. На дне в процессе выборки выступила вода. Заполнение: серый грунт с небольшими скоплениями угля и незначительными проколами вверху. В верхней части заполнения – много камней. В колодце найдено большое количество фрагментов лепной керамики (рис. 31, 9–18) и костей животных. Среди керамики следует отметить два довольно полных развала (рис. 31, 9, 16). Один сосуд острореберный с коротким, немного отогнутым венчиком. Особенно выделяется его орнаментация. По шейке украшен налепным треугольным в сечении валиком с ногтевыми вдавлениями. Ребро орнаментировано каплевидными насечками, между которыми располагались

семь горизонтальных отрезков из валиков, опускающихся от плеча на тулово. В колодце найдено несколько фрагментов от одного сосуда со сточенной гранью (рис. 32, 3).

В заполнении самой постройки найдено небольшое количество фрагментов лепной керамики (рис. 32) и костей животных.

Индивидуальные находки колодец:

1 – костяное изделие, изготовлено из плоской кости животного. С одного конца выточена выемка, образующая два зубца. Грани изделия сглажены, одна поверхность частично заполирована. Длина 11,2 см, ширина 2–3 см (рис. 32, 2).

2 – крышка каменная плоская, округлой формы, с неровно обработанными краями. D – 8,5 см, толщина 1 см (рис. 32, 1).

Объект 15 (постройка) – котлован квадратной формы, размером 5,1 x 5 м, глубина в материке 0,2–0,35 м, ориентирован углами по сторонам света. Площадь 25 кв. м. Дно ровное.

Стены постройки, как и остальных, были сложены из пластушки. Северо-восточная и юго-восточная стены облицованы пластушкой среднего размера, поставленной вертикально. Размер плит колеблется от 30 x 50 м до 70 x 25–40 м. Северо-западная и юго-западная стены сложены из плит, уложенных друг на друга.

Выход из постройки, вероятно, находился в северном углу. Он не был четко обозначен тамбуром и, возможно, соединялся с постройкой 3 (в юго-западном углу постройки 3).

В заполнении найдены 43 фрагмента лепной керамики (рис. 31, 4–8) и 25 костей животных.

Заполнение всех котлованов одинаково – это плотный, вязкий коричневый грунт с вкраплениями мелких кусочков обожженной глины. В заполнении, на разной глубине, находилась пластушка от разрушенных стен.

Объект 16 (колодец) обнаружен в кв. 226. Яма круглой формы, диаметром 0,8 м, глубина в материке 2,7 м. Стенки вертикальные. Заполнение – серый золистый грунт с небольшими скоплениями углей, вверху – пластушка.

В заполнении найдены фрагменты лепной керамики, кости животных.

Объект 17 (часть постройки) – это часть постройки, которая практически вся уходит за борт раскопа. Стена сложена из пластушки, лежащей под небольшим наклоном. Длина раскопанной части 6 м.

Керамика раскопа хронологически расчленяется на два периода: средневековые и поздняя бронза. Средневековые – это немногочисленные фрагменты круговых сосудов, среди которых выделяются два фрагмента ручек и один фрагмент венчика кувшина с носиком-сливом. Практически все они

найжены в части раскопа примыкающей к реке (между современным и старым руслами).

Керамика эпохи поздней бронзы с определенной долей условности была типологически распределена на четыре группы: округлобокие, баночные, остросереберные и слабопрофилированные сосуды. Кроме этого, выделены единичные фрагменты чаш и сковорода. Конечно, каждая большая группа керамики неоднородна, в работе приводятся суммарные данные. Сосуды изготовлены из глины с примесью шамота, песка, дресвы, в единичных случаях отмечается примесь толченой раковины.

В процентном отношении количество банок и округлобоких сосудов примерно одинаково. Лишь в третьем пласте разница между ними составляет почти 20%, в пользу банок.

Округлобокие сосуды, как правило, с коротким прямым или немного отогнутым венчиком (рис. 3, 10, 24; 8, 14; 10, 1; 12, 2, 3), украшены несложным орнаментом. Значительная часть сосудов 17–30% (все % даны из расчета по пластам) орнаментирована налепным треугольным или трапециевидным в сечении валиком. Валик располагается на венчике или шейке сосуда (рис. 3, 24; 6, 2; 10, 6, 17). Встречаются также сосуды, но их количество невелико, с высоким отогнутым венчиком (рис. 5, 11, 15, 16, 25). Два фрагмента венчиков имеют внутреннее ребро на шейке (5, 6; 21, 10). Кроме этого можно выделить несколько фрагментов с невысоким прямым венчиком, коротким плечом и бочонковидным туловом (рис. 8, 10; 9, 3; 13, 15).

Довольно большое количество занимают слабопрофилированные сосуды со слабо выделенной шейкой от 8 до 13% (рис. 7, 2, 16; 8, 19).

Баночные сосуды в свою очередь делятся на три подтипа: закрытые, прямостенные и открытые. Закрытые банки наиболее распространенный подтип (рис. 3, 18, 19, 26), их количество в разы больше по сравнению с другими. Они довольно часто украшались орнаментом, в том числе и налепными валиками (19–36%). Валик располагается сразу под венчиком (рис. 7, 15, 19; 10, 15), либо на плече, но в его верхней части (рис. 7, 9; 10, 16; 13, 20, 23). Количество баночных сосудов с валиками увеличивается от нижнего пласта к верхнему. Значительное количество украшенных валиком баночных сосудов отличает ребриковскую керамику от керамики других позднесрубных поселений, но сближает с сабагиновскими поселениями [Ромашко, 2002. С. 93–94].

Тип остросереберных сосудов в количественном отношении незначительный (рис. 5, 10; 7, 6; 8, 4; 13, 17; 28, 3, 6). Они практически всегда орнаментированы.

В единичных случаях в раскопе найдены фрагменты мисок (рис. 8, 20; 9, 9), фрагмент крышки и два миниатюрных баночных сосудика высотой не более 3 см. Один из них имел овальное дно. В раскопе не найдено больших тарных сосудов.

Кроме этого, в заполнении колодца (объект 8) рядом с постройкой 5 найдена практически целая сковорода с прямоугольной формой дна (рис. 23, 15). Сковороды широко распространены на сабашиновских памятниках. Они округлые или овальные с невысоким бортиком, но в отличие от нашей более толстостенные [Лесков, 1970. С. 26].

Срезы венчиков, как правило, плоские или округлые, реже встречаются приостренные или скошенные наружу. Кроме этого выделяется группа фрагментов с утолщением по внешнему краю, напоминающее неширокий «воротничок» (рис. 3, 1; 10, 12; 13, 18; 21, 7; 31, 16). Возможно, оно имитирует валик. Реже подобные утолщения можно наблюдать и с внутренней стороны (рис. 4, 3). На поселении найдено несколько фрагментов с грибовидным венчиком (рис. 10, 4). В единичных случаях срез венчика орнаментировался (рис. 3, 22; 12, 7).

Орнаментировано 38% керамики, в том числе налепными валиками. Этот процент практически не изменяется от пласта к пласту. Как сказано выше, значительная часть сосудов орнаментирована налепными валиками. Процентное соотношение сосудов с валиками увеличивается от четвертого пласта ко второму (от 12 до 18%). Валики в сечении треугольные или трапециевидные, орнаментировано от 30% (3 пласт) до 66% (2 и 4 пласт) валиков, из них 60–70% – ногтевыми или пальцево-ногтевыми вдавлениями (рис. 3, 24; 5, 2; 7, 15), редко наклонными насечками (рис. 4, 13; 21, 11), треугольными вдавлениями (рис. 13, 20; 23, 2) или ямками (рис. 6, 2; 21, 5). На округлобоких сосудах валик располагался на венчике или шейке, практически не опускаясь на плечо (рис. 3, 24; 6, 2; 10, 6, 17), лишь в случае если валиков больше одного (рис. 21, 13; 27, 1). И лишь один раз – на тулове (рис. 31, 9). Неполный развал этого сосуда найден в колодце постройки 14. На двух фрагментах мы имеем на плече наклонный валик, отходящий от горизонтального, идущего по венчику (рис. 4, 14), и фрагмент стенки с валиками в виде горизонтальной елочка (рис. 5, 16). Гладкий валик или орнаментированный вдавлениями и косыми насечками более характерен для западной зоны [Горбов, 1995. С. 63], выделенной общности культур валиковой керамики [Черных, 1983. С. 82].

В одном случае фрагмент венчика орнаментирован округлым в сечении валиком и воротничком (рис. 8, 17).

Наиболее распространенным элементом орнамента являются ногтевые, линзовидные, каплевидные вдавления или насечки. Они украшают валики, а также выступают в виде самостоятельного орнамента. Реже сосуды орнаментировались треугольными и клиновидными вдавлениями (рис. 4, 16; 10, 18, 21; 23, 2). В небольшом количестве встречен зубчатый штамп (рис. 21, 2; 7, 4, 5; 9, 16), оттиски веревочки (рис. 4, 6), прочерченные линии (рис. 3, 18; 4, 15), вдавления пером (рис. 11, 13; 25, 5), округлые вдавления (рис. 9, 9), сдвинутые

вдавления (рис. 7, 12; 13, 12; 28, 1). Очень редко сосуд украшался двумя и более элементами орнамента. На небольшом количестве сосудов роль орнамента выполняли расчески зубчатым штампом.

Среди орнаментальных сюжетов наиболее распространенной является горизонтальная линия, выполненная тем или иным элементом орнамента. Чаще всего это различные вдавления. Подобный сюжет располагается, как правило, на плече сосуда, но не редко он проходит по внешнему краю венчика (рис. 3, 1; 5, 4, 8, 15; 6, 6; 11, 16). Сосуды орнаментированы также различными видами зигзага – одинарные, многорядные (рис. 4, 6, 15; 6, 5; 12, 17), ограниченные с одной или двух сторон (рис. 13, 1), зигзаги с заполненным нижним пространством (рис. 21, 1, 2). Среди других сюжетов встречены наклонные отрезки (рис. 21, 12), в одном случае ограниченные с одной стороны ромбы (рис. 8, 20; 25, 24), горизонтальная «елочка» (рис. 31, 1). Интересны находки трех фрагментов со свастикой (рис. 7, 4, 5; 13, 22) и две находки нерегулярного орнамента (рис. 9, 16; 28, 6).

Из культурного слоя происходят 45 костяных изделий как целых, так и фрагментированных. Преимущественно это орудия кожевенного производства: тупики, лощила, струги (рис. 14, 6, 8; 15, 3–5; 16, 2–3) [Усачук, 1994]. В заполнении колодца постройки 9 найден музыкальный инструмент, изготовленный из трубчатой кости с одним отверстием на конце и пропилом на другом (рис. 28, 7) [Усачук, 1999. С. 70–88]. По мнению А.Н. Усачука, количество костяных изделий в Северо-Восточном Приазовье увеличивается к позднесрубному времени [Усачук, 1994. С. 65]. Для поселений восточного ареала срубной культуры большое количество костяных изделий не свойственно. Изобилуют ими сабатиновские поселения [Березанская и др., 1986. С. 99].

Изделий из кремня немного и все они невыразительны, всего 9 предметов (рис. 11, 14–15; 28, 8). Во втором пласте найден кремневый наконечник стрелы подтреугольной формы с плоским основанием, линзовидный в сечении (рис. 4, 8). Высота наконечника 4 см, ширина основания 2 см.

Среди изделий из камня выделяется значительное количество каменных крышек – 29 предметов, все они округлой формы с разной степенью обработки внешнего края (рис. 5, 18; 11, 19; 19, 1; 22, 9–10), диаметром 4–11 см, толщиной 1,0–2,2 см. Из других каменных изделий найдено четыре песта (16, 5–6; 21, 15), ступа из песчаника, круглой формы, диаметром 21 см (рис. 14, 1), три камня для пращи. В четвертом пласте найден фрагмент клиновидного орудия из песчаника с хорошо обработанной внешней поверхностью, размер сохранившейся части 13 x 6,4 см (рис. 16, 1). Из индивидуальных находок хочется отметить находку каменного бруска черного цвета, квадратной в сечении формы, с одного конца по всем граням проходит желобок (рис. 6, 9). Внешняя поверхность заполирована, от углов к граням видны наклонные

мелкие риски от сработанности. Длина бруска 10,5 см, ширина граней 2 см. Аналогичные изделия найдены на поселениях Безымянное 2 и Ушкалка [Ромашко, 2013. Рис. 97, 6, 7]. Они интерпретируются как оселки и датируются В.А.Ромашко первым этапом богуславско-белозерской культуры [Ромашко, 2013. С. 108].

Жилища прямоугольной или овальной формы, углы чаще скруглены. Постройки слабо углублены в материк, в основном на 0,2–0,35 м. Основание стен сложено из камня, использовались два вида кладки: орфостатная и постелистая. Внутренние стены котлованов чаще всего облицованы камнем, поставленным орфостатно, над ними постелистая кладка из каменных плит меньшего размера, высотой до 0,6 м (рис. 1, 4, 5). Стенки входных коридоров также обкладывались, особенно показателен в этом отношении коридор помещения 5 (рис. 20).

Подобные постройки широко распространены на позднесрубных памятниках Северо-Восточного Приазовья, правобережья Нижнего Дона [Братченко, 1969. С. 210–231; Горбов, 1989; Бровендер, 1997. С. 73–74; Потапов, 2002. С. 72–81, Ларенок, 2000. С. 26–28; Цыбрий, Ларенок, 2007. С. 50–55 и др.]. 3D реконструкция такого жилища дана М.П. Завершинской [Завершинская, 2018. С. 22–25]. Саму систему компактного расположения построек С.Н. Братченко называет отдельной усадьбой или гнездом по раскопкам поселения Ливенцовка I [Братченко, 2012. С. 11].

Каменные постройки известны на поселениях культуры многоваликовой керамики [Шарафутдинова, 1982. С. 16–17; Черняков, 1985. С. 21–26], сабашиновской [Лесков, 1970. С. 12–15; Березанская и др., 1986. С. 87–92; Шарафутдинова, 1982. С. 24–28; Тощев, 2007. С. 187–194], белозерской культур [Березанская и др., 1986. С. 123].

С точки зрения планировки выделяются однокамерные и многокамерные постройки и модульные строения [Цыбрий, 2013. С. 20–21]. В землянках не найдено столбовых ям и очагов. С другой стороны, найдены глубокие колодцы, вероятно, именно это отличает жилые помещения от хозяйственных. Однако, хочется обратить внимание на то, что поселок располагался на берегу реки (в настоящий момент старицы), и поэтому вряд ли трудозатраты на их сооружения были оправданы и они имели крайнюю необходимость (если конечно старица не была пересохшей). Наличие колодцев в постройках эпохи поздней бронзы имеет широкую географию и рассматривается чаще всего как хозяйственное сооружение [Обыденнов, 1991. С. 28; Алаева, 2002; Морозов, 2008; Епимахов, 2012. С. 218–219 и др.]. Однако существует точка зрения о неутилитарном использовании колодцев, о чем свидетельствует нахождение в некоторых из них артефактов, являющихся следами обрядовых действий [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014. С. 283]. Обратим внимание в первую

очередь на заполнение наших колодцев. При отсутствии очагов (за исключением одного небольшого за пределами котлованов) все колодцы заполнены золистым грунтом, в верхней части заполнения встречаются тонкие линзы угля и прокалов. В.А. Подобед и др. выделяют четыре блока обрядов, приуроченных к колодцам [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014. С. 289]. Возможно, мы имеем дело с первыми двумя блоками. Это обряды, совершавшиеся в период функционирования колодцев и обряды, имевшие место в процессе их засыпания. По свидетельству авторов, колодцы играли важную роль в различных обрядах от вызывания дождя до жертвоприношений представителям иного мира [Подобед, Усачук, Цимиданов, 2014. С. 288–290].

На поселении зафиксированы и другие объекты, связанные с культовыми действиями. Это прежде всего, погребение в тамбуре постройки 6. Погребенный-взрослый лежал у самого выхода, поперек него, на полу тамбура и вероятно связан с жертвой оставления жилища [Горбов, Мимоход, 1999. С. 25–26]. Возможно, с обрядовыми действиями связана и каменная вымостка в постройке 3 (рис. 17). Она располагалась рядом с входом, имела округлую форму диаметром 2,7 м и высоту от пола 0,4–0,5 м. Камни (пластушка среднего размера) на площадке лежали кругами или по спирали. Похожие вымостки в постройках поселений Ильичевка, Усово Озеро квалифицируются как жертвенники-алтари [Горбов, Мимоход, 1999. С. 25; Ромашко, 2013. С. 294–295]. Чаще они делались из глины или песчано-меловой массы, реже каменные. Жертвенники такой конструкции представлены в жилищах сабатиновской и белозерской культур [Ромашко, 2013. С. 151]. В нашем случае смущает отсутствие на камнях и вокруг них следов обрядовых действий (угля, золы, каких-либо находок).

Отсутствие очагов, вероятно, говорит в пользу того, что поселение представляло собой временный поселок-летник и в зимнее время не использовалось [Потапов, 2000. С. 116; Потапов, 2002. С. 91].

Одновременны ли ребриковские постройки? В целом керамический комплекс поселения однородный, и разновременность построек, если и имела место, то незначительная. Но однозначно можно сказать, что постройки 5–7 прекратили свое существование несколько раньше, так как коридор постройки 5 и расположенный рядом с ним колодец были засыпаны толстым слоем золы с многочисленными находками керамики, орудий и костей животных. Подобные зольники являются одной из отличительных черт сабатиновской культуры. Они могут быть как непосредственно на самом поселении, иногда в заброшенных жилищах, так и за его пределами [Березанская и др., 1986. С. 92–93].

В тоже время в постройке 9 присутствуют фрагменты с чертами КМК (рис. 27, 1, 3) а также характерная для раннесрубной керамики орнаментация

ребра насечками (рис. 13, 17; 28, 3) [Горбов, 1994. С. 72]. В постройке 3 найден развал сосуда федоровского облика (рис. 19, 9). Близкий ему сосуд с поселения Ляпинская балка датируется В.Н. Горбовым IV горизонтом, синхронным позднесабаатиновским памятникам [Горбов, 1995. С. 58, рис. 2, 14].

Среди материалов поселения Ребриковское I отсутствуют реперные вещи, что затрудняет его датировку. Для приазовских поселений исследователями выделяются пять хронологических горизонтов. Горшки, украшенные валиками, расположенными на плечах или шейке, характеризуют II–III горизонты приазовских поселений [Потапов, 1994. С. 71, Горбов, 1995. С. 54; Кабанова, 1996. С. 46] и соответствуют предсабаатиновскому и раннесабаатиновскому этапам позднедревних памятников Нижнего Дона [Шарафутдинова, 1985. С. 161]. В эти периоды валики орнаментированы пальцево-ногтевыми вдавлениями, изредка насечками и ямками, в то время как характерные для более позднего периода существования поселений зерновидные наклонные вдавления, а также наклонные отгиски, косые кресты и сетка, выполненные зубчатым штампом, отсутствуют [Потапов, 2002. С. 89; Потапов, 2010. С. 14]. На IV этапе появляются воротнички, также отсутствующие на Ребриковке [Горбов, 1995. С. 58]. В сабаатиновском горизонте (ранний период Ильичевки) орнамент в виде налпного валика у края венчика составляет 20–25%, что близко нашим значениям. В тоже время на Ребриковке нет типичных сабаатиновских форм керамики, таких как черпаки, кубки, сковороды.

Таким образом, по найденному материалу, поселение Ребриковское I следует датировать III горизонтом (по В.Н. Горбову), синхронным раннесабаатиновской культуре. По культурно-хронологической схеме эпохи поздней бронзы Восточной Европы В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева поселение также относится к III периоду, возможно, началу IV и датируется XIV–XIII вв. до н. э. [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12–13].

Литература:

Алаева И.П. Колодцы поселений бронзового века Урало-Казахстанского региона // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

Братченко С.М. Багатошарове поселення Лівенцівка I на Дону // Археологія. XXII. Київ, 1969.

Братченко С.Н. Ливенцовская крепость. Киев, 2012.

Бровендер Ю.М. Домостроительство на поселении срубной культуры у с. Степановка (бассейн р. Северский Донец) // Сабаатиновская и срубная

культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Днепропетровск-Николаев-Южно-Украинск, 1997.

Горбов В.Н. О применении камня в домостроительстве срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989.

Горбов В.Н. О верхней границе существования срубной культуры в Приазовье // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.

Горбов В.Н. К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита – бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. 2. СПб., 1995.

Горбов В.Н. Две традиции применения камня в домостроительстве позднего бронзового века // Археологический альманах № 6. Донецк, 1997.

Горбов В.Н., Мимоход Р.А. Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.

Епимахов А.В. О серпах, колодцах и земледелии бронзового века // Российский археологический ежегодник. № 2. СПб., 2012.

Завершинская М.П. 3D реконструкция жилища эпохи поздней бронзы (по материалам поселений правобережья Нижнего Дона) // Связи и взаимодействия культур бронзового века Циркумпонтийского региона. М., 2018.

Кабанова Е.В. Опыт применения статистических методов для анализа керамики поселений Северо-Восточного Приазовья // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Часть 2. Донецк, 1996.

Ларенок В.А. Планиграфия и архитектура Мокро-Чалтырьского поселения // Археология и древняя архитектура левобережной Украины и смежных территорий. Донецк, 2000.

Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма. Киев, 1970.

Морозов П.М. Колодцы срубной культуры Урала и Поволжья // XI международная Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция. Материалы и тезисы докладов. Самара, 2008.

Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Вторая половина II тысячелетия до н. э. Саратов, 1991.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Колодцы в картине мира племен эпохи бронзы лесостепной и степной Евразии // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014.

Потапов В.В. Поселения-летники срубного населения Восточного Приазовья // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Потапов В.В. Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. Вып. 18. Азов: Азовский краеведческий музей, 2002.

Потапов В.В. Памятники финальной бронзы Нижнего Подонья / Автореферат дисс ... М., 2010.

Пробейголова А.С. Поселение заключительного этапа бронзового века урочище Мечетное-1 на Донецком кряже // Верхнедонской археологический сборник. Липецк, 2014.

Ромашко В.А. Поселение позднебронзового века у с. Шолохово на р. Базавлук // Проблеми археології Поднепр'я. Дніпропетровськ, 2002.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев, 2013.

Тоцев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. Запорожье, 2007.

Усачук А.Н. Костяные орудия кожевенного производства срубных поселений Северо-Восточного Приазовья // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994.

Усачук А.Н. К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.

Цыбрий Т.В., Ларенок П.А. Итоги исследования поселения «Почтовое» в Октябрьском районе Ростовской области в 2007 г. // Археологические записки. Ростов н/Д., 2009. Вып. 6.

Цыбрий Т.В. Поселение Ягодинка 2 и некоторые вопросы домостроительства на Нижнем Дону в эпоху поздней бронзы / Автореферат... СПб., 2013.

Черняков И.Т. Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н. э. Киев, 1985.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев, 1982.

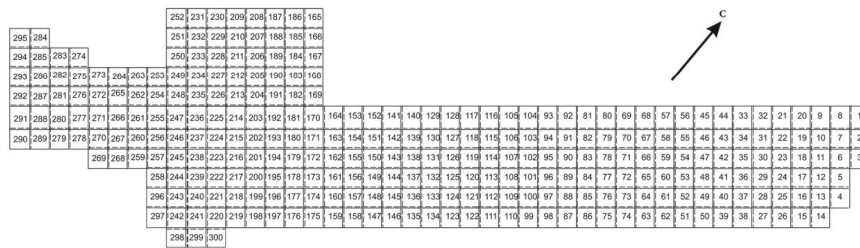
Шарафутдинова Э.С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Шарафутдинова Э.С. О культурно-хронологическом соотношении срубных и сабатиновских древностей // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы. Днепрпетровск-Николаев-Южно-Украинск, 1997.

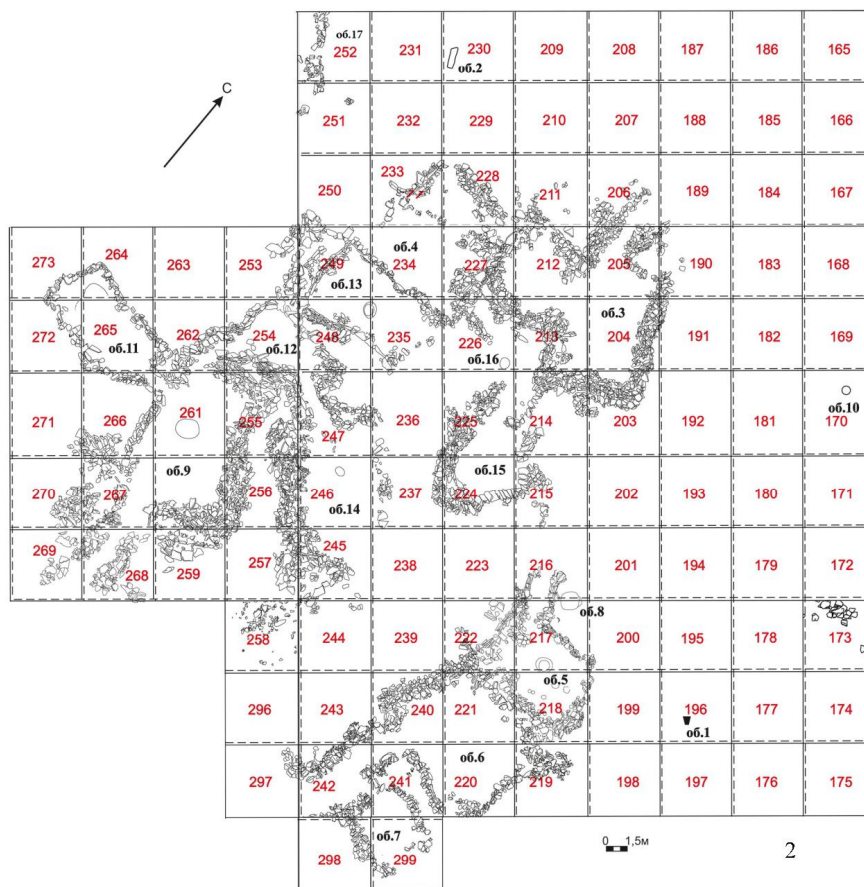

Рис. 1. Поселение Ребриковское 1: 1 - План поселения с раскопом 2017 г.; 2-3 - вид на раскопанное поселение с квадрокоптера; 4-5 - фрагменты стен построек

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

1

2

Рис. 2. Поселение Ребриковское 1:
1 - общий план раскопа; 2 - общий план раскопанных построек

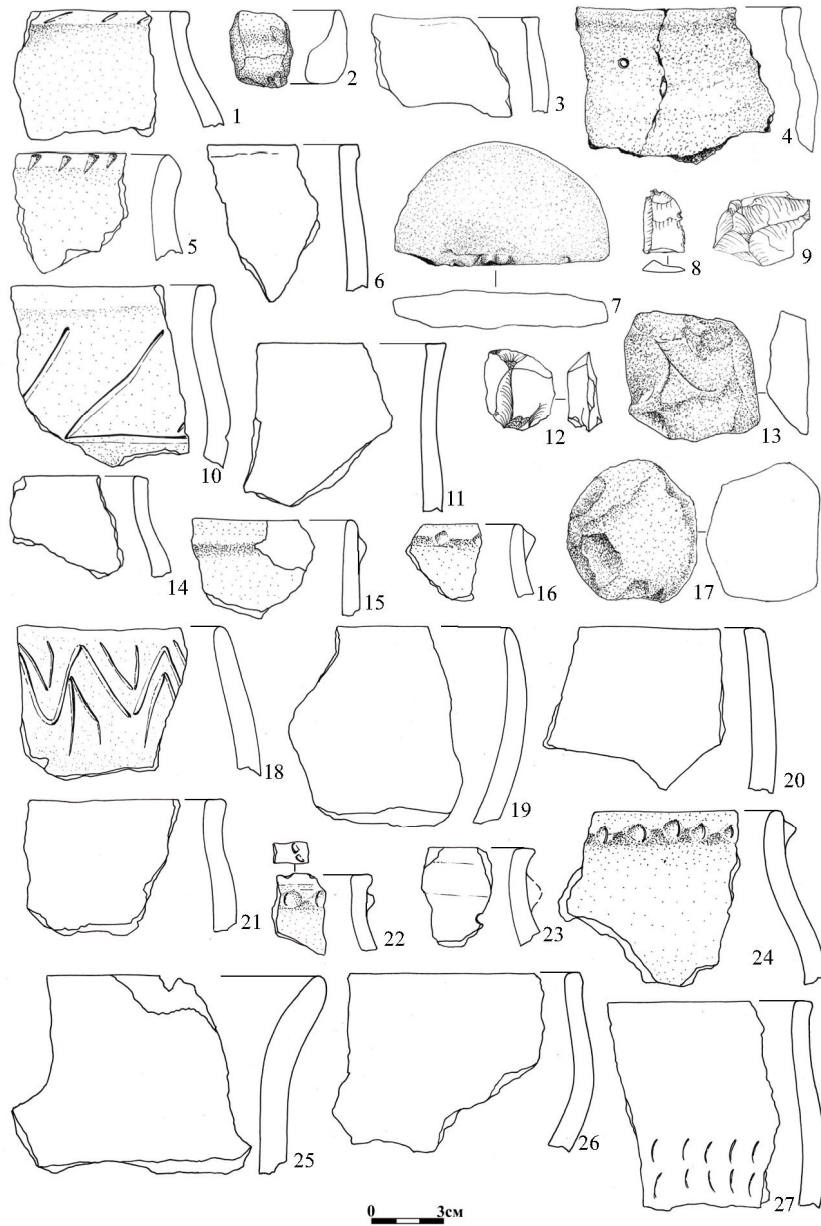

Рис. 3. Поселение Ребриковское 1: 1-9 - пласт 1; 10-27 - пласт 2;
8, 9, 12, 13 - кремь; 7, 17 - камень, остальное глина

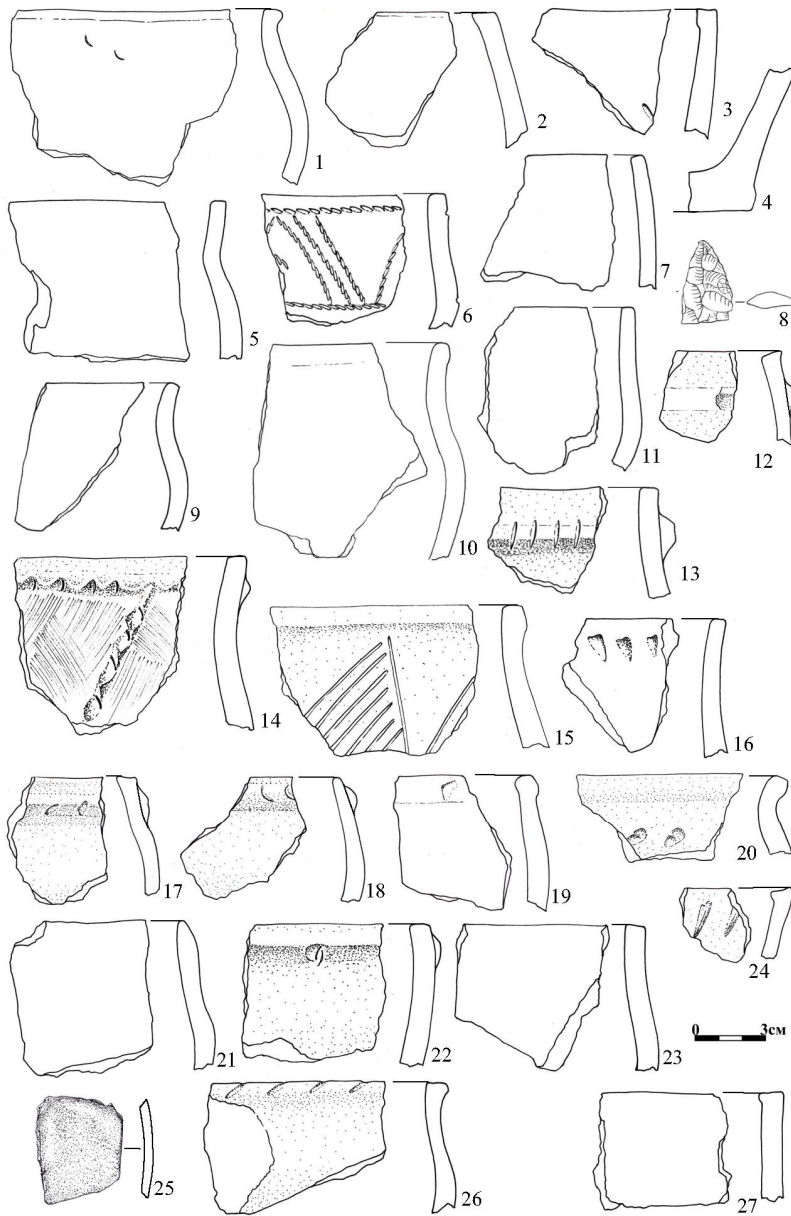

Рис. 4. Поселение Ребриковское 1. Находки из пласта 2:
8 - кремь; 25 - кость, остальное глина

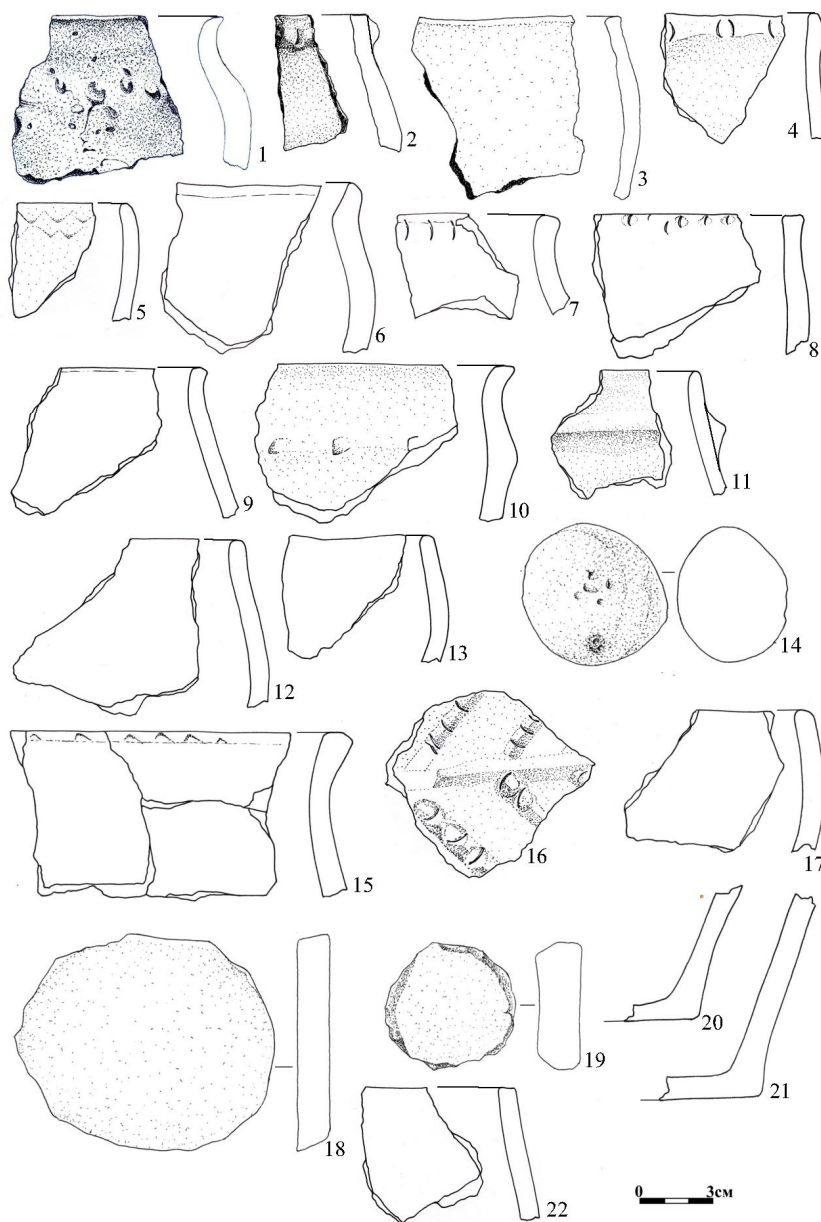

Рис. 5. Поселение Ребриковское 1. Находки из пласта 2:
14 - камень; 18-19 - песчаник, остальное глина

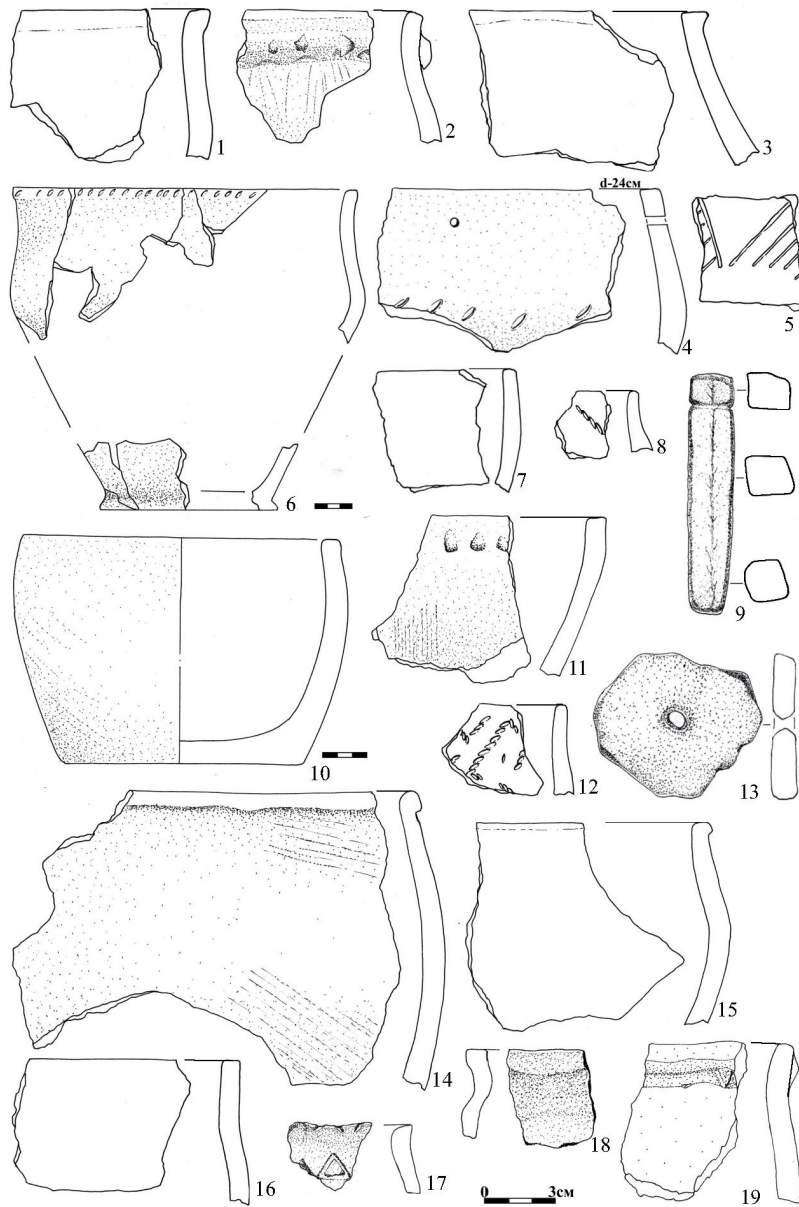

Рис. 6. Поселение Ребриковское 1. Находки из пласта 3:
9, 13 – камень, остальное глина

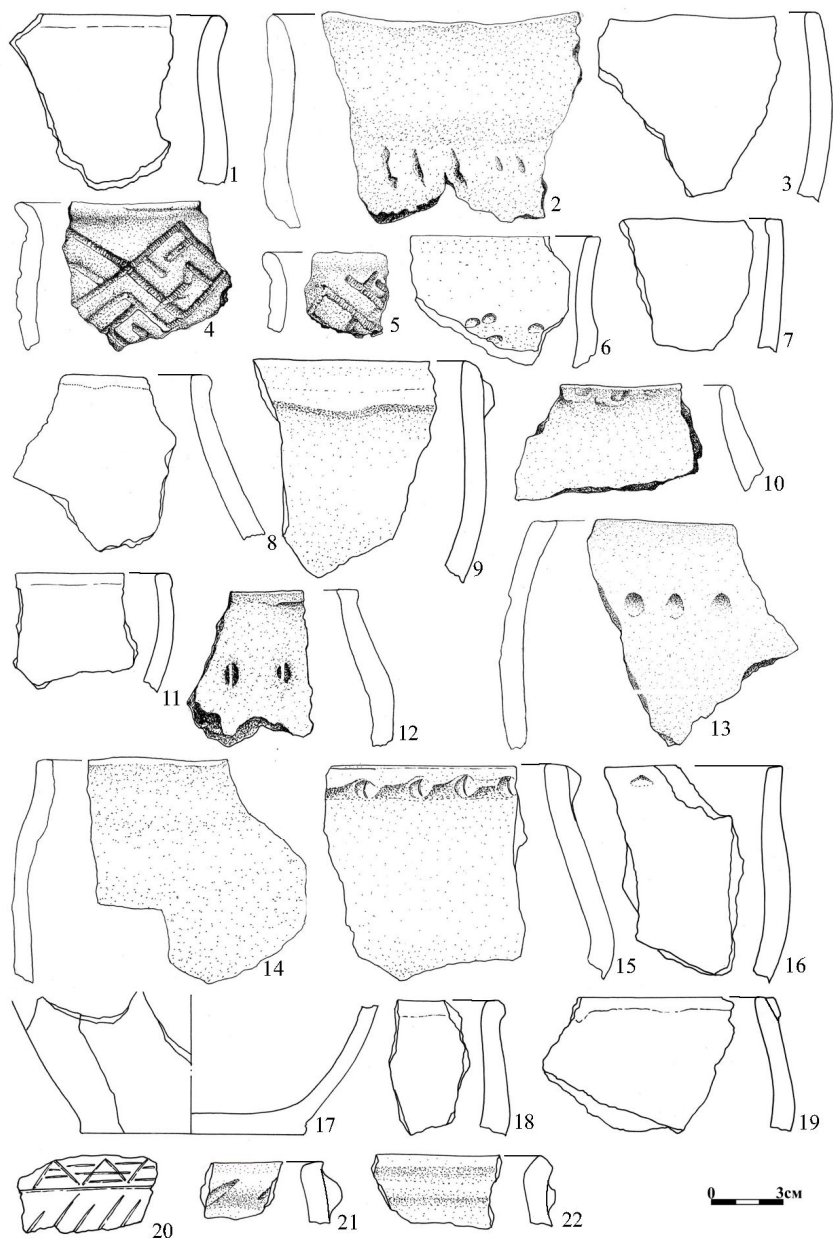

Рис. 7. Поселение Ребриковское 1. Фрагменты лепной керамики из пласта 3

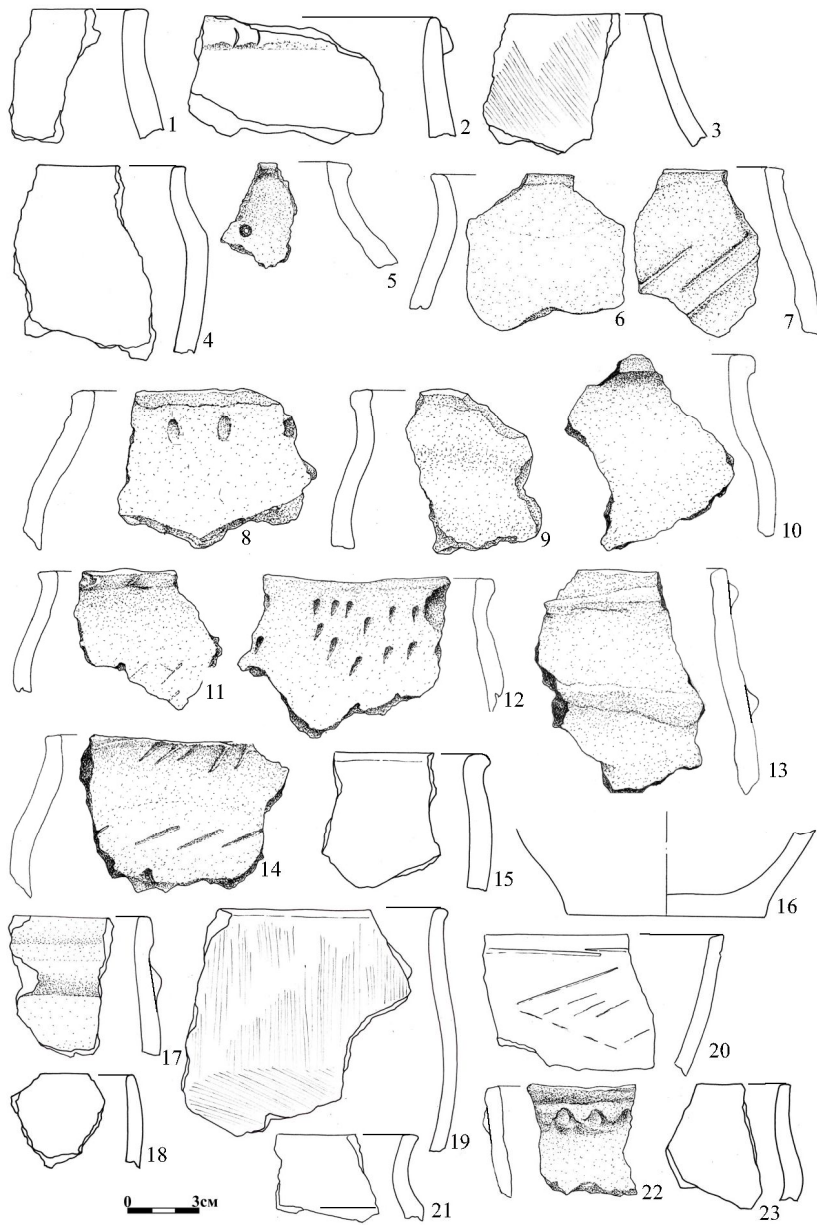

Рис. 8. Поселение Ребриковское 1. Фрагменты керамики из пласта 3

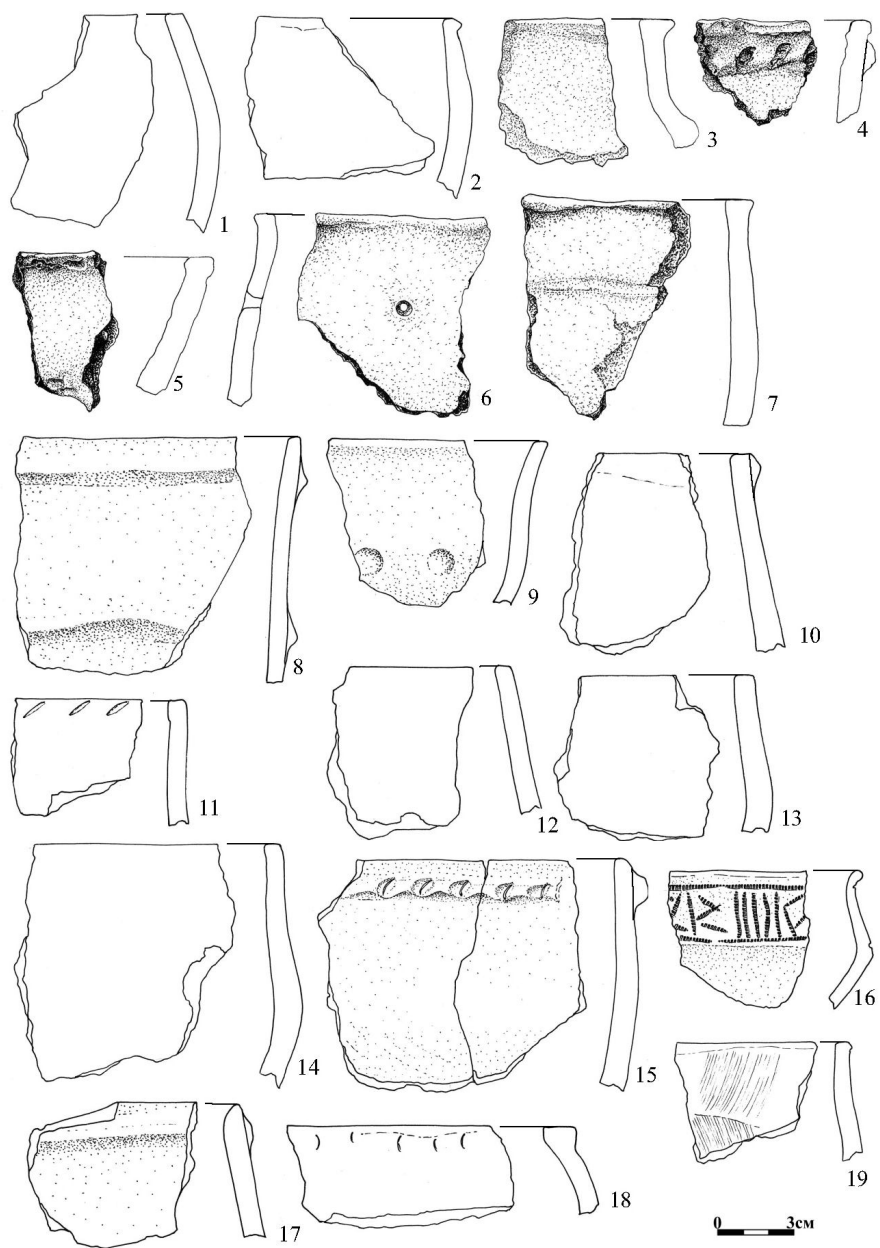

Рис. 9. Поселение Ребриковское 1. Фрагменты лепной керамики из пласта 3

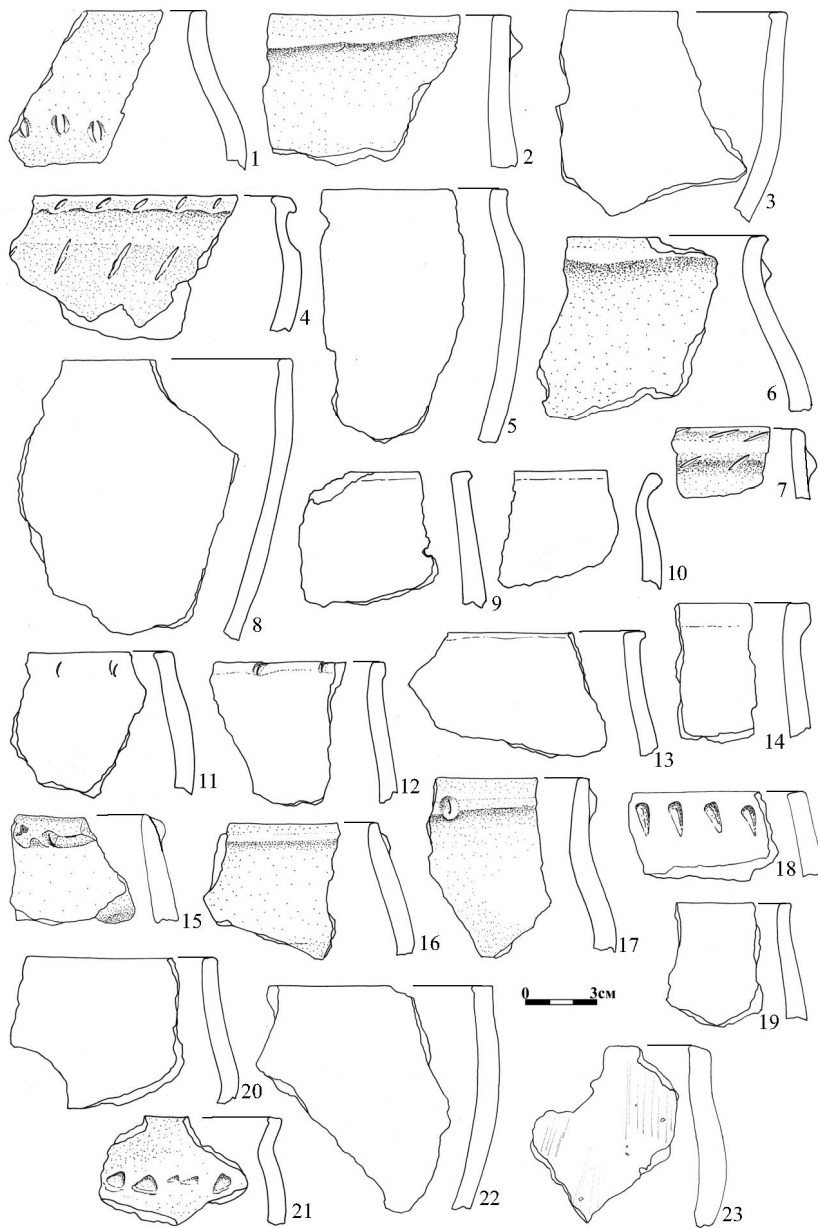

Рис. 10. Поселение Ребриковское 1. Фрагменты лепной керамики из пласта 3

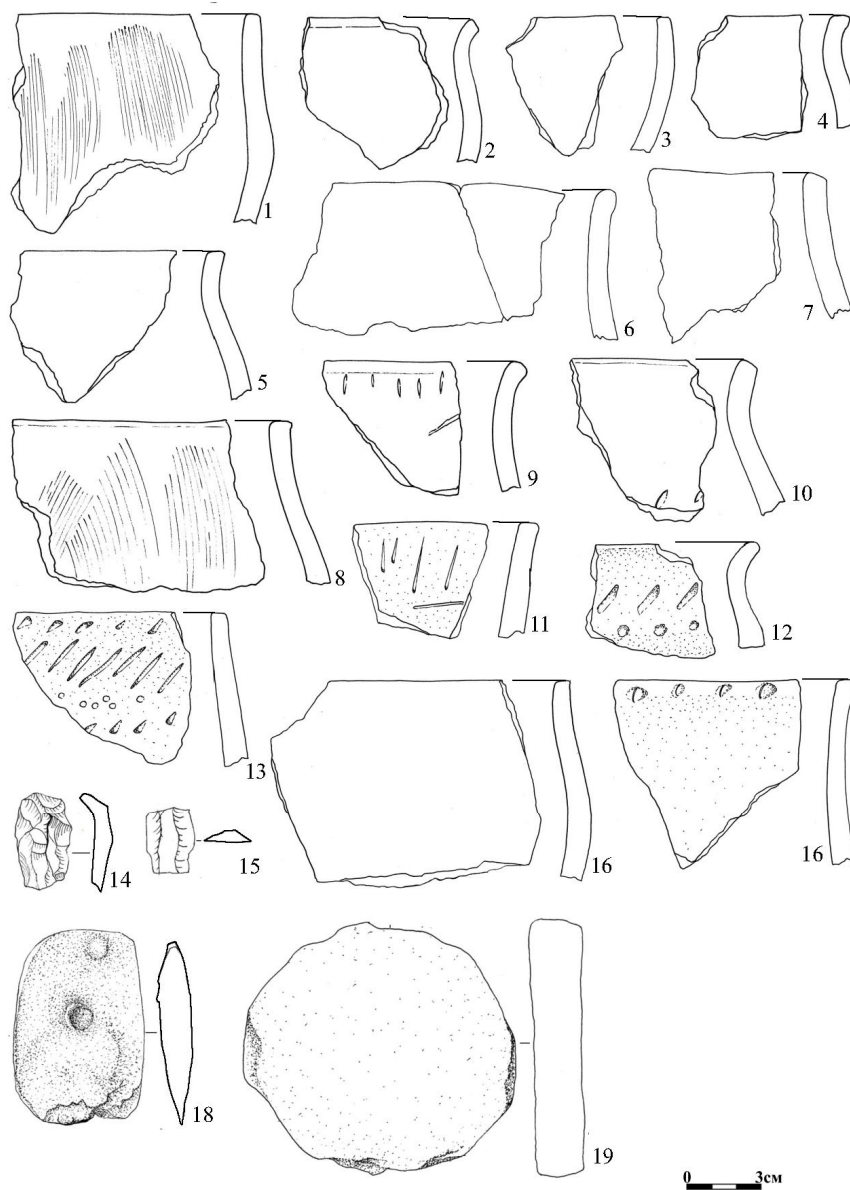

Рис. 11. Поселение Ребриковское 1. Находки из пласта 3:
14-15 - кремь; 18 - камень; 19 - песчанник, остальное глина

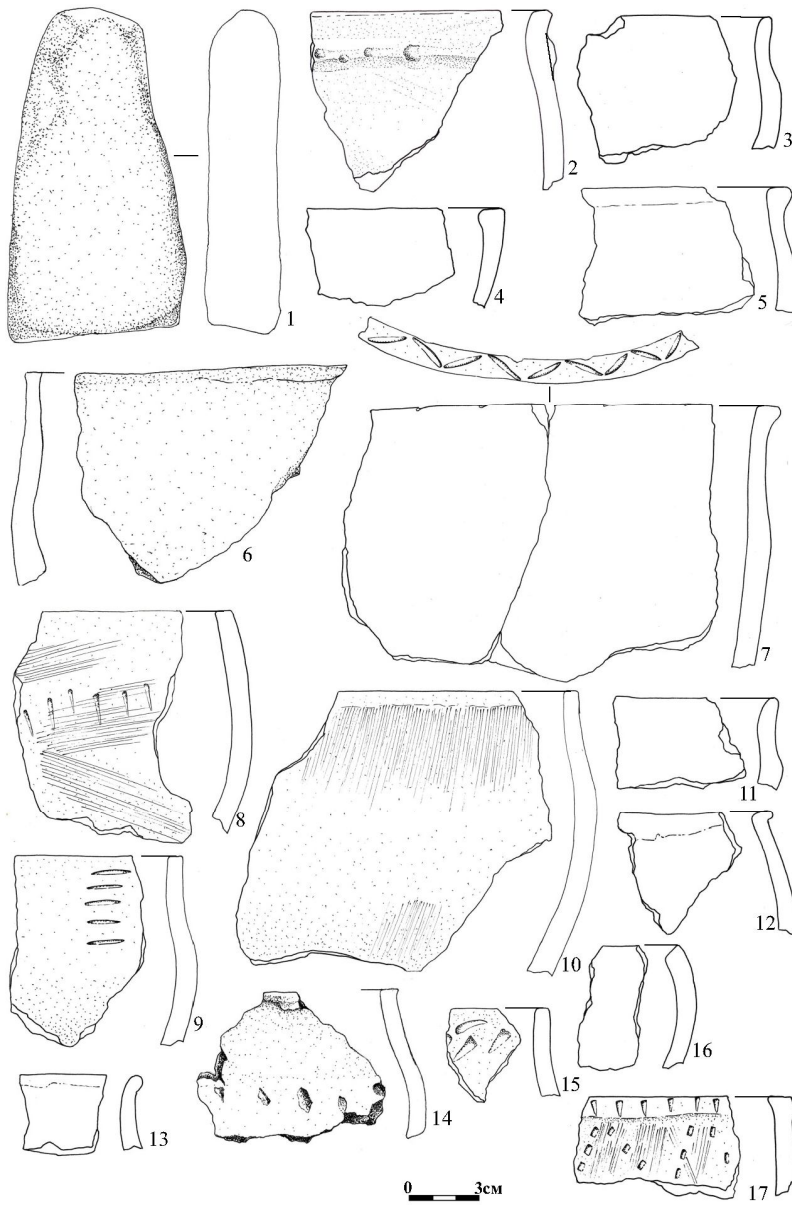

Рис. 12. Поселение Ребриковское 1. Находки из пласта 4:
1 - песчанник, остальное глина

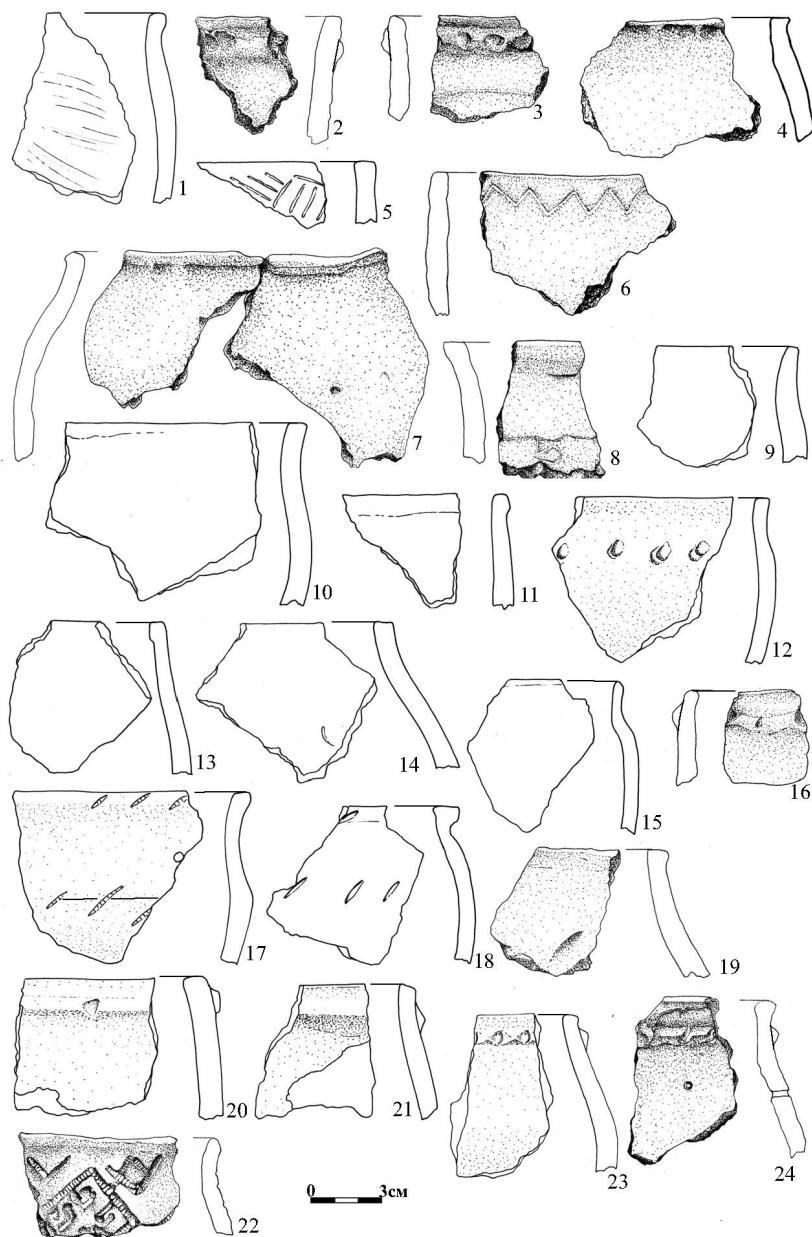

Рис. 13. Поселение Ребриковское 1. Фрагменты лепной керамики из пласта 4

Рис. 14. Поселение Ребриковское 1. Орудия из камня и кости:
1-3 - пласт 2; 4-8 - пласт 3

Рис. 15. Поселение Ребриковское 1. Пласт 3. Орудия из кости

Рис. 16. Поселение Ребриковское 1. Орудия из камня и кости:
1-3 пласт 3; 4-8 - пласт 4

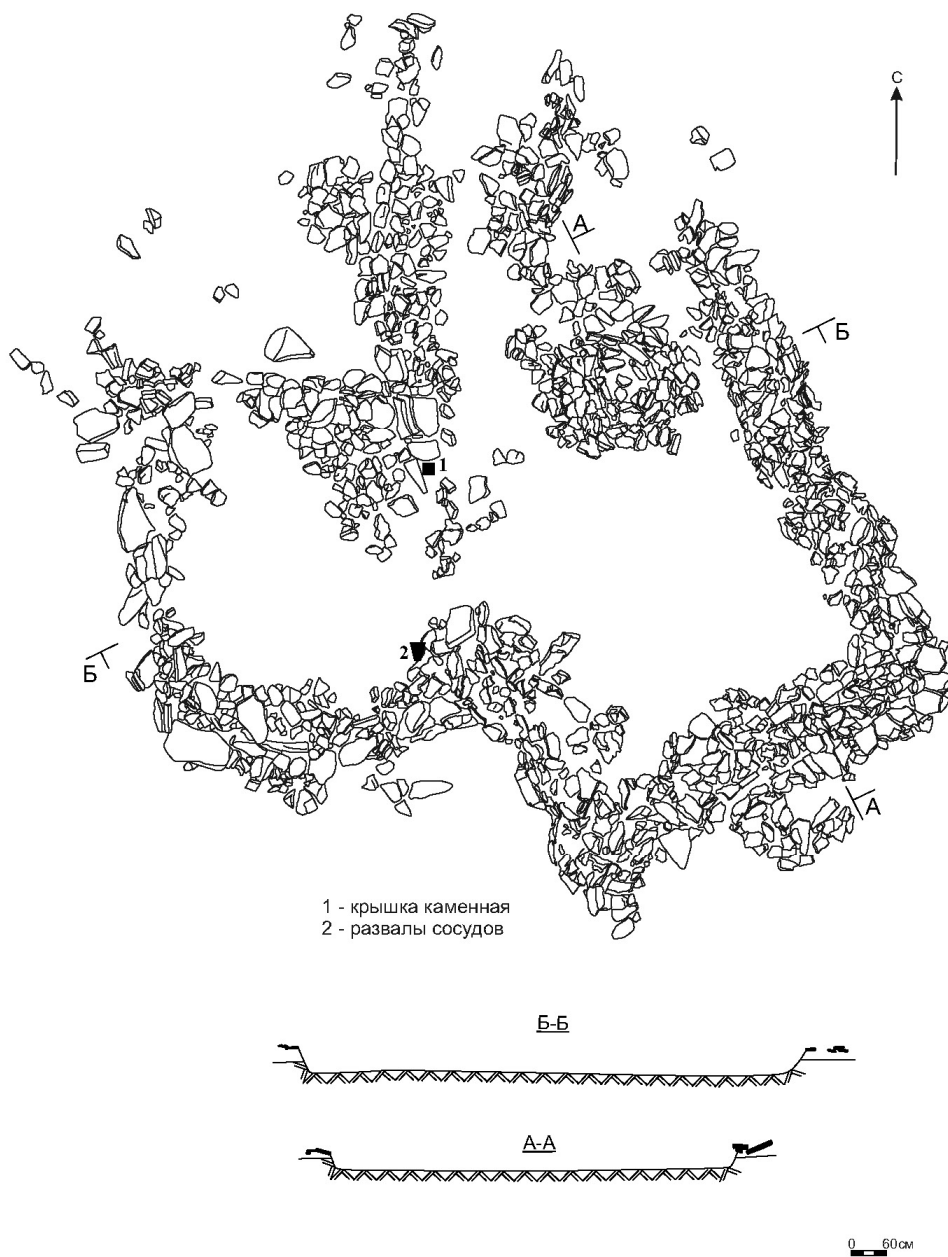

Рис. 17. Поселение Ребриковское 1. Объект 3 (котлован постройки). План и профили

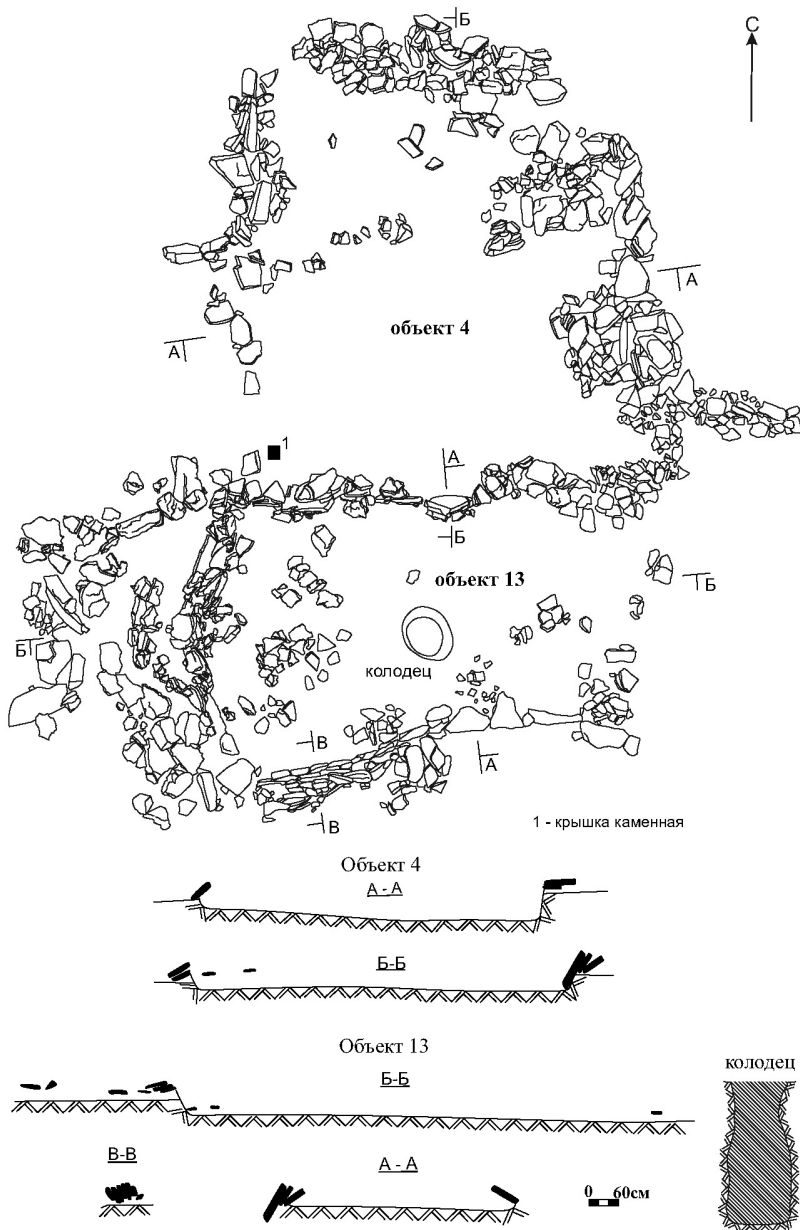

Рис. 18. Поселение Ребриковское 1.
Объекты 4 и 13 (котлованы построек). План и профили

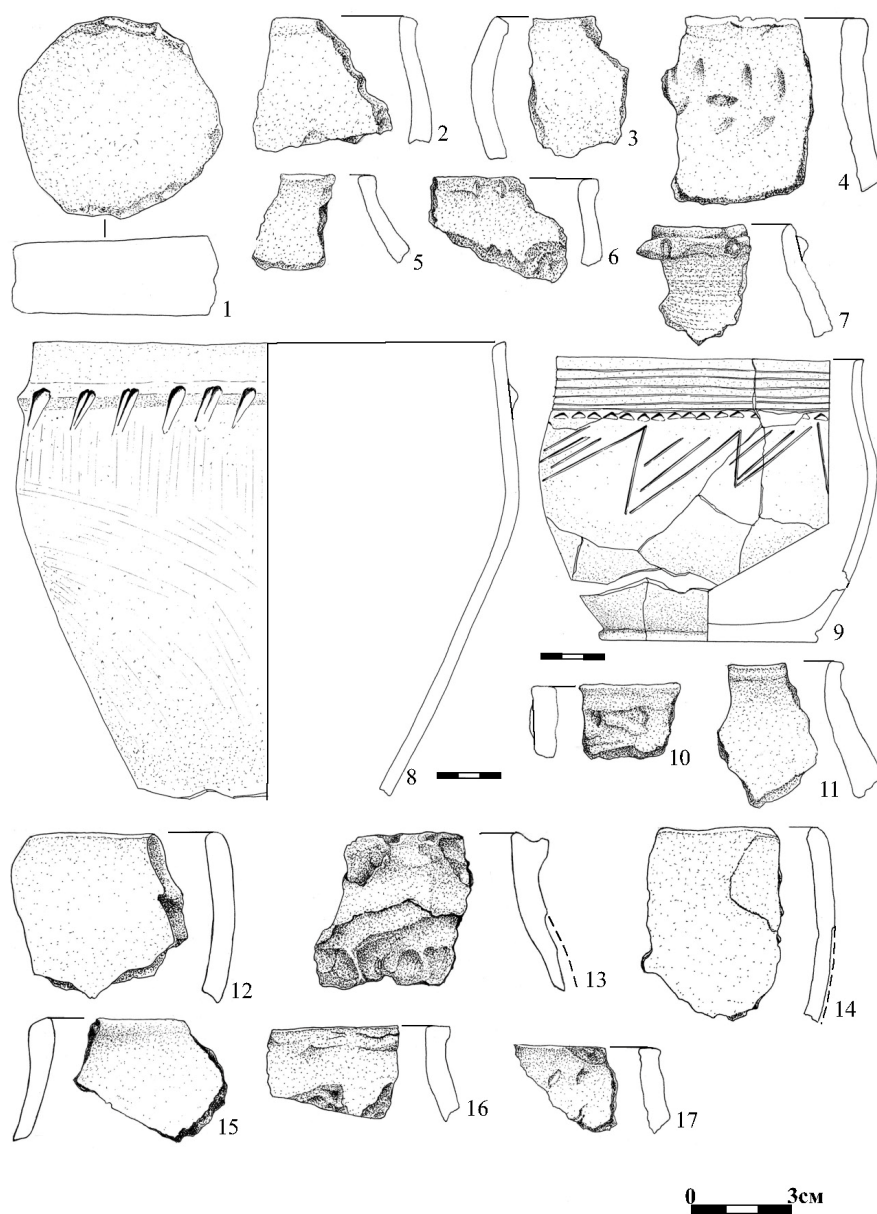

Рис. 19. Поселение Ребриковское 1. Находки из объектов (котлованы построек):
 1-11 - постройка 3; 12-16 - постройка 4; 17 - постройка 13.
 1 - песчанник, остальное глина

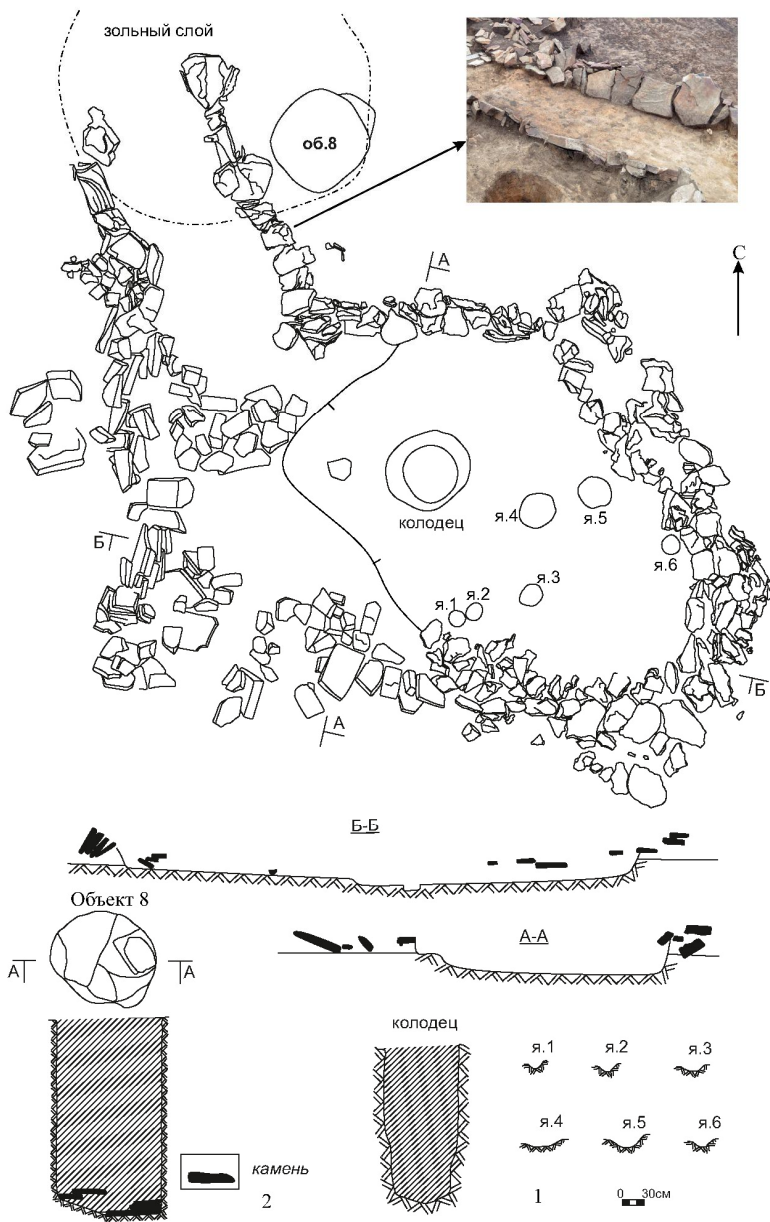

Рис. 20. Поселение Ребриковское 1. Объекты 5 (котлован постройки) и 8 (колодец).
План и профили

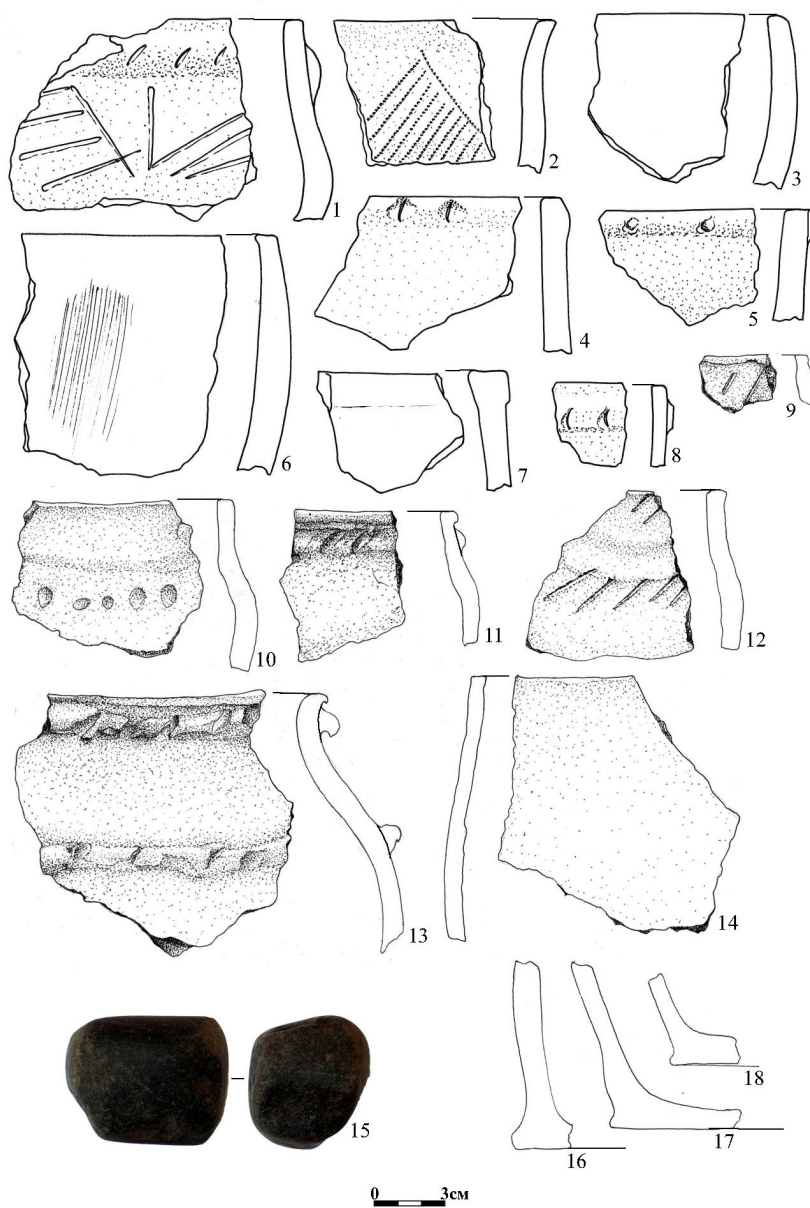

Рис. 21. Поселение Ребриковское 1. Находки из котлована постройки 5 (15 - тамбур):
15 - камень, остальное глина

Рис. 22. Поселение Ребриковское 1. Постройка 5 - заполнение зольного слоя.
Изделия из камня (9, 10) и кости

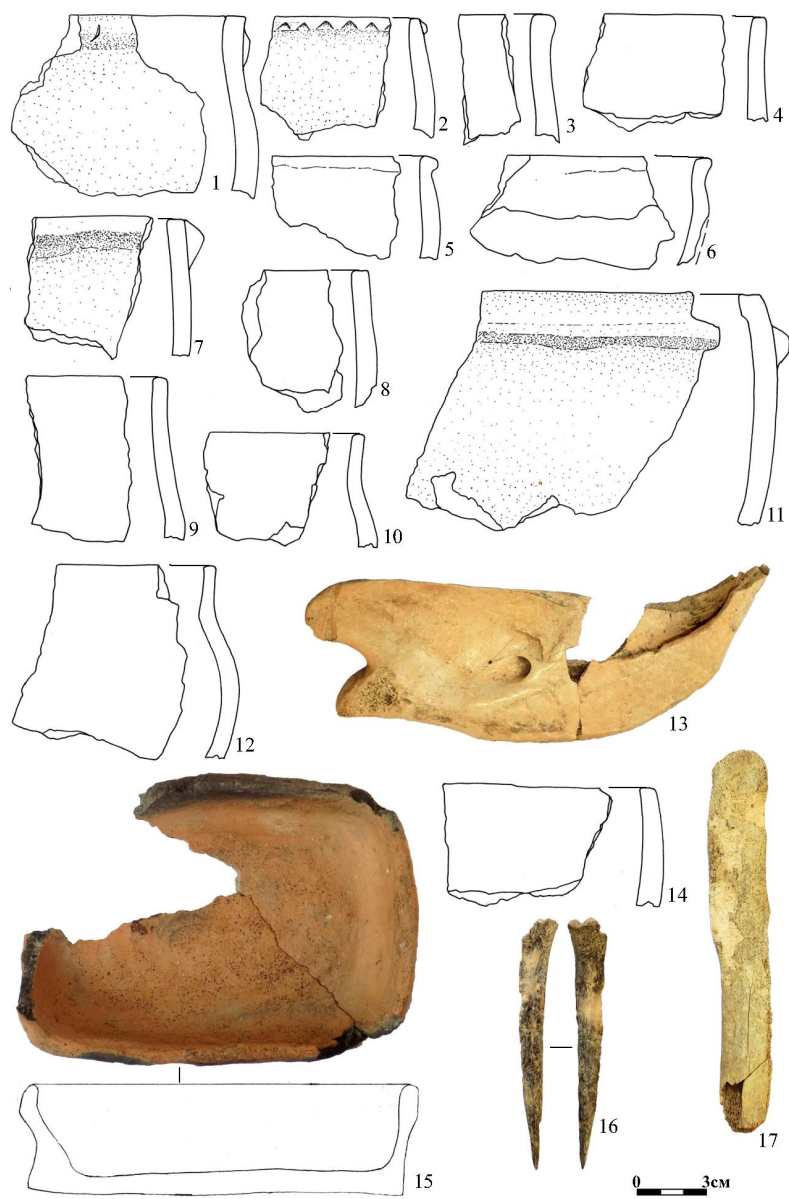

Рис. 23. Поселение Ребриковское 1. Объект 8 (колодец). Находки из заполнения:
13, 16-17 - кость, остальное глина

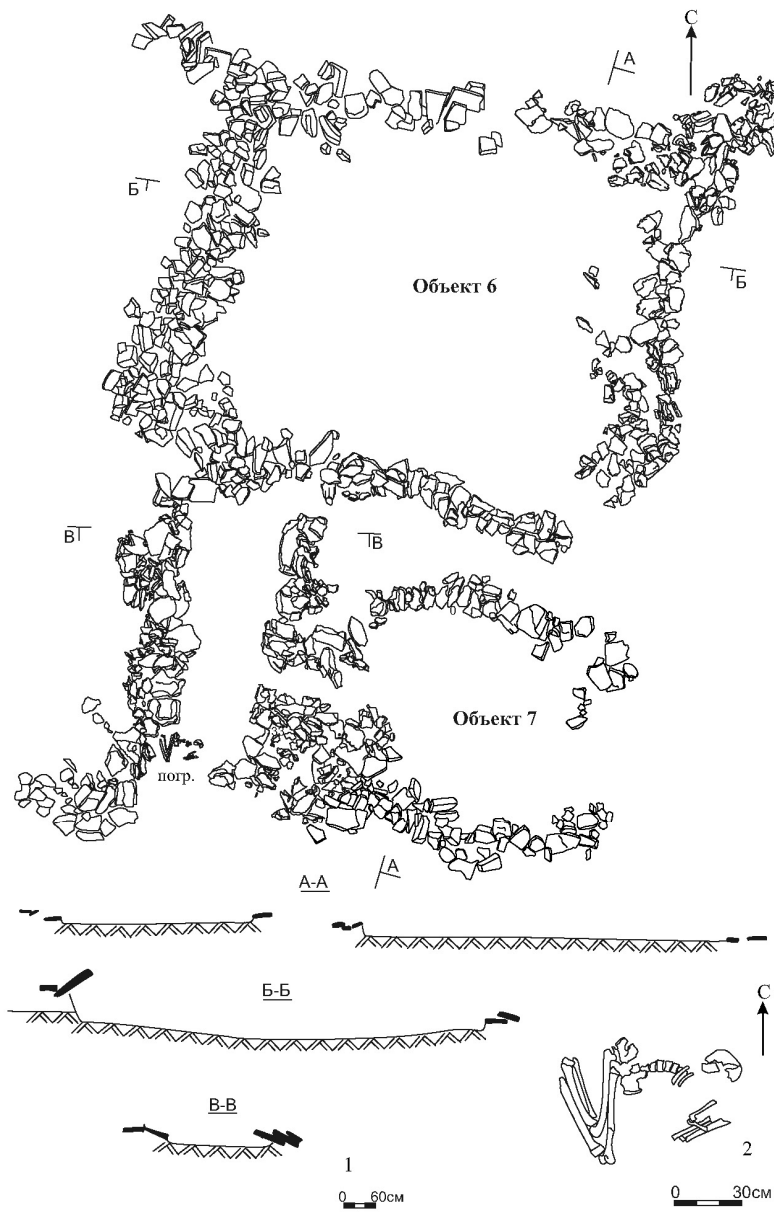

Рис. 24. Поселение Ребриковское 1. Объекты 6 и 7 (котлованы построек):
1 - план и профили; 2 - план погребения в постройке 6

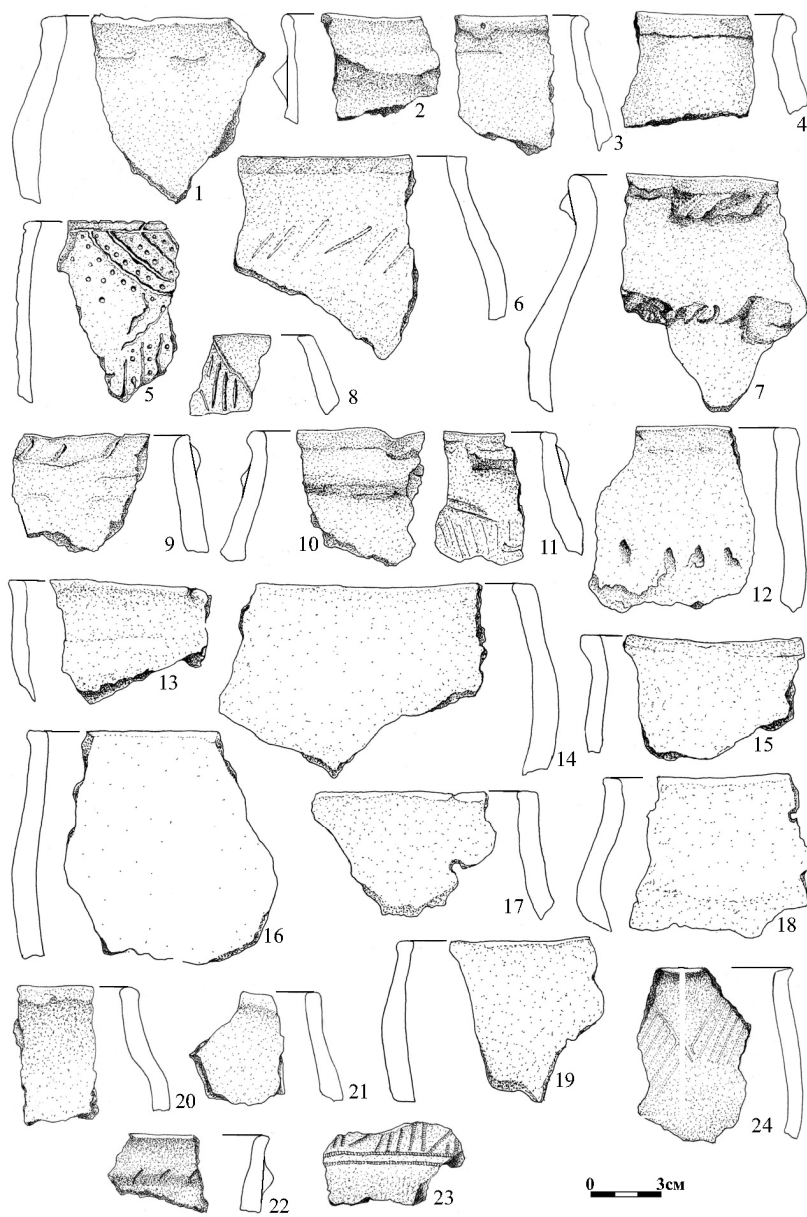

Рис. 25. Поселение Ребриковское 1.
Фрагменты лепной керамики из построек 6 (1-19) и 7 (20-24)

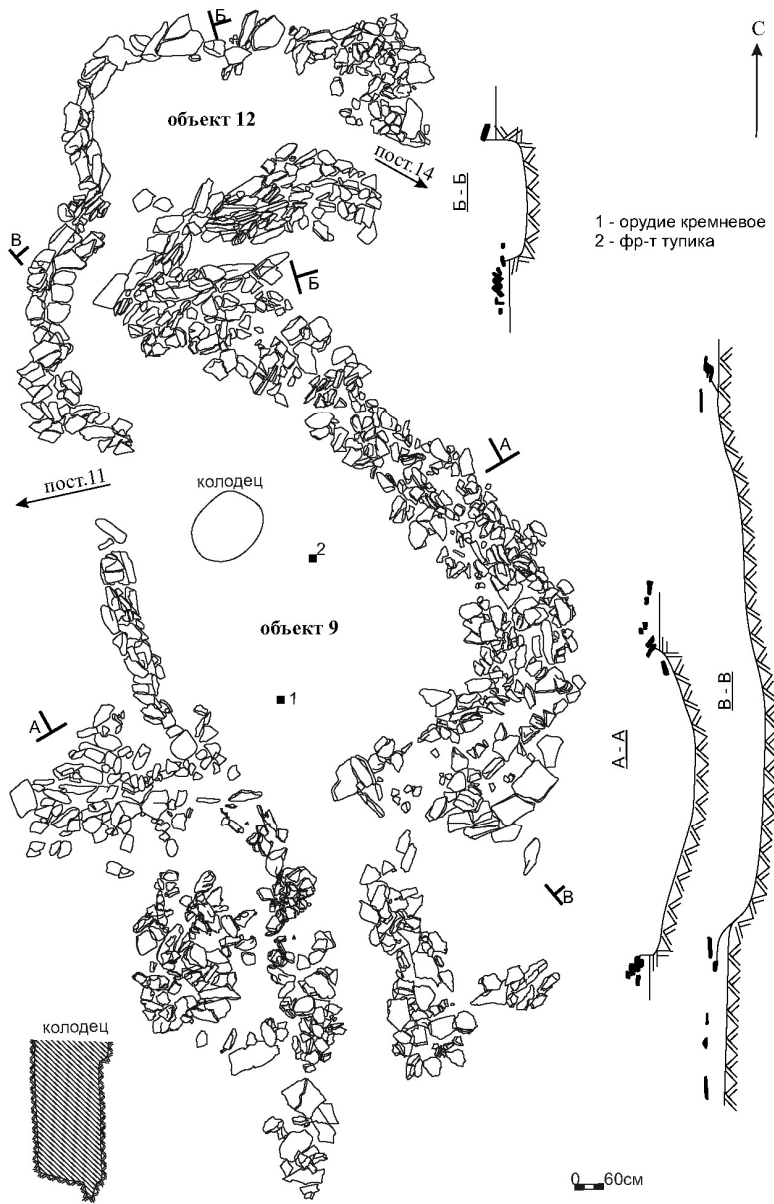

Рис. 26. Поселение Ребриковское 1. Объекты 9 и 12 (котлованы построек).
План и профили

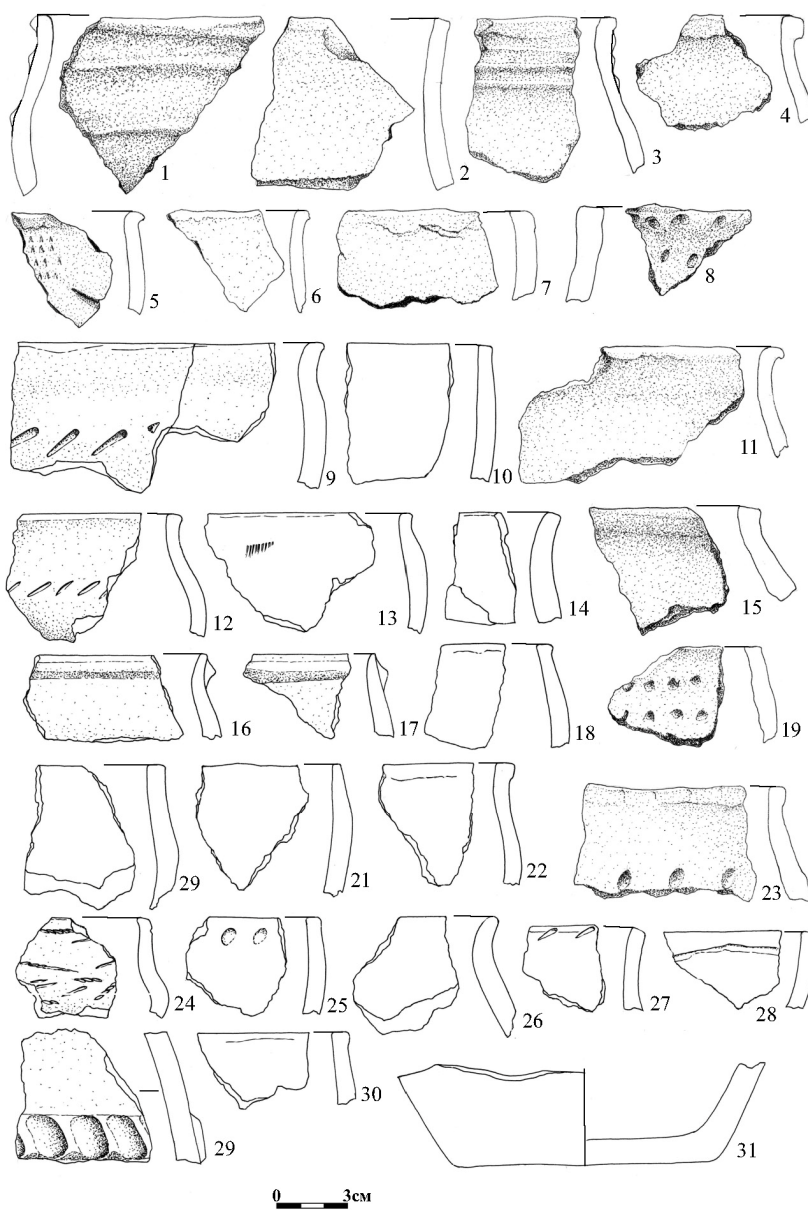

Рис. 27. Поселение Ребриковское 1. Объект 9 (котлован постройки).
Фрагменты лепной керамики: 1-8 заполнения котлована; 9-31 - заполнения колодца

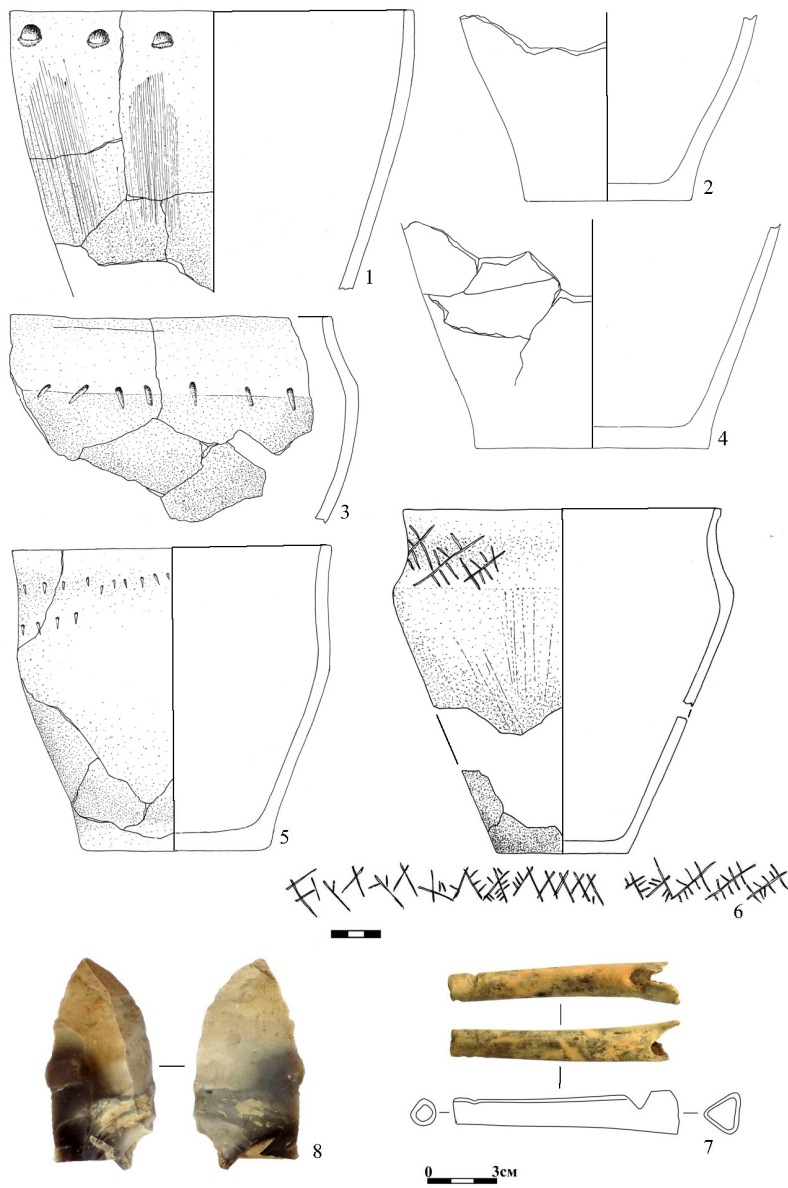

Рис. 28. Поселение Ребриковское 1. Объект 9 (котлован постройки).
 Находки из заполнения: 8 - заполнения котлована; 1-7 - заполнение колодца.
 7 - кость, 8 - кремь, остальное глина

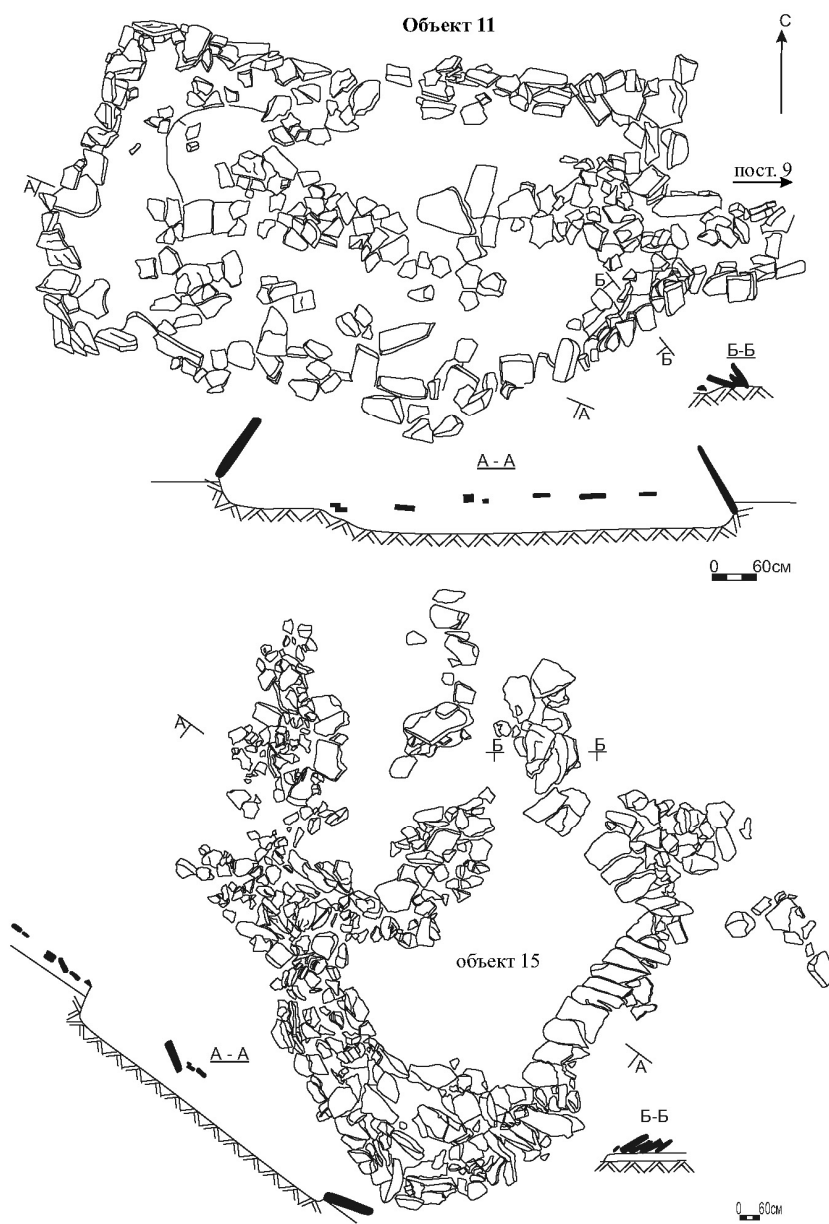

Рис. 29. Поселение Ребриковское 1.
Объекты 11 и 15 (котлованы построек). План и профили

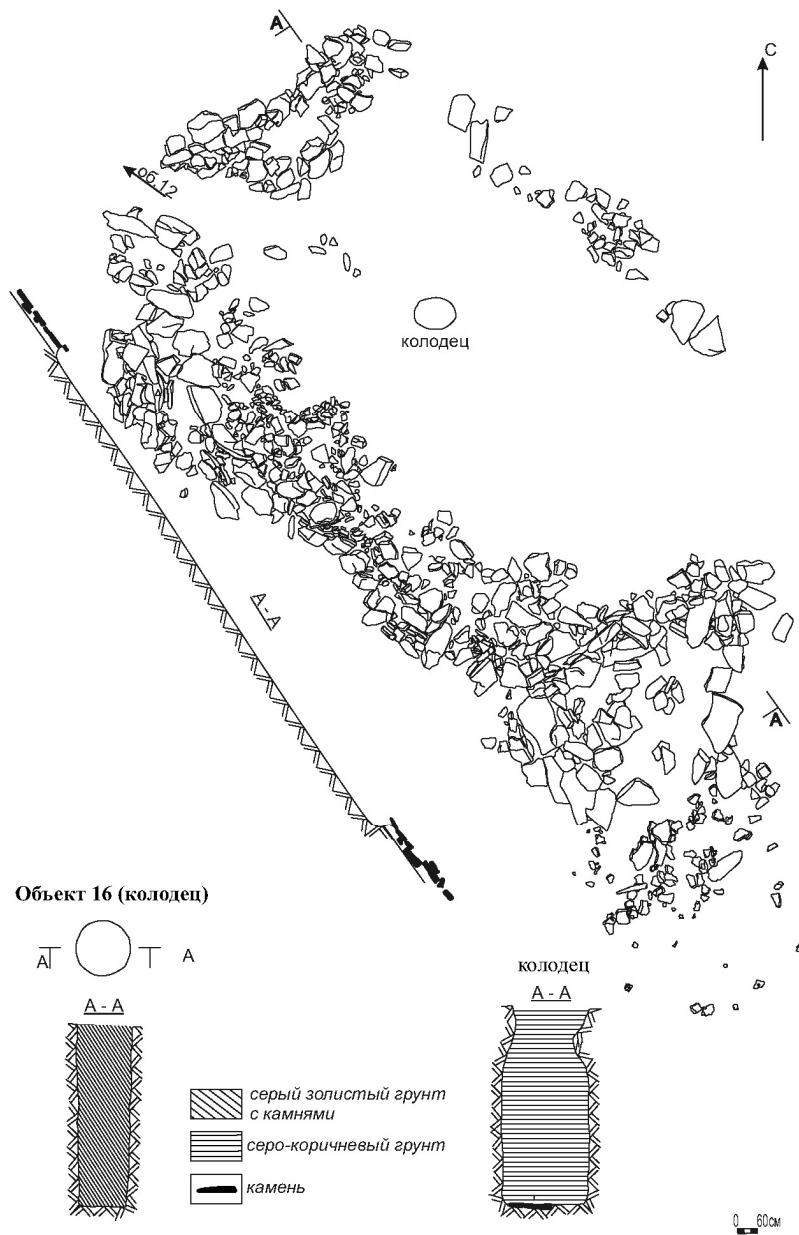

Рис. 30. Поселение Ребриковское 1.
Объекты 14 (котлован постройки) и 16 (колодец). План и профили

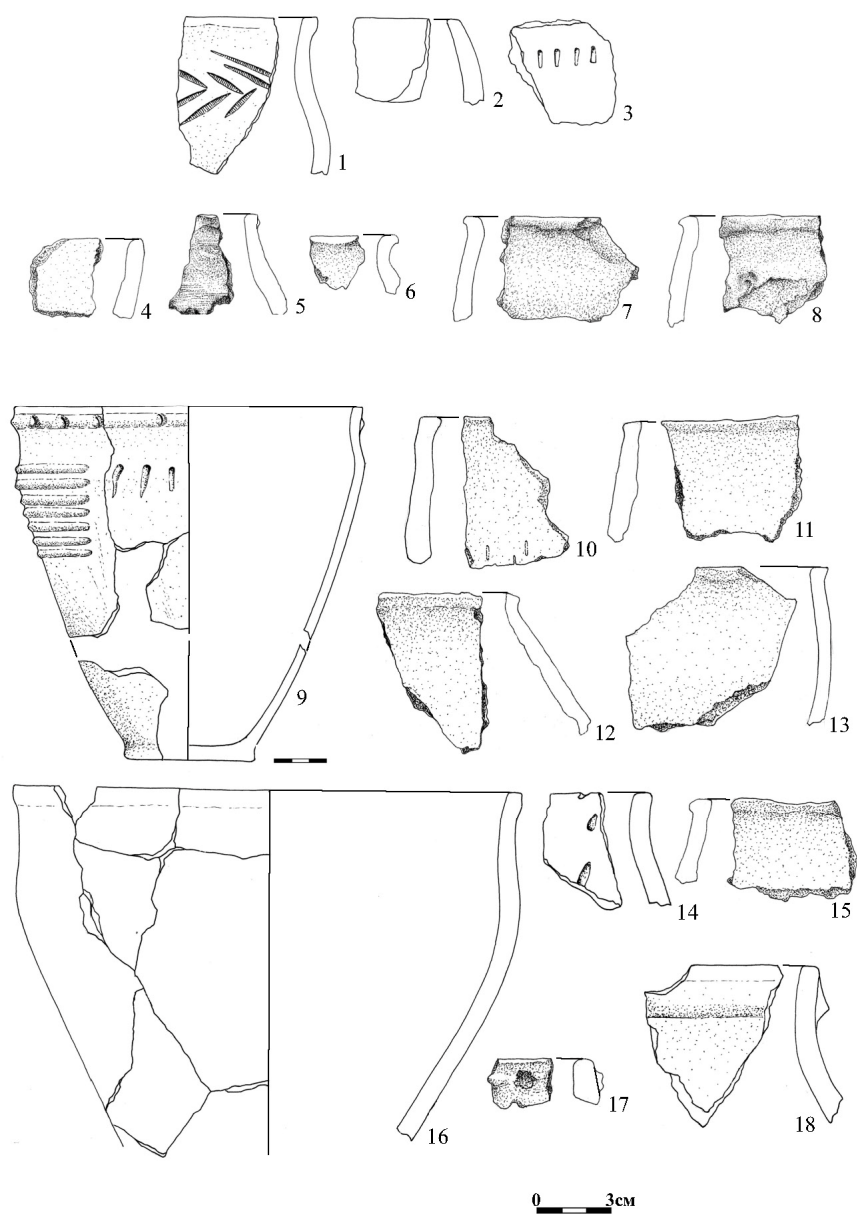

Рис. 31. Поселение Ребриковское 1. Фрагменты лепной керамики: 1-3 - постройка 11; 4-8 - постройка 15; 9-18 - постройка 14 (9, 14, 16, 18 - колодец)

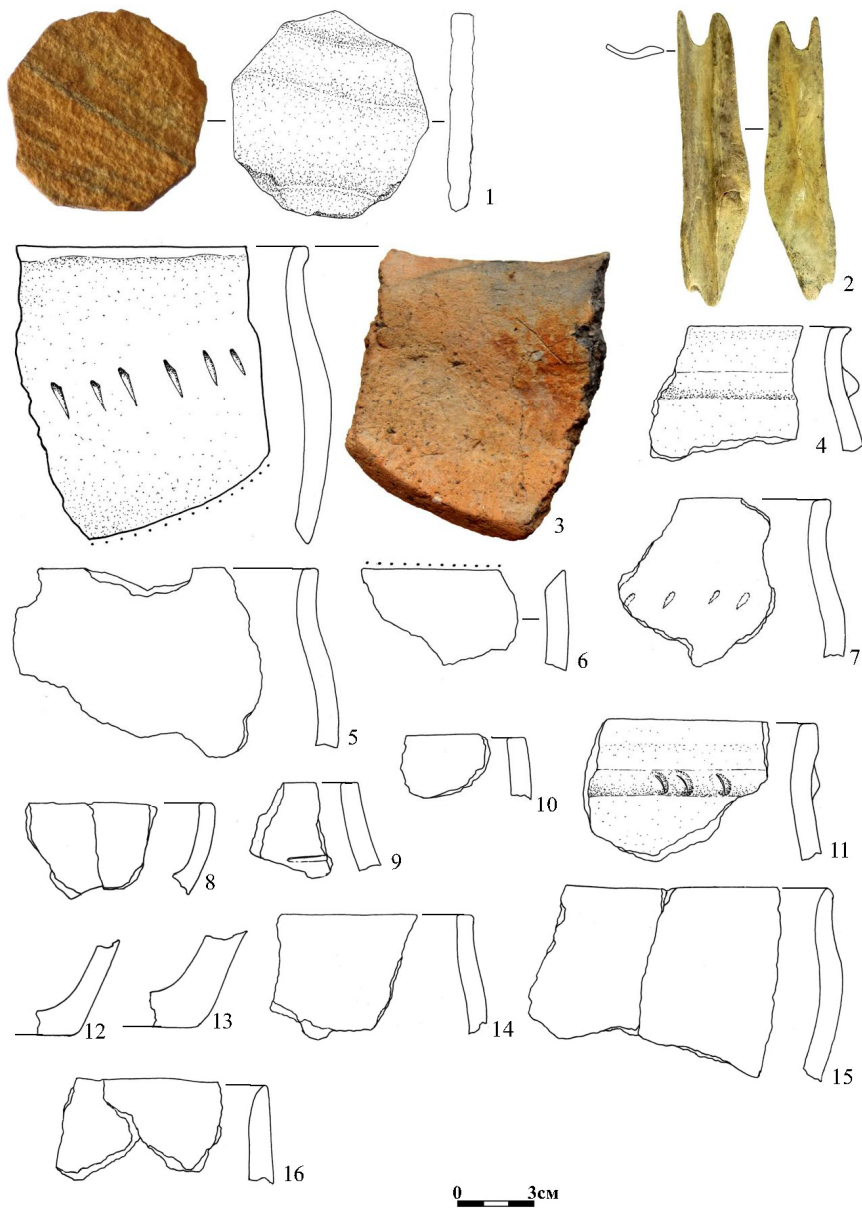

Рис. 32. Поселение Ребриковское 1. Находки из заполнения объекта 14 (котлован постройки).
1-2 - котлован; 3-16 - колодец, 1 - камень, 2 - кость, остальное глина

УДК 902(470.44)|638.3|
ББК 63.4(235.54)

Хреков А.А.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ЗЕМЛЕДЕЛИИ
ПОСТЗАРУБИНЕЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИХОПЕРЬЯ

В статье представлены материалы, иллюстрирующие развитие земледельческого хозяйственно-культурного комплекса у постзарубинецкого населения Прихоперья в первой четверти I тыс. н. э.

Ключевые слова: Прихоперье, ранний железный век, постзарубинецкая культура, киевская культура, система землепользования, серпы, жернова

Khrekov A.A.

NEW DATA ON AGRICULTURE RELEVANT
TO THE POST-ZARUBINTSY POPULATION OF THE KHOPYOR REGION

The paper presents materials on the development of agricultural economic-cultural complex of the post-Zarubintsy population in the Khopyor Region in the first quarter of the 1st millennium AD.

Keywords: Forest-steppe Khopyor Region, Early Iron age, post-Zarubintsy culture, Kiev culture, land-use system, sickles, millstones

В настоящее время на территории лесостепного Прихоперья насчитывается около 30 памятников и отдельных находок постзарубинецкого (позднезарубинецкого, киевского) облика, время которых укладывается в рамки конца II – начала IV вв. [Хреков, 2013. С. 139, рис. 12; Хреков, Шуваев, 2016. С. 166].

Объективными данными, указывающими на наличие земледелия у постзарубинецких племен Прихоперья являются находки некоторых орудий

земледельческого труда (серпы, жернова, зернотерки) и зерна злаковых растений (рис. 1). Однако следует отметить, что зернотерки использовались и в более раннее время и происходят с многослойных памятников.

Серпы и их фрагменты обнаружены на двух памятниках – Рассказань III и Богатырка. Сами серпы по своему устройству были довольно примитивными орудиями, которыми можно было срезать колосья злаковых растений.

Три железных серпа (два практически целых, один представлен крупным фрагментом) обнаружены во время раскопок и сборов на многослойном поселении (культовый объект) Рассказань III [Хреков, 2010. С. 157]. Исследованная площадь составляет 860 кв. м. Культурные напластования в пределах раскопа достигали мощности 1,5 м. Материалы постзарубинецкого времени представлены различными ямами, лепной керамикой, пряслицами, ножами и другими артефактами. По набору признаков постзарубинецкие комплексы относятся к концу II – началу III в., то есть периоду B2/C1. Один из серпов (рис. 2, 3) был обнаружен в слое раскопа в виде отдельных фрагментов и впоследствии отреставрирован. Два других найдены на противопожарной распахке, на окраине памятника (рис. 2, 2, 4)

Рассказанские серпы имеют слабоизогнутые полотна, оснащенные не черенками, а пятками, окончания которых загнуты перпендикулярно их плоскости. Длина серпов составляет соответственно 15–11 см, ширина 2–1,2 см.

Еще один железный серп такой конструкции обнаружен во время разведки на раннекиевском поселении Богатырка Романовского района Саратовской области первой половины – середины III в [Кисельников, 2009; Хреков, 2013. С. 139, рис. 12]. В отличие от серпов из Рассказани, он намного крупнее, длина лезвия составляет 21 см, ширина 1,8 см.

Р.С. Минасян относит подобные орудия к группе II, подгруппе 1 серпов Восточной Европы. Такие серпы найдены на скифских, милоградских, южновских, зарубинецких, так называемых позднезарубинецких и черняховских памятниках [Минасян, 1978а. С. 79–80, рис. 4, 1–20, 24–28, 30–56]. По С.П. Пачковой серпы с территории Прихоперья относятся к типу 1 [Пачкова, 1974. С. 38]. За последнее время два серпа из числа опубликованных стали известны на раннекиевском поселении Попово-Лежачи и Шишино 5 [Обломский, 2007. С. 35].

К орудиям, которые сопутствуют обработке продуктов земледелия, относится бегунок ручного жернова из серого камня (рис. 2, 6). Он был обнаружен в верхней части заполнения ямы 9 постзарубинецкого культового комплекса Рассказань III [Хреков, 2007. С. 159]. Диаметр жернова около 35 см, толщина 6–6,5 см, а на поверхности характерные концентрические следы сработанности. Чуть в стороне от центра имеется прямоугольное отверстие размером 7 x 7 см. Под жерновом обнаружены покрытые чешуей скелеты

двух рыб. Ниже зафиксированы отдельные угольки, кальцинированные косточки, дно грубого сосуда и челюсть животного (рис. 2, 6). По мнению Б.В. Магомедова, ротационные ручные мельницы появились в Северном Причерноморье, видимо, в конце эллинистического периода и широко распространились в римское время. На гетских памятниках Нижнего Подунавья и позднескифских городищах Нижнего Днепра они известны с I–II вв, но в быту варварского населения, жившего к северу от черноморских берегов, прочно укрепились только в конце раннеримского времени, вытеснив традиционные зернотерки [Магомедов, 1987. С. 65]. Жернова с овальным или квадратным отверстием на бегунке Р.С. Минасян относит к варианту А второй группы мельничных устройств, которые появляются в позднеримское время на территории Германии, Польши, Скандинавии и в ареале черняховской культуры. После исчезновения черняховской культуры (в конце IV – начале V вв.) данный жерновой постав исчезает в Восточной Европе, но продолжает бытовать на территориях, занятых германским населением, длительное время, включая эпоху переселения народов и раннее средневековье. В сравнении с другими поставами, германо-черняховский является одним из самых примитивных, однако вряд ли он мог возникнуть самостоятельно без влияния соседних народов – кельтов и населения восточно-римских провинций [Минасян, 1978б. С. 104–106]. Косвенным свидетельством таких связей постзарубинцев Прихоперья с восточно-германскими племенами в позднесарубинское и раннекиевское время являются находки всаднических шпор (местные сарматские и городецкие племена их не использовали) [Хреков, 2017. С. 202], погребения с фрагментами кольчуг [Хреков, 2007. С. 268, рис. 116, 4] и некоторые сосуды типа Ш 3 б [Обломский, 2003. С. 152, рис. 2] с изображением композиции из свастик, ромбов и треугольников [Хреков, 1999. С. 84, рис. 6, 1–4]. Видимо, бегунок ручного жернова в настоящее время является наиболее ранним на окраине постзарубинского мира.

На поселениях лесостепной зоны России находки жерновов ручных мельниц из известных мне материалов пока не обнаружены, за исключением крупного фрагмента верхнего бегунка жернова и четырех мелких обломков, которые происходят из культурного слоя поселения киевской культуры Борисоглебское 4 [Мулкиджанян, 2007. С. 106–107]. Тем не менее, поскольку на этом памятнике имеются отложения древнерусского времени, то принадлежность фрагментов жерновов ко времени киевской керамики остается под сомнением [Обломский, Радюш, 2007. С. 33].

С земледелием, несомненно, связаны сооружения, обнаруженные на поселении или культурном объекте Шапкино II [Хреков, 1999. С. 74–89]. Памятник расположен на левом берегу реки Вороны у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Площадь раскопа 300 кв. м. Культурный слой в

основном представлен материалами киевской культуры. В площадь раскопа попали котлованы 19 ям и одной постройки, заполнение которых состояло из золы, угольков, костей животных, фрагментов грубой и лощеной керамики киевской культуры. Постройка имела прямоугольную форму, размеры 380 x 277 см, глубина в материке 10–12 см. Заполнение состояло из темной супеси и фрагментов грубой лепной керамики киевского облика. С северо-западной стороны к постройке примыкали две ямы № 3 и № 4, видимо составляя с ней единый комплекс.

Яма 3 – овальной формы, размером 120 x 110 см, глубиной в материке 35–47 см. Верхняя часть ямы на глубине 6–12 см была засыпана темной супесью, ниже шла слоистая структура из угольков, золы, обугленных зерен пшеницы, грубых и лощеных фрагментов лепной керамики. Обугленные зерна практически встречались по всей глубине ямы, керамика фиксировалась скоплениями.

Яма 4 – округлой формы, размером 135 x 120 см, глубиной в материке 58 см. Своей юго-восточной стенкой чуть врезалась в постройку. Заполнение состояло из темной гумусированной супеси, костей животных, золы, угольков и фрагментов грубой лепной керамики. С внешней юго-восточной стороны постройки, у стенки, находилась нижняя половина корчаги (рис. 3, 2), заполненная спекшейся зольно-угольной массой и обугленным зерном. Дно сосуда покоилось на подсышке из золы и угольков. Согласно заключению кандидата с/х наук А.Б. Семеновой, зерна, обнаруженные на поселении Шапкино II, принадлежат яровой пшенице-двузернянке.

Вероятно, весь комплекс (постройка, ямы, корчага) служили для каких-то ритуальных обрядов, связанных с культом земледелия.

Использование зерен злаков как составной части ритуального обряда отмечена на постзарубинецом (киевском) грунтовом могильнике с сожжениями у с. Инясево Романовского района Саратовской области [Хреков, 1991. С. 123]. В небольшой ямке, в которой открылось погребение 4, вместе с золой, угольками и редкими кальцинированными косточками находились обугленные зерна (полностью сохранилось только одно).

Системой землепользования у постзарубинцев Прихоперья, видимо, был перелог, при котором плодородие почвы восстанавливалась через несколько лет. Что касается пойменных участков, затапливаемых в половодье, то ими можно было пользоваться ежегодно [Краснов, 1967. С. 20]. Этому не противоречит топография известных поселений Прихоперья. Как правило они занимают первую надпойменную террасу, или возвышенные участки поймы.

Перелоговая система земледелия существовала у соседних племен, в том числе у древних германцев, на что указывает в своем сочинении римский историк Тацит: «Они (германцы) ежегодно меняют пашню... и не прилагают

усилий, чтобы умножить трудом плодородие почвы» [Тацит, 1970]. При такой системе землепользования поля давали небольшие урожаи, в пределах 3–5 центнеров с гектара [Максимов, 1972. С. 72].

Все представленные в статье материалы хранятся в Балашовском краеведческом музее и Саратовском областном музее краеведения.

Литература:

Кисельников А.Б. Отчет о полевых исследованиях в июле-августе 2009 г. в Романовском районе Саратовской области. Архив ИА РАН, 2009. Р-1.

Краснов Ю.А. О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. 1967. № 1.

Магомедов Б.В. Черняховская культура Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1987.

Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже нашей эры. Киев, 1972.

Минасян Р.С. Классификация серпов Восточной Европы железного века и раннего средневековья // АСГЭ. Л., 1978а. Вып. 19.

Минасян Р.С. Классификация ручного жернового постава: по материалам Восточной Европы I тысячелетия н. э. // СА. 1978б, № 3.

Обломский А.М., Радюш О.А. Вещевой комплекс. Глава 4. // Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III–V вв. н. э.) М., 2007.

Пачкова С.П. Господарство східнослов'янських племен на рубежі нашої ери. Київ, 1974.

Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии // Соч. в 2 томах. М., 1970. Т. 1.

Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперьи // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Хреков А.А. Грунтовой могильник с сожжениями на западе Саратовской области. // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2.

Хреков А.А. Культурное место Шапкино II и некоторые вопросы мировоззрения постзарубинцев Прихоперьи в первые века нашей эры // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Саратов, 1999. Вып. 3.

Хреков А.А. Постзарубинецкий культовый комплекс Рассказань III в Прихоперьи // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8.

Хреков А.А. Периодизация и хронология постзарубинецких памятников лесостепного Прихоперьи // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2013. Вып. 11.

Хреков А.А., Шубаев С.В. Новые находки предметов круга выемчатых эмалей на территории лесостепного Прихоперьи // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2016. Вып. 14.

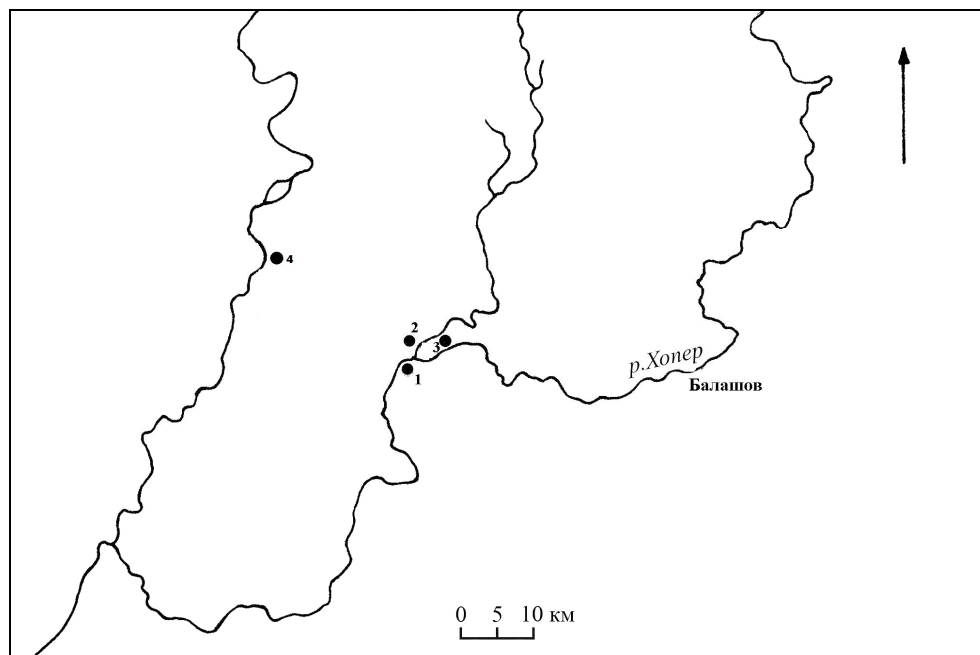

Рис. 1. Памятники и отдельные находки земледельческого характера:
1 - Рассказань III; 2 - Инясево; 3 - Богатырка; 4 - Шапкино II

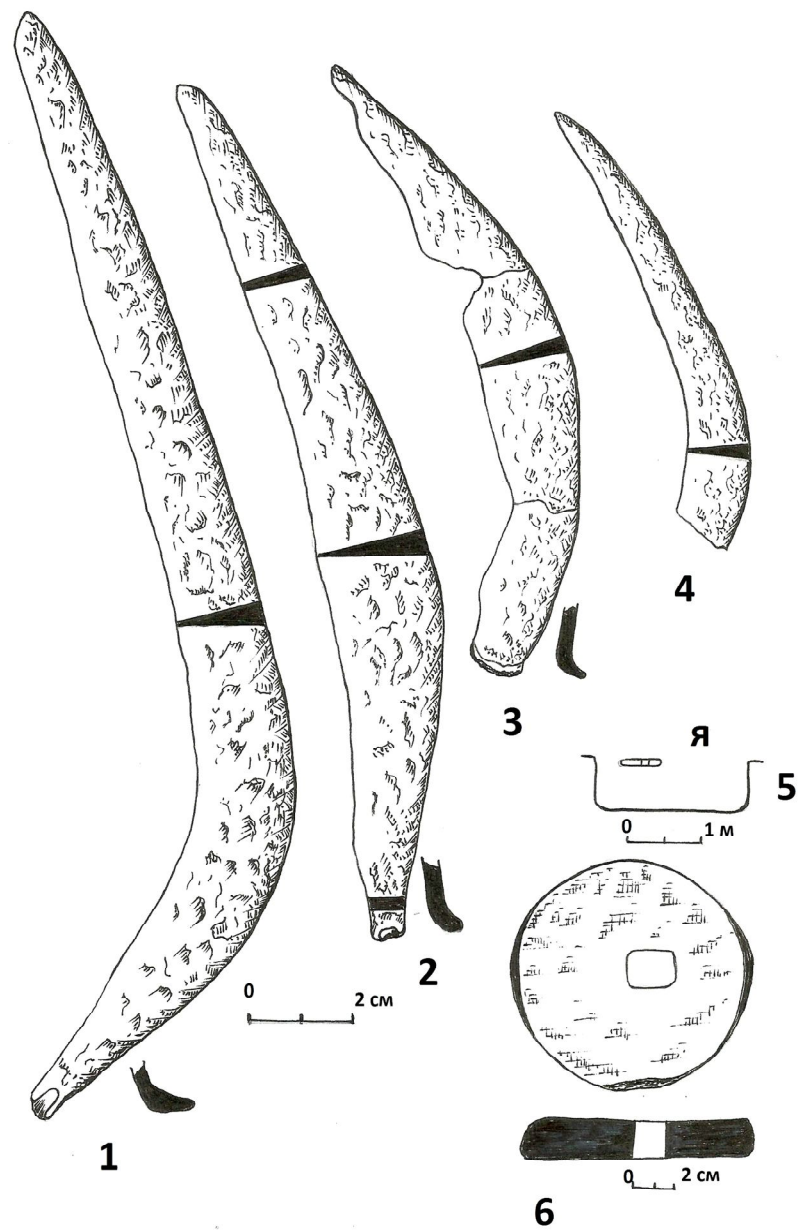

Рис. 2. 1 - Богатырка; 2-6 - Рассказань III. 1-4 - железо; 6 - камень

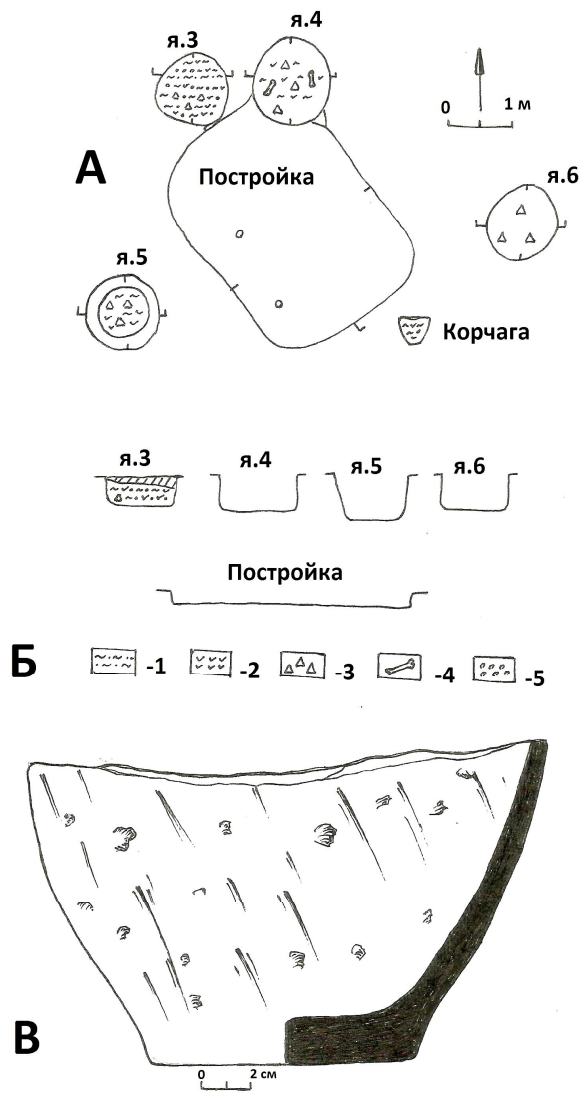

Рис. 3. Шапкино II, раскоп 2. А - северо-восточная часть раскопа в районе постройки; Б - условные знаки: 1 - зола; 2 - уголь; 3 - керамика; 4 - кость; 5 - зерно; В - корчага

УДК УДК 902(470.44-25)|638|
ББК 63.4(235.54)

*Жемков А.И., Жуклов А.А.,
Малышев А.Б.*

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК «ЖАРЕНЬИЙ БУГОР» БЛИЗ САРАТОВА
(ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ)

В статье публикуются материалы раскопок погребений из курганного могильника «Жареный Бугор» в Саратовском районе Саратовской области. Показана история исследований курганного могильника, стратиграфия и планиграфия курганов. Рассматриваются аналогии археологическим материалам погребений. Исследуются вопросы датировки погребений, антропологии, этнической и религиозной принадлежности населения, оставившего их.

Ключевые слова: Саратовская область, Саратовский район, курганные погребения, кочевники, ранний железный век, язычество, ислам, Золотая Орда, антропология

*Zhemkov A.I., Zhuklov A.A.,
Malyshev A.B.*

BURIAL MOUND «ZHARENIY BUGOR» CLOSE TO SARATOV
(HISTORY OF RESEARCH AND NEW MATERIALS)

The article presents the materials of the research of the burials from the mounds «Zhareniy Bugor», located in the Saratov district of the Saratov region. The history of studies of the burial mound, stratigraphy and planigraphy of mounds is shown. The analogies of the archaeological materials of burials are considered. The issues of dating of burials, anthropology, ethnic and religious affiliation of the population who left them are studied.

Keywords: Saratov region, Saratov district, burial mounds, nomads, early Iron Age, paganism, Islam, Golden Horde, anthropology

Название «Жареный Бугор», или чаще «Жарин Бугор», издавна утвердилось среди местных жителей. Возвышенность расположена в 4–4,6 км к северу от современной окраины областного центра г. Саратова и в 0,4 км к ССЗ от пос. «Ленинский путь» (совр. пос. Расково) Саратовского района. Возвышенность имеет неправильные очертания 400 x 200 м с крутыми южными и западными скатами и пологими скатами по северной и восточной сторонам. Курганный могильник в шесть насыпей различной величины расположен компактной группой в центре возвышенности [Монахов, 1979].

В 1978 г. в 4 км к северу от г. Саратова на высокой останцовой возвышенности, известной под названием «Жарин Бугор», группой студентов исторического факультета СГУ была обнаружена курганный группа из шести насыпей.

В 1979 г. в связи с намечающимися работами совхоза «Ленинский путь» по расширению дороги, пролегающей через курганный группу (между курганами №№3, 4), было решено раскопать курган №3. Раскопки проводились по открытому листу С.Ю. Монахова 10–17 июня и 15–20 сентября 1979 г. силами студентов заочного отделения исторического факультета, проходящих полевою практику по курсу исторического краеведения и студентов дневного отделения из числа членов археологического клуба, а также преподавателей исторического факультета СГУ. Среди студентов, участвовавших в раскопках, были будущие известные саратовские археологи: В.А. Лопатин, С.И. Четвериков, И.И. Дрёмов, А.И. Юдин и др.

Курган №3 содержал неординарное погребение и керамический сосуд, отнесенный С.Ю. Монаховым к культуре многоваликовой керамики, датированной серединой II тысячелетия до н. э. [Монахов, 1984. С. 242]. Данное погребение в настоящее время является самым восточным памятником культуры многоваликовой керамики и позволяет предполагать, что ее носители проникали далеко на восток от бассейна Дона, по крайней мере до правобережья Волги [Монахов, 1984. С. 243].

В 1980 г. был раскопан курган №6, находившийся к восток-северо-востоку от кургана №1 (с триангуляционной вышкой). В кургане №6 было зафиксировано трупосожжение в насыпи. В раскопках кургана участвовали С.Ю. Монахов, В.А. Лопатин, Н.В. Кочерженко, С.И. Четвериков. В насыпи выявлено пятно прокала с углями и кусками сгоревшего дерева. В насыпи найдено: 4 обломка железного меча, два бронзовых трехлопастных наконечника стрел и кальцинированные в огне фрагменты костей человека. По обнаруженным предметам курган относится к раннему железному веку (примерно IV–III вв. до н. э.) [Монахов, 1980].

В начале 1990-х годов Жарин Бугор был превращён в автомотодром, вся поверхность испещрена наезженными трассами, сбившими дёрн, отдельные

участки нарушены землеройной техникой. Именно в это время были полностью утрачены практически все оставшиеся курганы, зафиксированные С.Ю. Монаховым.

В 2014 году в Управление по охране памятников культурного наследия по Саратовской области поступило письменное сообщение от саратовского краеведа В.В. Федосеева о том, что на Жареном бугре производятся масштабные работы с использованием тяжелой землеройной техники. В связи с этим, в августе 2014 года, сотрудниками Управления по охране памятников культурного наследия по Саратовской области, совместно с археологами Научно-производственного центра по историко-культурному наследию Саратовской области была организована проверка состояния ОКН Курганного могильника «Жареный Бугор». В результате проверки было обнаружено следующее: из курганного могильника, зафиксированного в 1978 году, до наших дней сохранились только сильно разрушенный с северной, восточной и западной сторон курган №1 с триангуляционной вышкой и курган №2, высота которого в отчете С.Ю. Монахова составляла 0,8 м [Монахов, 1979], а на момент повторной фиксации – всего 0,2 м. Все курганы были разрушены еще в 1990-х годах в результате строительства автомотодрома. В 2014-м году на территории Курганного могильника «Жареный Бугор», с использованием тяжелой землеройной техники, было произведено выравнивание площадки размерами 100 x 100 м под создание новой трассовой радиолокационной позиции в Саратовском центре ОВД филиала Аэронавигации Центральной Волги.

Также в результате проверки на юго-востоке от кургана №1 и по краю западной части останцовой возвышенности были обнаружены 4 (четыре) ранее неизвестные курганные насыпи.

Итогом проверки стало: 1. полная остановка всех земляных работ на горе Жарин Бугор; 2. произведена перенумерация всех курганов, входящих в состав курганного могильника «Жареный Бугор».

Перенумерация курганов, входящих в состав курганного могильника «Жареный Бугор», была произведена следующим образом: курган №1 – номер остался прежним, курган №2 – вновь обнаруженный (2014 г.), курган №3 – бывший курган №2, курган №4 – вновь обнаруженный (2014 г.), курган №5 – вновь обнаруженный (2014 г.), курган №6 – вновь обнаруженный (2014 г.).

Весной 2016 года были произведены спасательные раскопки курганов №№1, 4, 5 (по нумерации 2014 года).

Курган №1, являющийся самым высоким (высота над поверхностью сохранившейся части – 2,1–2,2 м) и обширным (по данным обследования 2014 года, диаметр – 24–28 м) в курганной группе, располагался в её юго-восточной

части (рис. 2). К моменту раскопок большая часть курганной насыпи с западной и северной сторон была срезана при обустройстве на вершине кургана пункта воздушного наблюдения, оповещения и связи времён ВОВ¹, затем, в 1990-х годах обустройстве автомотодрома, а в 2014 году погребена под техногенным отвалом. В северной части в 2014 году возведена бетонная стена, окружающая всю площадку строительства ТРП. Оставшаяся нетронутой часть к югу от ППТС была задернована. Все неровности как курганной насыпи, так и местности вокруг нее были выровнены песчаным отвалом.

Стратиграфия кургана

Все вышележащие почвенные слои на исследуемой площади кургана №1, согласно стратиграфическим наблюдениям, подстилаются материковым грунтом двух типов: первый представляет собой ярко-рыжую супесь, перемешанную с мелким щебнем рыжего и красноватого цветов, второй – серо-жёлтую супесь, по мере углубления от уровня материка переходящую в песок того же цвета. Первый тип материка располагается на большей площади исследованной поверхности, второй (по результатам изучения обнаруженного ровика Б) – залегает ниже первого типа; также он подстилает почвенные слои возле дневной поверхности с южной стороны исследованной насыпи.

Погребённая почва обнаружена в центральной части насыпи и представляет собой прослойку тёмно-серой супеси, залегающей под элементами насыпей кургана. Толщина небольшая – 5–7 см, очень редко до 15–20 см. Отсекается от вышележащих насыпей тонким (5–6 см) материковым выкидом (по центру профиля Б и в северных половинах профилей Ж и И) и более тёмным оттенком истлевшей дернины на контакте с обеими насыпями в профиле А и со второй насыпью в профилях Б, В, Ж, И. Под второй насыпью образует выраженные затёки в материк.

Материковый выкид из могильной ямы, возможно, относится к разрушенному пунктом воздушного наблюдения, оповещения и связи времён ВОВ, погребению 2, бывшему основным в кургане. Выкид представляет собой тонкую (5–6 см) прослойку материка первого типа и лежит на погребённой почве, отделяясь от неё, на большинстве своего протяжения, тонкой зольной прослойкой.

Первая насыть кургана читается по центру профилей А и Б, в северных половинах профилей Ж и И (рис. 3). Её диаметр по «длинным» профилям – 10–11 м. О реальном диаметре сложно говорить, поскольку с западной стороны насыпь была полностью разрушена. Наибольшая сохранившаяся высота –

¹ Уточненных данных о датировке устройства здесь пункта воздушного наблюдения, оповещения и связи найти не удалось. Время ВОВ – является условным и основывается лишь на опросе местных жителей и обнаруженных на соседних останцах, расположенных несколько ниже Жареного Бутра, ям от зенитных позиций времени ВОВ.

90–100 см. О реальной высоте насыпей также сложно предполагать по причине того, что нигде не сохранился их полный первоначальный профиль. На всей сохранившейся площади насыпей верхние части обеих насыпей или скрыты, или переработаны при устройстве насыпи под ППГС. Грунт насыпи представляет собой уплотнённую серую супесь с примесью серого щебня и вкраплениями ярко-жёлтого материка (диаметром до 8–10 см с нечёткими границами комков).

Вторая насыпь была досыпана с южной и восточной сторон первой насыпи (рис. 3). Имеет наибольшую высоту в сохранившейся части – до 1 метра. Явной, образовавшейся погребённой почвы между насыпями не обнаружено. К моменту устройства второй насыпи, первая сохраняла довольно крутые очертания. Вторая насыпь отличалась от первой характером слагающего её грунта. Она также состояла из серой супеси, но содержала меньше щебня, отсутствовали фрагменты материка, её структура была более рыхлой, при вертикальной зачистке обнажалась призматическая структура комков почвы. Внешний край второй насыпи в профилях был пологим и оплыл во внутренний ровик кургана (ровик А). Таким образом, есть основания предполагать, что между устройством обеих насыпей прошёл небольшой временной период. К сожалению, нет данных об отсутствии или наличии второй насыпи кургана в его северо-восточном секторе, по причине полного разрушения там кургана землеройной техникой. Устройство второй насыпи лишь теоретически можно отнести к сооружению погребения 1.

Стратиграфия кургана чрезвычайно усложнена в новейший период существования насыпи установкой пункта воздушного наблюдения, переформатированием поверхности насыпи, связанным с установкой знака ППГС в 1950-х гг. (включая перемещение грунта по насыпи, перемешивание слоёв, засыпку внешнего рва), а также обустройстве автодрома в 1990-х годах, и возведении в 2014 году бетонной стены, окружающей площадку строительства ТРП.

Полное разрушение западной полы кургана видно по отсутствию в западной части профилей А и Б каких-либо слоёв между материковым грунтом и техногенным отвалом (кроме слоя, засыпавшего внешний ров и лежащего ниже уровня сохранившейся части материка).

Таким образом, изучение стратиграфии кургана №1 курганного могильника «Жареный Бугор» позволяет сделать некоторые выводы об относительной датировке этапов сооружения и разрушения его насыпи. Первая насыпь кургана была насыпана на естественном возвышении, на предварительно подготовленную площадку с сожжённой травой. Она сооружалась для погребения 2 и перекрыла тонкий материковый выкид, лежащий к югу от данного погребения. Восточные и северные границы распространения первой насыпи, а также её точную высоту, установить не представляется возможным

по причине их техногенного разрушения. Впоследствии к первой была досыпана вторая насыпь, по крайней мере, с южной и восточной сторон. Не решённым остаётся вопрос, к какому погребению досыпалась эта насыпь. Погребение 1 планиграфически находится под первой насыпью, а прорезание им этой насыпи стратиграфически не зафиксировано, поэтому отнести к нему сооружение второй насыпи можно лишь условно. Несколько спорно и отнесение внутреннего ровика А к одной из двух насыпей. Существует наибольшая вероятность того, что ровик А был выкопан при сооружении второй насыпи. Вторая насыпь в местах фиксации данного ровика (в профилях А и Б) перекрывает его, причём с восточной стороны не только сам ровик, но и пространство до полуметра за его внешней границей. Между тем, в профиле В, с западной стороны, вторая насыпь перекрывает лишь сам ровик А, а с восточной – не доходит до него (рис. 3). Эти обстоятельства, вкупе с разрушением обеих насыпей в XX-м веке, не позволяют с полной уверенностью соотносить сооружение ровика А с одной из двух насыпей кургана. Можно лишь предполагать, что он был выкопан при сооружении второй насыпи, которая впоследствии оплыла в него. На это указывает и более рыхлая структура второй насыпи.

Дальнейшие изменения в стратиграфии курганной насыпи отражают лишь её техногенное разрушение. Этапы этого разрушения:

1) Строительство пункта воздушного наблюдения, оповещения и связи времён ВОВ², разрушение при этом погребения 2, видимо, являвшегося центральным погребением данного кургана.

2) Выкапывание большого внешнего рва (ровика Б) непонятного назначения. Этот ров также мог быть связан с пунктом воздушного наблюдения, оповещения и связи времён ВОВ.

3) Масштабное перемещение грунта при сооружении насыпи ППТС и закапывании большого рва (ровика Б) в 1950-х годах. С ним связаны: изъятие грунта из обеих насыпей, его перемешивание с другими почвенными слоями разного происхождения и его перемещение, возможное разравнивание верхушки кургана, перемещение к остаткам курганных насыпей постороннего грунта, увеличение общих размеров получившейся насыпи (что заметно с сохранившихся южной и восточной сторон).

4) Разрушения, связанные со строительством автомотодрома в 1990-х годах и ТРП в 2014–2015 годах: снос северо-восточного сектора сохранявшейся насыпи землеройной техникой, снос северной части кургана при строительстве автомотодрома.

² Предположительно весной-летом 1942 года, когда Саратов подвергался массированным авианалётам.

Погребальные комплексы и артефакты, найденные в кургане №1

Погребение 1. Обнаружено к северо-востоку от условного центра кургана («0R») (рис. 4, 1). В верхнем слое материкового грунта была расчищена прямоугольная яма размерами 132–134 см x 55–58 см, длинной стороной ориентированная по линии север – юг. Глубина в материке – 13–16 см. В северной части ямы расчищен тлен костей крышки черепа и 6 (шесть) зубов человека. Инвентарь отсутствовал. Определить культурно-хронологическую принадлежность не представляется возможным.

Погребение 2. Обнаружено к северу от условного центра кургана («0R») (рис. 4, 2). Большая часть погребения разрушена ямой 1. Оставшаяся часть имеет форму сегмента, срезанного поздней ямой в северной и северо-восточной частях. По оставшейся части можно определить, что размеры могильной ямы прямоугольной формы составляли приблизительно 140–150 см x 200–220 см. Длинной стороной могильная яма была ориентирована по линии СС3–ЮЮВ. В сохранившейся южной части зафиксированы выступы высотой 40–50 см и шириной около 20 см. Под выступами, на дне могильной ямы, был зафиксирован обугленный древесный тлен, лежавший двумя неширокими (5–15 см) полосами (мощностью 4–8 см) вдоль заплечиков. Антропологические остатки и погребальный инвентарь в разрушенном погребении 2 отсутствовали. Определение культурно-хронологической принадлежности на данный момент затруднительно. Можно констатировать, что по планиграфическому положению погребение 2 являлось центральным под первой насыпью кургана.

Яма 1. Расположена к северу от условного центра насыпи («0R») (рис. 4, 2). После зачистки и фиксации пятна ямы 1, в связи с её значительными размерами и неправильной формой, для определения стратиграфии хронологических напластований, было решено сделать стратиграфический разрез. Выборка грунта из ямы 1 была начата с южной стороны (ближе к ППТС). В результате было выяснено, что большая яма срезала северо-восточную часть погребения 2. Костяк и инвентарь, вероятно, также были уничтожены при её сооружении. Яма была заполнена смесью грунтов, характерных для прослойки, обозначенной в стратиграфических чертежах профилей, как «заполнение ямы времен ВОВ», причём на дне эта смесь грунтов содержала большой объём материковых фракций. В восточной части разреза придонная часть заполнения была отделена небольшой линзой песка. В западной части разреза заполнение было более разнородным по составу, а в восточной более однородным и плотным. По всей видимости, яма была присыпана с западной стороны, после чего оставшаяся часть постепенно заполнялась окружающим грунтом. Следует отметить, что именно над этой, затёчной частью ямы, с её восточной стороны, были найдены многочисленные фрагменты металлических

изделий, бутылочных осколков и другого бытового мусора конца XX в., найденные в начале снятия насыпи.

После полного удаления грунта из ямы 1 можно сделать следующие выводы: яма имеет неправильную округлую форму с уступом в восточной и юго-восточной частях. Стенки неровные, сужаются ко дну. Диаметр по верху в материке – около 3,5 м. Глубина в материке – около 1,7 м. На дне имеются три углубления: одно округлое (диаметром около 0,45 м) и два подпрямоугольной формы (0,5 x 0,7 м и 0,4 x 0,5 м) (рис. 4, 2). Заполнение ямы отличалось слоистой разнородностью. Все слои были уплотнены. В заполнении были встречены осколок современного кирпича и следы костного тлена. Обустройство ямы можно связать с устройством пункта воздушного наблюдения, оповещения и связи времён ВОВ.

Ровик А. Располагался вокруг первой насыпи кургана (рис. 3). Зафиксирован в траншее между профилями В и Г (южное закругление) и в профилях В (с восточной и западной сторон), Б и А (с восточной стороны). Судя по сохранившейся части, имел овальную форму, вытянутую в меридиональном направлении. Ширина ровика, достигала в среднем 0,5 м, глубина в материке 0,2–0,25 м. В сохранившейся части ровик заполнен грунтом второй насыпи.

Ровик Б. Располагался вокруг насыпи кургана (рис. 3). В разделе о стратиграфии показано, что он был засыпан при обустройстве насыпи под ППТС. В верхней части имел ширину 2,5–3 м. Ко дну стенки сужались. Ширина дна – 1–1,8 м. Глубина в материковой части – 0,9–1,35 м. Наименьшая глубина – в северо-западной части, наибольшая – в восточной. Предположительно строительство данного рва связано с устройством пункта воздушного наблюдения, оповещения и связи времён ВОВ.

Курган №4 расположен в основании выдающегося к юго-западу выступа возвышенности Жарин Бугор (рис. 2), отчего высота его от дневной поверхности неравномерна и составляет от разных пол кургана от 0,3 до 0,7 м (рис. 5). К моменту раскопок северо-восточный сектор насыпи был повреждён землеройной техникой при прокладке трассы автомотодрома. Оставшаяся часть была задернована. К северу от центра кургана читалось линзообразное понижение, оказавшееся следом грабительской ямы.

Стратиграфия кургана

Для наблюдения за стратиграфией кургана была оставлена одна осевая меридиональная бровка шириной 1 м, зачищенная с обеих сторон. Оба фаса (западный и восточный) показали одну картину стратиграфии.

Все вышележащие слои подстилаются материковым грунтом, состоящим из ярко-рыжей супеси, перемешанной с мелким щебнем рыжего и красноватого цветов.

Погребённая почва залегает под всей насыпью и представляет собой прослойку тёмно-серой супеси. Толщина – 10–20 см. Отсекается от вышележащей насыпи тонким (5 см) материковым выкидом и более тёмным оттенком истлевшей дернины. Контакт с материком также чёткий. В северной части профилями отсутствуют характерные затёки материковой почвы в верхний слой материка по бывшей корневой системе.

Материковый выкид лучше всего прослежен в западном фазе бровки, где его протяжённость составляет 5,5 м. В восточном фазе выкид прослежен только по краям могильной ямы. Толщина выкида на всём протяжении составляет около 5 см. Лишь вдоль северного края могильной ямы его толщина увеличивалась до 20 см.

Насыть кургана представляет собой уплотнённую серую супесь. Её диаметр по данным стратиграфии составляет 7–7,6 м, мощность – от 20–40 см по краям до 65 см по центру.

В 0,75–1,25 м к северу от центра в профилях читается могильная яма, единственная в этом кургане. Следует отметить, что на поверхности кургана, ещё при его разметке, читалось выраженное понижение по центру насыпи и к северу от него (рис. 5). При дальнейшем исследовании курганной насыпи было выявлено, что понижение в центре насыпи является грабительской ямой. В профилях по своим цвето-структурным характеристикам заполнение этой ямы не отличалось от грунта насыпи, но при выборке погребения, начиная от уровня могильного пятна в отдельных местах (в основном с западной стороны могильной ямы), заполнение могильной ямы было значительно более плотным.

Таким образом, стратиграфические наблюдения на кургане №4 свидетельствуют о его единоразовом сооружении и последующем ограблении.

Погребальные комплексы и артефакты, найденные в кургане №4

Погребение 1. Обнаружено к северу от условного центра кургана («0R») (рис. 5; 6). На глубине 0,6–0,7 от «0R» была расчищена подпрямоугольная яма, с тенденцией к расширению в средней части длинных сторон размерами 225 см на 65 см (в торцах) – 115 см (в середине), длинной стороной ориентированная в широтном направлении. Глубина в материке – 117 см, от «0R» – 187 см. Вдоль длинных сторон могилы на глубине 1,3–1,4 м от «0R» оставлены выступы, широкие в середине (около 0,7–0,8 м) и сужающиеся к торцевым стенкам могилы (до 0,1 м). В процессе разборки погребения выяснилось, что в древности оно было ограблено. На это указывали значительное уплотнение грунта в западной части ямы (затёк, образовавшийся в грабительском лазе) и положение частей костяка и инвентаря – не *in situ*. На дне могилы были обнаружены:

Кресало (рис. 7, 2) железное, вытянутой овальной формы, двулезвийное, с замкнутым контуром. Обнаружено в западной части могильной ямы (рис. 6). Длина – 9,5 см, ширина – 3,5 см.

В русских землях овальные двулезвийные кресала пришли на смену калачевидным в XII–XV вв. [Колчин, 1958. С. 98–99, рис. 3, 9–10; 4; Железные кресала, 2010. С. 5, 8, 22–29, рис. 41–62]. В кочевой и городской среде Золотой Орды они были также распространены в XIII–XV вв. [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1988. Табл. VIII, 11; XXIV, 8; Евглевский, Потемкина 2000. С. 183–188, 194–202, рис. 1, 17–19; 2–7; 8, 8, 12; Мыськов, 2015. С. 66–69, 369, 371, 375, 389, 438–439, 464, табл. V, 2, рис. 1, 6; 3, 3; 7, 7; 21, 9; 70, 5; 71, 3; 96, 7]. Согласно классификации Е.П. Мыскова, кресало из данного погребения, относится к Отделу А (двулезвийные), Типу I (овальные с замкнутым контуром) – (А1) [Мыськов, 2015. С. 66–69]. Подобные кресала с замкнутым контуром (овальные и прямоугольные), получили весьма значительное распространение (40%) в кочевнических погребениях Золотой Орды XIII–XV вв., наравне с однолезвийными калачевидными кресалами (39%) [Евглевский, Потемкина 2000. С. 199; Мыськов, 2015. С. 69].

Монеты. Анонимная фракция(?) дирхема (серебро). Сарай(?), период чеканки 671–677 г.х. Л.с. С трех сторон тамги, легенда: «*Честь всегда продолжающаяся*», вокруг легенды двойной линейный картуш. О.с. Легенда: «*Слава постоянна*», вокруг легенды двойной линейный картуш [Евстратов, Гумаюнов, 2005. Табл. 17, № 43]. Округлость практически целая (рис. 8, 1).

Две половинки двух (идентичных) монет. Анонимный дирхем (серебро). Сарай, 677 г.х. Л.с. С трех сторон тамги, легенда: «*Власть богу, единому всемогущему*», под тамгой виньетка, вокруг легенды тройной картуш (линейный, точечный, линейный). О.с. Легенда: «*Дирхем чеканен в городе Сарае. 677*». Вокруг легенды тройной картуш (линейный, точечный, линейный) (рис. 8, 2, 3) [Федоров-Давыдов, 1986. С. 59, 62, 63, рис. 3, 29, 29а]. Обнаружены в южной части могильной ямы (рис. 6).

Таким образом, монеты датируются 1272–1279 гг. и относятся ко времени правления золотоордынского хана Менгу-Тимура (1266–1282 гг.).

Несомненно, что в данном случае мы имеем дело с одним из вариантов обряда «обол Харону», который имеет древние корни, и фиксируется ещё в античную эпоху – в Греции и Риме. Этот обычай выражался в сопровождении умершего монетой или монетами, чаще всего помещенными в погребение. Географические и временные рамки использования этого обряда чрезвычайно широки – от Западной Европы до Центральной и Южной Азии, от Скандинавии до Северной Африки и от античности до нового времени. В славяно-русской археологии элементы такого обряда называют «оболом мертвых», а отдельные его реминисценции прослеживаются в русской христианской

обрядности вплоть до XX в. Данный обряд встречается и в мусульманских средневековых погребениях Ирана и Средней Азии VIII–XV вв. Интересно, что под влиянием мировых религий обряд окончательно не исчез, а в разных формах сосуществует с каноническими погребальными практиками [Полеводов, Корусенко, С. 193–194].

В Золотой Орде в XIII–XV вв. этот обычай был довольно распространённым явлением. Одну или несколько монет чаще помещали в рот погребенного или около его головы, а иногда в другом месте [Федоров-Давыдов, 1998. С. 33–36]. Монеты в золотоордынских погребениях также могли выступать в качестве показателя достатка и богатства (по аналогии с частями туш крупного и мелкого рогатого скота). Отдельные монеты использовались как украшения (с отверстием или ушком для подвешивания), что несёт иную обрядовую нагрузку. Наиболее часто в погребениях встречались серебряные монеты – дирхемы (77,6%). Преобладали монеты золотоордынской чеканки, а иноземные – встречались в единичных случаях. Большая часть монет помещалась в погребения взрослых людей (98%). Наибольшее развитие обычай «обол Харону» получил в XIV в. (62,6% погребений с монетами), в то время как в XIII в. он встречался менее часто (9,8%) [Пигарев, 2000. С. 283–301].

Д.В. Васильев в качестве гипотезы выдвинул версию о том, что монета в погребениях золотоордынских кочевников использовалась как плата шаману, а точнее его духу-проводнику, который должен был проводить душу умершего в иной мир. Также исследователь считает, что нельзя исключать и буддийскую погребальную обрядность, один из вариантов которой предполагал вкладывание монеты в рот покойного [Васильев, 2007. С. 111–114]. На данный элемент буддийской обрядности (в сочетании с некоторыми другими элементами), указывает также П.В. Попов [Попов, 2013. С. 437–438].

Следует также отметить, что помещение в погребение не целых, а специально разрубленных монет, также иногда встречается в погребениях золотоордынских кочевников [Бабенко, Обухов, 2013. С. 301, 305–306, рис. 2, 1; 3, 3, 13; 4, 1, 2], что, по-видимому, несло какую-то обрядовую нагрузку.

К сожалению, исследованное нами погребение было разрушено в результате ограбления, и проследить изначальное обрядовое положение монеты относительно погребённого не представляется возможным.

Наконечник стрелы (фрагмент) (рис. 8, 4). Плоский срезень с несохранившимся концом пера, с плоским лезвием и круглыми в сечении упором и черешком. Обнаружен в западной части могильной ямы (рис. 6). Длина – 6 см, ширина наконечника – 2,7 см, ширина древка – от 0,5 до 1 см.

Подобные железные наконечники известны, и имеют некоторое распространение в Золотой Орде и, вообще, в Восточной Европе в XIII–XIV вв. Согласно классификации, разработанной А.Ф. Медведевым, они относятся к

Отделу 2 (черешковые железные), группе «плоские черешковые», типу 60 «двурогие срезни с упором», варианту 7 «полулунные двурогие срезни» [Медведев, 1966. С. 72, табл. 26, 18–19]. По типологии Е.П. Мыськова, данные наконечники относятся к Отделу А (железные), Типу I (черешковые), Подтипу д (вильчатые с плоскими перьями), Варианту 2 (с полукруглым пером и вогнутой ударной гранью) – (АИд2) [Мыськов, 2015. С. 124–125, табл. XXII, 1].

Такие наконечники стрел в XIII–XIV вв. встречаются как у золотоордынских кочевников, так и у оседлых народов – русских, мордвы, болгар, и традиционно считаются охотничьими. Впрочем, плохая сохранность изделия оставляет вероятность того, что изначально данный наконечник мог иметь другую конструкцию и относиться к иному типу.

Ткань (шёлк?) (мелкие фрагменты). Фрагменты шёлковых(?) тканей от одежды сохранились под скелетом. Обнаружены вблизи северной стенки могильной ямы, а также в северо-восточном углу могильной ямы (рис. 6).

Нахождение обрывков ткани под костями скелета, возможно, свидетельствует о наличии погребального савана, в который был обернут покойный.

Удила (фрагмент) (рис. 7, 1). Железные, двусоставные (по-видимому, состояли из двух подвижных звеньев). По технике изготовления гладкие. Стержни звеньев выполнены из гладкого железного прута, округлого сечения. Обнаружены вблизи западной стенки могильной ямы (рис. 6). Длина стержня – 9,5 см, Диаметр кольца – 6 см. Предмет хорошей сохранности.

Подобные удила широко распространены в среде кочевых и оседлых народов Восточной Европы в XIII–XIV вв. и в более поздние времена.

Колчан берестяной (мелкие фрагменты). Фрагменты обнаружены в северо-западной части могильной ямы (рис. 6). На одном из фрагментов – черная полоса шириной от 2 до 2,5 см предположительно от накладки. По всей видимости, предмет разрушен во время ограбления могилы в древности.

Фрагменты крепежной системы колчана (железо). Металлические кольца и гвоздики. Предметы сильно корродированы. Обнаружены вдоль северной стенки могильной ямы (рис. 6). Гладкие металлические кольца для подвешивания к поясу или через плечо на перекидном ремне, а также металлические гвоздики (для скрепления пластин и/или накладки?). Проследить конструкцию колчана не удалось.

В целом, берестяные колчаны различных форм и конструкций широко использовались восточноевропейскими кочевниками, как в домонгольское время, так и в период Золотой Орды [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 85, 108, 117–118, 120, 124, 129, 140, 149, 159, 196, 197, 200; Мыськов, 2015. С. 130–134, табл. XXIII, 1–5].

Фрагмент дерева. Разделен на три части, красноватого цвета. Обнаружен в западной части могильной ямы (рис. 6).

Фрагмент дерева с тканью. Фрагмент дерева с прикипевшим фрагментом ткани. Обнаружено в восточной части могильной ямы (рис. 6).

Фрагмент войлока (кошмы). Размеры 1,8 x 2,2 см. Обнаружен в западной части могильной ямы (рис. 6).

Войлочная кошма иногда использовалась в качестве подстилки в погребениях золотоордынских кочевников [Гарустович, 1998. С. 130; Ефимов, 1999. С. 101; Кравец, 2005. С. 23].

Антропологические остатки были разбросаны вдоль стенок ямы, и их не хватает до полного скелета. Это было результатом ограбления кургана в его ранний период существования.

Таким образом, мы можем с уверенностью считать данный комплекс – мужским захоронением конного воина-лучника с наличием отдельных характерных для него предметов (колчан, стрела, удила, кошма). Дно могилы было выстлано войлочной кошмой, а сам покойный был завернут в шелковый саван. В погребение было положено три монеты, две из которых, возможно, были искусственно разрушены (разрублены пополам). Сверху погребение было перекрыто деревянными досками или плашками, которые укладывались на выступы, вырубленные вдоль длинных стен могильной ямы.

В целом, погребение совершено по языческому обряду с наличием некоторого количества вещей в погребении. Монеты, возможно, предназначались для символической платы духу-помощнику шамана, сопровождавшему душу покойного в иной мир.

Отдельные элементы позволяют проследить и некоторую степень исламизации погребальной обрядности: вероятная западная ориентировка покойного, наличие погребального савана, относительно небольшое количество вещей в погребении.

Антропологические анализы, приведённые ниже, свидетельствуют о довольно суровой (военной?) деятельности погребённого индивида: при жизни он получил ряд серьезных травм черепа и скелета, после которых, в целом, физически восстановился. Сильное развитие мускулатуры плечевого пояса, при среднем развитии мышечного рельефа, скорее всего, связано с постоянным использованием боевого лука. С другой стороны, хорошее состояние суставов и зубов, при пожилом или старческом возрасте (более 55 лет), позволяет предположить относительно высокое социальное положение покойного.

Погребение с уверенностью можно отнести к золотоордынскому кочевому населению, и датировать его по погребальному инвентарю золотоордынским временем, а более детально – по монетному материалу, концом 1270-х – началом 1280-х гг.

Курган №5 расположен в северо-западной части цепочки курганного могильника, на северном краю выдающегося к юго-западу выступа возвы-

шенности Жарин Бугор (рис. 2). Его высота по центру насыпи – 0,6–0,7 м от дневной поверхности. К моменту раскопок северо-западный сектор полы был повреждён землеройной техникой. Поверхность кургана задернована.

Стратиграфия кургана

Для наблюдения за стратиграфией кургана была оставлена одна осевая меридиональная бровка шириной 1 м, зачищенная с обеих сторон. Оба фаса (западный и восточный) показали схожую картину стратиграфии.

Все вышележащие слои подстилались материковым грунтом – ярко-жёлтой супесью, содержащей также локальные включения серо-жёлтого песка и щебнистых конкреций.

Погребённая почва залегает под всей насыпью и представляет собой прослойку тёмно-серой супеси. Толщина – 7–15 см. Отсекается от вышележащих слоёв более тёмным оттенком истлевшей дернины. Контакт с материковым грунтом чёткий, затёки в материк по когда-то существовавшей корневой системе неглубоки и прослеживаются в южной части профилей.

Первая насыть представляет собой уплотнённую серую супесь, в которой прослеживаются отдельные комки. Её диаметр по данным стратиграфии составлял 13,8–14,4 м, мощность – от 15–25 см по краям до 45–50 см по центру (рис. 9). В центре насыпи в восточном фаса читались следы прокала (прокалённый грунт и угли под ним) протяжённостью 1,2 м и мощностью 5–10 см. К северу от центра кургана зафиксирован фрагмент насыпи, сооружённый с применением материкового грунта. В восточном фаса его протяжённость составляла 2,8 м, а толщина – 0,15–0,3 м. В западном фаса протяжённость – 3,1 м, а толщина – 0,15–0,35 м. Вид данной прослойки (включение в супесь насыпи комков 7–15 см с примесью материковой ярко-жёлтой супеси) позволяет уверенно предполагать, что данная прослойка не несла каких-либо ритуальных функций, а отражала функциональный процесс сооружения первой насыпи. Учитывая малую мощность почвенного слоя на Жареном Бугре, при струзивании материала насыпи, в неё попадал и материковый грунт.

Вторая насыть (досыпка) диаметром предположительно 8,8–9,8 м (в профилях бровки зафиксирована её западная пола) мощностью 15–20 см отделялась от нижней (первой) насыпи прослойкой золы толщиной 1–2 см и протяжённостью – 8 м в восточном фаса бровки и 6,2 м в западном (рис. 9). Материал второй насыпи – также серая супесь, но более рыхлая и однородная, по сравнению с грунтом первой насыпи.

Таким образом, стратиграфические данные свидетельствуют о поэтапном сооружении кургана №5. Сначала на дневной поверхности был устроен погребальный костер, следы которого также были засыпаны насыпью. Затем было совершено погребение 2.

Найденный в насыпи оселок позволяет датировать данное погребение эпохой РЖВ.

Впоследствии, в эпоху средневековья, в юго-восточном секторе первой насыпи было совершено погребение 1, с перекрытием в виде фрагмента кирпича с поливой (рис. 11, 1). Трава на поверхности первой насыпи была выжжена, и восточная часть кургана была досыпана второй насыпью малой мощности.

Погребальные комплексы и артефакты, найденные в кургане №5

Оселок (точильный брусок). Обнаружен в процессе раскопок в юго-восточном секторе кургана №5, под дерновым слоем. По своим формам аналогичен подобным предметам раннего железного века (рис. 11, 2). Длина – 12,5, ширина – от 1,2 см (в узкой части) до 1,9 см (в широкой части). Вероятнее всего, оселок был перемещен во время сооружения погребения 1 в период средневековья. Оселок был изготовлен (и отшлифован) из твёрдой и плотной породы камня темно-вишневого цвета.

Погребение 1. Обнаружено к юго-востоку от условного центра кургана («0R») (рис. 9). На глубине 0,88–0,91 м от «0R» была расчищена подпрямоугольная яма со скруглённым западным торцом, размерами 0,65 x 0,25 м, длинной стороной ориентированная в широтном направлении (рис. 10, 1). Глубина в материке – 5–7 см, от «0R» – 96 см. В могильной яме обнаружены отдельные кости скелета младенца, ориентированного теменной частью головы на запад. Найденные в процессе снятия техникой насыпи фрагменты кирпича с поливой бирюзового цвета предположительно относятся к перекрытию погребения 1. В этой связи, погребение 1 относится к эпохе Золотой Орды.

Погребение 2. Обнаружено в процессе разборки стратиграфической бровки (рис. 10, 2). Располагалось на погребённой почве без могильной ямы к югу и северу от «0R». Разрозненные кости скелета человека (большая и малая берцовые кости) обнаружены к югу от условного центра кургана на протяжении 2,0 м (рис. 9). К северу, на расстоянии 1,5 м от условного центра кургана обнаружена кость челюсти человека, что позволяет предположить, что погребённый лежал головой на север. Южнее челюсти, также на погребённой почве, на расстоянии 0,8–1,0 м к северу от условного центра кургана, расчищены остатки тризны(?), состоящей из костей КРС. Наблюдения за планиграфией и стратиграфией кургана позволяют предположить, что погребение 2, относящееся к раннему железному веку, сопровождаемое тризной и применением огня в погребальном обряде (прокал и зольная прослойка в насыпи) являлось центральным в кургане №5, над которым и была сооружена первоначальная насыпь. Можно предположить, что причиной столь сильной разрозненности костей в погребении 2 явилась перестройка кургана в момент появления в нем погребения 1 в период средневековья.

* * *

Оставшиеся курганы (№№ 2, 3, 6) курганного могильника «Жареный Бугор» не попадают под застройку при предполагаемых сейчас границах насыпей могильника. В то же время, в ходе проведения планируемых строительных работ, при движении тяжелой землеройной и строительной техники, объект археологического наследия Курганный могильник «Жареный Бугор» может быть поврежден или уничтожен.

Следует отметить, что указанный объект археологического наследия Курганный могильник «Жареный Бугор» уже затронут хозяйственной деятельностью, при размещении на данной территории автомотодрома и создания новой трассовой радиолокационной позиции в Саратовском центре ОВД филиала Аэронавигации Центральной Волги, поэтому в дальнейшем, считается необходимым проведение на нем спасательных археологических полевых работ (раскопок) оставшихся курганов.

Приложение:

**Евтеев А.А. (НИИ и Музей антропологии МГУ)
Анализ палеоантропологических материалов
из Курганного могильника «Жареный Бугор»
(раскопки А.И. Жемкова, 2016 г.)**

Курган №1, погребение 1

Скудный набор фрагментов черепа:

– 5 фрагментов костной ткани, каждый размером не более 2 см

– 5 зубов: 2 премоляра и 3 моляра; зубы достаточно плохой сохранности, сильные разрушения эмали.

Зубы принадлежат взрослому человеку, скорее всего зрелого, но не старческого возраста. Явных патологических изменений, включая кариес, не отмечено. Стирание эмали на жевательной поверхности небольшое, отмечен также слабо выраженный налет зубного камня.

Курган №4, погребение 1. Мужчина, старше 55 лет(?). Скелет из грабленного погребения, представлен частично: практически не сохранились кости стопы и кисти, ребра; позвоночный столб сохранился менее чем наполовину. Сохранность костной ткани посредственная: во многих случаях существенные разрушения компактного слоя.

Палеопатологическое исследование скелета показало хорошее в целом состояние суставных поверхностей: ярко выраженные маркеры остеоартрита отмечены лишь на ключично-акромиальном и бедренном суставах (только

вертлужная впадина). Такое же хорошее состояние, насколько можно судить, свойственно и позвоночнику. Уникально хорошее для данного возраста и для данного исторического периода состояние зубной системы: не отмечено случаев кариеса, прижизненной утраты зубов или сильного оголения корней зубов. Стирание жевательной поверхности зубов достаточно сильное, наблюдаются многочисленные мелкие сколы эмали. В то же время, правые верхний и нижний медиальные резцы были, вероятно, утрачены в результате травмы. Последствием данной травмы, вероятно, стало появление очага абсцесса у корней верхнего резца.

Не исключено, что одновременно с этой травмой была получена другая: перелом(?) правого суставного отростка нижней челюсти, приведший к вывиху и образованию двух дополнительных суставных поверхностей в суставной ямке височной кости.

На правой бедренной кости отмечены следы давнего хорошо зажившего перелома на границе верхней и средней третей диафиза.

Перелом заживал без осложнений и смещения, и был, видимо, неполным. Перелом привел к изгибу кости, однако, без существенного ее укорочения. К числу вторичных последствий этой травмы относятся: образование дополнительной суставной фасетки головки бедренной кости, усиление костеобразовательных процессов и утолщение нижней части диафиза правой большеберцовой кости (латеральная поверхность), а также некоторая асимметрия крестца. Дополняет список травматических повреждений углубление размерами примерно 12 на 3 мм на правой теменной кости – возможные следы компрессионного перелома. Маркеров неспецифического стресса, эмалевой гипоплазии и *cibra orbitalia* – не отмечено.

Измерения скелета показали, что данный индивид не отличался ни высоким ростом (не превышал 165 см), ни массивностью костяка. Интересной особенностью пропорций является малая длина берцовой кости относительно бедренной, т. е. абсолютное и относительное укорочение голени. Мышечный рельеф костей развит умеренно, исключение составляет лишь дельтовидная бугристость кости, место прикрепления мышц плечевого пояса.

Судя по величинам измерительных признаков черепа, облик погребенного несколько отличался от «ожидаемого» для золотоордынского кочевника: его никак нельзя назвать типичным представителем ни центральноазиатского, ни южносибирского вариантов. Черепная коробка средней величины, мезокранная и достаточно высокая, наименьшая ширина лба довольно велика. Лицо умеренно широкое, средней высоты, орбиты очень низкие. Носовые кости сильно профилированы, однако зигомаксиллярный угол велик.

Заключение. Индивид, погребенный в погребении 1 кургана №4 Курганного могильника «Жареный Бугор», был мужчиной пожилого или старче-

ского возраста. С учетом возраста, состояние суставных поверхностей и, особенно, зубной системы – очень хорошее. Если прибавить к этому отсутствие маркеров неспецифического стресса, то можно обоснованно предположить привилегированное социальное положение данного индивида. Это, однако, не помешало ему в течение жизни получить ряд серьезных травм, как черепа (сразу три повреждения), так и скелета.

Длина тела индивида была не выше средней, даже по средневековым меркам, отличительной чертой пропорций является укорочение голени. Мышечный рельеф в целом средний, однако, на этом фоне мускулатура плечевого пояса была, вероятно, развита сильнее.

Интересно, что краниологические особенности погребенного не соответствуют облику «типичного монголоида». Осторожно можно предположить его метисное происхождение.

Курган №5, погребение 1. Часть черепа (фрагменты свода) и часть скелета (по одной большеберцовой, плечевой и лучевой кости). Ребенок, младше 6 месяцев, скорее всего – новорожденный. Определение производилось по длинам костей: плечевая – 71 мм, лучевая – 60 мм, большеберцовая – 70,5 мм.

Патологических изменений не отмечено.

Курган №5, погребение 2. Набор фрагментов посткраниального скелета взрослого человека.

- половина правой большеберцовой кости
- эпифиз левой локтевой кости
- диафиз левой большеберцовой кости
- 2 небольших фрагмента бедренных костей
- треть малоберцовой кости
- диафиз локтевой кости
- треть диафиза лучевой кости
- 9 неопределимых фрагментов небольшого размера

Явных патологических изменений на костях не отмечено, однако нужно учесть крайне плохую сохранность компактного слоя, что затрудняет фиксацию многих патологий.

Два фрагмента нижней челюсти взрослого человека, в целом примерно составляют зубную дугу. 12 зубов: 4 моляра, 3 премоляра, 1 клык, 4 резца.

Всем зубам свойственна сильная стертость, в некоторых случаях до основания коронки. Других патологических изменений, включая эмалевую гипоплазию, не отмечено.

Литература:

Бабенко В.А., Обухов Ю.Д. Монеты в погребениях Золотой Орды на территории Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Археология, краеведение, музееведение. М., 2013. Вып. XI.

Васильев Д.В. Ислам в Золотой Орде: Историко-археологическое исследование. Астрахань, 2007.

Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.

Евглевский А.В., Потемкина Т.М. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1.

Евстратов И.В., Гумаюнов С.В. Вес, размер и достоинство серебряных монет, чеканенных в Сарае и Укеке в XIII – нач. XIV века // Труды II Международной нумизматической конференции: «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV вв.». М., 2005.

Ефимов К.Ю. Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4.

Железные кресала X–XIX вв. из коллекции Владимиро-Суздальского музея заповедника. Каталог. Владимир, 2010.

Колчин Б.А. Хронология Новгородских древностей // Советская археология. 1958. № 2.

Кравец В.В. Кочевники среднего дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. М., 1966. Вып. Е1-36.

Монахов С.Ю. Отчет о раскопках Аткарского грунтового, Аткарского курганного могильников и кургана из группы на «Жареном бугре» у пос. «Ленинский путь» Саратовской области в 1980 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7954.

Монахов С.Ю. Отчет о раскопках в Балаковском, Саратовском и Аткарском районах Саратовской области в 1979 году // Архив ИА РАН. Р-1. № 7529.

Монахов С.Ю. Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА. №1. М., 1984.

Мыськов Е.П. Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград, 2015.

Пигарев Е.М. Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2000. Т. 1.

Полеводов А.В., Корусенко М.А. «Обол Харона» на юге западной Сибири // Сибирский сборник - 1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Книга I. СПб., 2009.

Попов П.В. К вопросу об обоснованности выделения признаков буддийской погребальной практики в захоронениях золотоордынского времени // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10.

Федоров-Давыдов Г.А. Клад серебряных монет XIII века из Болгара // КСИА. М., 1986. Вып. 183.

Федоров-Давыдов Г.А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

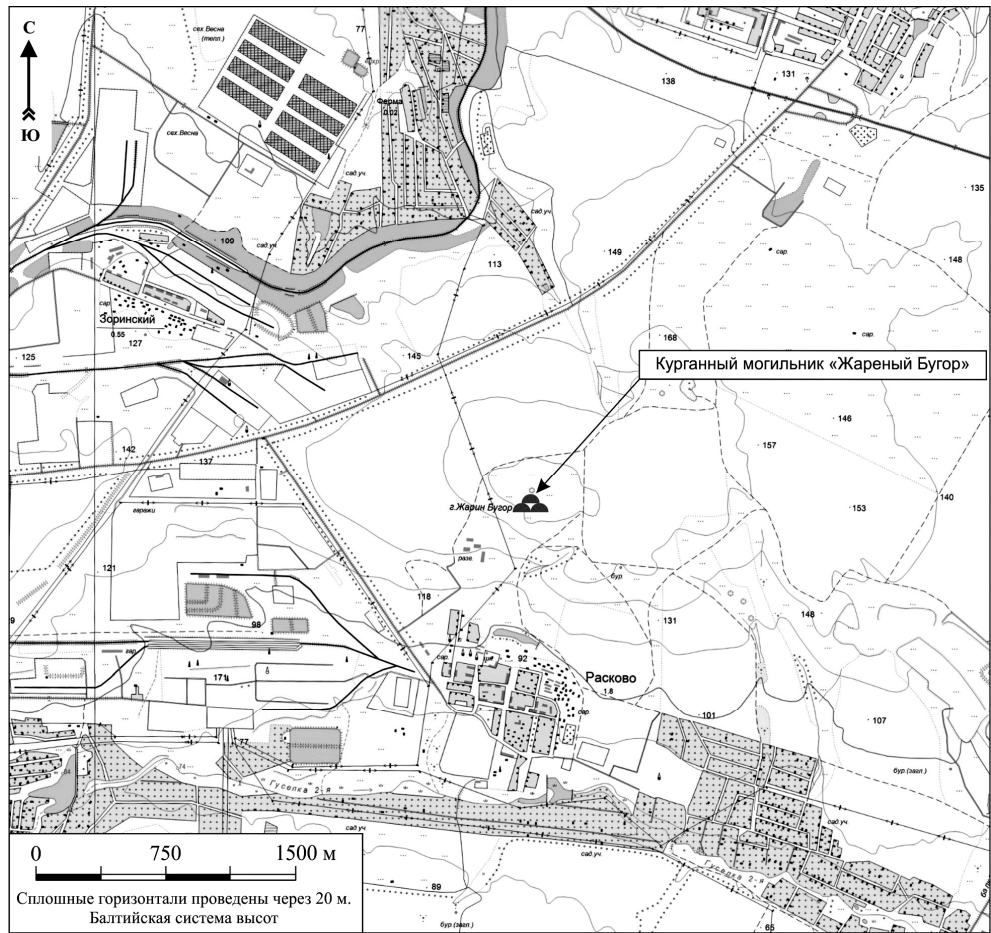
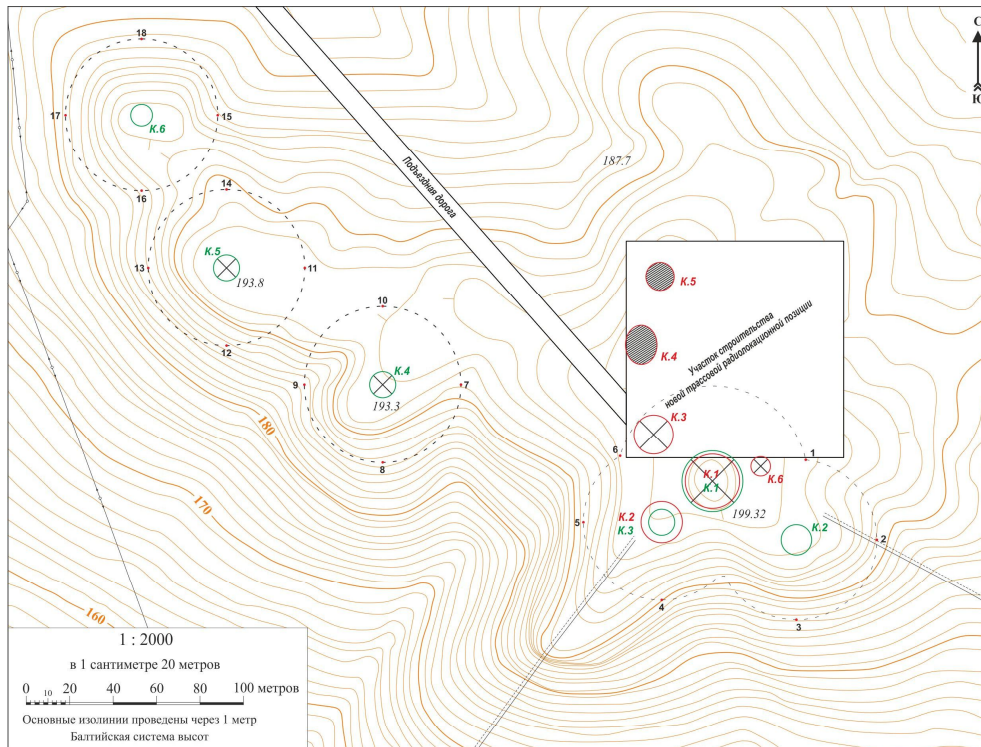

Рис. 1. Карта с обозначением объекта археологического наследия:
Курганный могильник «Жареный Бугор»

Условные обозначения

К.1	– насыпь кургана зафиксированная в 1978 году		– граница памятника
К.7	– насыпь кургана зафиксированная в 2014 году		– поворотная точка границы памятника
	– курган уничтоженный деятельностью человека в период с 1990–2014 годы		– дорога полевая
	– курган исследованный в 1979–1980 годах		– линии электропередач
	– курган исследованный в 2016 году		

Рис. 2. Курганный могильник «Жареный Бугор». Топографический план.
Автор: Жемков А.И. 2014

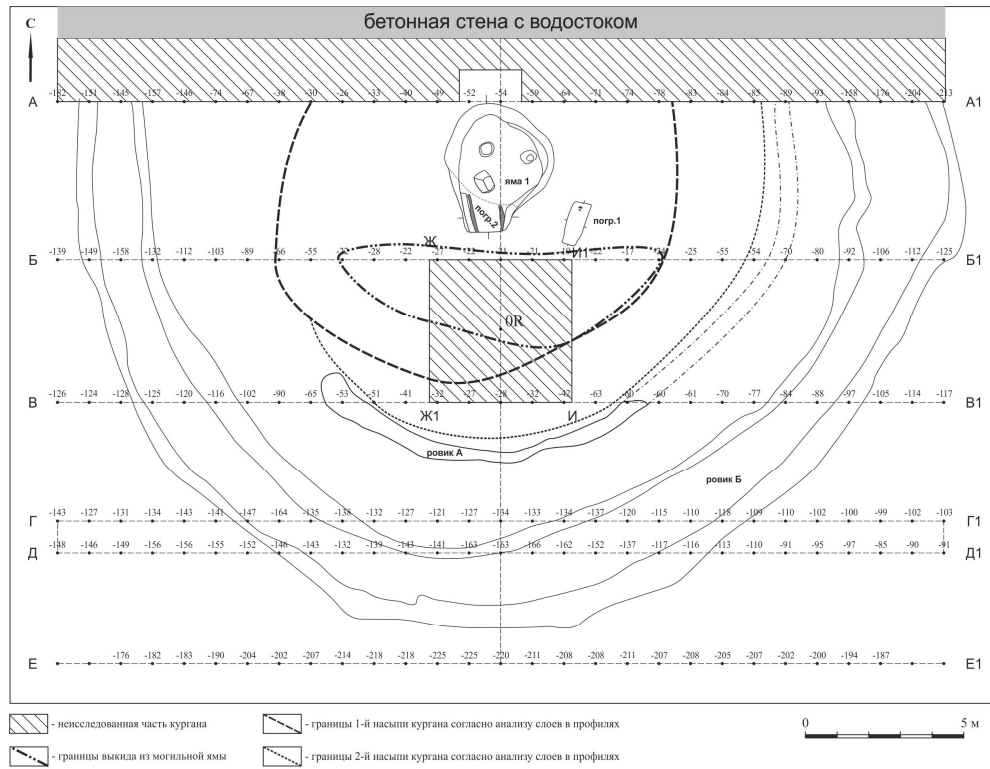

Рис. 3. Общий план кургана №1 Курганного могильника «Жареный Бугор»

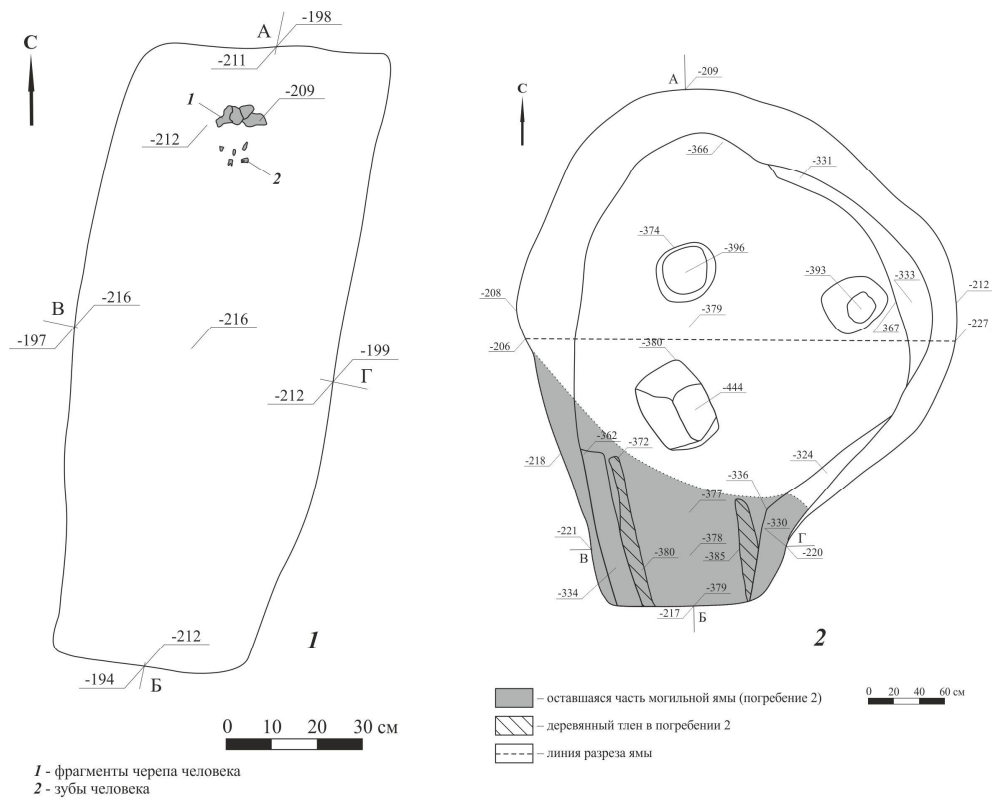

Рис. 4. Курганный могильник «Жареный Бугор». Курган №1.
 1 - Погребение 1; 2 - Яма от пункта воздушного наблюдения, оповещения и связи времён ВОВ
 и оставшаяся часть могильной ямы и погребения 2

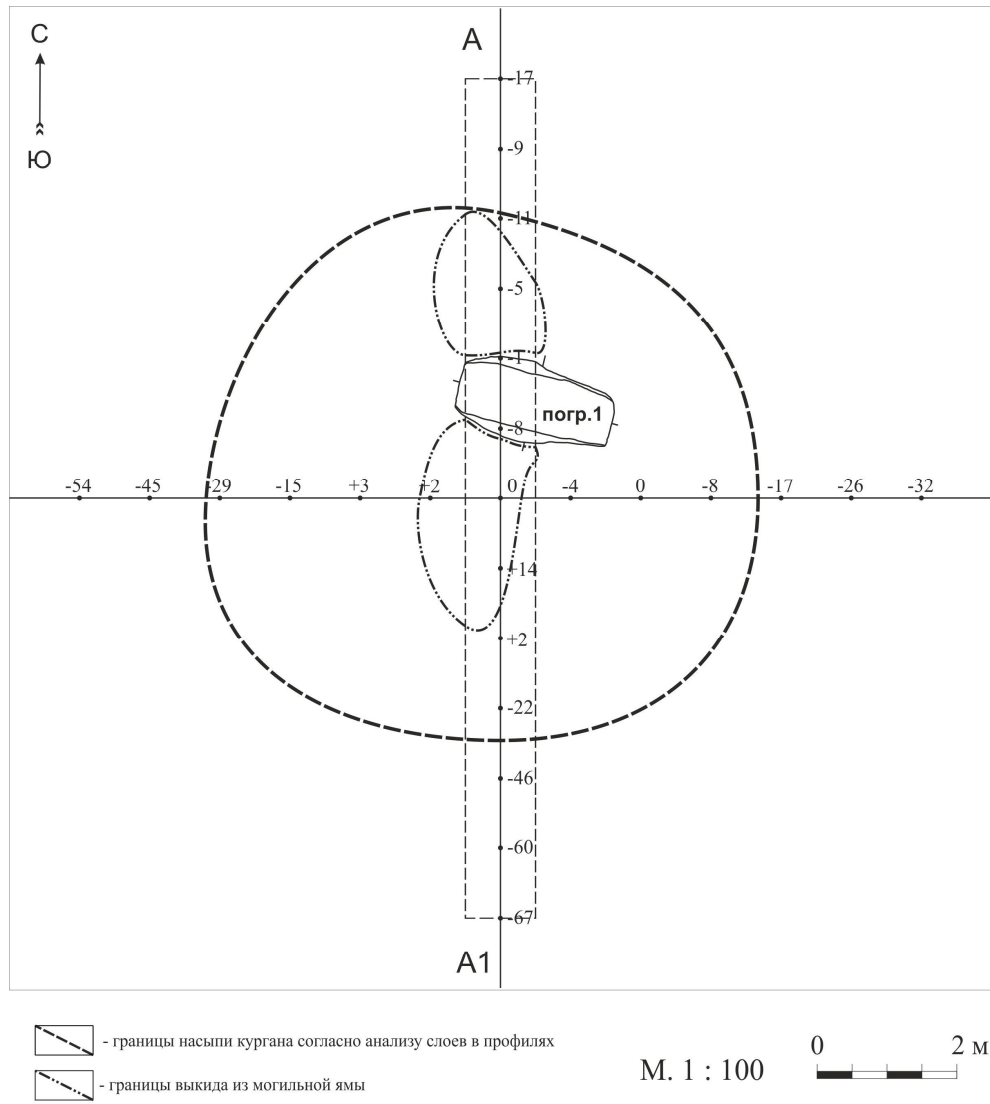

Рис. 5. Общий план кургана №4 Курганного могильника «Жареный Бугор»

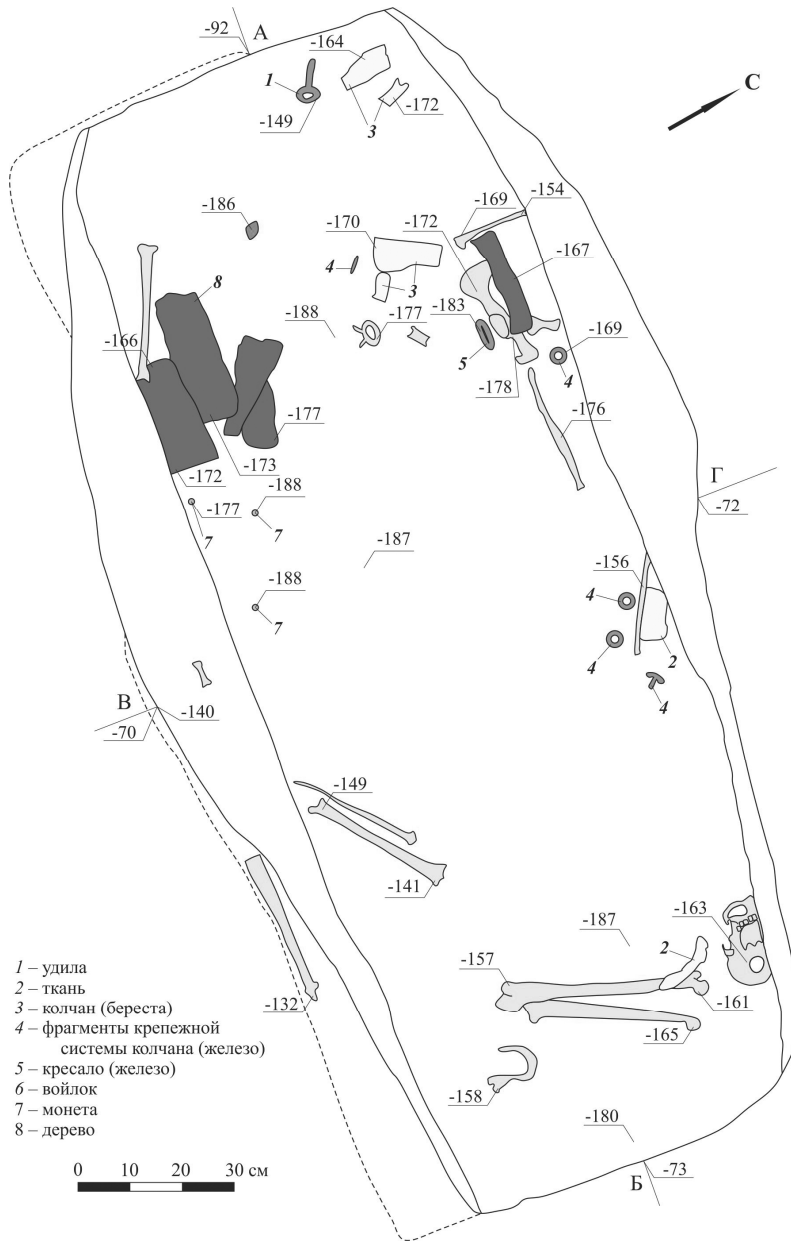

Рис. 6. Курганный могильник «Жареный Бугор». Курган №4, Погребение 1

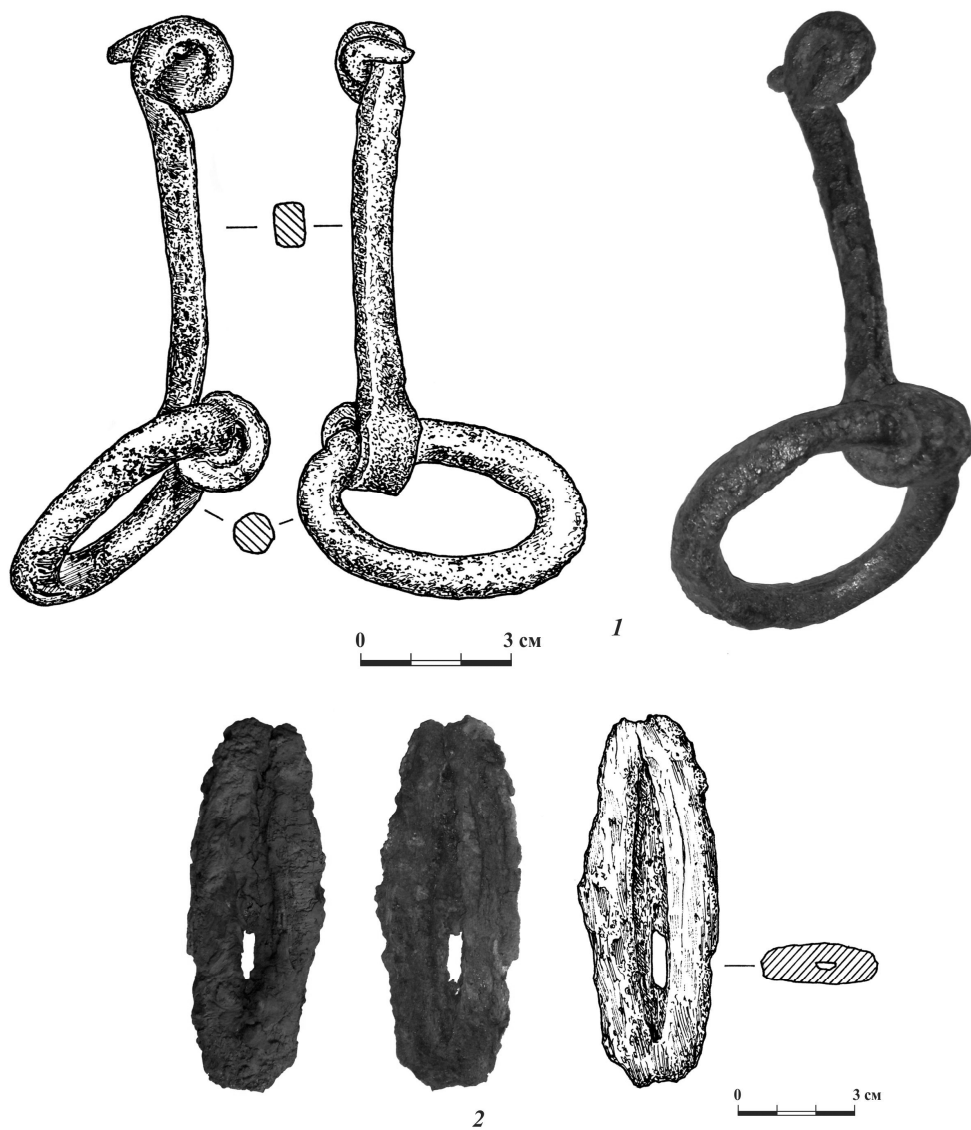

Рис. 7. Курганный могильник «Жареный Бугор». Курган №4. Погребение 1.
1 - Фрагмент удила (железо); 2 - Кресало

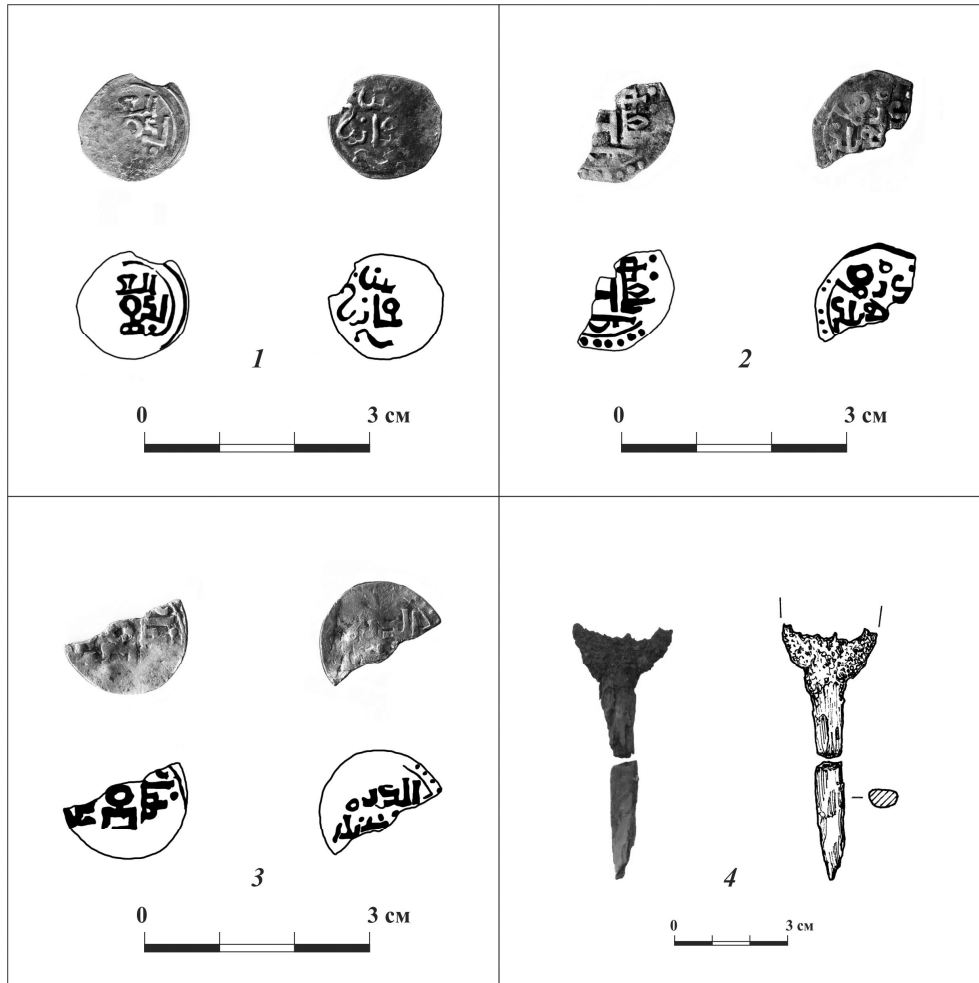
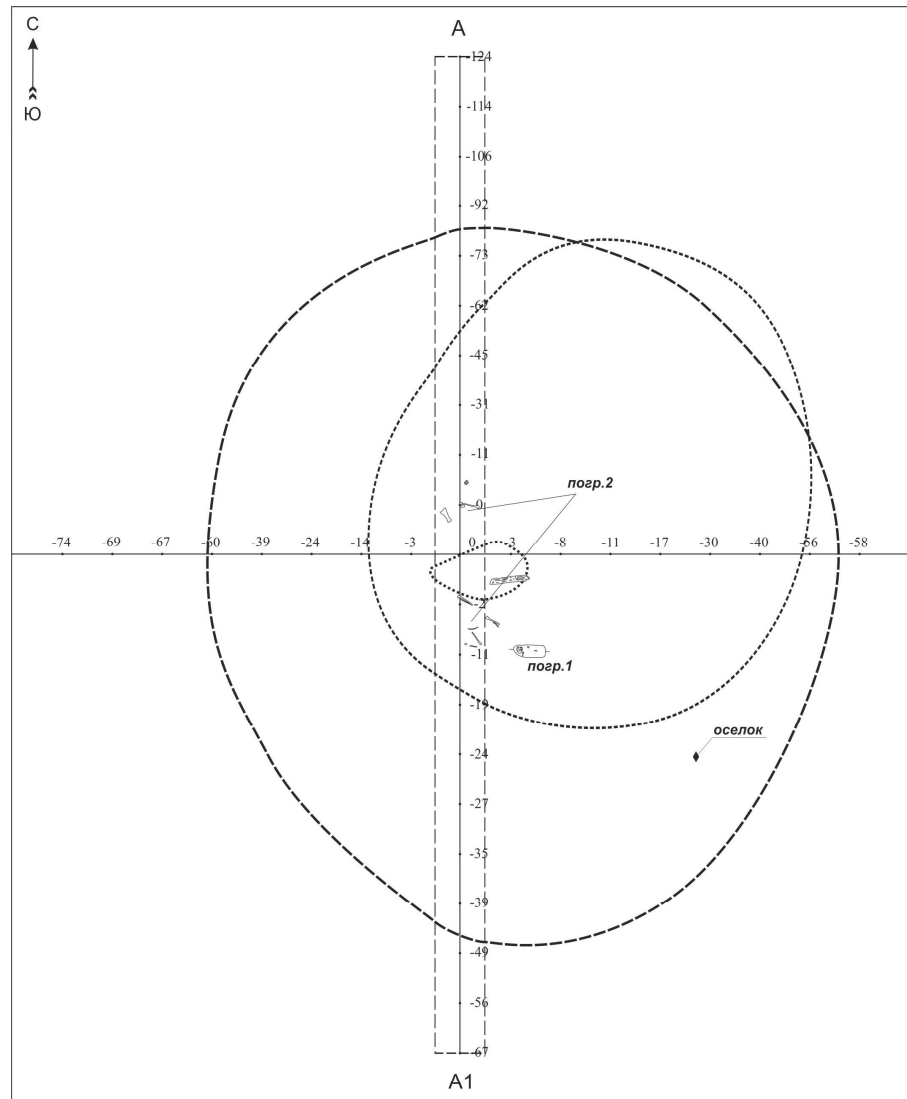

Рис. 8. Курганный могильник «Жареный Бугор». Курган №4. Погребение 1.
1 - Анонимная фракция (?) дирхема; 2 - Анонимный дирхем;
3 - Анонимный дирхем; 4 - Наконечник стрелы

- - границы 1-й насыпи кургана согласно анализу слоев в профилях
 - - границы 2-й насыпи кургана согласно анализу слоев в профилях
 - - границы прокаленного грунта
- М. 1 : 100 0 2 м

Рис. 9. Общий план кургана №5 Курганного могильника «Жареный Бугор»

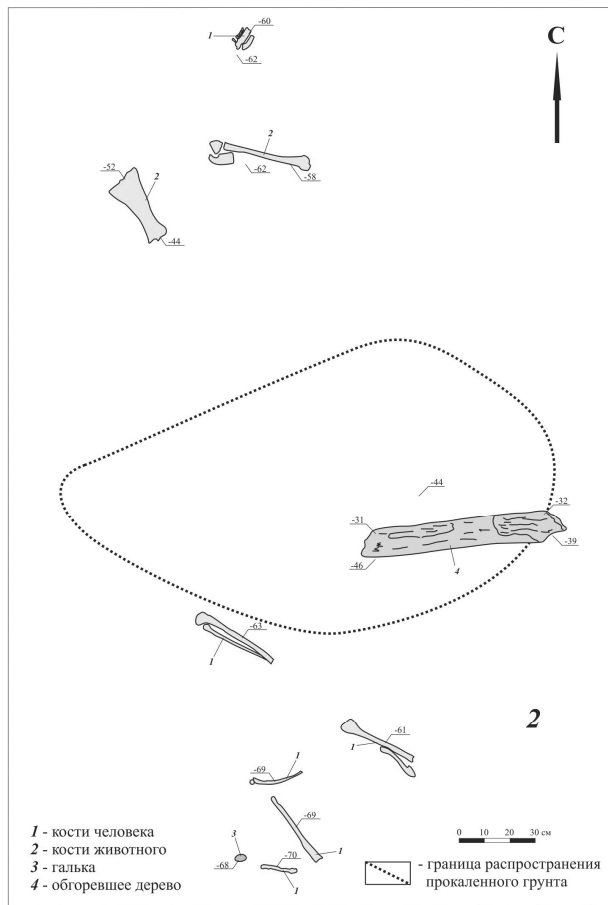
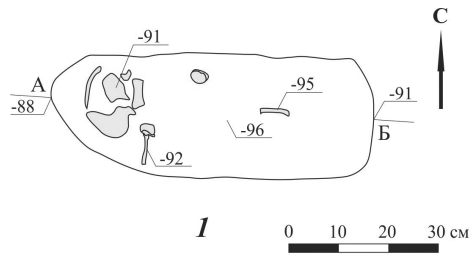

Рис. 10. Курганный могильник «Жареный Бугор». Курган №5.
1 - Погребение 1; 2 - Погребение 2

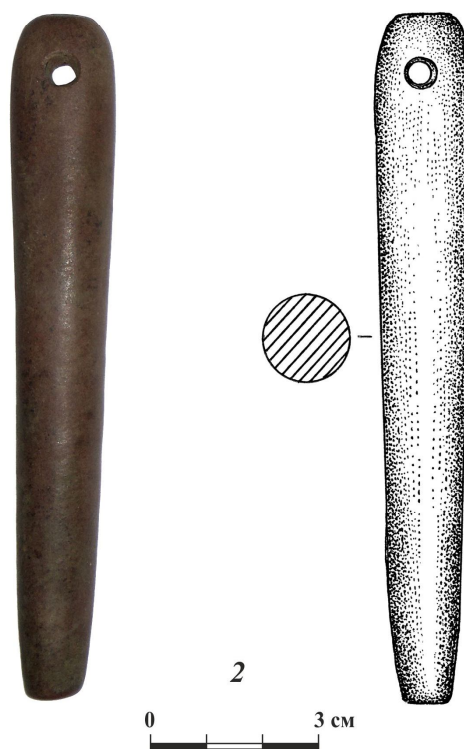
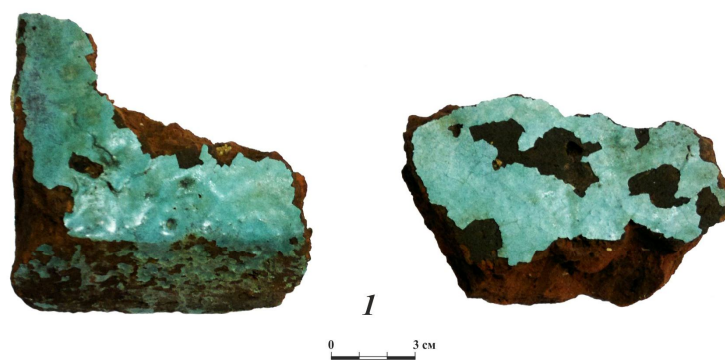

Рис. 11. Курганный могильник «Жареный Бугор». Курган №5.
1 - Фрагменты кирпича с поливой; 2 - Каменное орудие - точильный брусок (оселок)

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 902(470.44)|632,5|:[908(470.44):069]
ББК 63.4(235,54)+26.89(235.54)

Малов Н.М., Ким М.Г.

МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ИЗ ВОЛЬСКОГО МУЗЕЯ

Авторы вводят в научный оборот четыре отдельных находки из Саратовского Поволжья, предположительно относящиеся к верхнему палеолиту. Они изготовлены из костей ископаемых животных той эпохи. Предметы материальной культуры хранятся в Вольском краеведческом музее. Публикуются два обломка от наконечников гарпунов или острог для ловли рыбы, шило-проколка и подвеска.

Ключевые слова: верхний палеолит, изделия из костей животных, гарпуны, шило, подвеска, палеоантропология, Саратовское Поволжье, Вольский краеведческий музей

Malov N.M., Kim M.G.

MATERIALS FROM THE VOLSK MUSEUM CONTRIBUTING TO THE STUDY OF THE UPPER PALEOLITHIC IN THE SARATOV VOLGA REGION

Four individual findings from the Saratov Volga Region, presumably related to the Upper Paleolithic, are introduced into scientific circulation by the authors. Those are made of bones of fossil animals of that epoch. The artefacts are kept at the Volsk museum of local lore. Two fragments of harpoon or leister spearheads, a pricking awl and a pendant are published

Keywords: Upper Paleolithic, artefacts of animal bones, harpoon spearheads, awl, pendant, paleoanthropology, Saratov Volga Region, Volsk museum of local lore

I. Введение

На севере Саратовского Поволжья известны местонахождения, откуда происходят предметы, изготовленные из фоссилизированной кости или рога, а также палеоантропологические материалы (фрагменты черепов и конечностей) эпохи палеолита и кости крупных животных – представителей ледниковой и послеледниковой фауны. Некоторые находки каменного века, хранящиеся в Вольском краеведческом музее (ВКМ), не введены в научный оборот и не известны широкому кругу специалистов. Публикуемые археологические источники из ВКМ представляют собой отдельные находки предметов материальной культуры, предположительно относящиеся к верхнему палеолиту. Они происходят из окрестностей цементного завода «Коммунар» (г. Вольск, р. Волга), с острова Хорошевского (Хвалынский р-н, р. Волга) и с. Покровка (Вольский р-н, р. Терешка). Искренне благодарим К.Ю. Моржерина – научного сотрудника фонда Археология СОМК, за фото фрагмента черепной крышки ископаемого Ното с острова Меровского и Усть-Курдюмского гарпуна.

II. Находки

1. Отдельная находка обнаружена С. Трофимовым на берегу Волги (инв. № ВКМ 2645), в 1936 г.(?) за цементным заводом «Коммунар». Подвеска трапециевидной формы, суживающаяся к верхнему концу, из тяжелой фоссилизированной кости темно-коричневого цвета (рис. 1, 4). Длина предмета – 50 мм, поверхность полированная. Размер нижнего подпрямоугольного конца основания подвески 1,2 x 0,7 мм. Около края верхнего закругленного конца просверлено сквозное округлое отверстие диаметром 1,5 мм для крепления изделия.

2. Отдельные находки с отмели острова Хорошевского. В отделе природы ВКМ хранится несколько окатанных фоссилизированных костяных фрагментов, среди которых можно выделить два орудия: обломок гарпуна и шило – острие.

А). Обломок верхней части наконечника гарпуна или остроги из тяжелой фоссилизированной кости темно-коричневого цвета (инв. № ВКМ 3684). Поверхность полированная и окатанная. Длина суживающего к острию сохранившегося фрагмента 95 мм (рис. 1, 3). Толщина ствола в нижней обломанной части – 18 мм, в районе зубца – 21 мм. Непосредственно около острия гарпуна расположен шиповидный зубец с тупым – закругленным (окатанным) концом. Судя по закругленно-треугольному (желобчатому) сечению ствола предмет изготовлен из трубчатой кости животного.

Б). Шило – острие из расколотой фоссилизированной трубчатой кости темно-коричневого цвета (инв. № ВКМ 2644). Острие проколки заглажено –

сработано от длительного употребления. Длина предмета 125 мм, толщина подтреугольного утолщенного тупого конца 13 x 8 мм (рис. 1, 2).

1. Отдельная находка около села Покровка. Односторонний наконечник гарпуна из тяжелой фоссилизированной кости темно-коричневого цвета поступил в музей в 1963 г. от П.Д. Тодурова (инв. № ВКМ 8334). Обнаружен у села, на берегу р. Терешки. Черешковый конец обломан, длина сохранившейся части 170 мм, наибольшая ширина 20 мм (рис. 1, 1). Колющий конец остро заточен. С одной стороны ствола фиксируются места от двух обломившихся зубцов. Судя по сегментовидному желобчатому сечению ствола предмет изготовлен из трубчатой кости животного.

III. Интерпретация и выводы

Подвеска, найденная на берегу Волги около завода «Коммунар», относится к категории украшений со сквозным отверстием на закругленном конце. В костяных поделках верхнего палеолита округлые отверстия, для продевания нитки, традиционно получались в результате двустороннего сверления [Гвоздовер, 1953. С. 196–198]. Просверленные костяные бусы и подвески, а также утолщенные стерженьки – заготовки подвесок представлены на Сунгире [Бадер, 1978. С. 168–170, рис. 113]. Орудие труда, связанное с швейным делом, представлено шилом или острием с острова Хорошевского, аналогичные ему встречаются на многих верхнепалеолитических стоянках. Это вполне закономерно, поскольку с начала верхнего палеолита при шитье одежды и обуви применяются иглы с ушком для нитей [Борисковский, 1953. С. 275–276, рис. 135, 10; 137; Ефименко, 1953. С. 292–294, рис. 119. С. 597, рис. 301, 10]. Металло-колющее оружие рыбного промысла типа наконечников гарпунов найдены на Хорошевском острове и около с. Покровки. Гарпуны также характерны для верхнего палеолита [Ефименко, 1953. С. 297, рис. 125. С. 589, рис. 299]. Например, два верхнепалеолитических гарпуна из бивня мамонта и рога оленя найдены в обнажении оврага около села Кравцово Бузулукского уезда Самарской губернии [Кузнецова, 2000. С. 10]. Одним из аргументов для отнесения публикуемых находок к верхнему палеолиту служит то, что они изготовлены из тяжелых фоссилизированных костей животных ледниковой и послеледниковой эпох. Наконечники гарпунов, происходящие с археологических памятников последующих периодов каменного века и эпохи палеометаллов, изготовлены из более легких и светлых, не фоссилизированных костей.

В связи с публикацией наконечников гарпунов, напомним еще об одной случайной находке из Саратовского правобережья. Это роговый(?) односторонний наконечник темно-коричневого цвета, поступивший от Г.А. Сосновцева в СОМК в 1973 г. (КП СМК 43109, инв. № АРХ 8502). Его размеры: длина 19,2 см, сечение в средней части округло-овальное при диаметре 1,3 см, максимальная ширина в средней части вместе с шиповидным зубцом –

1,8 см (рис. 1, 6). Колющий конец более острый, но меньшего диаметра, чем черешковый. Ниже острия расположен шиповидный зубец меньшего размера, выше насада – односторонний выступ, а между ними – три более крупных зубца. Наконечник найден на берегу в с. Усть-Курдюм Саратовского района. Однако область и место его происхождения неопределенное. Дело в том, что гарпун происходит из привозного строительного песка, который сгрузили с баржи на берег волжского залива.

Начало сбора сведений о местах обнаружения костей крупных млекопитающих каменного века в Нижнем Поволжье восходит к последней четверти XIX. Граф А.С. Уваров, владевший имением Черкасское (Знаменское) в Вольском уезде, перечислил при обзоре находок остатки мамонтов и других животных. Они происходили с территорий современных Астраханской (окрестности Астрахани, около Енотаевска), Волгоградской (по Хопру и Терсе, на Волге у Камышина и Сарепты) и Саратовской (на берегах Иргиза и Большого Карамана) областей [Уваров, 1881. С. 145–146, 151].

Спустя несколько десятилетий Ф.В. Баллод уточнил этот перечень, обратив внимание на оленин рог со следами надрезов тупым орудием из окрестностей с. Даниловки Царицынского уезда Саратовской губернии, [Баллод, С. 122–123, рис. 38]. В последующие годы XX века палеолитические палеоантропологические материалы (фрагменты черепных крышек и конечностей), а также кости животных ледниковой и послеледниковой эпох находили на волжских островах, располагавшихся между Хвалынском и Балаково, – Вороньем, Середыше (Меровском) и Хорошевском [Малов, 1993]. Сейчас эти острова затоплены водохранилищем.

В 1920-е годы сотрудники Хвалынского краеведческого музея К.Ю. Гросс и В.Ф. Орехов впервые систематически обследовали ряд «костеносных» островов на Волге. В 1927 г. В.Ф. Орехов нашел на острове Хорошевском (Хорошенский, Хорошенький, Хорошев) среди костей животных эпохи палеолита часть черепного свода и обломок плечевой кости ископаемого Номо [Ископаемый Номо, 2008]. Тогда же на расстоянии 2 м от фрагмента черепа найден обломок плечевой кости человека и костяные острия, сделанные из рога оленя, все кости тяжелые, желто-серого или черного цвета. С острова происходят кости мамонта, носорога, быка и других крупных млекопитающих среднего (позднего) неоплейстоцена [Киреев, 1932. С. 84–85; Хромов и др., 2001. С. 24–26, 36, 43, 48, 75, 77, 79, 82–91, 94]. В разные годы здесь с научными целями бывали В.А. Городцов, А.П. Павлов, М.В. Павлова, О.Н. Бадер и другие специалисты.

По вопросу происхождения палеолитических находок у В.Ф. Орехова сформировалось собственное мнение. Оно изложено в его письме к П.С. Рыкову за 1936 г: «А ведь многие специалисты говорят, что кости приплыли на Хорошевский остров откуда то с верховьев Волги. Но я, грешный

человек, что хотите делайте, – буду упорствовать и говорить, что мамонты и носороги родились и умирали здесь в нашем Хвалынском районе. Много фактов говорит за это» [Малов, Павлова, 2010а. С. 175]. П.С. Рыков отнес к палеолиту черепную крышку «кроманьонца с чертами неандерталоида» (по Х. Вейнерту), а также каменные и костяные орудия с о. Хорошевского. Среди них был двусторонний наконечник гарпуна из мамонтовой кости с парными симметричными острыми зубцами и насадом, выступы которого направлены вверх (рис. 1, 5) [Рыков, 1936. С. 3–6].

Большинство антропологов полагали, что хвалынская черепная крышка принадлежит человеку современного физического типа с неандерталоидными формами. Хотя высказывались совершенно иные мнения, что палеолитический возраст черепной крышки, фрагмента плеча и бедренной кости человека не может считаться доказанным, поскольку они найдены в переотложенном состоянии [Рогинский, Левин, 1955. С. 308, рис. 196]. Сейчас, фрагмент плечевой кости мужчины зрелого возраста с острова Хорошевского склонны относить, скорее всего, к палеоантропу позднеашельской или раннемустьеерской эпохи [Ископаемый Номо, 2008. С. 41]. Предполагается, что заселение Поволжья произошло именно в эпоху раннего мустье [Кузнецова, 2000. С. 32].

Хорошевский остров располагался в 30 км южнее г. Хвалынска и чуть ниже с. Алексеевки. Он примыкал к левобережной пойме, поскольку представлял собой часть ее террасы выше впадения Малого Иргиза в Волгу [Бадер, 1941 С. 50–52; Бадер, 1953. С. 51–65]. Остров представлял собой крупную песчанистую отмель, поросшую кустарником и лиственным лесом, в центре которой было озеро. Его протяженность вниз по течению составляла 7–8 км. От правого берега Хорошевский остров был отделен коренным руслом Волги. Поэтому решение вопроса о происхождении хорошевских палеоантропологических и фаунистических находок эпохи палеолита связано с левобережной, а не правобережной, пойменной террасой.

Палеоантропологические и фаунистические находки эпохи палеолита, собраны преимущественно в северной части острова. Они непосредственно связаны со слоями крупного костеносного галечника, показывавшегося из под песка только при падении уровня речной воды [Киреев, 1932. С. 84–85; Ископаемый Номо, 2008. С. 14–18]. Их возраст позволяла конкретизировать информация о датировке геологических отложений и ископаемой фауны. В свое время Н.И. Николаева доказывала, что слои поволжских костеносных галечников с редкими фрагментами человеческих скелетов датируются рисс-вюрмским временем. Сейчас полагают, что возраст палеоантропологических находок с о. Хорошевского древнее верхнеплейстоценового [Ископаемый Номо, 2008. С. 17].

Следует напомнить и о других находках фрагментов черепных крышек «Ископаемого Ното», обнаруженных на затопленных островах данного отрезка Волги, на которые обращал внимание О.Н. Бадер. Одна из них происходит с острова, называвшегося по близлежащему селу Меровским. Около с. Меровки, на прилегающей правобережной террасе Волги существовали два острова (рис. 3). Самый ближний к основному руслу Волги остров именовался Меровским [Бадер, 1953. С. 56–57]. Он был отделен от береговой поймы, и другого острова Пичугина, протокой Воложкой. Иногда на административных картах Меровский остров отмечали как остров Середыш. Против Меровки к Волге выходило устье Малого Иргиза. Таким образом, острова Меровский и Хорошевский располагались в районе устья Малого Иргиза, отделяясь друг от друга руслом коренной Волги. Село Меровка находилось около изменившейся административной границы Вольского и Хвалынского районов.

В июле 1948 г. на Меровском острове, в 10 км ниже острова Хорошевского, В.Н. Яковлев обнаружил затылочную часть черепной крышки неолита – ископаемого человека современного физического типа. Верхняя – северная часть о. Меровского представляла собой низкую песчаную отмель, которая почти вся до кустов была усыпана костями палеолитических животных. По предварительному определению они принадлежали мамонту, носорогу, пещерному медведю, верблюду, зубру и др. Фрагмент черепной крышки неолита в 1970 г. В.Н. Яковлев передал в СОМК (рис. 2), где он и хранится сейчас (КП СМК 75488, инв. № АРХ 31535). Находка изучалась в 1986 г. сотрудником НИИ и Музея антропологии МГУ В.М. Харитоновым [Харитонов, Селифанова, 1987. С. 150–152]. Текст экспертного заключения В.М. Харитонова (Научный архив СОМК. Ед. хр. № 1253) публикуется в Приложении.

О.Н. Бадер также упомянул еще две находки черепных крышек палеолитического возраста. Один небольшой фрагмент происходил с острова, расположенного напротив г. Хвалынска. Он обнаружен осенью 1940 г. в древнем галечнике и был похож на неандерталоидный свод с Хорошевского острова [Бадер, 1953. С. 56]. Другой фрагмент, состоявший из трех костей с хорошо сросшимися швами лобной и обеих теменных, найден В.Н. Яковлевым в сентябре 1948 г. на Алексеевском осередке среди темноокрашенных костей животных. В.Я. Яковлев сообщал, что фрагмент черепа был доставлен им в Институт антропологии МГУ. Г.Ф. Дебец и Я.Я. Рогинский определили крышку как обладающую неандерталоидными чертами, сходными с хорошевским черепом.

Последняя случайная палеоантропологическая находка в этом регионе сделана недавно. В 2018 г. в Музей Института археологии и культурного наследия СГУ поступил фрагмент черепной крышки ископаемого Ното, напоминающий экземпляр с острова Меровского. По словам геолога, передавшего артефакт, он происходит из песка, сгруженного в Балаковском речном порту.

Таким образом, костные скопления ископаемых палеолитических животных, совместно с палеоантропологическими фрагментами концентрируются в районе прибрежных островов между Хвалынском и Балаково. Они свидетельствуют об очень давнем разрушении существовавших палеолитических стоянок, многократной гибели большого количества разных животных во время половодий, когда они становились добычей охотников или в результате массовой загонной охоты [Бадер, 1953. С. 58–59]. Кроме названных палеоантропологических находок, О.Н. Бадер указал еще на одну, происходящую из степного Заволжья. В 1920-е годы К.И. Журавлев обнаружил сильно минерализованную черепную крышку, с выраженными надбровными дугами, на склоне берегового откоса р. Большой Иргиз, около с. Каменка Пугачевского района Саратовской области [Бадер, 1953. С. 59–60].

В заключение подчеркнем, что обломок гарпуна, шило и другие фоссилизированные костяные фрагменты с Хорошевского острова, вероятнее всего, поступили в отдел природы от известного вольского геолога М.Н. Матесовой (1884–1967), проработавшей 35 лет научным сотрудником ВКМ. Для этого имеются определенные основания, поскольку исследователь неоднократно посещала остров с целью сбора палеонтологической коллекции и выяснения вопроса о происхождении гравия. М.Н. Матесова намеревалась заняться вопросом генезиса гальки острова Хорошевского еще в начале 1930-х годов [Киреев, 1932. С. 85]. Судя по архивным документам, хранящимся в отделе природы ВКМ, М.Н. Матесова реализовала эти планы. Вольский геолог специально занималась систематизацией материалов собственных полевых работ, подробно характеризующих гравий по объему и весу. Вплоть до начала 1950-х годов М.Н. Матесова целенаправленно собирала и анализировала гравий с Ершовской гряды, острова Хорошевского и других мест Вольско-Хвалынского региона.

Приложение:

**Харитонов В.М. (НИИ антропологии МГУ)
Антропологический анализ фрагмента затылочной кости
с о. Меровский (Саратовская область)**

Исследуемая кость интересна тем, что происходит из Хвалынского района, где была сделана находка черепной крышки (Хвалынской), характеризующейся некоторыми архаичными особенностями, которые можно классифицировать как неандерталоидные. Хвалынская крышка – не единственный объект, привлечший внимание антропологов сочетанием архаизмов в мор-

фологии, в общем, современного типа с относительно небольшим геологическим возрастом (не ранее позднего палеолита).

Известный антрополог М.А. Гремяцкий пришел в 1948 году к выводу, что «Подкумок – Сходня – Хвалынский» / название аналогичных находок на территории Европейской части СССР / занимает промежуточное положение между неандертальцами и архаичными формами современного человека. Другой известнейший советский антрополог В.В. Бунак определяет указанные три находки как «уклоняющиеся» формы. При этом, последний автор более осторожен и считает, что отклонения в сторону меньшего подъема лобной чешуи и большего развития надбровья правильнее определять, как одно из проявлений полиморфизма, характерного для ранней стадии сложения типа...

Что касается Хвалынской черепной крышки, то профессор Я.Я. Рогинский считает, что морфология ее близка к более южной находке – Подкумку. Рассматривая значение обсуждаемой группы палеоантропологических объектов, он замечает, что наличие неандерталоидных особенностей и комплексов на некоторых черепах позднепалеолитического, неолитического и более позднего времени – доказательство неандертальской стадии. О древности Хвалынской черепной крышки он судит, как её исследователь М.А. Гремяцкий: не исключая связь данного объекта с комплексом мамонтовой фауны.

Внешний осмотр Меровского фрагмента показывает, что контур затылочной области округлый, выйные линии и наружный затылочный бугор выражен хорошо, толщина кости сопоставима с тем, что наблюдается у Хвалынской кости.

К сожалению, мы не можем использовать опыт М.А. Гремяцкого, имевшем дело с фрагментом затылочной кости. Обратимся к другим работам. В.В. Бунак рекомендует фиксировать взаимное положение краниометрической точки инион и вершины внутреннего затылочного бугра. Он замечает, что расположены они не на одном уровне у гоминид, не относимых к стадии современного человека. На исследуемом фрагменте мы видим положение указанных точек на одном уровне, что свойственно современному типу.

Мы не видим слияния следующих элементов затылочного рельефа: высших, верхних и нижних выйных линий, а также наружного затылочного бугра. Лишь верхние выйные линии дают валикообразное возвышение в средней части.

Далее было проведено прямое краниоскопическое сопоставление Меровского фрагмента и муляжей ископаемых гоминид из фондов НИИ и Музея антропологии МГУ. Выяснено, что затылочный отдел черепа палеоантропов отличен «шиньонообразной» или «пяткообразной» формой (Монте-Чирчео, Амуд, Гибралтар, Эрингсдорф, Схул IV, Ля Ферраси, Тешик-Гаш,

Ле Мустье). Скул V отличен резким перегибом нижней части затылочной чешуи. При этом данный палеоантроп сходен с Меровским фрагментом очертаниями верхней части чешуи затылочной кости, приуроченностью возвышения верхней выйной линии к медианной части.

Кроме того, было интересно сопоставить фрагмент затылочной кости о. Меровского с черепами ископаемых неантропов (местонахождение Пржедмости, Брно, Младеч, Дольние Вестоницы, Сан-Теодоро, Фиш Хук, Штеттен, Холенштейн, Павлов, Сунгирь, Тепешпан, Чиокловина, Бая де Фер, Хоту, Олений Остров, Мурзак Коба, Кро-Маньон, Комб-Капель, Чжоукудянь, Флорисбад, Маркина Гора, Васильевка, Шанселяд, Эльментейта, Канжера, Оберкассель, Новоселки). Констатированы определенные и частные отличия, которые можно связать с более архаичным характером затылочной области у ископаемых неантропов. У Меровского фрагмента менее выпукла верхняя часть чешуи кости над верхней выйной линией, более выражен и обладает вдавлением наружный затылочный бугор, у изученного фрагмента чаще возвышение приурочено к средней части выйной верхней линии.

Сопоставление Меровской кости и типов затылка ископаемых людей современного типа приводит со всей очевидностью к выводу, что кость принадлежит человеку современного типа.

Сопоставление вышеуказанных признаков у Меровского фрагмента более похоже на то, что мы видим у неантропа Холштейна, Павлова, Тепешпана, Мурзак Кобы (мезолит), Васильевка (мезолит). Отличия в деталях все же присутствуют. Примечательно, что перечисленные неантропы из памятников Центральной и Восточной Европы и ... Центральной Америки. Сочетание признаков затылочной области на фоне ископаемых неантропов довольно редкое!

Далее отметим, что верхняя выйная линия у Меровского фрагмента не горизонтальная, как, например, у палеоантропа Заскальной, а делает типичный для современного человека изгиб. Затылочная ямка между высшей и верхней выйными линиями у Меровского фрагмента отсутствует. Лямбовидный шов снаружи был полностью открыт, что обусловлено молодым возрастом индивида (до 30 лет?).

Еще раз подчеркнем, что наблюдаемый комплекс наружного затылочного выступа и возвышения верхней выйной линии типичен для современного человека.

Толщина кости в 5 мм от точки лямбда составляет 8 мм, что не отличимо от данных для ископаемого человека современного типа, ширина затылочной кости – 108 мм, что меньше чем у архантропов, редко встречается у палеоантропов, и выглядит средней величиной для современных групп. Длина

хоры «лямбда-инион» и дуги «лямбда-инион» соответственно 59 и 62, их индекс больше по величине значений палеоантропов и архантропов.

Соответствия Хвалынской крышки и Меровского фрагмента по основным размерам предположить трудно.

Литература к статье Н.М. Малова, М.Г. Кима:

Бадер О.Н. Обследование места находки Хвалынской черепной крышки // Краткие сообщения о научных работах Института и музея антропологии при МГУ за 1938–1939 гг. М., 1941.

Бадер О.Н. Позднечетвертичные палеоантропологические находки в Среднем и Нижнем Поволжье // Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода. 1953. № 18.

Бадер О.Н. Сунгирь. Верхнепалеолитическая стоянка. ИА АН СССР. М.: Изд-во «Наука», 1978.

Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи (Опыт художественно-археологического обследования правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). М., Петроград: Государственное из-во, 1923.

Борисковский П.И. Палеолит Украины. Историко-археологические очерки. МИА. № 40. М. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953.

Гвоздовер М.Д. Обработка кости и костяные изделия Авдеевской стоянки // Палеолит и неолит СССР. МИА. № 39. М. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1953.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1953.

Ископаемый Номо из Хвалынска. Отв. ред. М.Б. Медникова, М.В. Добровольская, А.П. Бужилова. Коллектив авторов. М.: Изд-во «Таврус», 2008. Серия «Антропологическая коллекция».

Киреев А.А. Послетретичные ископаемые Нижнего Поволжья // Сборник Нижневолжского краевого музея. – Саратов: Нижневолжск. Краевое изд-во, 1932.

Кузнецова Л.В. Палеолит // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000.

Малов Н.М. Археологическая карта Хвалынского района Саратовской области. Саратов, 1993. Архив Археологической лаборатории СГУ.

Малов Н.М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 150-летию со дня рождения исследователя) // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2010. Т. 10. Вып. 2.

Малов Н.М., Павлова Л.С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со

дня рождения) // История и историческая память. Саратов: Изд-во СГУ, 2010.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Основы антропологии. М.: Изд-во МГУ, 1955.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов: СаркрайГИЗ, 1936.

Уваров А.С. Археология России. Каменный период. М., 1881.

Харитонов В.М., Селифанова Е.Л. Антропологический анализ затылочной кости ископаемого человека о. Меровский (Саратовская область) // Вопросы антропологии. М., 1987. Т. 79.

Хромов А.А., Архангельский М.С., Иванов А.В. Материалы по крупным четвертичным млекопитающим Саратовского областного музея краеведения. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2001.

Литература к приложению В.М. Харитонова:

Гремяцкий М.А. Проблема промежуточных и переходных форм от неандертальского типа человека к современному // Уч. зап. МГУ. Вып. 115. Труды Музея антропологии, 1948.

Бунак В.В. Мозговая коробка. Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М., Наука, 1966.

Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., Высшая школа, 1978.

Рис. 1. Предметы из кости-рога

1 - гарпун, с. Покровка; 2, 3 - шило и фрагмент наконечника гарпуна, о. Хорошевский;
4 - подвеска, завод «Коммунар»; 5 - гарпун, о. Хорошевский; 6 - гарпун, с. Усть-Курдюм

Рис. 2. Фрагмент черепной крышки неантропа с о. Меровский

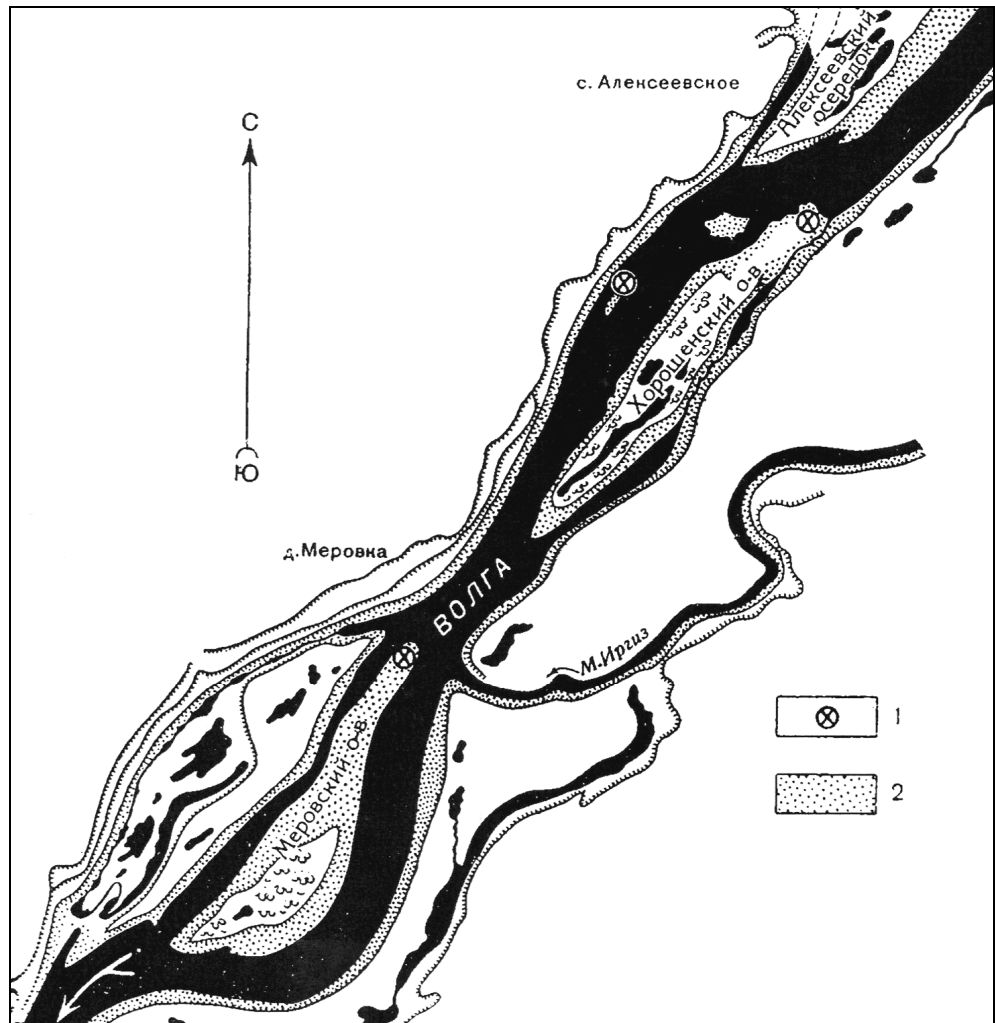

Рис. 3. Схематическая карта палеоантропологических местонахождений на острове Хорошенском, Алексеевском осередке и Меровском острове (по О.Н. Бадеру, 1953).
1 – палеоантропологические находки; 2 – песчаная отмель

УДК 902(470.47)|638.7|
ББК 63.4(2Рос.Кал)

Лопатин В.А., Малышев А.Б.

ДВА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСА ИЗ КАЛМЫКИИ

В статье публикуются материалы раскопок средневековых погребений кочевников в округе Черноземельского канала – в Черноземельском районе республики Калмыкия. Рассматриваются аналогии археологическим материалам погребений. Исследуются вопросы типологии находок, датировки, этнокультурной принадлежности и исторического развития населения, оставившего погребения.

Ключевые слова: республика Калмыкия, Черноземельский район, погребения, кочевники, болгары, хазары, половцы, черные клобуки

Lopatin V.A., Malyshev A.B.

TWO MEDIEVAL BURIAL COMPLEXES OF KALMYKIA

This article presents the materials of the excavations of medieval burials of nomads in the district of the Chernozemelsky channel – in the Chernozemelsky district of the Republic of Kalmykia. The analogies to the archaeological materials of burials are examined. The issues of the find typology, dating, ethnocultural affiliation and historical development of the population who left the burial are investigated.

Keywords: Republic of Kalmykia, Chernozemelsky district, burials, nomads, Bulgarians, Khazars, Polovtsians, black klobuks

В июле 1999 года археологическая экспедиция Саратовского государственного университета проводила плановые исследования, которые были продолжением охранных мероприятий, начатых в 1998 г. на трассе строительства нефтепровода «Тенгиз–Новороссийск», в пределах Черноземельского района республики Калмыкия. От местных фермеров тогда поступила информация о частично разрушенных погребениях с предметами эпохи средневековья. К местам находок были предприняты специальные поездки с целью обследования объектов.

Погребение на дюне у фермы № 2 (рис. 1, 2–11) зафиксировано в 27 км восточнее Черноземельского канала, на песчаной дюне, расположенной в 2 км к северу от фермы № 2. На развезанном участке дюны найден глиняный сосуд, стоявший среди разрозненных обломков конского черепа. Здесь же обнаружена круглая полусферическая бляшка белого металла с растительным орнаментом. Горизонтальной зачисткой вокруг этого скопления выявлены очертания пятна могильной ямы, отличавшегося от плотного дюнного песка несколько более темным цветом и зернистой слабо гумусированной фактурой. Могила имела удлинённую овальную форму. Неровными продольными стенками она была ориентирована с СВВ на ЮЗЗ (рис. 1). Западная стенка могилы полностью разрушена ветровой эрозией, поэтому длину ямы можно представить лишь приблизительно (около 2,6 м). Ширина в средней части 0,7 м. Глубина от сохранившегося уровня внешнего края 0,2–0,3 м.

На дне могилы расчищен скелет взрослого человека, погребённого в вытянутой позе на спине, головой к ЗЮЗ (рис. 1, 1). Значительно повреждённая лицевая часть черепа обращена вверх. Пяточные кости стоп плотно сведены вместе, носки развернуты в разные стороны. Правая рука слабо согнута в локте, кисть лежит около таза. Левая рука резко согнута, кисть на груди. Около правой стороны черепа, вплотную к южной продольной стенке ямы, стоял глиняный лепной сосуд.

Здесь же, между скелетом и южной стенкой в не потревоженном виде зафиксированы костяные накладки на сложный деревянный лук, концевые и срединные, местоположение которых отчасти характеризует форму и размеры оружия. Расстояние между концевыми деталями 1–1,05 м. Положение срединных накладок и их форма указывают на то, что в средней части лук имел характерный прогиб.

Около правого локтя зафиксированы обломок сильно окисленного железного предмета и ажурная деталь портупейной фурнитуры белого металла (рис. 1, 9). На правом запястье лежали два обломка плохо сохранившегося железного предмета, возможно рамчатой поясной пряжки прямоугольной формы. Еще два неопределённых фрагмента железных предметов найдены около

левого плеча, а также западнее черепа человека, где расчищено скопление костей ног и череп МРС.

Непосредственно на скелете, под грудинной костью, зафиксированы две портупейные накладки-пряжки белого металла (рис. 1, 10, 11).

На северном продольном краю ямы расчищены кости двух задних ног лошади в естественном сочленении, которые были отрублены выше скакового сустава, по нижней части бедра. Здесь же найдены фрагменты железных стремян и еще одна накладка белого металла, частично поврежденная еще в древности (рис. 1, 8). Исходя из этого, можно предположить, что могила имела с северной стороны продольную ступеньку-заплечико, на которой была уложена шкура лошади, снятая с головой и ногами. Поскольку части конского черепа находились около юго-западного края ямы, получается, что шкура перекрывала могилу по диагонали, с северо-востока на юго-запад (рис. 1, 1).

Следует отметить, что к началу обследования дюны специалистами на месте лошадиного черепа оставались лишь его отдельные фрагменты, да россыпь зубов, среди которых удалось найти только одну серебряную бляшку (рис. 1, 5). Точно такая же нам была передана работником ближайшей скотоводческой фермы (рис. 1, 6). В действительности таких деталей конской упряжи в узде могло быть значительно больше.

Серебряная фурнитура, обнаруженная в комплексе захоронения, четко подразделяется на два функциональных набора – сбруйный и портупейный. На это указывает, прежде всего, их положение. Может быть случайно, одна бляшка меньших размеров (рис. 1, 7), также полусферического профиля, но несколько иначе орнаментированная, оказалась не при лошадиных костях, а на скелете человека. Она лежала около левого тазобедренного сустава.

Описание инвентаря:

Глиняный лепной сосуд с хорошо выраженной профилировкой горшечной формы типа корчажки средних размеров (рис. 1, 2). Венчик с глубокими защипами по краю устья резко отогнут наружу, наибольшее расширение в верхней части тулова, придонная часть слегка вогнута. Горшок несколько асимметричен. Внешняя поверхность шершавая, с мелкими кавернами по всему тулову. Цвет внешней поверхности – коричневый. На изломе фактура черная, с примесями песка и шамота. Диаметр устья 14,4 см, диаметр шейки 13,2 см, максимальное расширение тулова – 17,8 см, диаметр днища 9,8 см. Общая высота сосуда – 17,8 см. Толщина стенки 0,6 см, толщина днища 0,9 см. Подобный тип лепной посуды является весьма распространенным в погребениях степных районов салтово-маяцкой культуры.

Костяные накладки на лук.

1. Костяная накладка с прямым краем и узкой фаской является фрагментом детали, назначение которой в системе деревянного лука не совсем

ясно. Длина сохранившейся части 8,1 см, ширина 2,1 см, толщина 0,2 см. Вероятно, это был фрагмент первой (верхней) концевой тыльной накладки, или срединной фронтальной накладки лука.

2. Вторая (нижняя) концевая тыльная костяная накладка с приостренным краем имеет длину 22,5 см, максимальную ширину 2,2 см, толщину 0,2 см (рис. 1, 3). Завершающий участок её широкой части, предназначенный под крепежную обмотку, был покрыт насечками.

3. Концевая фронтальная костяная накладка, зафиксированная в паре с предыдущей деталью, имеет характерный вырез для крепления тетивы. Вероятно, между ними была зажата деревянная концевка лука. Это изящный предмет с клиновидным сечением и хорошо заполированным зауженным краем. Расширенная и уплощенная часть, находившаяся под крепежной обмоткой, для лучшего сцепления покрыта крестообразно пересекающимися насечками. Длина предмета 7,4 см, максимальная ширина – 1,1 см. (рис. 1, 4).

4–5. Две срединные боковые накладки имеют линзовидную форму. Как и все прочие, они тщательно заполированы, а на зауженных концах, предназначенных под крепежную обмотку, имеются частые пересекающиеся насечки. Длина предметов 17,7 и 12,8 см, ширина в средней части одинаковая – 2,6 см.

Наличие концевой фронтальной накладки в виде «челнока» (как главный признак) и относительно небольшие размеры срединных боковых накладок (как и малый размер самого лука – 1–1,05 м), позволяют нам отнести данный сложносоставной лук к «салтовскому» типу, который условно датируется концом VIII – началом IX вв. [Власкин, Ильюков, 1990. С. 137–153, рис. 2, 10–13; Савин, Семенов, 1998. С. 290–295; Иванов, 2002. С. 35–40; Круглов, 2005. С. 100–101, рис. 2]. Однако наличие концевой тыльной пластины предполагает некий переходный вариант между «хазарским» к «салтовским» типам луков. Это позволяет несколько удревнить его датировку до середины VIII в.

Круглые серебряные бляхи.

Две серебряных бляхи из сбруйного набора абсолютно одинаковы – дисковидные, литые, полусферические в профиле (рис. 1, 5, 6). Разница лишь в том, что на одном изделии имеется литейный брак – три сквозные каверны. Бляхи, вероятно, предназначались для украшения и фиксации перекрестий ременной узды. На внешней выпуклой поверхности имеется рельефный орнамент – довольно сложная растительная композиция, в центре которой расположен солярный символ «крест в круге», а по контуру – окаймляющая розетка (лоза с закрученными в разные стороны листьями). Имеется также невысокий краевой бортик. Диаметр бляшек – 2,5 см, а толщина – 0,15 см.

Малая серебряная бляха с мелкой литейной каверной диаметром 1,45 см и толщиной 0,12 см (рис. 1, 7), отлита в виде невысокой полусферы. Орнамент, также растительный, не вполне различим из-за сильной потертости

внешней поверхности. Хорошо заметны такие детали внешнего оформления, как краевой бортик, центральный кружок и растительные завитки. Общий характер композиции не ясен. Крепления у всех трёх блях не сохранились.

Плоские и выпуклые круглые бляхи встречаются в сбруйных наборах украшений, а также в ременных комплектах кочевников раннего средневековья. Аналогичными по форме и орнаменту с данными бляхами, но более крупными, являются штампованные выпуклые золотые бляхи из хазарского погребения в Келегеях, на Нижнем Днепре, которое С.А. Плетнёва датировала второй половиной VII – началом VIII вв. [Плетнева, 2003. С. 33–34, 184, рис. 8, 2]. Также сходными по форме являются золотые бляхи от конской упряжи из двух важнейших болгарских памятников Среднего и Нижнего Приднепровья – Перещепинского клада и Вознесенского археологического комплекса, которые датируются второй половиной VII – началом VIII вв. [Амброз, 1981. С. 12–13, 98, 107, рис. 4а, 14, 15, 20, 28; Комар, 2006. С. 116, 156–157, рис. 27, 3, 5, 6; 37, 40, 43, 58]. Отметим, что Перещепинский клад считают погребением или культовым комплексом в честь болгарского правителя Кубрата (605–665 гг.). А Вознесенский комплекс называют погребальным или культовым комплексом в честь сына Кубрата – хана Аспаруха (640–700 гг.). Распространены подобные изделия также в погребениях среднеаварской культуры конца VII в. в Венгрии [Гавритухин, 2001. С. 118–119, 132–133, рис. 46, 57; 54, 9, 10, 14, 18–20, 23, 24, 26, 30, 33, 40, 41]. Встречаются круглые бляхи и на других памятниках салтово-маяцкой культуры VIII – начала IX вв. [Амброз, 1981. С. 151, рис. 37, 33–35].

Серебряная накладная бляха с петлёй (петля утрачена) для крепления бокового поперечного ремня (рис. 1, 8). Подквадратный щиток бляхи оформлен в виде четырех кружков с ромбиком в центре. Размеры уцелевшей части изделия 2,5 x 2 см, толщина щитка 0,2 см. Выступающая петля обломана ещё в древности.

Ременные и сбруйные бляхи (с петлями) разных форм и с различным орнаментом довольно широко встречаются в комплексах салтово-маяцкой культуры.

Прямых аналогий данной находке найдено не было. Наибольшее сходство проявляется с золотой бляхой из уже упомянутого Вознесенского археологического комплекса второй половины VII – начала VIII вв. [Амброз, 1981. С. 13, 98, 107, рис. 4а, 31].

Серебряная поясная накладка с петлёй, для крепления бокового поперечного ремня (рис. 1, 10). Изделие представляет собой прямоугольный щиток размерами 2,5 x 2,2 см с выступающей в боковую сторону трапециевидной петлёй для продевания ремешка. Размеры рамки 2,15 x 1 см. На внутренней стороне щитка выступают три штифта, расположенные треугольником, ко-

роткие, круглые в сечении, для крепления пряжки к ремню. Всё изделие, вместе с рамкой, орнаментом и штифтами, было отлито в одной форме. Внешняя поверхность щитка орнаментирована сложным растительным узором. В центре композиции – маленький выпуклый ромбик, окруженный двумя рамками, от вершин которых, расходясь, сплетаясь, растительные побеги с крутыми завитками и заполняют собой все орнаментальное пространство. По краю прямоугольного щитка проходит рельефный бортик. Между щитком и боковой рамкой имеются семь полусферических выпуклостей, расположенных в одну линию.

При классификации предметов из поясных наборов раннеболгарских могильников Среднего Поволжья VII–VIII вв., Г.И. Матвеева относит подобные накладки к типу II (квадратные со штифтовыми креплениями) подтипу В (с прямоугольной прорезью и растительным орнаментом) [Матвеева, 1997. С. 71, 217, рис. 122, 13].

Из основного массива деталей поясной гарнитуры новинковских погребений Г.И. Матвеева выделяет две хронологические группы, а А.В. Богачёв – три (две из которых частично синхронны). К II группе, по Г.И. Матвеевой, или «бруснянской» группе по А.В. Богачёву, относятся пряжки, накладки и наконечники ремней с шарнирным соединением деталей и растительным или зооморфным орнаментом, а также гладкие подковообразные накладки, квадратные и полукруглые прорезные накладки. К данной группе относятся, например, аналогичные нашей накладные бляхи с петлёй из погребения 5 кургана 8 могильника Новинки II [Лифанов, 2005. С. 299–300, рис. 1, 61] и из погребения 86 Бродовского могильника [Комар, 2010. С. 184, рис. 5, 17].

Датировка «бруснянской» группы, по мнению исследователей, охватывает весь VIII век [Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 162–164], либо суживается до первой половины VIII в. [Матвеева, 1997. С. 87–88]. К второй группе близки материалы из «жертвенника» кургана 7 могильника Новинки I, в том числе практически полностью идентичная нашей, по конструкции и орнаментации, накладная бляха с петлёй [Сташенков, 2001. С. 165; Лифанов, 2005. С. 299–300, рис. 1, 60]. Схожая орнаментация встречается и на других предметах поясной гарнитуры новинковской и неволинской культур.

Составив корреляционную таблицу поясных деталей из комплексов Среднего Поволжья (с добавлением комплексов из других регионов), А.В. Комар отнёс накладки, подобные нашей, к группе IIa [Комар, 2010. С. 184–185, 204, рис. 5, 13, 14, 17].

Серебряная поясная накладка, ажурная с подвижным щитком геральдической формы, который свободно поворачивался на стержне, закрепленном в двух угловых петлях (рис. 1, 11). В настоящее время из-за коррозионной накипи щиток неподвижен, поэтому он заслоняет почти половину внешней поверх-

ности ажурной накладки, а также скрывает собственный орнамент. Заметно, что в центре расположены три стебля, стянутые перехватом в плотный жгут, из которого растительные побеги, сложно переплетаясь, расходятся в противоположные от середины стороны, плотно заполняя все орнаментальное пространство. Размеры ажурной накладки 3,5 x 2,3 см. Размеры подвижного щитка 1,65 x 2 см.

По классификации предметов из поясных наборов раннеболгарских могильников Среднего Поволжья VII–VIII вв. Г.И. Матвеевой накладки данной конструкции относятся к типу VIII (составные из двух частей – прямоугольной и полуовальной с шарнирным соединением, украшенные растительным орнаментом). Прямоугольная пластина крепилась к ремню, а полуовальная свисала ниже ремня [Матвеева, 1997. С. 72, 217, рис. 122, 23].

Такие накладки Г.И. Матвеева также относит к II хронологической группе, а А.В. Богачев к «бруснянской», и датируют их VIII веком, либо первой его половиной [Матвеева, 1997. С. 87–88; Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 162–164]. Аналогичные по конструкции накладки происходят, например, из погребения 1 кургана 7 могильника Осиновка III [Комар, 2010. С. 184–185, 204, рис. 5, 15]. Схожие орнаментальные мотивы «перевязанной пальметты» встречаются и на других предметах поясной гарнитуры новинковской и неволинской культур.

По корреляционной таблице поясных деталей из комплексов Среднего Поволжья данные накладки также относятся к группе Па [Комар, 2010. С. 184–185, 204, рис. 5, 15].

Ажурная серебряная прямоугольно-рамчатая поясная накладка с угловыми выступами в виде геральдических лилий-трилистников (рис. 1, 9). На обратных сторонах угловых выступов (по центру трилистников) имеются тонкие и круглые в сечении штифты для крепления накладки на ремень. Размеры предмета 3 x 2,3 см.

Аналогии данной накладке довольно редки. Наиболее близкие происходят из погребений ранних болгар Среднего Поволжья, например из погребения 2 одиночного кургана Брусняны II, относящегося к новинковскому типу салтово-маяцкой культуры VII–VIII вв. [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 88, 286, табл. LXXIV, 3, 7; Лифанов, 2005. С. 299, рис. 1, 36, 38; Комар, 2010. С. 184, 204, рис. 5, 7], из погребения 60 курганного могильника Верх-Саинский, относящегося к неволинской культуре Западного Приуралья VI–IX вв. [Комар, 2010. С. 184, 204, рис. 5, 4]. Также аналогична недокументированная находка из Бродовского могильника той же неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXXI, 58]. Неволинскую культуру, в целом, связывают с Приуральскими уграми (предками мадьяр), которые тесно кон-

тактировали и взаимодействовали с болгарами Среднего Поволжья [Фодор, 2015. С. 102–122].

Такие накладки относят к II хронологической или «бруснянской» группе и датируют VIII веком, либо первой его половиной [Матвеева, 1997. С. 87–88; Багаутдинов, Богачёв, Зубов, 1998. С. 162–164].

По корреляционной таблице поясных деталей из комплексов Среднего Поволжья данная накладка относится к группе Ib [Комар, 2010. С. 184–185, 204, рис. 5, 4, 7].

В то же время, по оформлению углов описанная накладка идентична «пышным» раннесалтовским накладкам из могильников Среднего Поволжья, Нижнего Дона, Волго-Донского междуречья, например, из погребения 2 кургана 1 Саловского I могильника, из погребения 1 кургана 6 Веселовского I могильника [Иванов, 2001. Рис. 3, 11–13; 4, 2–3], из погребения 1 кургана 2 могильника Обозное [Комар, 2001. Рис. 2, 17, 18, 24, 25, 27], а также из погребения 81 Бродовского могильника [Голдина, Водолага, 1990. Табл. XXX, 15].

Подобные серебряные накладки, богаче украшенные (с усиленной семантической нагрузкой), встречаются также в хазарских погребениях на Нижнем Дону, например в погребении из курганной группы у хутора Весёлый [Мошкова, Максименко, 1974. С. 45–48, табл. XXVIII–XXIX; Плетнева, 1999. С. 126–128, рис. 98; Плетнёва, 2003. С. 83–85, 209, рис. 33]. Данное погребение было отнесено С.А. Плетневой к концу VII в., (а скорее – к началу VIII в.), к «перещепинскому этапу» истории народов европейских степей, попавших под власть Хазарского каганата.

По корреляционной таблице поясных деталей из комплексов Среднего Поволжья данные накладки относятся к группам IIIb и IVa [Комар, 2010. С. 185–186, 205, рис. 5].

Исследователи выделяют в Северном Причерноморье и Приазовье ряд кочевнических погребений VII – начала VIII вв, связанных с более поздними памятниками новинковского типа Среднего Поволжья [Амброз, 1982. С. 204–222; Айбабин, 1985. С. 191–206; Атавин, 1996. С. 208–264; Орлов, Смиленко, 1986. С. 225–230; Матвеева, 1997. С. 89–99; Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 169–172; Комар, Орлов, 2006. С. 387–398]. По мнению исследователей, это сходство связано с миграцией на Среднюю Волгу болгар во главе с «потомками Кубрата» [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 170].

Погребальный обряд захоронения в целом соответствует раннеболгарским погребениям южнорусских степей VIII–X вв. [Аксенов, Тортика, 2001. С. 191–218].

Разрушенное погребение близ фермы № 5 (рис. 1, 12–17) происходит, очевидно, из кургана, полностью уничтоженного при сооружении Черноземельского канала. По сообщению фермеров, на склоне обваловки канала был

найден человеческий череп, возле которого лежали массивные височные подвески. В ходе бессистемного перекапывания грунта на этом месте находчики обнаружили некоторые кости скелета, а также несколько крупных перламутровых бусин.

При осмотре местонахождения специалистами были найдены фрагменты двух медных ременных накладок, неопределимые обломки железных предметов, несколько обломков тонкой листовой меди, (вероятно, фрагменты котла) и три котловые клепки, свернутые из кусочков такой же листовой меди.

По всей вероятности, строительными работами при сооружении канала погребальный комплекс был компактно перемещен в насыпь обваловки, скорее всего, в ковше экскаватора, и только этим можно объяснить близкое расположение черепа, прочих костей, украшений, обломков котла, предметов портупей.

Описание инвентаря:

Массивные височные бронзовые подвески (2 экземпляра), изготовлены из круглого в сечении прутка, толщиной 0,35 см. (рис. 1, 12, 13) Общая форма подвесок – кольцевидные обручи диаметрами 6 см и 6,4 см с разомкнутыми окончаниями. На каждом обруче имеются полые биконические пронизки в виде двух соединенных основаниями конусов размерами 4,5 x 2,8 см и 4 x 3 см. Швы соединения оснований конусов и их вершины были заделаны круговыми витками тонкой проволоки, изготовленной в стиле псевдоскани. На внешней поверхности пронизок имеются круглые следы напайки конических шипов – характерных деталей данного типа подвесок. Пять экземпляров таких шипов фермеры передали специалистам уже отделенными от подвесок (рис. 1, 16). Все шипы стандартны, это полые конические изделия высотой 1,6–1,8 см, диаметр их округлых оснований 1–1,2 см. Конусы рожков также свернуты из листовой меди, их вершинки украшены дутыми шариками, отделенными тонкими валиками.

Изучение этнокультурной принадлежности и хронологии бытования биконических подвесок имеет свою историю [Блохин, Петров, 2013. С. 37–39].

И.И. Толстой и Н.П. Кондаков считали, что данный оригинальный тип серег (подвесок) можно считать половецким и датировать его XII–XIII вв. [Толстой, Кондаков, 1897. С. 137–139, рис. 197].

С.А. Плетнева первоначально относила подобные украшения к торкопеченежским или черноклобуцким. Однако она считала, что такие украшения были характерны также и для половцев (по её классификации – IV группа погребений), а их ношение было проявлением своеобразной «моды» в среде восточноевропейских кочевников XII – начала XIII вв. [Плетнева, 1958. С. 170, 173, 179, рис. 10, 2; 14, 2]. Позднее исследовательница признала приоритет половцев в ношении таких украшений [Плетнева, 1981. С. 216, 218,

240, 259, 261, рис. 82, 99; 84, 1], но, все же, допускала их широкое использование и в среде черных клобуков [Плетнева, 2003. С. 165, рис. 60].

Т.М. Минаева считала описанный тип подвесок из кочевнических комплексов Ставропольского края половецкими украшениями XII–XIII вв. [Минаева, 1964. С. 174–175, рис. 3а, 1; Минаева, 1965. С. 78, 79, рис. 20].

Г.А. Федоров-Давыдов выделил биконические подвески с коническими шипами в отдельный тип V [Федоров-Давыдов, 1966. С. 39–40, рис. 6, V]. Исследователь обосновывал их принадлежность к черным клобукам, так как в домонгольское время подвески с шипами были распространены в погребальных комплексах на компактной территории Поросья и Киевщины, где кочевники расселились с разрешения киевских князей. Появление комплексов с подвесками в Поднестровье, Поволжье и на Северном Кавказе маркируют перемещение туда кочевников Поросья в золотоордынский период. В целом, подвески V типа датируются в достаточно широком диапазоне XII–XIV вв.: в Поросье и на Киевщине в домонгольское время, а в Поднестровье, Поволжье и на Северном Кавказе в золотоордынский период [Федоров-Давыдов, 1966. С. 115, 152–153].

Тем не менее, единая этнокультурная трактовка и хронологическая атрибуция шипованных подвесок, в настоящее время отсутствует.

Отдельные авторы определяли погребальные комплексы Северного Причерноморья с данными подвесками, как половецкие, и датировали их XII – началом XIII вв. [Бессонова, Черных, Куприй, 1984. С. 56–59, рис. 42, 1].

Другие исследователи относили кочевнические погребения Нижнего Дона с подобными подвесками к XIII–XIV вв., не анализируя их этническую атрибуцию [Горбенко, Коренько, Максименко, 1975. С. 286–289, рис. 1, 6].

Интересную версию выдвинул Е.В. Круглов, предположив, что погребения с подвесками V типа с территории Нижнего Поволжья относятся не к половецкому населению, а к «саксидам» – племенам огузо-печенежского круга, родственным черным клобукам. Автор датировал подвески XII–XIII вв. или XI – началом XIII вв. [Круглов, 1990. С. 62–63, рис. 3; Круглов, 2001. С. 7, кат. 38, илл. XV].

Е.И. Нарожный считал, что чёрные клобуки переселялись на Северный Кавказ из Поднестровья и Побужья во второй половине XIII в. (в период активизации деятельности Ногай в западных регионах Золотой Орды), а также на Северном Кавказе. Этническими маркерами этой миграции и служили погребальные комплексы с височными подвесками V типов [Нарожный, 2000. С. 138–150; Нарожный, 2003. С. 212–223].

В.Г. Блохин, М.В. Кривошеев и П.А. Петров, в целом, признают гипотезы Г.А. Федорова-Давыдова и Е.И. Нарожного о перемещении в Поволжье и на Северный Кавказ в XIII в. отдельных групп кочевников из Поросья и южно-

русского пограничья. Однако исследователи считают, что конкретные причины и политические обстоятельства этого перемещения остаются пока неясными. Кроме того, этнокультурная трактовка и хронологические определения погребений с височными подвесками весьма неоднозначны. «Черные клобуки» – это полиэтническое образование (военно-политический союз), в которое входили торки, печенеги, берендеи, и, возможно, отдельные полувещкие этнические группы. Топография нижневолжских комплексов, которые связывают с чёрными клобуками, создает впечатление, что они были составлены группами кочевников, инкорпорированных в этнически чуждую среду [Кривошеев, Блохин, 2012. С. 315–324, рис. 3, 9; 5; Блохин, Петров, 2013. С. 37–50, рис. 2, 1–2, 9–10; 3, 2; 5, 9; 6, 8–9].

Перламутровые бусины (5 экземпляров, из них один обломок) оливковидных форм, изготовленные из толстых створок, по-видимому, морских раковин (рис. 1, 17). Сечения бусин различны, от округлых до овальных, размеры от 1,4 x 0,9 см до 1 x 0,8 см.

Следует отметить, что бусы относительно редко встречаются в кочевнических погребениях. Обычно это несколько бусин, которые располагаются в погребении не ожерельем [Плетнева, 1981. С. 216].

Фрагменты концевых ремennых накладок из тонкой листовой меди (2 экземпляра, возможно, парный комплект), размерами 5 x 2,3 см и 2 x 2,2 см. Это были прямоугольные чеканные пластинки с окончаниями геральдического типа (рис. 1, 14, 15). На внешних поверхностях накладки украшены четырьмя продольными чеканными линиями имитирующими псевдоскань. По всей вероятности, накладки с двух сторон фиксировали окончание портупейного ремня.

* * *

Мужское погребение у фермы № 2, в целом (по обрядности, ориентировке и инвентарю), соответствует раннеболгарским погребальным комплексам причерноморских и северокавказских степей VIII в. Это погребение воина-лучника, имевшего определённый статус в кочевом войске.

Лепной сосуд из погребения является весьма распространённым типом посуды салтово-маяцкой культуры. Гораздо более интересна конструкция лука, которая находит близкие аналогии с «салтовскими» луками конца VIII – начала IX вв. В то же время, сочетание довольно редкой формы и небольшого размера концевой фронтальной накладки с концевой тыльной пластиной, позволяет говорить о некоем переходном варианте лука между «хазарским» и «салтовским», и позволяет датировать лук в несколько более широком диапазоне – середины VIII – начала IX вв.

Три серебряные выпуклые бляхи из сбруйного набора относительно редко встречаются в погребальных комплексах. Подобные украшения могли использоваться двояко – как украшения конской упряжи, либо как поясные украшения всадника. Они имеют прототипами более ранние парадные изделия из золота или серебра, происходящие из элитарных погребально-поминальных комплексов, относящихся к «героическому времени» болгарских ханов Кубрата и Аспаруха (вторая половина VII – начало VIII вв.), а также к синхронной по времени среднеаварской культуре конца VII в.

Подобным образом, серебряная накладная бляха с утраченной петлёй происходит от более ранних форм протоболгарских украшений второй половины VII – начала VIII вв.

Две прямоугольные серебряные поясные накладки имеют прямые аналогии среди раннеболгарских древностей Среднего Поволжья. Они относятся к II хронологической или «бруснянской» группе поясных наборов и датируются VIII веком или его первой половиной. К той же группе относится и также датируется ажурная серебряная прямоугольно-рамчатая накладка.

Расположение в захоронении набора из четырёх серебряных накладок, а также из разрушенных железных частей позволяет сделать предположение, что на погребённом был одет портупейный набор, а не пояс.

Отдельные исследователи выделили так называемый «бруснянский» или «неволинский» этап (конец VII–VIII вв.) развития кочевнических комплексов Среднего Поволжья и Приуралья на основании изучения поясной гарнитуры, характерные детали которой представлены во всех регионах распространения салтовских памятников (Подонье, Донетчина, Крым, Прикубанье, Северный Кавказ и другие регионы) [Комар, 2010. С. 170]. В исследуемом погребении три накладки относятся к набору поясных деталей упомянутого «бруснянского» или «неволинского» этапа.

Находки в кочевнических погребениях Хазарского каганата (Причерноморья, Крыма, Прикубанья и Северного Кавказа) византийских солидов 720–750-х гг., исследователи связывают с хазаро-византийским сближением и династическим браком в 732 г. между наследником византийского престола (будущим императором Константином V) и дочерью хазарского кагана Вирхора – принцессой Чичак (в крещении – Ириной). Именно в это время византийское влияние на материальную культуру Хазарского каганата, его союзников и вассалов усилилось [Багаутдинов, Богачев, Зубов, 1998. С. 170; Комар, 2010. С. 170, 191–193]. Именно этим временем (серединой VIII в.) и можно датировать погребение у фермы № 2.

Разрушенное женское погребение близ фермы № 5, может быть датировано и интерпретировано лишь по бронзовым биконическим височным подвескам. В целом, подвески датируются в широком диапазоне XI–XIV вв. Они распро-

странены в кочевой среде Поросья, Киевщины, Поднестровья, Поволжья и Северного Кавказа.

Исследователи связывают эти украшения с разными этническими и этнополитическими группами: половцами, чёрными клобуками, торками, печенегами, берендеями. В целом, наиболее предпочтительной выглядит гипотеза Г.А. Федорова-Давыдова и Е.И. Нарожного о перемещении значительных групп кочевников (чёрных клобуков) в золотоордынское время (XIII–XIV вв.) из Поросья и южнорусского пограничья в Поволжье и на Северный Кавказ. Однако конкретные причины, политические обстоятельства и этнический состав этой миграции пока не ясны. Кроме того, нельзя полностью исключать, что подобный тип украшений мог бытовать у северокавказских кочевников и в XI – начале XIII вв.

Литература:

- Айбабин А.И.* Погребение хазарского воина // СА. 1985. № 3.
- Аксенов В.С., Тортика А.А.* Протоболгарские погребения Подонья и Придонецья VIII–X вв.: Проблема поливариантности обряда и этноисторической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Амброз А.К.* Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Амброз А.К.* О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре – вопрос интерпретации // Древности эпохи великого переселения народов. М., 1982.
- Атавин А.Г.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. Самара, 1996.
- Багаутдинов Р.С., Богачев А.В., Зубов С.Э.* Праболгары на средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара, 1998.
- Бессонова С.С., Черных Л.А., Курпий С.А.* Курганы у с. Филатовка // Курганы степного Крыма. Киев, 1984.
- Блохин В.Г., Петров П.А.* Средневековые комплексы с височными подвесками из Волгоградского Поволжья // РА. 2013. № 3.
- Власкин М.В., Ильюков В.С.* Раннесредневековые курганы с ровиками в междуречье Сала и Маныча // СА. 1990. № 1.
- Гавритухин И.О.* Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк, 2001.
- Голдина Р.Д., Водолаго Н.В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990.

Горбенко А.А., Коренько В.А., Максименко В.Е. Позднекочевническое погребение из кургана у хутора Нижняя Козинка // СА. 1975. № 1. С. 286–289.

Иванов А.А. Находки поясных наборов из курганов хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.

Иванов А.А. О комплексе вооружения кочевников хазарского времени Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья // Хазарский альманах. Т. 1. Киев; Харьков; М., 2002.

Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.

Комар А.В., Орлов Р.С. Погребение кочевника 2-й пол. VII в. у села Черноморское // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2006. Т. 5.

Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия. Самара, 2010.

Комар А.В. Перещепинский комплекс в контексте основных проблем истории и культуры кочевников Восточной Европы VII – начала VIII вв. // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 5. Хазарское время. Донецк, 2006.

Кривошеев М.В., Блохин В.Г. Средневековое погребение из одиночного кургана в Котельниковском районе Волгоградской области // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 10. Половецкое время. Донецк, 2012.

Круглов Е.В. Поволжье в половецкое время, XI–XIII вв. // Культура средневековых кочевников и городов Золотой Орды: Каталог. Волгоград, 2001.

Круглов Е.В. Сложносоставные луки Восточной Европы раннего средневековья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.

Лифанов Н.А. Систематика погребально-поминальной обрядности новинковского населения // II Городцовские чтения. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (Апрель 2003). М., 2005.

Минаева Т.М. К вопросу о половцах на Ставрополье по археологическим данным // Материалы по изучению истории Ставропольского края. Т. II. Ставрополь, 1964.

Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополья. Ставрополь, 1965.

Мошкова М.Г., Максименко Б.Е. Работы багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. Вып. II. М., 1974.

Нарожный Е.И. Половцы или черные клобуки? (По поводу критических заметок И.Н. Анфимова и Ю.В. Зеленского) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 2. Армавир, 2003.

Нарожный Е.И. Черные клобуки на Северном Кавказе. О времени и условиях переселения // Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 14: Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.

Орлов Р.С., Смиленко А.Т. Погребения кочевников и клады эпохи раннего средневековья // Археология Украинской ССР. Киев, 1986.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.

Плетнева С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья (IV–XIII века). Воронеж, 2003.

Плетнёва С.А. Очерки хазарской археологии. М., 1999.

Савин А.М., Семёнов А.И. О центрально-азиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.

Сташенков Д.А. Половозрастная стратификация новинковского населения // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001.

Толстой И., Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства. Вып. V. Курганные древности и клады домонгольского периода. СПб., 1897.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Фодор И. Венгры: древняя история и обретение родины. Пермь, 2015.

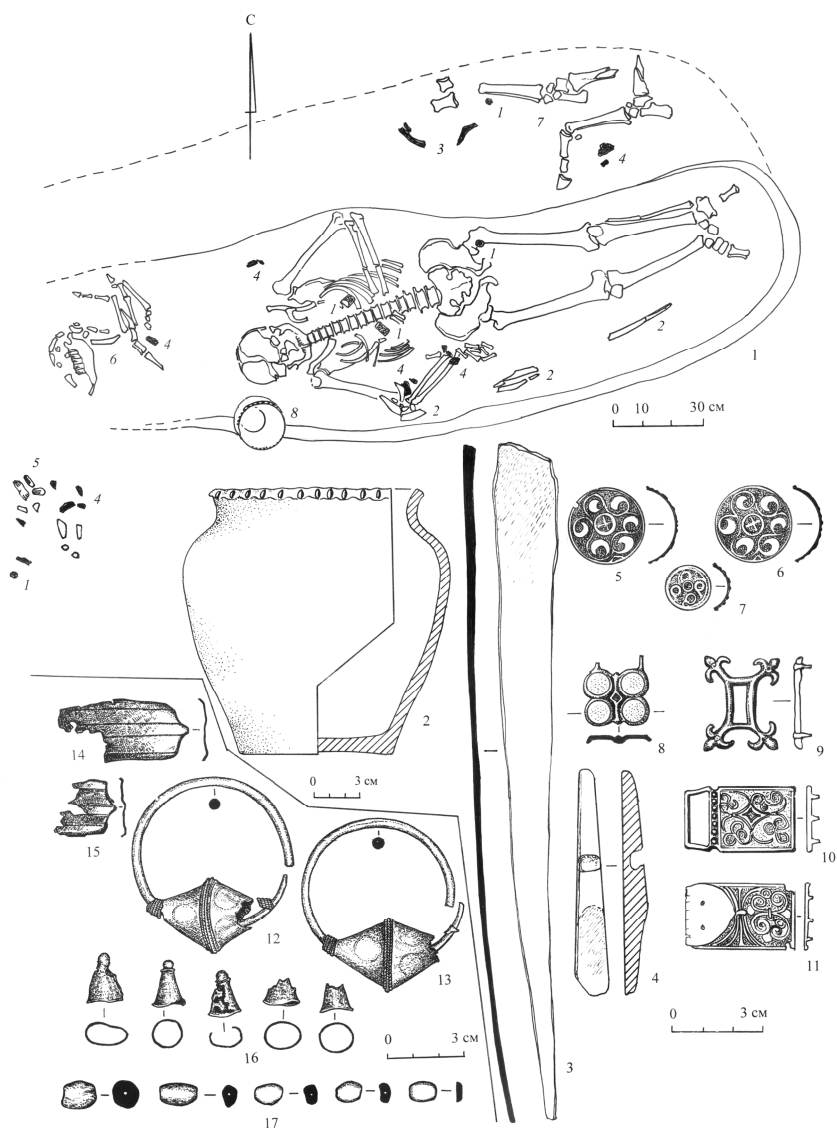

Рис. 1. Материалы средневековых комплексов из Калмыкии.

- 1 - погребение близ фермы № 2: 1 - серебряная фурнитура; 2 - костяные накладки на лук;
 3 - обломки стремян; 4 - неопределимые фрагменты железных предметов; 5 - зубы лошади;
 6 - череп и ноги МРС; 7 - кости ног лошади; 8 - глиняный сосуд.
 14-17 - комплекс из разрушенного погребения близ фермы № 5:
 12, 13, 16 - детали височных подвесок; 14, 15 - ременные накладки; 17 - бусы.
 2 - глина; 3, 4 - кость; 5-11 - серебро; 12-16 - бронза; 17 - перламутр.

Рис. 2. Серебряная портупейная фурнитура из погребения хазарского времени

Рис. 3. Бронзовые и перламутровые украшения из раннеполовецкого комплекса

УДК 902(470.44)|638.7|
ББК 63.4(235.54)

Малов Н.М., Малышев А.Б.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КУРГАНА У СЕЛА 2-Я РАСЛОВКА
В САРАТОВСКОМ РАЙОНЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В статье публикуются материалы раскопок средневековых погребений из кургана у села 2-я Расловка в Саратовском районе Саратовской области. Рассматриваются аналогии археологическим материалам погребений. Исследуются вопросы хозяйственно-культурной характеристики, этнической и религиозной принадлежности населения, оставившего погребения.

Ключевые слова: Саратовская область, Саратовский район, курганные погребения, кочевники, тюрки, язычество, ислам, Золотая Орда

Malov N.M., Malyshev A.B.

MEDIEVAL BURIALS FROM THE MOUND LOCATED
NEAR RASLOVKA-2 VILLAGE IN THE SARATOV DISTRICT
OF THE SARATOV REGION

The materials of excavation research of the medieval burials from the mound located near Raslovka-2 village in the Saratov district of the Saratov region are published in the article. The analogies to archaeological materials of burial places are discussed. The questions of economic and cultural characteristics, ethnic and religious affiliation of the population who left the burial are investigated.

Keywords: the Saratov region, the Saratov district, burial mounds, nomads, Turks, paganism, Islam, Golden Horde

Введение

В период полевого сезона 1989 г. археологическая экспедиция Саратовского государственного университета под руководством Н.М. Малова проводила охранные раскопки курганов к северу от с. 2-я Расловка, на севере Саратовского района Саратовской области [Малов, 1989. С. 3–6; рис. 1; 4, 2–4; 8–9]. Курганная группа, состоявшая из двух земляных насыпей, располагалась в 0,7–0,8 км к северу от окраины с. 2-я Расловка и в 3 км к югу от с. Боковка на землях совхоза «Вольновский». Она находилась на краю первой высокой надпойменной террасы левого берега р. Чардым. Курганы входили в зону строительства дачного кооператива, с чем и были связаны охранные раскопки.

Обе насыпи были задернованы. Раскопки производились с применением бульдозера и оставлением осевых бровок, проходящих через центры курганов. Их стратиграфия была примерно одинаковой: сверху располагался дерн, затем насыпь (тёмный гумус), далее – погребённая почва (светло-серый суглинок), а ниже – материк (тёмно-коричневая глина). Высшие точки насыпей были приняты за «0R» (рис. 1).

В курганах исследованы четыре погребения. В кургане № 1 – одно безинвентарное погребение эпохи бронзы. В кургане № 2 – два впускных средневековых погребения и одно основное безинвентарное захоронение бронзового века. Средневековые погребения из второго Расловского кургана используются в научных публикациях [Недашковский, 2000. С. 143]. Однако они до сих пор не были введены в научный оборот. Публикация и анализ материалов раскопок средневековых погребений из кургана № 2 является целью данной статьи.

II. Материалы раскопок

Курган № 2 имел диаметр 20 м и высоту 50–51 см. В кургане исследовано два средневековых погребения (рис. 1).

Погребение № 1 (рис. 1; 2) было расположено в 9 м к юго-востоку от центра кургана. Углублённая в материк на 7 см овальная могильная яма ориентирована по линии северо-запад – юго-восток и находилась на глубине 101 см от «0R». Яма имела длину – 140 см, ширину – 50 см у северо-западной стенки и 40 см – около юго-восточной.

В яме находилось детское погребение. Скелет был помещён в долблёной колоде корытообразной формы с полукруглым дном. Сама колода имела плохую сохранность, длину – 135 см и ширину – около 45 см. К ногам ширина колоды становилась уже. Толщина ее стенок не превышала 10 см. Вероятно, она была изготовлена из цельного куска дерева. Сверху она была перекрыта короткими деревянными плахами, расположенными поперёк. Внутри находился детский скелет в вытянутом положении, на спине, черепом на северо-запад. Левая рука вытянута вдоль туловища, кости правой руки растащены

грызунами. На костях ног сохранились фрагменты кожаных сапог на мягкой подошве. Судя по их расположению, обрез голенищ заканчивался ниже колен.

Погребение № 2 (рис. 1; 3–4) устроено в гробу и располагалось в 2 м к востоку-северо-востоку от центра кургана, в толще насыпи. Гробовище располагалось на глубине 57–85 см от «0R». Овальная форма могилы зафиксирована приблизительно, по более мягкому грунту (гумусу), она была ориентирована по линии «юго-запад – северо-восток», и имела примерные размеры 210 x 65 x 45 см.

Размеры деревянного, прямоугольной формы, гроба по дну, крышке и боковым продольным стенкам составляют: 200 x 50 x 35 см. В районе черепа гроб был наиболее широким, а к ногам – суживался. Сверху он был продольно перекрыт цельной массивной доской. Дно гробовища также было изготовлено из цельной доски, на которой торцом были поставлены поперечные и продольные стенки. При этом короткие стенки были изготовлены из кусков цельных досок, отпиленных поперёк волокон. Каждая из продольных стенок была выполнена из досок-горбылей, скреплённых с днищем тремя деревянными шипами, прямоугольными в сечении. Шипы были вставлены в высверленные отверстия. Северо-восточная поперечная стенка крепилась не к днищу, а к боковым стенкам: по два подобных шипа с каждой стороны. Кроме того, северо-восточная стенка имела длину 30 см, сохранилась в высоту на 15 см, и была сдвинута на 10 см от торцевого края днища. Юго-западная поперечная стенка также крепилась к боковым доскам и располагалась на расстоянии 8–10 см от края днища. Само днище имело длину 188–190 см, и было несколько короче боковых стенок-горбылей, имевших длину 192–200 см. При этом концы боковых досок-горбылей были приострены путём подтёски.

В гробу лежал скелет взрослой женщины, в вытянутом положении, на спине, черепом на юго-запад. Правая рука была вытянута вдоль туловища. Левая рука была согнута в локте и кистью помещалась на правом крыле таза. Череп был повернут влево и слегка наклонён к левой ключице.

На дне гроба, ниже таза под костями ног, сохранился тлен от войлочной подстилки. Ниже колен фиксировались остатки кожаных сапог плохой сохранности, на мягкой подошве. Под черепом и между рёбер были обнаружены две проволоочные серьги в виде «знака вопроса». Их верхние части состоят из кольца с отходящим вниз вертикальным стержнем с витками проволоки (рис. 3; 4, 1–2). В районе нижних позвонков и левого бедра были встречены семь бронзовых шаровидных пуговиц со слабозаметным горизонтальным швом и округлой петелькой. Пуговицы имели диаметр – 1 см (рис. 3; 4, 3–7).

III. Интерпретация и выводы

Судя по инвентарю и обрядовым показателям, исследованные средневековые погребения относятся к золотоордынскому времени.

Погребения в прямоугольных ямах. Оба погребения были совершены в прямоугольных ямах, имели северо-западную (погребение № 1) и юго-

западную (погребение № 2) ориентировку. Среди золотоордынских кочевников волго-донских степей, погребения в прямоугольных ямах с прямыми или скруглёнными углами, преобладают (60,5%). Среди них, безусловно, преобладают ориентировки западного сектора (75%) [Мыськов, 2015. С. 32–33].

Погребения в колодах, подобные погребению № 1, в средневековье имело распространение среди разных этнических групп. Подкурганые погребения кочевников довольно часто совершались в колодах [Гарустович, 1998. С. 82, 103, 121–122, 125, 133, 156, 184, 194, 199, 201–202; Мыськов, 2015. С. 38–39, 384, рис. 16, 2]. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова, данное погребение относится к Отделу А (*колоды*), Типу II («ладьевидные», острым концом – к ногам) [Федоров-Давыдов, 1966. С. 130].

Погребения в дощатых гробах, аналогичные погребению № 2, наиболее распространены среди средневековых народов. Подкурганые погребения кочевников чаще всего совершались именно в составных дощатых гробах [Гарустович, 1998. С. 80, 83–84, 101, 109, 123–124, 125, 127, 134, 141, 172, 190–191, 194, 202; Мыськов, 2015. С. 37–38]. По классификации Г.А. Федорова-Давыдова, данное погребение относится к Отделу Б (*дощатые гробы*), Типу I (сколоченные из досок, без зазоров) [Федоров-Давыдов, 1966. С. 130].

Войлок (кошма), в качестве подстилки, как в погребении № 1, иногда встречается в погребениях золотоордынских кочевников [Гарустович, 1998. С. 130; Ефимов, 1999. С. 101; Кравец, 2005. С. 23]. Впрочем, войлок, как и ткани, вообще, редко сохраняются в грунте.

Кожаные сапоги. Остатки сапог, зафиксированные в обоих погребениях, являются весьма частым предметом костюма в кочевнических золотоордынских погребениях [Гарустович, 1998. С. 108, 138, 145, 154, 156, 201, 213, 216; Мыськов, 2015. С. 211–212]. По сведениям Иоанна Плано Карпини и Гильома Рубрука, у монголов обработкой кожи и изготовлением кожаной обуви занимались, в основном, женщины. Причём, кожаные сапоги в условиях путешествий по степи, считались просто необходимой обувью [Путешествия..., 1957. С. 37, 100–101]. В кочевой среде, обычай хоронить умерших в кожаных сапогах на мягкой подошве, был распространён повсеместно. В Золотой Орде такие сапоги: на мягкой подошве, без каблуков, с голенищами чуть ниже колен, были наиболее распространены [Мыськов, 2015. С. 211].

Серьги в виде «знака вопроса». Весьма распространённым украшением у разных народов Восточной Европы и Сибири в IX–XIII вв. являлись подвески или серьги в виде «знака вопроса» [Степи Евразии..., 1981. С. 245, 255, 259, 273, рис. 72, 96–98; 79, 4–6; 82, 115–116; 94, 161; Плетнева, 2003. С. 238, рис. 62], как в погребении № 2. В большей степени это характерно для кочевников. Широко, распространены серьги в виде «знака вопроса» в золотоордынской кочевой и оседлой среде [Гарустович, 1998. С. 169, рис. 8, 5–6, табл. I, 19, 25; VII, 9; XVII, 9; XIX, 11; Ляхов, 1993. С. 175–176, 179, рис. 2, 4; Евглевский, 2003. С. 370, 374, 382, 384, 388, 398, рис. 4, 5; 6, 4, 11, 12; 10, 6; 11, 2; 13, 7; Мыськов, 2015.

С. 158–162, 164, 373, 384, табл. XXVIII, 2, рис. 5, 13; 17, 7; 87, 7], встречаются в аланских погребениях золотоордынского времени [Новохарьковский могильник, 2002. С. 17, 22, 27, 29, 31, 33–35, рис. 6, 16–17, 40, 51; Масловский, 2011. С. 227–230, рис. 2, 5], а также в Волжской Булгарии XIII–XV вв. [Руденко, 2011. С. 250–253, рис. 1; Руденко, 2013. С. 35–36, рис. 1,9]. Согласно классификации Е.П. Мыскова, серьги в виде «знака вопроса» из погребения № 2, относятся к Типу II (в виде знака вопроса), Подтип а (с короткими петлевидными ножками, покрытыми обмоткой из проволоки, длиной до 4,5 см), Варианту 2 (ножки, полностью покрытые обмоткой) – (Па2) [Мыськов, 2015. С. 160, 164].

Шаровидные пуговицы в кочевнических погребениях встречаются относительно редко [Гарустович, 1998. С. 325,332, табл. XXII, 12, 18; XXIX, 7, 11]. Это полые металлические пуговицы, спаянные из двух тонких симметричных штампованных половин. В верхней части пуговиц прикреплялись проволочные петельки. Чаще всего, такие пуговицы встречаются в женских погребениях [Мыськов, 2015. С. 204].

Расположение пуговиц в погребении (в районе пояса и таза), по-видимому, может свидетельствовать об особенностях фасона женской распашной одежды, застёгиваемой, скорее всего, на поясе или о наличии пояса с пуговицами, как отдельного элемента костюма. Не исключено также, что некоторые пуговицы могли застёгивать матерчатую сумочку, носимую на поясе.

По-видимому, оба погребения относились к эпохе развитого средневековья – к кочевому или полукочевому тюркскому населению Золотой Орды XIV века. Отметим, что местность в районе устья р. Чардым была благоприятна как для кочевого скотоводства, так и для оседло-земледельческого хозяйства.

Наличие в обоих захоронениях предметов костюма (серьги, пуговицы, сапоги), а также совершение погребений в кургане и в гробах, свидетельствует о сохранении некоторых пережитков традиционных языческих верований среди населения, оставившего данные погребения. В то же время, ориентировка на западный сектор, отсутствие какого-либо значительного погребального инвентаря (оружия, бытовых предметов, посуды) и костей животных, по-видимому, свидетельствует о довольно значительной исламизации этого населения. Как известно, ислам запрещает присутствие в погребениях каких-либо предметов. В то же время, обращение лиц погребённых не подтверждает мусульманскую традицию: в погребении № 1 – проследить поворот лица невозможно, а в погребении № 2 – лицо обращено на север.

Каких-либо специфических, этнически маркирующих признаков в погребениях обнаружено не было. В погребениях отсутствует чисто «всаднический» инвентарь (кости лошади, упряжь, стремяна). Однако, отдельные признаки свидетельствуют в пользу тюркской кочевнической идентификации погребений: курганный обряд, конструкции гробов, кошма, сапоги, серьги в виде «знака вопроса».

Литература:

- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.
- Евглевский А.В., Кульбака В.К.* Грунтовый могильник золотоордынского времени Ляпинская балка из северо-восточного Приазовья // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. Донецк, 2003.
- Ефимов К.Ю.* Золотоордынские погребения из могильника «Олень-Колодезь» // Донская археология. 1999. № 3–4.
- Кравец В.В.* Кочевники среднего дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005.
- Ляхов С.В., Якубовский Г.Л.* Зауморский курганный могильник золотоордынского времени // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- Малов Н.М.* Отчёт об археологических исследованиях в Калмыцкой АССР, Саратовской и Волгоградской областях за 1989 г. // Архив ИА РАН, д. 13669.
- Масловский А.Н.* Клады и экстраординарные погребения криминального(?) происхождения из раскопок Азака (попытка интерпретации) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции, посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Астрахань, 2011.
- Мыськов Е.П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды. Волгоград, 2015.
- Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.
- Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. Воронеж, 2002.
- Плетнева С.А.* Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. Воронеж, 2003.
- Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
- Руденко К.А.* Торевтика Волжской Булгарии и Болгарского улуса Золотой Орды: проблемы преемственности // Поволжская археология. № 4(6). 2013.
- Руденко К.А.* Ювелирное искусство Золотой Орды: две серебряные серьги из Татарстана (вопросы атрибуции и датировки) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Материалы V Международной конференции посвящённой памяти Г.А. Федорова-Давыдова. Казань-Астрахань, 2011.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

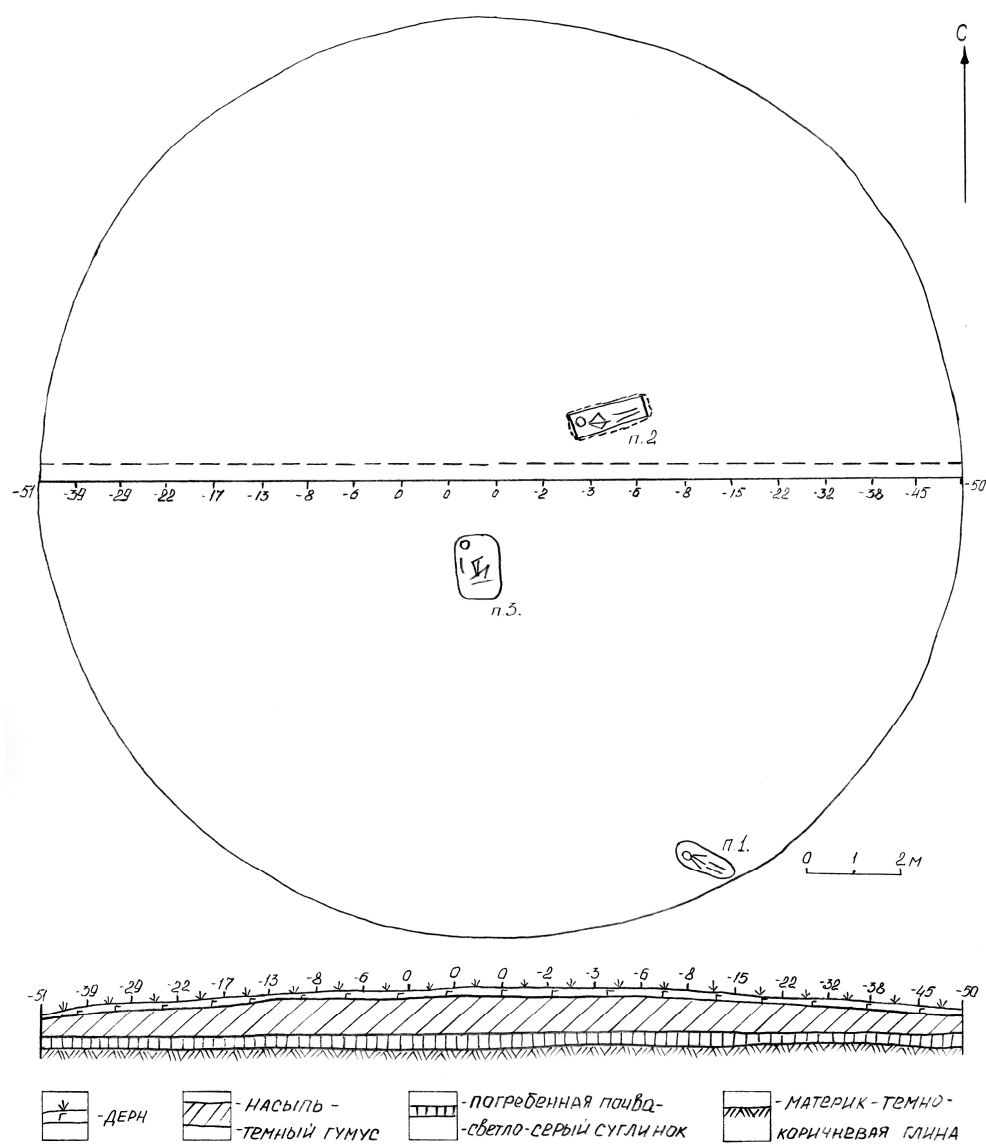
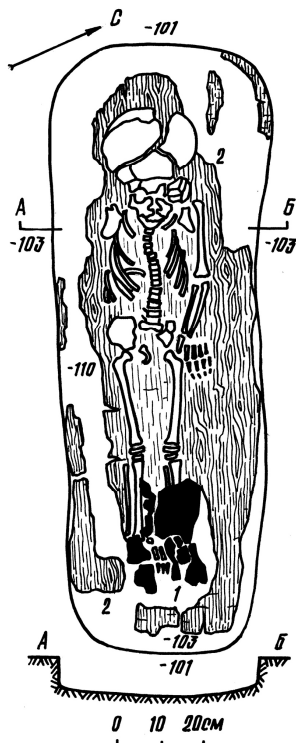
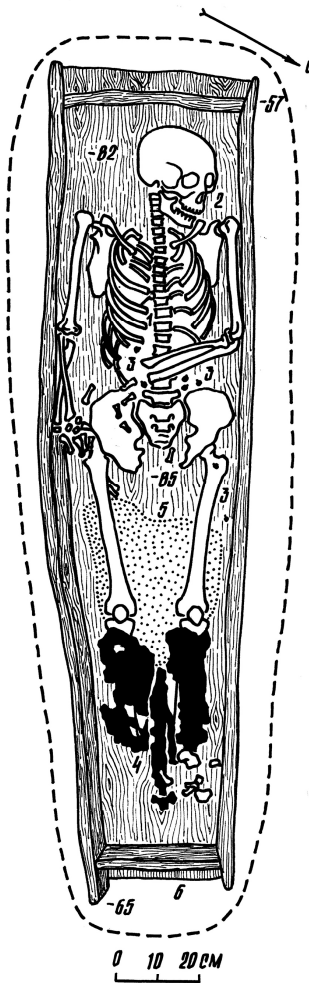

Рис. 1. План и стратиграфия кургана № 2

1 - куски кожи
2 - деревянная колода

Рис. 2. Погребение № 1

1, 2 - бронзовые подвески
3 - бронзовые пуговицы
4 - куски кожи
5 - войлочная подстилка
6 - деревянный гроб

Рис. 3. Погребение № 2

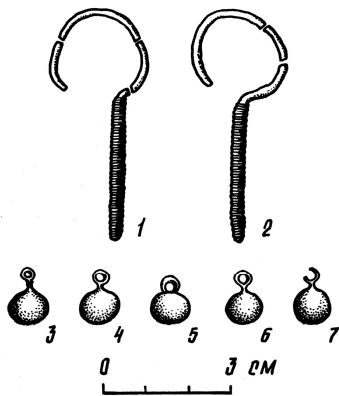

Рис. 4. Предметы из погребения № 2

З А М Е Т К И

УДК 902(470.44/.47)|637.7|
ББК 63.4(235.54)

*Беркалиев Т.А., Кудрина И.С.,
Лопатин В.А.*

К ВОПРОСУ О СРУБНО-ПОЗДНЯКОВСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ (ПО МАТЕРИАЛАМ НИЖНЕКРАСАВСКОГО НЕКРОПОЛЯ)

В представленной работе публикуются некоторые комплексы курганно-некрополя Нижней Красавки, в которых показана весьма редкая разновидность культурного синкретизма раннесрубных памятников Нижнего Поволжья. В них отражена активная контактность срубных лесостепных племен с населением лесных волго-окских и окско-донских территорий, где археологически изучена так называемая поздняя культура. Предметно это выражено исключительно в инвентарной части погребальной обрядности, а типы могильных ям, ориентировок и поз скелетов здесь типично срубные. Признаки взаимной аккультурации наиболее заметны в таких категориях инвентаря, как керамика и женские украшения.

Ключевые слова: Эпоха поздней бронзы, срубная культура, поздняя культура, погребальный обряд, керамический комплекс, женские украшения

*Berkaliyev T.A., Kudrina I.S.,
Lopatin V.A.*

ON THE ISSUE OF THE TIMBER-GRAVE AND THE POZDNYAKOVO CULTURAL RELATIONS (ON THE MATERIAL FROM THE NIZHNYAYA KRASAVKA NECROPOLIS)

The present paper presents publication of some complexes from the Nizhnyaya Krasavka mound necropolis. Those demonstrate a fairly uncommon

variety of cultural syncretism of the early timber-grave monuments from the Lower Volga region. They are indicative of active contacts between the timber-grave forest-steppe tribes and the population of the Volga-Oka and the Oka-Don woodland areas. The so-called Pozdnyakovo culture from the latter regions is well studied archaeologically. Ostensive manifestations are confined just to the accessories of burial rite, while the types of grave pits, orientations and skeleton attitudes are typically timber-grave ones. Features of mutual acculturation are most apparent in such accessories as ceramics and women's ornaments.

Keywords: Late Bronze age, timber-grave culture, Pozdnyakovo culture, burial rite, ceramic complex, women's ornaments

Курганный некрополь поселения срубной культуры эпохи поздней бронзы «Нижняя Красавка 2» исследован в Аткарском муниципальном районе Саратовской области (рис. 1; 2). Географически этот «комплект памятников» (поселение и некрополь) приурочен к среднему течению донского притока р. Медведицы. Он располагается на высокой левобережной террасе, сложенной постплейстоценовыми песками и глинами с покровными мощно гумусированными супесями. В бронзовом веке места обитания скотоводческих популяций (поселения и стоянки) занимали здесь естественно защищенные древними оврагами и балками прибрежные выровненные площадки. А восточнее, на огромном остепнённом пространстве, вытянутом с севера на юг между медведицкими притоками Кольшлеем и Идолгой, местные обитатели строили земляные насыпи курганных некрополей. Теперь эти погребальные памятники по большей части практически недоступны, поскольку абсолютно незаметны на поверхности из-за многолетней распашки данной местности сплошными площадями.

Полевые исследования на поселении «Нижняя Красавка 2» ежегодно ведутся с 2007 года, и за это время удалось достоверно зафиксировать и раскопать только 3 кургана его некрополя, остальные на дневной поверхности теперь уже не видны. Поскольку могильники располагались на фермерских полях (рис. 2), раскопки здесь были возможны только в те летние сезоны, когда угодья оставались незасеянными («под паром»): курган 1 раскопан в 2009 г., курган 2 в 2010 г., и курган 3 в 2016 г.

В предварительной публикации некоторых комплексов авторы предполагают показать весьма редкую разновидность культурного синкретизма раннесрубных памятников Нижнего Поволжья. Эти особенности отражают активную контактность срубных лесостепных племен с населением лесных волго-окских и окско-донских территорий, где синстадиально развивалась так называемая поздняя культура. Предметно это выражено в сочетании признаков двух культур в материалах погребений в Нижней Красавке,

причем, исключительно в инвентарной части погребальной обрядности. Типы могильных ям, ориентировок и поз скелетов здесь типично срубные (рис. 3, 1, 8; 4, 1, 4, 10). Признаки взаимной аккультурации наиболее заметны в таких категориях инвентаря, как керамика и женские украшения.

* * *

Керамика. В соответствии с поставленной задачей, прежде всего, выделим среди материалов кургана 2 два сосуда, которые имеют идентичные элементы орнаментации – двойные ряды коротких вертикальных оттисков, выполненных краем оригинального зубчатого штампа (рис. 3, 9; 4, 2). В декоре срубной культуры абсолютно такой же технический прием не известен. Сложная композиция на малом сосуде из детского захоронения 2/5 (рис. 3, 9) также не характерна для срубного арсенала орнаментации, аналогий в материалах Нижнего Поволжья нет. В том же детском комплексе оригинален и второй, более крупный сосуд (рис. 3, 10). Это нетипично тонкостенная округлобокая форма с коротким венчиком, покрытая вертикальными и косыми расчесами от закраины до максимального расширения тулова. При более внимательном просмотре материалов всех трех раскопанных курганов Нижнекрасавского некрополя выяснилось, что подобные сосуды с нестандартно тонкими стенками есть и в других погребениях – 1/6 (рис. 3, 7) и 3/13 (рис. 4, 12). Кроме того, у них выявлено специфическое строение тулова – линия его максимального расширения находится нестандартно высоко, примерно на уровне 1/5 от общей высоты сосуда. Небезынтересно, что аналогичные пропорции типичны для многих сосудов поздневолосянского времени лесной зоны Волго-Окского междуречья и Среднего Поволжья [Соловьев, 1991. С. 70–71, рис. 3–4].

В комплексе погребения 2/14, кроме сосуда с оригинальным орнаментом, имеются также фаянсовые бусины (рис. 4, 3), что опосредованно указывает на хронологический интервал, в котором эти два погребения могли быть оставлены в кургане № 2, это раннесрубное время.

Фронтальный обзор материалов эпохи поздней бронзы сопредельных северных регионов показал наибольшую близость сосудам второго кургана Нижней Красавки в некоторых памятниках поздняяковской культуры лесостепного рязанского Поочья. Формообразующие процессы поздняяковского и срубного керамических комплексов, вероятно, были близки. Не случайно А.Х. Халиков отмечал вероятные контакты покровских и поздняяковских племен как следствие динамичной экспансии покровцев в направлении Волго-Окского междуречья. Признаки влияния «покровска» он отметил здесь также в материалах чирковско-сейминской и приказанской культур [Халиков, 1989. С. 78]. Мощное формирующее влияние покровских традиций, безусловно,

отражалось на последующих этапах культурогенеза, поэтому в ряде культурных ареалов степи и лесостепи Волго-Донья и Волго-Уралья на протяжении всей эпохи поздней бронзы складывались не абсолютно идентичные, но весьма близкие универсумы.

Поздняковская культура изучается по материалам трех последовательных хронологических периодов – раннего, развитого, позднего [Эпоха бронзы лесной..., 1987. С. 233, рис. 71], и покровское влияние особенно выражено сказывалось на раннем этапе, когда был оставлен известный Засеченский могильник, где, наряду с плоскодонными сосудами, обнаружены архаичные круглодонные формы (реминисценции предшествующего фатьяновско-балановского времени) и переходные варианты сосудов с уплощенным днищем. В погребениях Засеченского могильника встречаются кремневые наконечники стрел, близкие сейминским, есть каменная булава с бортиком, а также бронзовый наконечник копья с манжетой и ушком, почти аналогичный покровско-сейминским образцам [Челяпов, Вячин, 1993. С. 199, табл. V, 1; 200, табл. VI, 1–8].

Узкозональные орнаменты, набранные различными насечками и оттисками короткого гребенчатого штампа, характерны как для раннего, так и для позднего керамических комплексов поздняковской культуры. Очень близкие нижнекрасавским композиции орнамента можно отметить, например, на раннем круглодонном сосуде из Засеченского могильника и, в то же время, на позднем плоскодонном экземпляре могильника «Лебяжий Бор» [Челяпов, Вячин, 1993. С. 200, табл. VI, 10; 202, табл. VIII, 1]. Сосуд из Лебяжьего Бора вообще идентичен нижнекрасавскому малому горшку из погребения 2/5 по форме и очень близок по орнаменту. Из всего приведенного выше совершенно очевидно, что культурные связи населения нижеволжской лесостепи с племенами южнолесной зоны Волго-Окского междуречья осуществлялись не только в начале позднего бронзового века на покровском этапе, но и в раннесрубное время, в середине II тыс. до н. э.

Процессы взаимной аккультурации происходили на разных территориях неоднозначно и с различной доминантностью. В лесной зоне сказывалось преимущество местных традиций, поэтому производные варианты такой активной контактности можно в большей степени считать «поздняковско-срубными». Подтверждением тому являются материалы Мало-Окуловского курганного могильника. Поскольку в местных агрессивных почвах скелетный материал практически не сохранился, погребальный обряд в Мало-Окулово не вполне ясен. Керамика эклектична, здесь сочетаются реминисценции балановского формообразования, поздняковские и срубные черты, особенно в организации декора. Автор раскопок в Мало-Окулово считала, что эти погребения представляют местный вариант срубной культуры [Збруева, 1947.

С. 204–206, рис. 3, 1а; 4, 4б, 5б]. Однако, учитывая сильные культурно-генетические традиции, развивавшиеся на юге лесной полосы Восточной Европы с эпохи неолита до позднего бронзового века, уместнее считать памятники, аналогичные Мало-Окуловским курганам своеобразным *поздняковско-срубным* культурным типом.

В степных, но особенно контактных лесостепных регионах развивались культурные варианты с обратной доминантностью – «*срубно-поздняковские*», и ярким образцом здесь является Нижнекрасавский некрополь. Важно отметить, что как в том, так и в другом вариантах присутствуют объединяющие универсумы, конкретизирующие гибридность этих явлений. Лучше всего это ощущается в принципах организации декора и некоторых устойчивых элементах орнаментации. В узкозональных композициях орнамента наиболее заметны ряды свисающих треугольников, набранных мелкими кольцевидными или округлыми оттисками (рис. 3, 9). Примечательно, что данный признак весьма устойчив в арсенале поздняковского декора, он проходит насквозь через все три хронологических этапа этой культуры.

Таким же сильным культуuroобразующим орнаментальным мотивом является «*косая решетка*», заимствованная срубниками у поздняковцев. В данном случае весьма примечателен сосуд из срубного комплекса Новопокровка 2 [Археологические памятники..., 2010. С. 97, рис. 30, 1], в орнаменте которого, между прочим, сочетаются косая решетка и горизонтальный ряд оттисков, очень близких тем, что отмечены во 2 кургане Нижней Красавки (рис. 3, 9; 4, 2). Канонический вариант «*косой решетки*» присутствует также на сосуде из погребения 3 кургана 1 Нижнекрасавского некрополя, где выявлен типично срубный набор инвентаря – два баночных сосуда и костяная рукоять для бронзового шила (рис. 3, 1–4). Подобные сочетания инвентаря воспринимаются как канонические, в обрядовом смысле, стандарты, выработанные в скотоводческих традициях и отражающие прижизненные трудовые специализации мужских представителей позднепервобытных общин. Это своеобразная визитная карточка скотовода и по совместительству, в сфере придомного ремесла, мастера-кожевника. В первом кургане Красавки такой набор представлен дважды: кроме упомянутого комплекса из 1/3, еще и в разрушенном сурками шестом погребении (рис. 3, 5–7). Примечательно, что один из сосудов комплекса 1/6 также демонстрирует тонкостенность и смещение максимального расширения в верхнюю 1/5 часть общей высоты (рис. 3, 7).

Таким образом, для синкретичной срубно-поздняковской керамики характерны следующие типобразующие признаки:

– тонкостенная округлобокая форма с коротким венчиком и высоко расположенным максимальным расширением тулова;

– узкозональные орнаментальные композиции, набранные мелкими округлыми и кольцевидными оттисками в виде свисающих треугольников, короткими вдавлениями краем штампа, а также различные варианты «косой решетки».

Предварительный фронтальный обзор источников показал, что такая керамика изредка встречается в лесостепных ареалах Нижнего и Среднего Поволжья, а также на севере Волго-Донского междуречья.

Женские украшения. Сложное бронзовое украшение головы, которое по известным аналогам можно квалифицировать как височные подвески, состоит из двух комбинаций соединенных попарно трубочек и очковидных подвесок т. н. «абашевского» типа (рис. 4, 11). Трубочки свернуты из тонких (около 1 мм) бронзовых пластинок. Полностью сохранилась только одна, ее длина 5,5 см, остальные во фрагментах. Диаметр трубочек 0,6–0,8 см. Вероятно, сквозь них пропускали тонкие шнуры, к которым привязывали очковидные подвески. Украшения крепились к ремешку, повязанному вокруг головы, парами подвески свисали на висках. Очковидные подвески свернуты из бронзовой проволоки в двойные спирали со срединными петлями. Высота подвески 1,5 см, ширина 2,5 см. Диаметр сечения проволоки около 1 мм. Полностью сохранились две подвески, половина третьей утрачена.

Полые трубочки, свернутые из бронзовых пластинок в комплексе с очковидными подвесками – это, своего рода загадка Нижнекрасавского некрополя. Они представляют собой деталь головного украшения, найдены в первом погребении кургана № 3, где с ними сочетаются типично срубный обряд и соответствующий сосуд баночного типа (рис. 4, 10, 11). Поиск аналогий таким уборам показал, прежде всего, их почтенную архаику. Е.В. Куприянова, в частности, считает такие гарнитуры принадлежностью средневожского варианта абашевской культуры [Куприянова, 2008. С. 39, рис. 23, 1-Б]. Украшение моделируется как шумящие парные подвески, свисающие с налобного ремешка по сторонам от лица женщины (рис. 5). Даже если предположить матрилинейный принцип передачи убора от старших поколений к младшим, все-равно, хроноинтервал составит не менее 300 лет. С другой стороны, в комплексах украшений покровского периода также могли возникать подобные постабашевские реплики и в свою очередь переходить в раннесрубный пласт. В любом случае, это очень яркий пример культурной преемственности, который правильнее воспринимать как результат многолетних традиционных контактов и взаимодействия степных, лесостепных и лесных племен эпохи поздней бронзы.

В данном контексте весьма интересны также редкие варианты наручных браслетов, обнаруженных в двух женских погребениях из первого кургана Нижнекрасавского некрополя (1/4 и 1/14). В целом, оба комплекса характеризуются

как типично срубные, с соответствующими показателями обрядности и инвентаря (рис. 4, 4, 6–8). И только конструктивные особенности браслетов (рис. 4, 5, 9) демонстрируют некоторую степень межкультурного синкретизма.

Узкожелобчатые браслеты с зауженными несомкнутыми окончаниями Н.М. Малов в своей классификации относит к типу У-2 (дуговидно-желобчатые). Своим происхождением эти украшения связываются с петровско-алакульскими традициями Южного Урала и Северного Казахстана. Отмечено также, что на территории Нижнего и Среднего Поволжья, а также в Приуралье, они характерны для раннесрубных и раннеалакульских комплексов [Малов, 1992. С. 25]. Своеобразия браслетов из погребений Нижней Красавки – это подвернутые внутрь в пол-оборота и не зауженные окончания. Такой вариант браслетов вообще не характерен для срубной культуры степного Нижнего Поволжья. Единственный аналог найден севернее, в средневожской лесостепи на территории Самарской области, в срубном погребении 4/7 из могильника «Волчанка» [Агапов и др., 1983. С. 46, рис. 13, 11; Васильев и др., 1985. С. 87, рис. 3, 47]. Более глубокие корни происхождения таких браслетов, пока не выявлены, нет их и в материалах поздняяковской культуры. Однако, некоторые тенденции развития женских украшений в культурах бронзового века лесной зоны (спирали, лепестковые расковки, свернутые из тонких пластин пронизи) позволяют объяснять появление подобных изделий у степного населения следствиями постоянных межкультурных контактов. В ходе такого взаимодействия могли возникать самые разнообразные, порой весьма причудливые симбиозы в технологических решениях, например, узкожелобчатый (степной) браслет с подвернутыми на северный манер окончаниями. Подобное конструктивное решение могло иметь также чисто практический смысл, – подвернутые концевки не травмировали запястья, не рвали и хорошо прижимали край рукава.

Дополнением к нашей обобщенной нижнекрасавской модели женского убранства, довольно скромного, вероятно, повседневного (рис. 5), служили бусы. Фаянсовые (пастовые) бусы и сурьмяный бисер, будучи импортными категориями вещевого инвентаря, бытовали в памятниках покровского типа и некоторое время в раннесрубных комплексах [Малов, 1992]. В погребениях Нижней Красавки эти украшения немногочисленны, в наших раннесрубных и синкретичных срубно-поздняяковских комплексах это явный шлейф предшествующего покровского времени, они представлены исключительно в женских могилах. Традиционно гарнитуры женских украшений матрилинейно передавались из поколения в поколение по женской линии. Отчасти этот материал может свидетельствовать о неразрывности культурно-генетических процессов, в ходе которых на основе памятников покровского типа формируется ранний пласт срубной культуры.

Таким образом, рассмотренные материалы некоторых комплексов Нижнекрасавского некрополя отражают всесторонние контакты степных и лесостепных племен эпохи поздней бронзы с их соседями из лесной зоны Восточной Европы. Это вновь подтверждает многокомпонентный характер культурогенеза первой половины II тыс. до н. э., а в курганах Нижней Красавки запечатлен процесс формирования одного из оригинальных вариантов раннесрубной культуры с заметными поздняяковскими чертами.

Литература:

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья (итоги работ Средневолжской археологической экспедиции) // Культуры бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983.

Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам раскопок 2005–2006 гг.). Саратов, 2010.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.

Збруева А.В. Мало-Окуловские курганы // Советская археология, IX. М.; Л. 1947.

Куприянова Е. В. Тень женщины: женский костюм эпохи бронзы как «текст» [по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана]. Челябинск, 2008.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Соловьев Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991.

Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989.

Челяпов В.П., Вячин А.А. Археологические памятники эпохи бронзы на территории Рязанской области. Рязань, 1993.

Эпоха бронзы лесной полосы СССР / Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. М., 1987.

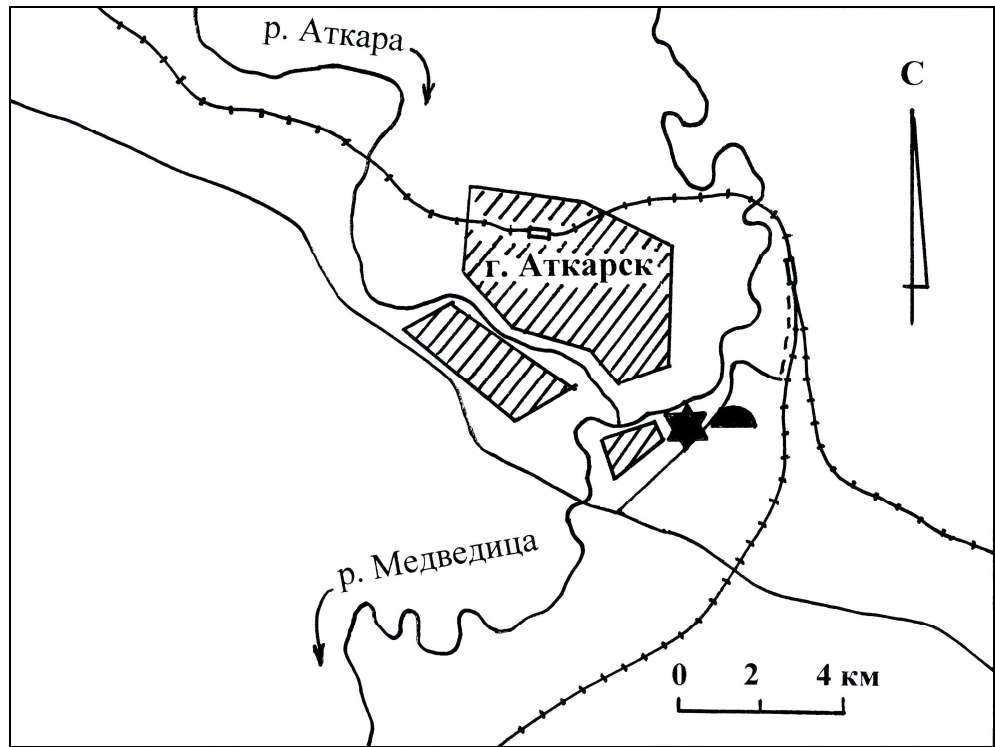

Рис. 1. Нижнекрасавские памятники в системе Аткарской агломерации

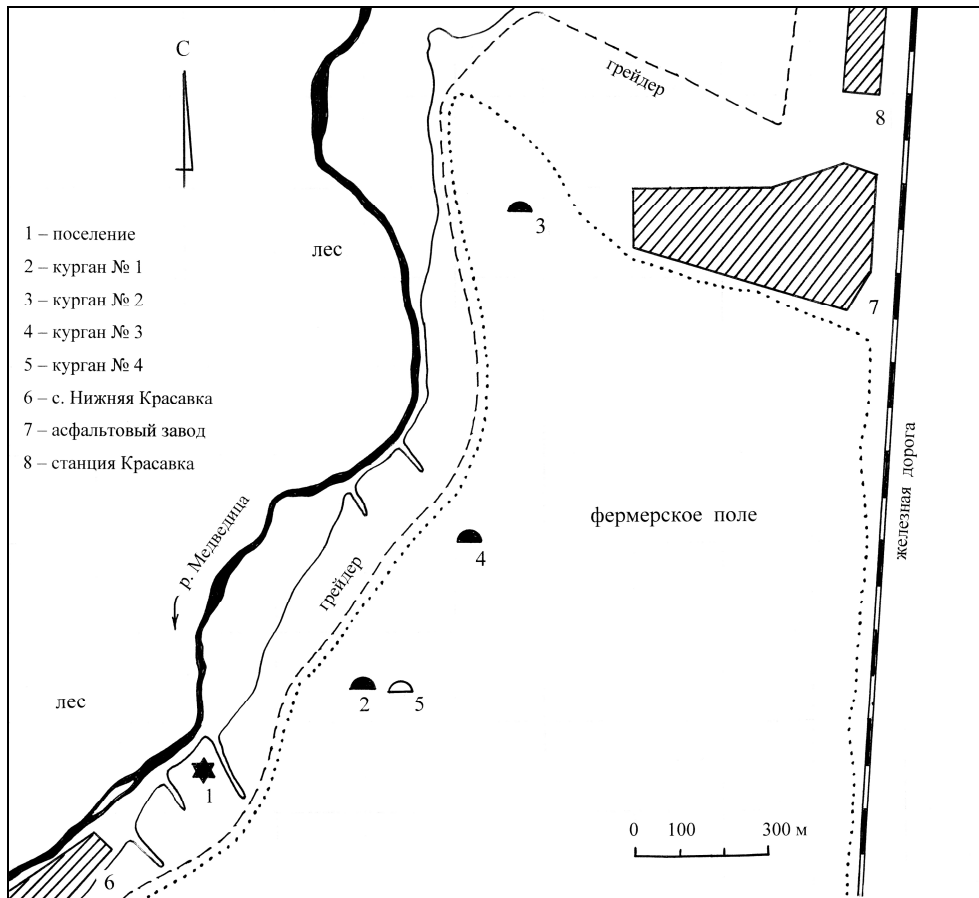

Рис. 2. Поселение «Нижняя Красавка 2» и его курганный некрополь

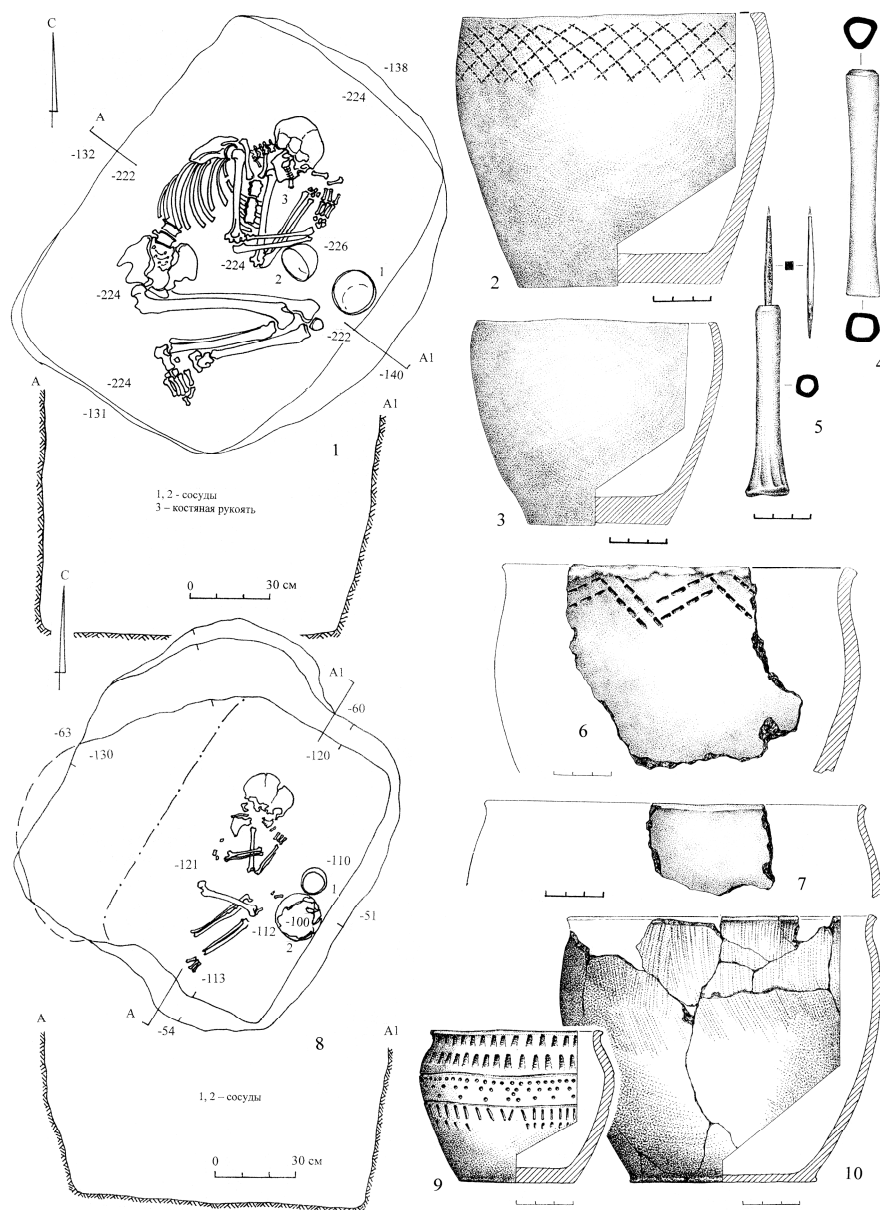

Рис. 3. Материалы из погребений Нижнекрасавского некрополя:
 1-4 - курган 1, погребение 3; 5-7 - курган 1, погребение 6; 8-10 - курган 2, погребение 5.
 4 - кость; 5 - бронза/кость; 2, 3, 6, 7, 9, 10 - керамика

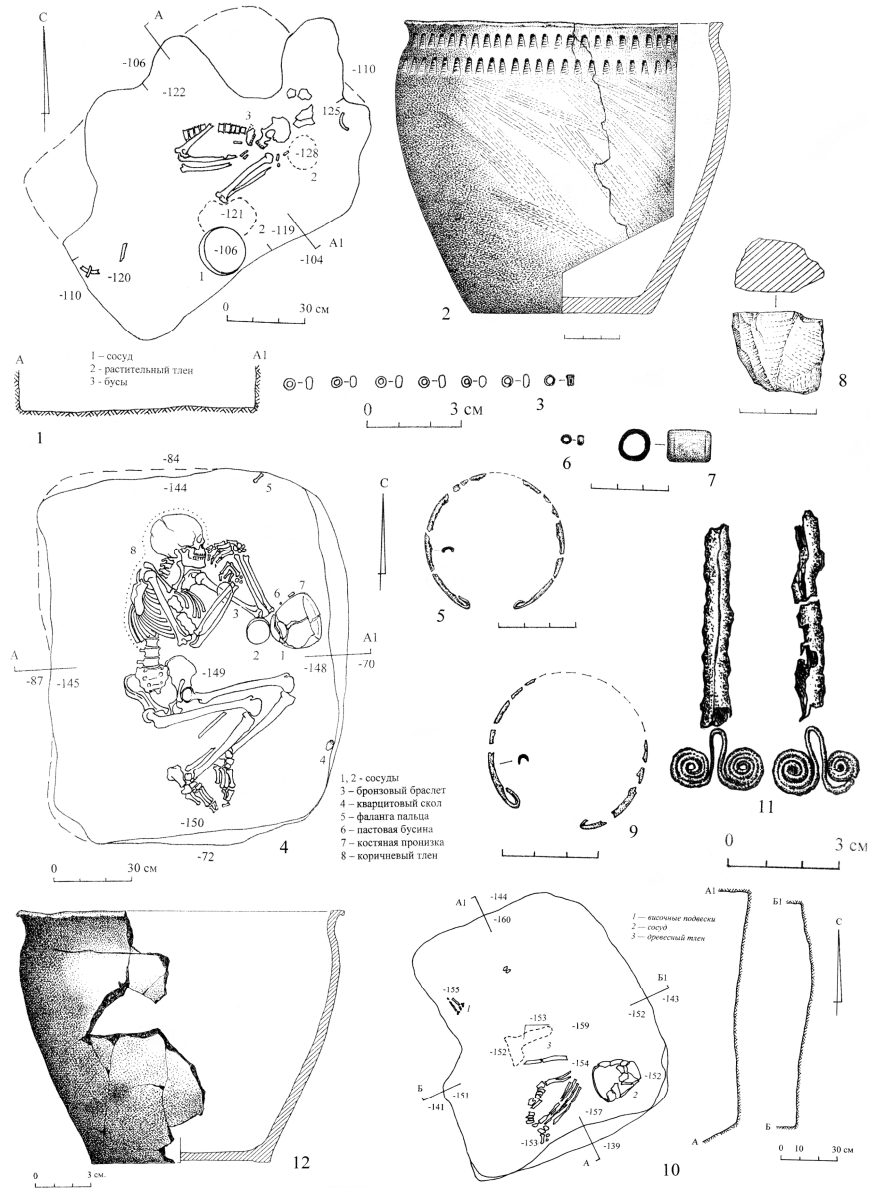

Рис. 4. Материалы из погребений Нижнекрасавского некрополя:
 1-3 – курган 2, погребение 14; 4-8 – курган 1, погребение 14; 9 – курган 1, погребение 4;
 10, 11 – курган 3, погребение 1; 12 – курган 3, погребение 13.
 2, 12 – керамика, 3, 6 – фаянс, 5, 9, 11 – бронза, 7 – кость, 8 – кварцит

Рис. 5. Обобщенная модель женского убранства по материалам Нижнекрасавского некрополя.
Авторская разработка И.С. Кудриной

УДК 902(470.44-25)+902.3
ББК 63.4+63.4(235.54)

Малышев А.Б., Тарабрин С.Ю.

К ВОПРОСУ О МЕТОДИКЕ И КРИТЕРИЯХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ
ТЕРРИТОРИИ ОБЪЕКТОВ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ*

В статье рассматриваются результаты археологических разведок и опыт применения рекомендуемой научной методики определения границ для различных археологических объектов. Специально анализируются методические принципы и критерии определения границ на примере конкретных археологических объектов – поселений и курганных групп на севере города Саратова и Саратовского района.

Ключевые слова: археологические объекты, методика определения границ, археологические разведки, древние поселения, курганы

Malyshev A.B., Tarabrin S.Yu.

TO THE QUESTION OF THE METHOD AND CRITERIA OF DETERMINING
THE BORDERS OF THE TERRITORY OF OBJECTS
OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE

The article reviews the results of archaeological research and experience of application of the recommended scientific technique of delimitation for various archaeological objects. The methodological principles and criteria of delimita-

* Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект № 17-1-013122 «Проведение работ по определению границ территории объектов культурного (археологического) наследия на севере г.Саратова и Саратовского района Саратовской области».

tion of boundaries on the example of concrete archaeological objects – settlements and mound groups in the north of the city of Saratov and Saratov region are specially analyzed.

Keywords: archaeological objects, boundary detection methods, archaeological investigations, ancient settlements, mounds

Объекты археологического наследия (археологические памятники), как и другие объекты культурного наследия, на территории Российской Федерации подлежат государственному учёту, охране, проведению различных мероприятий по обеспечению их сохранности и исследований. Однако в сфере охраны объектов археологического наследия наблюдаются значительные трудности. В связи с появлением различных форм собственности на землю, в настоящее время существует необходимость переоформления научно-учётной документации на объекты археологического наследия, а также модернизации системы их учёта, использования и охраны. В этом плане наиболее важными являются: оформление документов на объекты археологического наследия в соответствии с законодательством об охране историко-культурного наследия, а также оформление земельных участков, занимаемых археологическими памятниками, по всем нормам и требованиям земельного и кадастрового законодательства [Колонцов, 2010. С. 64–68].

Согласно Федеральному закону от 24.07.2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости», в государственный кадастр недвижимости вносятся описания местоположения границ территорий объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации. В государственный кадастр недвижимости вносятся следующие сведения о территориальных зонах, зонах с особыми условиями использования территорий, территориях объектов культурного наследия, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации: индивидуальные обозначения (вид, тип, номер, индекс и тому подобное) таких зон или территорий; описание местоположения границ таких зон или территорий (ст. 10, пп. 1–2). Также должна быть составлена схема границ территории объекта культурного наследия, в масштабе 1:5000 и в более крупном масштабе (ст. 42.4, п. 3).

В Саратовской области наиболее проблемной, в плане охраны объектов археологического наследия, является территория областного центра – г. Саратова, а также прилегающая к нему территория Саратовского района, которые, зачастую, подвергаются неконтролируемой застройке промышленными объектами, транспортной инфраструктурой, энергетическими коммуникациями, жилыми микрорайонами, элитным жильём и дачными товарище-

ствами. Отдельные, выявленные ранее, объекты археологического наследия уже застроены и навсегда утрачены для культуры и науки. Также существует угроза разрушения и других археологических памятников, которых только на территории г. Саратова, в настоящее время, насчитывается до 30 объектов. Также более 100 объектов археологического наследия объектов насчитывается на территории Саратовского района. К сожалению, угроза разрушения археологических объектов может в будущем усугубиться в ходе реализации планов создания Саратовской агломерации, объединяющей города Саратов и Энгельс, Саратовский, Татищевский и, возможно, Марксовский районы.

В связи с этим, существует необходимость выяснения состояния объектов археологического наследия, получения информации об использовании их территории, придания им официального статуса, постановки на кадастровый учёт, историко-культурной экспертизы и проведения всех последующих мероприятий по обеспечению их сохранности и изучения. Археологическая карта г. Саратова и Саратовского района, на данный момент, по сути дела, отсутствует, а многие территории областного центра и Саратовского района не обследованы. Для большинства известных здесь объектов археологического наследия отсутствуют точные координаты, топографические планы и определённые границы. Кроме того, сведения о них не внесены в земельный кадастр.

Описанная ситуация выглядит несколько противоречиво, учитывая тот факт, что вопросу об изучении археологических памятников, предшествующих основанию г. Саратова, особое внимание уделяют губернские власти, общественные организации, туристические компании, различные научные, образовательные и культурные учреждения г. Саратова.

В связи с этим, с 2015 г. Государственное автономное учреждение культуры «Научно-производственный центр по историко-культурному наследию Саратовской области» начало выполнение работ по определению границ территорий различных объектов археологического наследия. В частности, были определены границы территорий Алексеевского и Увекского городищ [Проект границ территории памятника археологии «Алексеевское городище...», 2015; Проект границ территории памятника археологии «Увекское городище...», 2015], при содействии специалистов из Саратовского областного музея краеведения и ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Однако, не смотря на эти действия, сведения о данных объектах археологического наследия (Увекского и Алексеевского городищ), и связанные с ними ограничения хозяйственного использования земель, так до сих пор и не внесены в земельный кадастр. Вообще, единственным объектом археологического наследия в Саратовской области, сведения о котором внесены в земель-

ный кадастр и наложены ограничения на хозяйственное использование земельных участков, является поселение «Шумейка» в Энгельском районе. Данная территория частично относится к категории «Земли особо охраняемых территорий и объектов», и предназначена «для размещения объектов историко-культурного назначения».

В 2017 г. Автономной некоммерческой организацией «Центр гуманитарных проектов «Традиции и инновации» был получен (выигран) «Грант Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества» предоставленный для реализации проекта «Проведение работ по определению границ территории объектов культурного (археологического) наследия на севере г. Саратова и Саратовского района Саратовской области» в 2017–2018 гг.

В целом, проект направлен на сохранение объектов археологического наследия, подвергающихся разрушительному воздействию антропогенного, техногенного и природного факторов на указанной территории. Основная идея заключается в комплексном историко-археологическом исследовании, картографировании и документировании объектов археологического наследия:

- сбор архивно-библиографической информации;
- выяснение состояния известных объектов (застройка, распашка, степень разрушений);
- выявление незафиксированных объектов;
- полевое разведочное обследование объектов (визуальный осмотр, сбор находок, изучение рельефности, шурфовка и зачистка обнажений, исследование культурных слоёв);
- картографирование объектов (ситуационные планы, топографические планы, координаты границ объектов);
- определение границ территории объектов археологического наследия;
- съёмка координат границ территорий объектов археологического наследия (в глобальной и местной системах координат – в WGS-84 и МСК-64) для постановки их на кадастровый учёт;
- экспертиза объектов археологического наследия для внесения их в Единый государственный реестр.

Наиболее важным результатом работ предполагается подготовка топографических планов и границ территорий объектов археологического наследия, так как внесение сведений о них в земельный кадастр является одним из главных юридических оснований для их сохранения.

Обследованию подлежат объекты археологического наследия (не менее 6 объектов) на севере г. Саратова и Саратовского района Саратовской области: на берегах рек 1-й и 2-й Гусёлок, на полях ФГБНУ НИИ СХ Юго-Востока, вблизи старого городского «Елшанского кладбища», с. Усть-Курдюм и на

других участках. В первую очередь работы проводились на объектах, которым грозит разрушение, застройка, земляные работы и т. п.

Подлежащие обследованию и работам объекты археологического наследия – это отдельные из немногих сохранившихся следов пребывания древнего и средневекового населения, на территории современного г. Саратова и его ближайшей округи. Социальная значимость проекта заключается в том, что дальнейшие археологические исследования (раскопки) данных объектов могут принести: новые научные открытия о древней истории и культуре народов Нижнего Поволжья, различные археологические находки, существенно уточняющие предысторию города Саратова. Следует, вообще, отметить, что формирование исторического ландшафта Большого Саратова и его окрестностей, происходило на протяжении нескольких тысячелетий, как минимум, с эпохи бронзового века. Здесь селились различные по численности группы людей, которые обживали отдельные удобные места, вырубали леса, накатывали грунтовые дороги, налаживали переправы, распахивали поля, что в совокупности действий изменяло территорию и создавало исторический ландшафт.

К сожалению, обследованные в 2017–2018 гг. объекты археологического наследия могут быть разрушены в ближайшее время, так как территориям грозит жилищная или хозяйственная застройка. В то же время, большая часть площади обследованных археологических объектов в настоящее время ещё не разрушена и вполне пригодна для дальнейших исследований. При более серьёзных и масштабных исследованиях (раскопках) данных археологических памятников в будущем, возможны также: использование их в культурно-просветительских и туристических целях, музеефикация отдельных объектов, проведение фестивалей исторической реконструкции.

В ходе реализации проекта, в 2017–2018 гг. сотрудниками АНО «ЦПП «Традиции и инновации» были проведены археологические разведки на четырёх объектах археологического наследия: 1) Поселение «Песочное»; 2) Поселение «1-я Гусёлка-1»; 3) Поселение «Гусёлка-II-1»; 4) Поселение «Ленинский Путь-1»; 5) Курганная группа «Елшанка-1»; 6) Курганная группа «Усть-Курдом-6» (рис. 1; 2). Данные археологические объекты были подвергнуты обследованию в первую очередь, так как им грозит разрушение, застройка, земляные и иные работы. В ходе полевых археологических работ (разведок) были проведены сборы подъёмного материала и шурфовка на четырёх поселенческих памятниках: «Песочное», «1-я Гусёлка-1», «Гусёлка-II-1» и «Ленинский Путь-1». Археологические разведки на двух погребальных памятниках – курганных группах «Елшанка-1» и «Усть-Курдом-6», заключались в поиске сохранившихся (не разрушенных и не застроенных) курганных насыпей и в их научной фиксации. Для всех памятников были определены

границы и их координаты, выполнены картографические и топографические работы.

Собственно разведочные работы осуществлялись в соответствии с методическими рекомендациями Института археологии РАН [Положение..., 2013. С. 7–13], а также по рекомендациям иной методической литературы [Авдусин, 1980. С. 58–112; Мартынов, Шер, 2002. С. 21–51].

При производстве разведочных работ применялся металлодетектор. Его применение происходило согласно «Положению о порядке проведения археологических полевых работ» [Положение..., 2013. С. 10. п. 3.12 а-в] в следующих случаях:

- на разрушающихся участках объекта археологического наследия (осыпях обрыва, отвалов от старых строительных земляных работ);
- для предварительного обследования исследуемых площадей (шурфов) без изъятия предметов из слоя;
- для проверки переработанного культурного слоя и грунта отвалов в ходе работ (шурфовки) на объекте археологического наследия и после их завершения (рекультивации);

Определение границ объектов археологического наследия проводилось в соответствии с методикой определения границ территорий объектов археологического наследия, рекомендованной Министерством Культуры РФ [Отчёт о выполнении Государственного контракта..., 2011].

Определение границ всех перечисленных объектов археологического наследия было осуществлено по результатам проведенных полевых археологических исследований – разведок и раскопок, проведенных в предыдущие годы, а также в 2017–2018 гг., на основании сбора, систематизации и комплексного анализа полученной информации. Практически каждый обследованный памятник в прошлом подвергался разведкам, а Курганная группа «Усть-Курдюм-6» ранее исследовалась раскопками. Анализируемая информация была получена: в научных отчетах, в публикациях, в музейных фондах, в топографических и картографических материалах, материалах космосъемки. Не менее важная информация, а также ценные аналитические соображения были получены при личных консультациях с руководителями предшествующих разведочных работ на данных памятниках и территориях (Н.М. Маловым, С.И. Четвериковым, К.Ю. Моржериным, Д.А. Кубанкиным, А.Л. Кашниковой, М.П. Амановой). Кроме того, выяснилось, что при археологических разведках не стоит пренебрегать таким простым методом, как опрос местного населения. Например, местные жители и дачники прекрасно знают о существовании «большого холма» – наиболее крупного и высокого кургана № 2 (высота 2,8 м) из курганной группы «Елшанка-1». А жители

с. Усть-Курдюм иногда осторожно упоминают или передают слухи о находках человеческих костей на разных участках территории села.

Таким образом, определение границ проводилось на основании анализа следующей информации: 1) Археологической информации о территории выявленного объекта археологического наследия, его местоположении, местах сбора и расположения находок, участков фиксации культурного слоя; 2) Ландшафтно-топографической информации (ситуации), отражающей рельеф, основные элементы ландшафта, наивысшие точки местности, тальвеги, водотоки и иные водные объекты, границы растительных зон; 3) Антропогенной ситуации, отражающей антропогенное и техногенное воздействие на объект в момент его выявления и обследования; 4) Музейной информации, отражающей места происхождения предметов и находок; 5) Картографической и архивной информации, отражающей места расположения исторических населенных пунктов, зданий и сооружений, культовых и ритуальных мест, транспортных, хозяйственных, производственных и иных объектов; 6) Личных консультаций с руководителями предшествующих разведочных работ (Н.М. Маловым, С.И. Четвериковым, К.Ю. Моржеринным, Д.А. Кубанкиным, А.Л. Кашниковой, М.П. Амановой); 7) Сведений полученных от местных жителей.

В процессе полевых археологических исследований, проводимых при определении границы объекта археологического наследия, проводились следующие виды работ:

- обследование территории в границах объекта археологического наследия, определение его современного состояния, характеристик, изменений, произошедших с момента его последнего обследования;
- обследование обнажений культурного слоя (естественных и антропогенных), определение их местоположения, параметров, характеристик, степени влияния на состояние объекта; сбор подъемного материала;
- выявление визуально определимых археологических сооружений, характерных элементов ландшафта, антропогенных объектов;
- закладка и исследование стратиграфических разрезов (шурфов) для определения наличия, местоположения и характеристик культурного слоя;
- определение границ объекта археологического наследия и границ территории объекта археологического наследия, элементов рельефа, ограничивающих данную территорию;
- проведение топографической съемки территории объекта археологического наследия;
- проведение фотофиксации современного состояния объекта археологического наследия, его частей и отдельных элементов;

– составление описания современного состояния объекта археологического наследия, его основных характеристик, отличий и изменений, произошедших с момента последнего обследования объекта.

Определение границ поселенческих памятников, проводилось исходя из методического принципа, что *территорией объекта археологического наследия* является территория, непосредственно занятая данным объектом археологического наследия и связанная с ним исторически и функционально, являющаяся его неотъемлемой частью.

Работы по установлению точных координат границ объектов археологического наследия (вынос точек) осуществляли специализированные организации (и их специалисты) у которых имелась в наличии лицензии на осуществление геодезической и картографической деятельности, а также имелось геодезическое оборудование (GNSS-приёмник) с метрологической поверкой.

Топографические планы объектов археологического наследия были выполнены в масштабе 1:1000, специалистом-археологом, имеющим соответствующую подготовку, по установленным правилам.

Главными критериями определения территории поселенческих памятников (признаками объектов археологического наследия), согласно упомянутой методике, выступали:

- территория распространения культурного слоя;
- территория распространения археологических находок в шурфах;
- территория распространения подъемного материала.
- территория нахождения строительных объектов.

Обследованные поселенческие памятники: «Песочное», «1-я Гусёлка-1», «Гусёлка-II-1» и «Ленинский Путь-1» (рис. 1; 2), расположены на береговых террасах рек 1-й и 2-й Гусёлок [Четвериков, 1986. С. 8, рис. 34; 36; Моржерин, 1988. Рис. 1-3; 6; 7; памятники 1; 2; Кашникова, 2014. С. 13-19; рис. 2; 3; 6-24; Кашникова, 2015. С. 19-30; рис. 2-65; Аманова, 2016. С. 31-38; илл. 3, 1; 4, 1; 5-10]. На территории памятников встречаются участки современной, залежной и огородной распахки, задернованные площади, грунтовые дороги, трубопроводы, ЛЭП, лесонасаждения, бытовой и промышленный мусор.

Шурфовка поселений имела некоторые особенности. Все шурфы были заложены и исследованы на наиболее «проблемных» участках территории (как с наличием подъемного материала, так и без него), на которых необходимо было определить наличие или отсутствие культурного слоя и находок в грунте. Участки, прошурфованные в предыдущие годы и с зафиксированным ранее культурным слоем (то есть, однозначно отнесённые к территории памятников), не шурфовались. Территория была исследована шурфами размером 1 x 2 м при общем количестве – 8-10 шурфов (на отдельный памятник). Стандартный размер шурфа (2 кв. м.) при разведках 2017-2018 гг. был

принят для большей вероятности обнаружения находок, культурных напластований и строительных объектов на отдельном «перспективном» участке памятника (при изначально известной слабой насыщенности территорий находками).

Граница территорий поселенческих памятников была определена на местности по результатам проведенных археологических исследований, особенностям элементов рельефа (обрывы, склоны, подошвы или мысовые участки береговых террас), на расстоянии не менее 25 м от крайних обнажений культурного слоя или мест скопления археологических предметов.

Кроме того, учитывая поселенческий тип памятников, был использован ещё один *дополнительный критерий* определения их территории, а именно – ландшафтно-топографическая ситуация их местонахождения. В связи с этим, граница территории поселенческих объектов археологического наследия, расположенных на естественном возвышении (терраса, мыс), была определена по подошве или кромке естественного возвышения (обрыву, крутому склону).

Поселение «Песочное» (рис. 1, 2) впервые было обнаружено в 1988 г. К.Ю. Моржериным [Моржерин, 1988. Памятник № 1]. Тогда же был составлен первый известный глазомерный план памятника. Площадь поселения была установлена по распространению подъемного материала на распаханых огородах и составляла около 1 га (150 x 65 м). Было найдено свыше 50 фрагментов золотоордынской красноглиняной керамики, скопление шлаков, а также 2 пряслища. Находки поступили на хранение в фонды Саратовского областного музея краеведения.

В 2000 г., в монографии Л.Ф. Недашковского «Золотоордынский город Укек и его округа», поселение «Песочное» было отнесено к округе золотоордынского города Укека [Недашковский, 2000. С. 116. Памятник № 14]. В 2007 г. поселение «Песочное» было включено «Список выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» [Список выявленных объектов..., 2007. Памятник № 14].

В 2013–2014 гг. памятник был обследован экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством А.Л. Кашниковой. Площадь поселения была определена аналогично разведкам 1988 г.: 150 x 48 м (0,72 га). Было обнаружено 25 фрагмента гончарной красноглиняной керамики и 1 мелкий фрагмент стенки лепного сосуда. При описании памятника А.Л. Кашниковой было замечено, что, поселение могло иметь гораздо большую площадь, чем фиксировалась подъемному материалу, так как распространение подъемного материала строго соответствовало участкам ранее обрабатываемых огородов, то есть территории с разрушаемым культурным слоем [Кашникова, 2014. С. 17–19].

На поселении было заложено и исследовано 2 шурфа. В шурфе 1 был зафиксирован культурный слой мощностью 35–40 см, относящийся к эпохе Золотой Орды. В слое были найдены многочисленные фрагменты золотоордынской посуды и кости животных. В шурфе 2 культурный слой зафиксирован не был, однако было обнаружено несколько фрагментов средневековой керамики. В целом в шурфах было зафиксировано: 71 фрагмент керамики и 7 костей животных [Кашникова, 2014. С. 19–30]. Был составлен топографический план памятника. Находки хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения.

Кроме того, при изучении близлежащей территории А.Л. Кашниковой было выделено два местонахождения №№ 2, 3 с золотоордынской керамикой. Местонахождение 2 располагалось в 160 м к юго-востоку от поселения «Песочное». Здесь были найдены 2 стенки и венчик красноглиняных сосудов [Кашникова, 2014. С. 15–16]. Местонахождение 3 располагалось в 110 м к югу от поселения «Песочное». Здесь был обнаружен фрагмент дна красноглиняного сосуда [Кашникова, 2014. С. 16]. А.Л. Кашникова высказала предположение, что без проведения раскопок, определить реальную площадь поселения «Песочное» не представляется возможным. Также, по её мнению, местонахождения №№ 2, 3 могут являться юго-восточной сельскохозяйственной периферией поселения «Песчаное» [Кашникова, 2014. С. 16, 19]. Находки с поселения «Песочное» и местонахождений №№ 2, 3 хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения.

В 2015 г. на поселении «Песочное» были проведены разведки экспедицией ГАУК «НПЦ» под руководством М.П. Амановой. Подъёмный материал был обнаружен на более обширной площади, включая локализации местонахождений 2, 3, выделенных в 2013 г. А.Л. Кашниковой. Был составлен топографический план. Площадь поселения была определена по распространению подъёмного материала и составила намного больше – примерно 4,5 га. Было 37 фрагментов керамики. В подъёмном материале преобладали фрагменты золотоордынской керамики (34 шт.), но также были обнаружены три (3 шт.) лепных фрагмента керамики эпохи бронзы и один (1 шт.) – фрагмент посуды XVIII–XIX вв. [Аманова, 2016. С. 31–38]. Находки хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения.

В 2017 г. на поселении «Песочном» были проведены разведки совместной экспедицией ГАУК «НПЦ» и АНО «ЦГП «Традиции и инновации» под руководством С.Ю. Тарабрина. Было проведено обследование площади поселения с целью определения его границ, выяснения характеристики культурных напластований и находок. Был собран немногочисленный подъёмный материал на различных участках территории поселения: фрагменты гончарной посуды золотоордынского времени (7 шт.) (рис. 3, 2–3). Немногочислен-

ность сборов подъёмного материала в 2017 г. была обусловлена тем, что в предыдущие годы на данных участках местности трижды (в 2013, 2014 и 2015 гг.) был собран практически весь подъёмный археологический материал, а дальнейшие разрушения поверхности памятника были не столь значительными. На поселении была проведена шурфовка. Здесь было заложено и исследовано 10 шурфов (1 x 2 м) общей площадью 20 кв. м. Культурный слой был обнаружен лишь в одном шурфе. В 4-х шурфах расположенных на разных участках были обнаружены также не многочисленные находки: 9 фрагментов гончарной золотоордынской посуды (рис. 3, 4–6), одна бронзовая пластинка (возможно венчик бронзового сосуда) (рис. 3, 1), 4 фрагмента костей животных. В результате на основании предшествующих и нынешних исследований была определена территория и границы объекта археологического наследия поселения «Песочное», а также составлен его топографический план [Тарабрин, 2018]. Находки поступили в фонды Саратовского областного музея краеведения.

На территории *поселения «1-я Гусёлка-1»* (рис. 1, 3), первоначально, в 1985 г. студентом Исторического факультета СГУ – А.Д. Матюхиным было обнаружено Местонахождение. Здесь, на надпойменной террасе правого берега р. 1-й Гусёлки, на небольшом мысу, на огородах, на площади 70 x 40 м, было найдено девять (9) фрагментов лепных сосудов срубной археологической культуры эпохи поздней бронзы, а также несколько костей животных. В обрыве берега культурный слой не фиксировался. Топографический план и описание памятника составлены не были. Описанные находки не сохранились. О данном Местонахождении на р. 1-й Гусёлке А.Д. Матюхиным было сообщено сотруднику Саратовского областного музея краеведения – К.Ю. Моржерину, проводившему археологические разведки в этом районе. С этим описанием Местонахождение на р. 1-я Гусёлка и вошло в отчёт К.Ю. Моржерина в 1988 году [Моржерин, 1988. Памятник № 2, рис. 1; 6–8].

В 2013 г. напольная часть памятника была обследована экспедицией Саратовского областного музея краеведения под руководством А.Л. Кашниковой и названа как «Местонахождение 1 на р. 1-я Гусёлка». Местонахождение было обнаружено при осмотре полей НИИСХ «Юго-Востока». Здесь были зафиксированы: один (1) фрагмент красноглиняной керамики и одна (1) стенка поливного красноглиняного сосуда XIX – начала XX вв. Был составлен топографический план поселения [Кашникова, 2014. С. 14–15, рис. 6–10]. Находки с Местонахождения 1 хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения.

В 2015 г. на Местонахождении 1 были проведены разведки экспедицией ГАУК «НПЦ» под руководством М.П. Амановой. Здесь, на пашне были обнаружены: шесть (6) фрагментов стенок лепной посуды срубной культуры

позднего бронзового века II тыс. до н. э. и два (2) фрагмента гончарной красноглиняной посуды (покрытых с внутренней стороны коричнево-красной поливой) периода русского освоения Поволжья XVIII – начала XX вв. Был составлен топографический план Местонахождения 1 с нанесением на него площади распространения подъёмного материала [Аманова, 2016. С. 38–41, илл. 3, 2; 4, 2; 11–14]. Находки хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения.

В 2017 г. на Местонахождении 1 были проведены разведки экспедицией АНО «ЦПП «Традиции и инновации» под руководством А.Б. Малышева. Было проведено обследование площади местонахождения и прилегающих к нему участков с целью определения его границ, выяснения характеристики культурных напластований и находок.

Был собран подъёмный материал на различных участках территории Местонахождения 1: железные изделия – пряжка и фрагмент инструмента (рис. 4, 6–7), бронзовая пластинка (рис. 4, 8), фрагменты гончарной посуды золотоордынского времени (4 шт.) (рис. 4, 1–2, 5), фрагменты золотоордынских кирпичей (2 шт.), фрагменты лепной посуды бронзового века (19 шт.) (рис. 4, 4).

На различных участках местонахождения была проведена шурфовка. Здесь было заложено и исследовано 10 шурфов (1 x 2 м) общей площадью 20 кв. м. В 4-х шурфах расположенных на разных участках были обнаружены находки. Находки представлены в основном фрагментами лепных сосудов срубной культуры позднего бронзового века (33 шт.) (рис. 3, 7–11; 4, 3) и кости животных (43 шт.). В двух из четырёх шурфах с находками (более многочисленными) был зафиксирован культурный слой, а также остатки постройки (котлован и столбовые ямы).

В результате архивно-библиографических исследований о работах предыдущих лет и полевых исследований 2017 года, было сделано заключение, что обследованный объект археологического наследия является поселением, датируемым эпохой бронзового века (II тыс. до н. э.) и эпохой средневековья (XIII–XV вв.). Объекту археологического наследия было решено дать название – поселение «1-я Гусёлка-1». Была определена территория и границы объекта археологического наследия, а также составлен его топографический план.

Поселение «Гусёлка-II-1» (рис. 1, 4) было обнаружено и зафиксировано в 1981 г. археологической экспедицией СГУ под руководством С.И. Четверикова. Площадь распространения подъёмного материала составляла – 55 x 45 м (2475 кв. м). Здесь было собрано 113 фрагментов лепной керамики эпохи бронзы, кости и зубы животных [Четвериков, 1986. С. 8, рис. 34; 36; 38, 10–21; 39, 1–15; 41а, 1–5; 42]. Находки были переданы в фонды Саратовского областного музея краеведения.

В 1994 г. поселение «Гусёлка-II-1» вошло в «Историю изучения памятников археологии Саратовского района Саратовской области» под номером № 50 [Баринов, 1994. Памятник № 50, рис. 31; 32], а в 2007 г. было включено в список объектов культурного наследия Саратовского района с указанной площадью 1,3 га [Список выявленных объектов..., 2007. Памятник № 4].

В 2015 г. на поселении «Гусёлка-II-1» были проведены разведки экспедицией ГАУК «НПЦ» под руководством М.П. Амановой [Аманова, 2016. С. 41–44, илл. 3, 3; 4, 3; 15–19]. На поверхности встречались естественные нарушения целостности культурного слоя (кротовины), а также отдельные скопления строительного мусора. Площадь памятника была определена условно, исходя из геоморфологической ситуации и по распространению подъёмного материала (60 x 42 м), и составила до 0,3 га. На поселении было обнаружено 9 фрагментов лепной керамики эпохи бронзы.

В 2017–2018 гг. на поселении «Гусёлка-II-1» были проведены разведки экспедицией АНО «ЦГП «Традиции и инновации» под руководством А.Б. Малышева. Было проведено обследование площади поселения и прилегающих к нему участков с целью определения его границ, выяснения характеристики культурных напластований и находок. Площадь памятника была задернована и частично захламлена бытовым и промышленным мусором. Подъёмный материал обнаружен не был. На различных участках поселения была проведена шурфовка. Здесь было заложено и исследовано 8 шурфов (1 x 2 м) общей площадью 16 кв. м. В пяти шурфах расположенных на территории мыса были обнаружены находки: фрагменты лепных сосудов срубной культуры позднего бронзового века (23 шт.) (рис. 4, 9–11), кости (3 шт.) и зубы животных (1 шт.). Культурный слой в шурфах был зафиксирован условно – по уровню залегания находок. В шурфе № 6 были зафиксированы остатки котлована от древней постройки, либо от старого русла реки.

В результате архивно-библиографических исследований о разведках предыдущих лет и полевых исследований 2017–2018 гг., была определена территория и границы объекта археологического наследия поселения «Гусёлка-II-1», а также составлен его топографический план.

Поселение «Ленинский Путь-1» (рис. 2) было обнаружено и зафиксировано в 1981 г. археологической экспедицией СГУ под руководством С.И. Четверикова. Поселение было расположено на большом пологом мысу первой надпойменной террасы правого берега р. 2-й Гусёлки. Вся территория памятника интенсивно распаивалась под огороды. Здесь на площади 37 x 55 м (2035 кв. м) были собраны 31 фрагмент лепной керамики эпохи поздней бронзы и кости животных [Четвериков, 1986. С. 7, 8, рис. 34; 35; 38, 1–9].

В 1994 г. поселение «Ленинский Путь-1» вошло в «Историю изучения памятников археологии Саратовского района Саратовской области» под но-

мером № 49 [Баринов, 1994. Памятник № 49. рис. 30; 32], а в 2007 г. было включено в список объектов культурного наследия Саратовского района с указанной площадью 1,3 га [Список выявленных объектов..., 2007. Памятник № 6].

В 2015 г. в период археологических разведок экспедицией ГАУК «НПЦ» под руководством М.П. Амановой, на предполагаемой территории поселения «Ленинский Путь-1» не было найдено ни какого подъёмного материала. Поэтому данный археологический объект не был включён в научный отчёт.

В 2017–2018 гг. на поселении «Ленинский Путь-1» были проведены разведки экспедицией АНО «ЦПП «Традиции и инновации» под руководством А.Б. Малышева. Было проведено обследование площади поселения и прилегающих к нему участков с целью определения его границ, выяснения характеристики культурных напластований и находок. Площадь памятника была практически полностью задернована. Визуально подъёмный материал обнаружен не был. На разрушающихся участках объекта археологического наследия (траншея и отвал от старых земляных работ 2007–2009 гг.) был применён металлодетектор, что, разрешается «Положением о порядке проведения археологических полевых работ» [Положение..., 2013. С. 10. п. 3.12а]. На различных участках предполагаемой площади поселения была проведена шурфовка. Здесь было заложено и исследовано 10 шурфов (1 x 2 м) общей площадью 20 кв.м. В семи шурфах расположенных на территории мыса были обнаружены находки. Наиболее древние находки представлены фрагментами лепных сосудов срубной культуры позднего бронзового века (11 шт.) (рис. 5, 10). Кроме того, в шурфах и на разрушенных участках (траншея и отвал) были обнаружены предметы XVIII–XIX вв.: восемь (8) железных изделий или их фрагментов: чугунок (рис. 5, 1), гвозди (рис. 5, 2–3), кочедык (рис. 5, 4), серп (рис. 5, 5), замок (рис. 5, 7), крючок (рис. 5, 11), не определённый инструмент (илл. 5, 8), две (2) российские медные монеты XVIII–XIX вв. (рис. 6, 2–3), нательный крест XVIII–XIX вв. из сплава меди (рис. 6, 1), три (3) фрагмента гончарной посуды (рис. 5, 6, 9). Культурный слой в шурфах был зафиксирован условно – по уровню залегания находок.

В результате архивно-библиографических исследований о разведках предыдущих лет и полевых исследований 2017–2018 гг., было сделано заключение, что обследованный объект археологического наследия является многослойным памятником: 1) поселением, датируемым эпохой бронзового века (II тыс. до н. э.); 2) поселением времён Российского освоения Нижнего Поволжья (XVIII–XIX вв.). Была определена территория и границы объекта археологического наследия поселения «Ленинский Путь-1», а также составлен его топографический план.

Таким образом, в результате обследования и последующего анализа, с использованием описанных выше методики и критериев, было выяснено, что поселения «Песочное» и «1-я Гусёлка-1» имеют гораздо большую площадь, чем предполагалось ранее.

Отдельные участки поселения «Песочное» довольно сильно отличались по характеру распространения археологических материалов и находок. На местности было выделено три основных участка с археологическим материалом: участок 1 (наиболее насыщенный находками, с наличием культурного слоя), участок 2 (скопление находок, без культурного слоя), и участок 3 (рассеянные находки, без культурного слоя). Также единичные находки встречались и на других участках.

Аналогичным образом, отдельные участки поселения «1-я Гусёлка-1» отличались по характеру распространения археологических материалов и находок. Было выделено три основных участка с археологическим материалом: участки 2 и 3 (наиболее насыщенные находками, с наличием культурного слоя и древних построек), и участок 1 (скопление находок, без культурного слоя).

В результате исследований поселений «Гусёлка-II-1» и «Ленинский Путь-1» было выяснено, что их площадь в целом соответствовала данным прошлых обследований. В отличие от двух предыдущих памятников, на поселениях «Гусёлка-II-1» и «Ленинский Путь-1», археологические материалы были распространены более равномерно по площади.

Для всех поселений, территория расположения древней производственной и хозяйственной деятельности была определена на основании сбора подъёмного материала и шурфовки. Критерий наличия в шурфах культурного слоя не вызывает сомнений. Критерии распространения подъёмного материала и наличия находок в шурфах – также является довольно важным. Существование двух последних признаков, даже при отсутствии культурного слоя, может объясняться:

- 1) Дисперсным, недолгим, сезонным или временным характером жилой и хозяйственной инфраструктуры поселения эпохи бронзового века или средневековья (пашня, огороды, кочевье);
- 2) Разрушением участков культурного слоя или отдельных древних строительных объектов, в результате современной хозяйственной деятельности (распашка, мелиорация, строительные работы);
- 3) Возможным расположением культурного слоя на других, не подвергшихся шурфовке участках (лесополосы, задернованные луговые и старопахотные участки);
- 4) Возможным близким расположением грунтовых могильников, относящихся к данным поселениям.

В связи с этим, следует отметить, что относительно «небогатые» материалом, с незначительным или отсутствующим культурным слоем, сезонные поселения или поселения-кочевья, довольно часто встречаются на степных речках.

На основании ландшафтно-топографической информации о рельефе, основных элементах ландшафта и границах растительных зон, были выделены участки перспективные и потенциально пригодные для размещения объектов археологического наследия, но не содержащие археологического материала.

Так, например, в территорию поселения «Песочное» были включены:

1) Участки занятые защитными лесополосами, которые не содержали находок, но находятся на террасе вблизи реки и окружены участками с культурным слоем или подъёмным материалом;

2) Отдельные участки залежной пашни и луговой растительности, которые содержали лишь единичные находки, но находятся на террасе вблизи реки и расположены по соседству от участков с культурным слоем или подъёмным материалом.

Так же, на основании анализа ландшафтно-топографической ситуации в территорию поселения «1-я Гусёлка-1» была включена задернованная территория (на которой не было обнаружено находок), расположенная между участками 1 и 2 (содержащими находки и культурный слой).

Ещё одним из критериев при определении границ территории поселений было изучение современного антропогенного и техногенного воздействия на объект археологического наследия. Так, к территории поселения «Песочное» не были отнесены некоторые разрушенные участки террасы и мыса, не смотря на то, что они являются перспективными и потенциально пригодными для размещения объекта археологического наследия. В частности, восточная оконечность мыса и участки террасы, прилегающие к юго-восточной части поселения не были включены в границы поселения, так как эти территории были кардинально изменены в результате разрушительного техногенного воздействия. В прошлом здесь были проведены масштабные земляные работы, насыпан привезённый грунт, проложено три трубопровода (водовода) большого диаметра и высокого давления, прокопаны ямы-траншеи для ремонта труб.

На основании проведённых исследований, были существенно уточнены сведения о культурно-хронологической принадлежности поселенческих памятников, а также определены новые границы их территорий.

Было определено, что объект археологического наследия – *поселение «Песочное»*, является средневековым золотоордынским поселением сельского типа (XIII–XIV вв.), относящимся к округе золотоордынского города Укека. В тоже время здесь прослеживаются единичные находки, связанные с пребыва-

нием на данной территории населения в период бронзового века (II тыс. до н. э.). На поселении прослеживается «оседлая» или «жилая» часть (наиболее насыщенная находками и с наличием культурного слоя) – Участок 1, зафиксированная первоначально К.Ю. Моржериным и А.Л. Кашниковой. По-видимому, именно здесь располагались стационарные жилища и постройки. Кроме «жилой», на других участках была зафиксирована «хозяйственная» часть поселения (Участок 2, Участок 3 и прилегающие к ним территории лесополос и террас), где не прослеживается культурный слой, но в грунте и на поверхности встречаются скопления и рассеянные находки. По-видимому, здесь располагались сельскохозяйственные угодья, кочевья, лёгкие (переносные, временные) постройки и жилища, кочевнические юрты.

Другой памятник – *поселение «1-я Гусёлка-1»* оказался поселением сельского типа, относящимся к срубной культуре эпохи поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Если ранее поселение «1-я Гусёлка-1» описывалось как «Местонахождение 1 на р. 1-я Гусёлка», то в настоящее время можно уверенно сказать, что это именно поселение. Кроме преобладающих находок эпохи бронзы, здесь прослеживаются отдельные находки, связанные с пребыванием на данной территории населения в период Золотой Орды (XIII–XIV вв.). На поселении также прослеживается «оседлая» или «жилая» часть (наиболее насыщенная находками, с наличием культурного слоя и остатками построек) – Участки 2 и 3. По-видимому, именно здесь располагались стационарные жилища и постройки. Северная часть поселения, судя по находкам, была заселена лишь в период бронзового века. Кроме «жилой», на остальных участках была зафиксирована «хозяйственная» часть поселения (Участок 1 и прилегающая к нему с севера задернованная территория), где не прослеживается культурный слой, но на поверхности встречаются рассеянные находки. По-видимому, здесь располагались сельскохозяйственные угодья, кочевья, лёгкие (переносные, временные) постройки и жилища, кочевнические юрты. Данная территория также использовалась в период бронзового века. Кроме того, именно здесь, по находкам керамики и металлических изделий (железная пряжка, бронзовая пластинка), локализуется и поселение-кочевье золотоордынского времени, так же относящееся к округе золотоордынского города Укека.

Третий археологический памятник – *поселение «Гусёлка-II-1»* был охарактеризован, как поселение сельского типа, относящееся к срубной культуре эпохи поздней бронзы (II тыс. до н. э.). Здесь встречаются археологические находки (керамика), относящиеся только к этому периоду, что позволяет считать его однослойным. На поселении также прослеживается участок с остатками древней постройки или старого русла реки (Шурф № 6). Возможно, именно здесь располагались стационарные жилища.

Относительно новые сведения в 2018 г. были получены при исследовании четвёртого археологического памятника – поселения «Ленинский Путь-1», который ранее считался поселением исключительно бронзового века. Однако находки керамики эпохи бронзы были встречены здесь в небольшом количестве. Гораздо больше здесь было зафиксировано керамических и металлических изделий периода Российского освоения Нижнего Поволжья (XVIII–XIX вв.): железные изделия, медные монеты, нательный крест из медного сплава и гончарная керамика. Таким образом, здесь встречались археологические находки различных времён, что позволяет считать данное поселение многослойным.

Обследованные погребальные памятники – курганные группы «Елшанка-1» и «Усть-Курдюм-6» расположены в различных ландшафтно-топографических условиях. Курганная группа «Елшанка-1», расположена на террасе левого (северо-западного) берега р. Елшанки, на водоразделе между р. Елшанкой и её северо-западным притоком – оврагом Крутой, между старым городским «Елшанским кладбищем» и дачными товариществами. Курганная группа «Усть-Курдюм-6», расположена между сёлами Усть-Курдюм и Мергичёвка, на высоком холме Приволжской возвышенности, на одной из высот (82 м), которую местные жители называют «Гора Шиханка».

Впервые описываемый объект археологического наследия – *Курганная группа «Елшанка-1»* (рис. 1, 1) был обнаружен и зафиксирован под наименованием «Курганная группа на западной окраине Ленинского района г. Саратова» в 1976 г. экспедицией под руководством Н.М. Малова [Малов, 1977. Л. 2.]. Тогда же был составлен глазомерный план памятника. Курганная группа состояла из шести (6) курганных насыпей и располагалась на водораздельном плато в 1,5–2 км к северо-востоку от дачного посёлка «Жарин Бугор» и посёлка Нефтяников. Курганы были вытянуты цепочкой вдоль дачного посёлка и находились на поле Елшанской городской птицефабрики. Отдельные курганы распахивались, а некоторые разрушались грунтовыми дорогами и дачным посёлком. Согласно глазомерному плану курганы имели различную высоту и располагались на северо-западной окраине дачного посёлка, в 1,5–2 км к юго-западу от автодороги «Сокурский тракт».

Курган 1 – 0,5 м, распахивается;

Курган 2 – 2 м, распахивается, разрушается грунтовой дорогой;

Курган 3 – 0,5 м, распахивается;

Курган 4 – 2 м, разрушается грунтовой дорогой и дачами;

Курган 5 – 0,5 м, разрушается грунтовой дорогой и дачами;

Курган 6 – 2 м, распахивается, разрушается грунтовой дорогой.

На основании отчёта Н.М. Малова, в 1994 г. курганная группа была включена в описание археологических памятников Саратовского района [Ба-

ринов, 1994. Памятник № 94. рис. 74]. Сведения о существовании данной курганной группы, а также её разрушениях были известны саратовским археологам. Каких либо находок с территории курганной группы известно не было, а раскопочных работ на памятнике не проводилось.

В период разведок 2017 г. на предполагаемой территории курганной группы «Елшанка-1», в результате внешнего визуального осмотра, было обнаружено пять (6) земляных насыпей, которые обладали признаками объектов культурного наследия, а именно – курганов. Подъёмного материала обнаружено не было. При соотнесении с планом 1976 г., выяснилось, что были обнаружены курганные насыпи № 1–5. Курган 6 обнаружен не был. Повидимому, в прошлые годы они были полностью застроены дачными участками и их постройками. В то же время был обнаружен новый курган, оказавшийся самым юго-западным ритуальным сооружением курганной группы. Ему был присвоен № 7. К сожалению, курган 5, зафиксированный в 2017 г. [Мальщев, Тарабрин, 2017. С. 248], был полностью уничтожен земляными работами весной 2018 г.: на его месте был выкопан глубокий котлован.

Объект археологического наследия – *курганная группа «Усть-Курдюм-6»* (рис. 2), впервые стал известен в 1919–1920 гг., когда с него поступили первые случайные находки в Саратовский областной музей краеведения. Б.В. Зайковский в 1920 г., назвал данный памятник «древним татарским кладбищем» с большим количеством курганов, общее число которых он не указал [Зайковский, ф. 407, оп. 2, ед. х. 660]. В этом году Б.В. Зайковским было исследовано раскопками два (2) кургана. В одном из курганов было зафиксировано: угли в насыпи, погребение с западной ориентировкой в деревянном гробу, и погребальный инвентарь (остатки женского монгольского головного убора «боктаг», деревянный гребень с орнаментом, металлическое зеркало с орнаментом, нож в ножнах, плеть, ножницы, кожаная сумочка и сапоги). Раскопки кургана велись траншеей шириной 2,5 аршина (1,78 м), ориентированной по линии север – юг. То есть курган, был исследован не полностью, без исследования насыпи. В другом кургане был обнаружен только крупный фрагмент сабли [Баллод, 1923. С. 82–84; Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 109, табл. VIII, 16–18]. Находки поступили в фонды Саратовского областного музея краеведения.

Ф.В. Баллод также описал данную курганную группу, но также не смог точно определить количество курганов в ней. Он писал, что в 1919–1921 гг. курганная группа насчитывала 22–25 мелких насыпей, некоторые из которых выглядели расплывшимися, а отдельные – сливались друг с другом [Баллод, 1923. С. 82–84].

В 1963 г. И.В. Сеницын исследовал здесь раскопками одиннадцать (11) курганов. Курганы содержали только основные погребения (полы курганов

не исследовались), относящиеся к XIII–XIV вв. [Гарустович, Ракушин, Яминов, 1998. С. 209–216, табл. XXVIII].

Курган 1 содержал женское погребение. Могильная яма была перекрыта досками, на которых лежала пара железных стремян. В яме находилось погребение с западной ориентировкой в деревянной колоде. Из инвентаря были найдены: железные удила, бронзовое зеркало с орнаментом, керамическое напрясло, деревянная чаша, остатки красно-коричневой шелковой ткани с золотыми нитями.

Курган 2 содержал погребение взрослого человека с западной ориентировкой. Могильная яма была с досчатыми: подстилкой, обкладкой стен и перекрытием. Инвентарь: остатки деревянного седла с кожаным покрытием, железные стремяна и удила, бесформенный железный лом.

Курган 3 включал мужское погребение с западной ориентировкой. В могильной яме находился деревянный гроб (рама с перекрытием). Также здесь был обнаружен инвентарь: кожаные сапоги, обломки железных пластин, деревянная чаша с поддоном (выточенная на токарном станке).

Курган 5 содержал женское погребение с западной ориентировкой в остатках деревянной колоды. Из инвентаря здесь были встречены: железные инструменты (нож, ножницы, шило с деревянной ручкой), бронзовая пластинка и несколько бусин.

Курган 6 также содержал женское погребение с западной ориентировкой в деревянной колоде. Инвентарь довольно разнообразный: две серьги «знак вопроса», неопределённое бронзовое украшение, несколько бусин, костяной перстень, фрагменты ремня и кожаные сапоги.

Курган 7 включал следующее женское погребение с западной ориентировкой, в гробу, перекрытом древесной корой. В инвентаре были зафиксированы: бронзовое зеркало, остатки головного убора «боктаг» (ткань сшитая красными и зелёными нитями, берестяная трубочка со следами фольги серебристого цвета и красной краски), овальный предмет из бересты, многогранная призматическая привеска из светло-зелёного камня.

Курган 8 содержал мужское погребение с северо-восточной ориентировкой, в яме с подбоем в юго-восточной стенке. Вход в подбой был перекрыт досками. Инвентарь довольно интересен: кожаная сумка с бронзовой накладкой (с изображением дракона), кожаный пояс с бронзовыми накладками, фрагменты подошв от сапог, берестяной колчан с остатками орнамента нанесённого тёмной краской, деревянное блюдо, музыкальный инструмент типа «кобыза».

Курган 9 содержал женское погребение с западной ориентировкой в гробу. Инвентарь: остатки бересты от «боктага», деревянную чашу с поддоном, деревянный двусторонний гребень, глиняное напрясло, железные

предметы (бляшку с двумя отверстиями, иглу, шило с деревянной ручкой), кожаные сапожки и мешочек, обломки дерева и обрывки кожи.

Курган 11 содержал женское погребение с северо-восточной ориентировкой, в могильной яме с уступом вдоль северо-западной стенки, обложенное досками. В погребении был зафиксирован разнообразный инвентарь: железные изделия (стремена и бляшка с умбоном), остатки «боктага» (берестяная трубочка), остатки берестяного колчана с украшениями (шесть резных костяных накладок, металлические накладки со вставками камня, железная бляшка, подвеска из шерстяных нитей и бронзовой проволоки), резная костяная пуговица, обломки деревянного лука, девять (9) наконечников стрел с древками, деревянная чаша с поддоном, деревянное седло обтянутое кожей.

Курган 12 содержал захоронение взрослого человека с западной ориентировкой, в гробу. Инвентарь включал: железные предметы (стремена, удила, кинжал), остатки кожаных сапог, половинку неопределимого джучидского дирхема (серебряная золотоордынская монета).

Курган 13 содержал мужское погребение с западной ориентировкой, в гробу. Слева от человеческого скелета располагался скелет лошади, также ориентированный на запад. В инвентаре зафиксированы: железные стремена и остатки берестяного колчана с несколькими наконечниками стрел.

Все находки поступили в Саратовский областной музей краеведения.

В 1980-е гг. Г.Л. Якубовский исследовал здесь ещё один (1) курган с двумя золотоордынскими погребениями [Недашковский, 2000. С. 144].

В 1994 г. курганная группа была включена в описание археологических памятников Саратовского района [Баринов, 1994. С. 42; Памятник № 115]. В 2000 г. Л.Ф. Недашковский в монографии, посвящённой округе золотоордынского города Укека (Увека), охарактеризовал курганную группу как один из важных памятников эпохи Золотой Орды [Недашковский, 2000. С. 144–145].

В 2002 г. Д.А. Кубанкин, в ходе археологических разведок на севере Саратовского района, обследовал данную курганную группу. Им было обнаружено восемнадцать (18) насыпей: одиннадцать (11) – раскопанных, один (1) – недокопанный и шесть (6) – не исследованных курганов. Исследователь отметил, что незначительные размеры некоторых насыпей не позволяют однозначно говорить об их искусственном происхождении (то есть, однозначно считать курганами). Д.А. Кубанкин первым из исследователей снял глазомерный план памятника [Кубанкин, 2005. С. 18–20, рис. 1, 7; 8, 5; 22–24].

В 2007 г. курганная группа была включена в «Список выявленных объектов» Саратовского района [Список выявленных объектов..., 2007. Памятник № 74]. В том же году территория горы, на которой расположена курганная группа, была размежевана под коттеджную застройку. При этом, на северном участке памятника, в результате несанкционированных земляных работ, зем-

леройной техникой были снесены одна или две курганные насыпи до уровня современной поверхности. После этого, усилиями Государственного органа охраны объектов культурного наследия, разрушение и застройка курганной группы была предотвращена. Однако, на восточном участке памятника, прослеживаются следы огородной распашки 2014 года (зафиксированной также на исторических космоснимках Google Earth). Сведения о постепенных дальнейших разрушениях курганной группы и угрозе её застройки были известны саратовским археологам.

В 2017 г. на Курганной группе «Усть-Курдюм-6» были проведены разведки экспедицией АНО «ЦПП «Традиции и инновации» под руководством А.Б. Малышева. Было проведено обследование площади памятника с целью поисков курганных насыпей и подъёмного материала, а также и определения его границ. В подъёмном материале был зафиксирован единственный фрагмент круговой красноглиняной посуды. Была обнаружена двадцать одна (21) курганная насыпь: тринадцать (13) частично исследованных раскопками и восемь (8) неисследованных. Также были отмечены разрушения отдельных курганных насыпей и участков горы. В результате архивно-библиографических исследований предыдущих лет и полевых исследований 2017 года, была определена территория и границы объекта археологического наследия – курганной группы «Усть-Курдюм-6», а также составлен его топографический план.

Границы обеих курганных групп определялись, исходя из их археологических данных – параметров археологических объектов, площади распространения этих объектов и иных элементов археологического объекта (отдельных курганных насыпей и расстояний между ними) и исходя из их ландшафтно-топографической характеристики.

Главными критериями определения территории указанных курганных групп по результатам проведённых исследований, выступали:

- территория расположения отдельных погребально-ритуальных комплексов (курганных насыпей);
- расстояние между отдельными курганными насыпями;
- территория распространения подъёмного материала;
- исследованность отдельных курганов;
- разрушение отдельных курганов;

Наличие объектов, обладающих признаками объекта культурного наследия (в данном случае, курганных насыпей) – является основным критерием определения границ территории курганной группы.

Различные расстояния между отдельными курганными насыпями, является довольно существенным для определения параметров границ курганной группы. Согласно рекомендуемой методике, для объектов археологического

наследия, составляющих единую группу (например, курганный могильник или курганную группу – А. М.), единую планировочную структуру или состоящие из однотипных объектов (курганов – А. М.) расположенных в одной ландшафтно-топографической ситуации, определяется общая граница территории объекта археологического наследия. В то же время, мы считаем, что при сильно разреженном расположении курганов к группе и значительных расстояниях между ними (например, несколько десятков метров), территория курганной группы может быть не сплошной, а прерывистой. В этом случае отдельные курганы или их скопления должны иметь собственные границы. При близком расположении курганов в группе, территория курганной группы должна быть сплошной.

Наличие или отсутствие подъёмного материала на погребальных памятниках является важным, но не основным критерием определения территории и границ. Отсутствие подъёмного материала на курганах или вблизи них, может объясняться:

1) Отсутствием разрушений участков курганных насыпей содержащих погребения или иные ритуальные комплексы и элементы;

2) Задернованностью и произрастанием густой травянистой растительности на поверхности курганных насыпей и вблизи них, препятствующей поискам подъёмного материала.

Разрушение курганных насыпей в результате техногенного, антропогенного или природного воздействия может быть частичным или полным. В связи с этим представляется, что при полном разрушении кургана (в результате земляных работ или застройки) его территория не должна включаться в состав курганной группы. И, наоборот, при частичном разрушении кургана, его территория должна быть включена в курганную группу. Также при, не обнаружении ранее известного кургана, его предполагаемая территория не может быть включена в площадь курганной группы без достаточных оснований (подъёмного материала, характерной рельефности, точных привязок или координат). Например, два кургана из курганной группы «Елшанка-1», известные первоначально, обнаружены не были. По-видимому, они были застроены или разрушены техникой в период земляных работ.

Наконец, отдельные курганы из курганной группы могли быть исследованы раскопками в предыдущие годы и не должны быть отнесены к территории курганной группы. Вопрос о частично (не полностью) исследованных курганах или об исследованных курганах, находящихся внутри общей площади группы (вблизи с другими, не исследованными насыпями) в каждом конкретном случае должен решаться индивидуально.

Ещё одним из критериев при определении границ территории курганных групп было использование ландшафтно-топографической информации

о рельефе и основных элементах ландшафта. В связи с этим для обследования были выделены участки перспективные и потенциально пригодные для размещения отдельных объектов археологического наследия (курганных насыпей). В результате был выявлен новый курган, входящий в курганную группу «Елшанка-1», а в территорию курганной группы «Усть-Курдюм-6» был включён восточный участок холма, не содержащий видимых курганных насыпей.

В составе курганной группы «Елшанка-1» на местности было выделено три основных участка с археологическими объектами (курганами): Участок 1 (северо-восточный участок с курганами 1–3), Участок 2 (центральный участок с курганами 4–5), Участок 3 (юго-западный участок с курганом 6). В связи со значительной разрежённостью курганной группы «Елшанка-1» по водоразделу (расстояние между отдельными курганами составляет более 50 м) её границы не были проведены сплошными для всей группы. Граница на Участке 1 – для курганов 1–3, расположенных скучено, была определена единой для всех трёх курганов – на расстоянии 25 м от крайних насыпей. Эти изменения были внесены (по сравнению с первоначальным вариантом границы проведённой отдельно вокруг каждой курганной насыпи [Мальшев, Тарабрин, 2017. С. 248]) после консультаций с экспертом (Н.В. Лебедевой), выполнявшим государственную историко-культурную экспертизу краткой формы отчёта о границах территории памятника. Граница на Участках 2–3 – для курганов 4 и 7 была определена отдельно – вокруг каждой курганной насыпи – на расстоянии 25 м от края насыпи каждого кургана.

Разрежённое расположение на местности остатков древних погребальных сооружений (курганной насыпей) и их элементов, по-видимому, может быть объяснено: 1) Изначально редким (рассеянным) расположением курганов на водоразделе; 2) Позднейшими изменениями местности (интенсивной распашкой, огородничеством, современными строительными и земляными работами, посадкой деревьев, сооружением ЛЭП). В результате данных разрушений поверхность земли значительно изменялась и сохранила лишь отдельные следы древней строительной и ритуальной истории.

В виде исключения, в отдельных случаях, границы курганной группы «Елшанка-1» были проведены менее чем в 25 м от насыпей курганов, так как, прилегающие к курганной группе с юго-востока участки, практически полностью застроены дачами и частными домами. В данном случае, дополнительным критерием при определении границ территории курганной группы было изучение антропогенного и техногенного воздействия на объект археологического наследия. В результате, к территории Курганной группы «Елшанка 1» не были отнесены отдельные участки, прилегающие к курганной насыпям, но застроенные современными дачами и домами (с жилыми и хо-

зяйственными постройками). В частности, юго-восточные границы курганной группы, были проведены на расстоянии 7–15 м от курганных насыпей, так как территории за их пределами были кардинально изменены в результате разрушительного антропогенного воздействия. Здесь были проведены земляные и строительные работы – постройка жилых и хозяйственных сооружений (дачи и частные дома).

Курганная группа «Усть-Курдюм-6», наоборот, отличается довольно близким (компактным, скученным) расположением курганов друг относительно друга. В основном расстояние между отдельными курганами составляет от 3 до 20 м. Лишь в отдельных случаях расстояния между курганными насыпями составляли от 28 до 58 м. В связи с большой скученностью курганных насыпей, территория курганной группы была определена сплошной площадью, на расстоянии 25 м от пол крайних курганов.

Для определения сплошной территории данной курганной группы, существуют и другие веские основания. Как уже было сказано, уже Ф.В. Баллод не мог точно определить количество насыпей в группе, и насчитывал примерно 22–25 курганов – расплывшихся или слившихся друг с другом [Баллод, 1923. С. 82–84]. Б.В. Зайковский, вообще назвал данную курганную группу «древним татарским кладбищем» с большим количеством курганов. Таким образом, курганная группа могла включать довольно много небольших расплывшихся насыпей, а также воспринималась исследователями как «кладбище», то есть как грунтовый могильник. По-видимому, многие курганные насыпи с 1920-х гг. практически полностью расплылись и не сохранили достаточную для обнаружения рельефность. Этому способствовали также различные антропогенные и техногенные изменения поверхности группы. Например, на северном участке памятника в 2007 г. в результате несанкционированных земляных работ были снесены две (2) курганные насыпи до уровня современной поверхности. Кроме того, на восточном склоне холма, где в настоящее время фиксируется всего три курганные насыпи, прослеживаются следы огородной распахки 2014 года. В дополнении к этому, восточный склон (до подошвы) был отнесён к территории курганной группы на основании анализа ландшафтно-топографической ситуации и рельефа, так как этот участок перспективен и потенциально пригоден для размещения отдельных объектов археологического наследия (курганных насыпей). Данное решение подкрепляется также сообщениями жителей с. Усть-Курдюм, которые упоминали о находках человеческих костей и на других участках села.

Важной особенностью определения границ территории курганной группы «Усть-Курдюм-6» было то, что значительная часть курганов уже была ранее подвергнута исследованиям (раскопкам).

В 2017 г. на площади курганной группы был обнаружен один мелкий фрагмент золотоордынской посуды. Однако, в данном случае, это не стало основным критерием определения территории памятника.

Таким образом, изначальное количество средневековых курганов из курганной группы «Усть-Курдюм-6» неизвестно в связи с антропогенными и техногенными изменениями территории, произошедшими в XX–XXI вв. Отдельные насыпи могли быть распаханы или снесены бульдозером, и в настоящее время не имеют ни каких признаков на внешней поверхности. Также не исключено, что в межкуранных пространствах могут встречаться грунтовые погребения (упомянутое «древнее татарское кладбище»). Исходя из вышеперечисленных параметров, курганную группу «Усть-Курдюм-6», можно считать курганно-грунтовым могильником. Данный смешанный тип погребальных памятников встречается в средние века, например могильники: Цемдолинский, Армиёвский, Золотарёвка-3 [Бабенко, 2008. С. 157–198; Сафронов, 2013. С. 308–329; Армарчук, Дмитриев, 2014]. В связи с этим, по-видимому, следует рекомендовать в дальнейшем исследовать курганную группу «Усть-Курдюм-6» сплошным раскопом, как грунтовый могильник. Подобные рекомендации вполне применимы к курганным могильникам, сильно изменённым в результате разрушительного антропогенного и техногенного воздействия. Например, на территории крупного курганного могильника «Калмыцкая гора» (в Марксовском районе Саратовской области), многие курганные насыпи (известные ранее) были полностью с nivelированы многолетней распашкой, что не позволяло определить их расположение. В связи с этим, при разработке проектов строительства газопроводов и волоконно-оптической линии связи (через территорию курганного могильника), было принято решение вести раскопки данного памятника сплошной площадью, как грунтовый могильник [Раздел..., 2012; Сергеева, 2013].

Разведочные исследования и составление границ территорий описанных объектов археологического наследия показали, что данные объекты относятся к весьма распространённым разновидностям археологических памятников, которые встречаются на территории г. Саратова и Саратовского района. Наиболее типичными являются многочисленные курганные группы, расположенные на разных участках Саратовского района (их насчитывается несколько десятков), и на отдельных территориях г. Саратова. В то же время, главной особенностью курганной группы «Усть-Курдюм-6» является то, что все исследованные здесь в 1920–1980-х гг. курганы содержали только средневековые погребения кочевого населения Золотой Орды XIII–XIV вв. Археологические памятники, аналогичные поселениям «Песочное», «1-я Гусёлка-1»,

«Гусёлка-II-1» и «Ленинский Путь-1», довольно часто встречаются на территории г. Саратова. Это, например, поселения: «Болдыревка», «Поливановка», «Вишнёвое», «Корольков Сад-1», «Корольков Сад-2», «Рокотовка».

Литература:

- Авдусин Д.А.* Полевая археология СССР. М., 1980.
- Аманова М.П.* Отчёт об археологических разведках на территории северной части г. Саратова и Саратовского района Саратовской области в 2015 году. Саратов, 2016.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.;СПб., 2014.
- Бабенко В.А.* Курганно-грунтовый могильник золотоордынского времени Золотаревка-3 // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 6. Золотоордынское время. Донецк, 2008.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи». М.;Пг., 1923.
- Баринов Д.Г.* Отчет «История изучения памятников археологии Саратовского района Саратовской области». Саратов, 1994.
- Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф.* Средневековые кочевники Поволжья (конец IX – начало XV вв.). Уфа, 1998.
- Зайковский Б.В.* Черновые заметки для составления маршрута Саратов-Вольск-Хвалынский и Саратов-Камышин // ГАСО, ф. 407, оп. 2, ед. х. 660.
- Кашиникова А.Л.* Отчет об археологических разведках в г. Саратове и в Саратовском районе Саратовской области в 2013 г. Саратов, 2014 // Архив СОМК.
- Кашиникова А.Л.* Отчет об археологических разведках в г. Саратове и в Хвалынском районе Саратовской области в 2014 г. Саратов, 2015.
- Колонцов С.В.* Земельный кадастр и охрана археологического наследия // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 5.
- Кубанкин Д.А.* Отчет об археологических разведках около поселка Дубки и села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области в 2002 году. Саратов, 2005.
- Малов Н.М.* Отчет об археологических разведках, произведённых в Саратовской области в 1976 г. Саратов, 1977.
- Малышев А.Б., Тарабрин С.Ю.* Опыт определения границ объектов археологического наследия: к вопросу о методике исследований // Археологическое наследие Саратовского края. Вып.15. Саратов: 2017.
- Мартынов А.И., Шер Я.А.* Методы археологических исследований М., 2002.

Моржерин К.Ю. Отчет об исследованиях в Саратовской области экспедиции СОМК. Саратов, 1988.

Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000.

Отчёт о выполнении Государственного контракта № 2023-01-41/05-11 от 27 июля 2011 г. по разработке методики определения границ территорий объектов археологического наследия. Москва, 2011.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ (археологических раскопок и разведок) и составления научной отчетной документации». Утверждено постановлением Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от «27» ноября 2013 г. № 85.

Проект границ территории памятника археологии «Алексеевское городище эпохи поздней бронзы и начала железного века». Саратов, 2015.

Проект границ территории памятника археологии «Увекское городище (Золотоордынский город Укек)». Саратов, 2015.

Раздел «Обеспечение сохранности объектов историко-культурного (археологического) наследия по объекту: «Реконструкция технологической связи вдоль газопровода САЦ ВОЛС на участке Ал.Гай – Саратов – Алгасово». Саратов, 2012.

Сафронов П.И. Погребальный инвентарь грунтовых захоронений Армиевского курганно-грунтового могильника (по материалам раскопок 1981 г.) // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2013. Вып. 3.

Сергеева О.В. Раздел «Об обеспечении сохранности объектов историко-культурного (археологического) наследия по объекту «Реконструкция линейной части газопроводов САЦ 1 н. и САЦ 2 н. на участке КС «Александров Гай» – КС «Приволжская» на территории Воскресенского, Ершовского, Марксовского, Новоузенского, Питерского, Советского и Фёдоровского районов Саратовской области». Саратов, 2013.

Список выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (по видам) Саратовская область. Саратовский район (Министерство культуры Саратовской области (Приложение к Приказу № 01-05/189 от 25.06.2007 г.).

Тарабрин С.Ю. Отчёт об археологических разведках на территории объекта археологического наследия, поселения «Песочное» в Ленинском районе г. Саратова в 2017 году (по открытому листу № 2291). Саратов, 2018.

Четвериков С.И. Отчёт об археологических исследованиях в Хвалынском и Саратовском районах Саратовской области в 1981 году. Саратов, 1986.

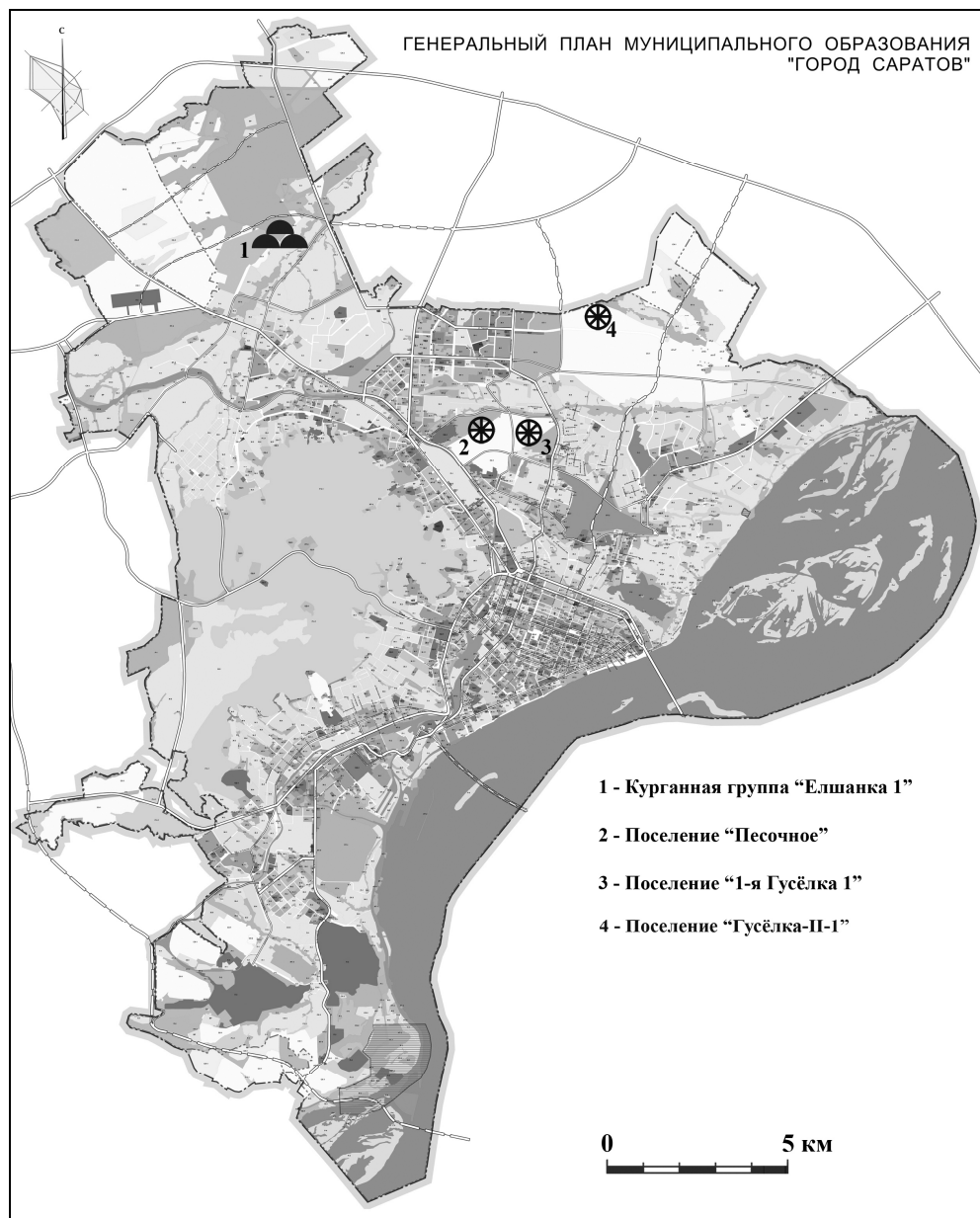

Рис. 1. Разведки 2017–2018 гг. Расположение объектов археологического наследия на карте города Саратова

Рис. 2. Разведки 2017–2018 гг. Расположение объектов археологического наследия на карте Саратовского района

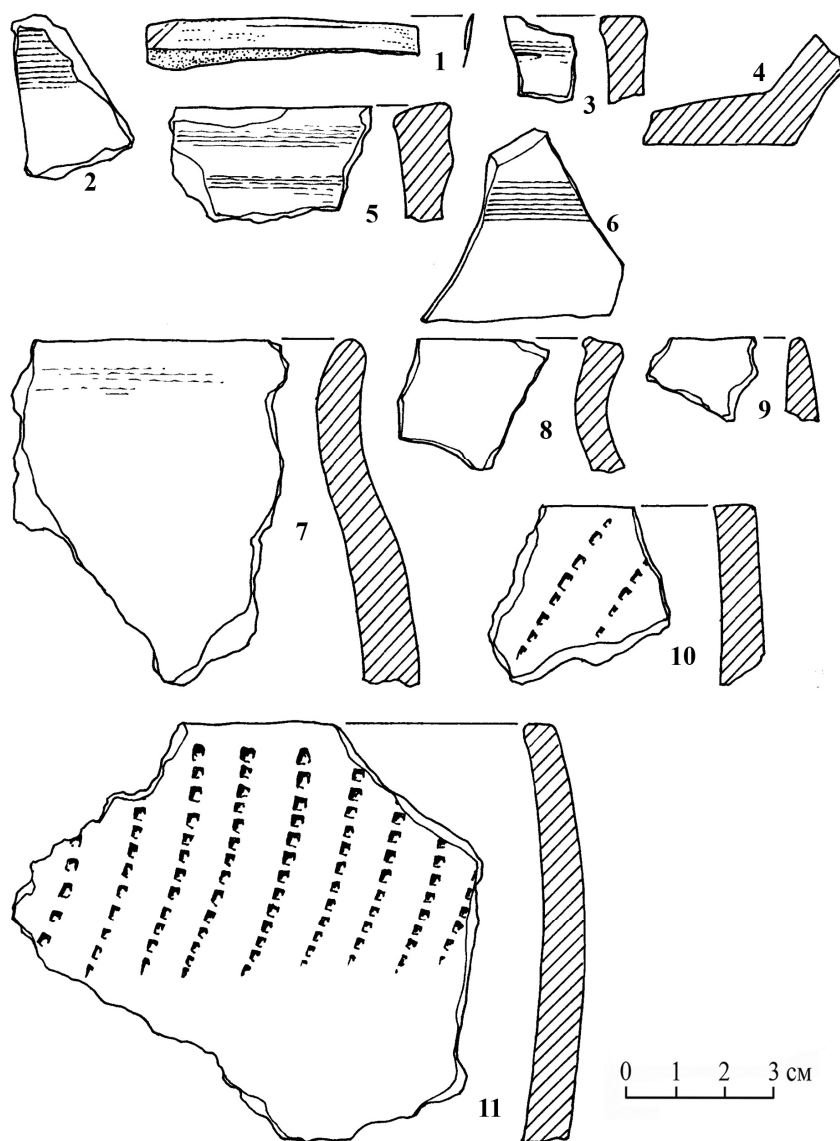

Рис. 3. Разведки 2017 г. Поселение «Песочное»: 1 - Шурф 8. Пласт 0-20;
 2, 3 - Подъёмный материал; 4, 5 - Шурф 3. Пласт 0-20; 6 - Шурф 5. Пласт 0-20.
 Поселение «1-я Гусёлка-1»: 7, 8 - Шурф 9. Пласт 40-60; 9 - Шурф 9. Пласт 20-40;
 10 - Шурф 8. Пласт 80-100; 11 - Шурф 10. Яма 1.
 1 - бронза, остальное - керамика

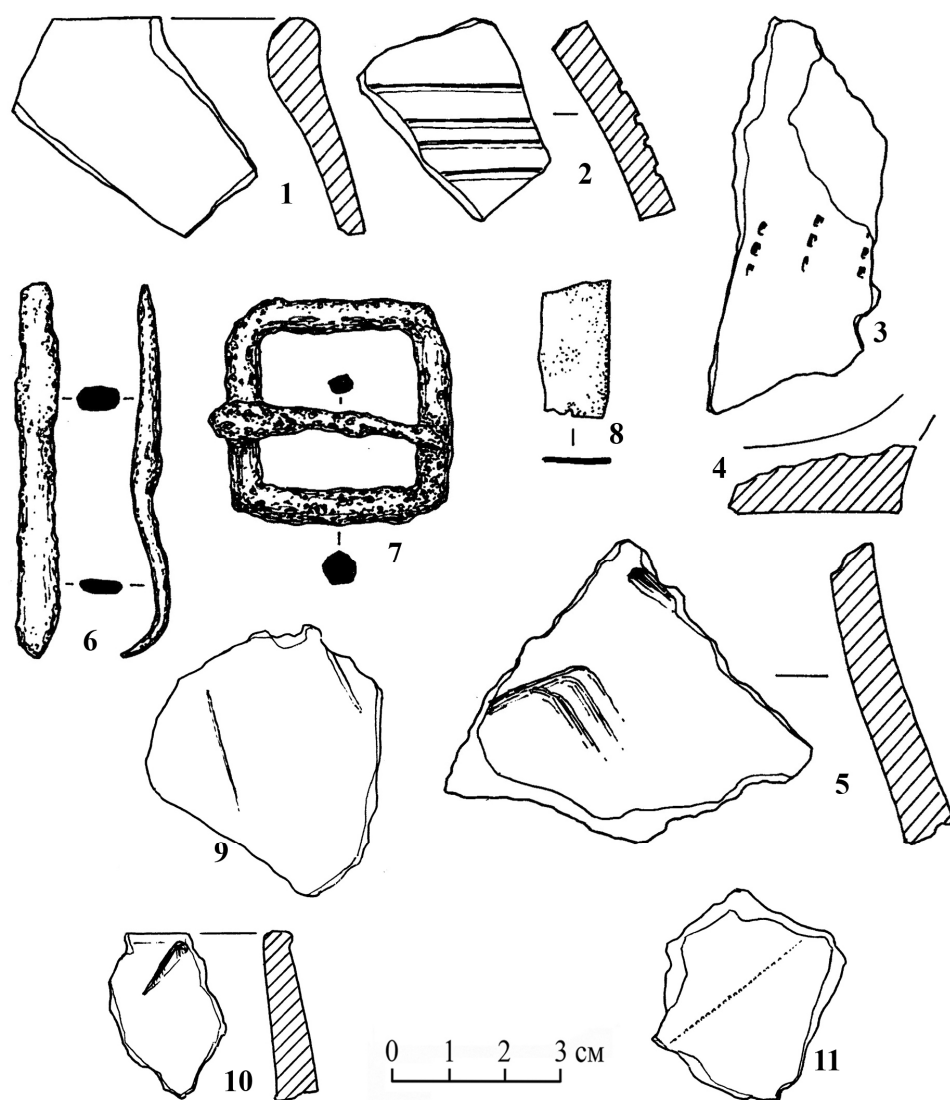

Рис. 4. Разведки 2017-2018 гг.

Поселение «1-я Гусёлка-1»: 1, 2, 4-8 - Подъёмный материал; 3 - Шурф 10. Пласт 80-100.

Поселение «Гусёлка-II-1»: 9 - Шурф 3. Пласт 60-80; 10 - Шурф 1. Пласт 20-40;

11 - Шурф 6. Пласт 40-60. 6-7 - железо, 8 - бронза, остальное - керамика

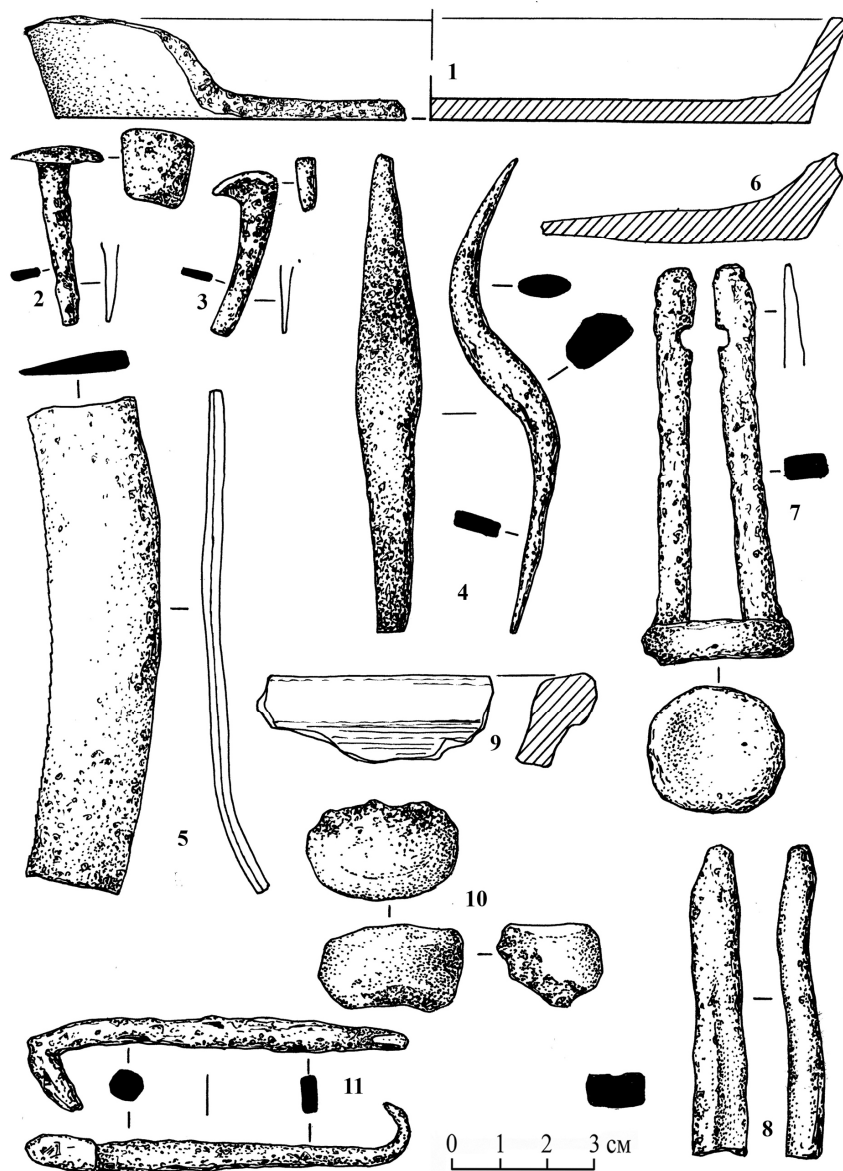

Рис. 5. Разведки 2018 г.

Поселение «Ленинский Путь-1»: 1-5 - Подъёмный материал; 6 - Шурф 1. Пласт 0-20;
7-8 - Шурф 2. Пласт 0-20; 9-10 - Шурф 5. Пласт 0-20; 11 - Шурф 7. Пласт 20-40.
1-5, 7-8, 11 - железо, 6, 9-10 - керамика

Рис.6. Разведки 2018 г. Поселение «Ленинский Путь-1»: 1 - Шурф 2. Пласт 0-20 (сплав);
2 - Шурф 1. Пласт 0-20; 3 - Подъёмный материал.
1 - медный сплав; 2-3 - медь

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АО – Археологические открытия
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИАКН – Институт археологии и культурного наследия СГУ
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КСИА – Краткие сообщения института археологии
МАКСИА – Международная археологическая конференция студентов и аспирантов
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
НИС – Научно-исследовательский сектор
ННУ им. В.А. Сухомлинского – Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского
ОАМ НАНУ – Одесский археологический музей Национальной академии наук Украины
РА – Российская археология
РАЕ – Российский археологический ежегодник
РАН – Российская Академия Наук

СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГУ – Саратовский государственный университет
СГСПУ – Самарский государственный социально-педагогический университет
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный Университет
СУАК – Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский Государственный университет
Труды ОИАИЭ – Труды Общества истории, археологии и этнографии при
Саратовском университете
ЧелГУ – Челябинский государственный университет
ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет
ЭКМ – Энгельсский краеведческий музей
ЮФУ – Южный федеральный университет
ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua
PBF – Prähistorische Bronzefunde
BAR – British Archaeological Reports

СОДЕРЖАНИЕ

«...И, слава Господу, мы живы...» (или 10 лет спустя) (Лопатин В.А.)	7
---	---

СТАТЬИ

Григорьев С.А. О распространении традиций сейминско-турбинской металлообработки в Европе.....	20
--	----

Бочкарев В.С., Тутаева И.Ж. Об одной группе металлических наконечников копий-наверший эпохи поздней бронзы Северной Евразии	40
---	----

Малов Н.М. Металлические швейные иглы позднего бронзового века в Нижнем Поволжье.....	78
--	----

Сергеева О.В. Раскопки поселения эпохи поздней бронзы «Ребриковское I» в Ростовской области.....	118
---	-----

Хреков А.А. Новые данные о земледелии постзарубинецкого населения Прихоперья.....	174
--	-----

Жемков А.И., Жуклов А.А., Мальшев А.Б. Курганный могильник «Жареный Бугор» близ Саратова (история исследования и новые материалы).....	182
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ

Малов Н.М., Ким М.Г. К Материалы к изучению верхнего палеолита Саратовского Поволжья из Вольского музея	213
--	-----

Лопатин В.А., Мальшев А.Б. Два средневековых погребальных комплекса из Калмыкии.....	227
---	-----

<i>Малов Н.М., Малышев А.Б.</i> Средневековые погребения из кургана у села 2-я Расловка в Саратовском районе Саратовской области	244
---	-----

ЗАМЕТКИ

<i>Беркалиев Т.А., Кудрина И.С., Лопатин В.А.</i> К вопросу о срубно-поздняяковских культурных связях (по материалам Нижнекрасавского некрополя)	252
--	-----

<i>Малышев А.Б., Тарабрин С.Ю.</i> К вопросу о методике и критериях определения границ территории объектов археологического наследия	265
--	-----

Список сокращений	299
-------------------------	-----

Содержание	301
------------------	-----

Сведения об авторах.....	305
--------------------------	-----

CONTENTS

ARTICLES

- To the 70th anniversary of Nikolay Mikhailovich Malov
(*Lopatin V.A.*) 7
- Grigoriev S.A.* About the distribution of Seima-Turbino
metalworking tradition in Europe 20
- Bochkarev V.S., Tutaeva I.Zh.* About one group of metal spearheads
of the Late Bronze age as standard finials from north Eurasia 40
- Malov N.M.* Metal sewing needles of the Late Bronze age
from the Lower Volga Region 78
- Sergeyeva O.V.* Excavations of the settlement Rebrikovskoye I
of the Late Bronze age in the Rostov Region)..... 118
- Khrekov A.A.* New data on agriculture relevant
to the Post-Zarubintsy population of the Khopyor Region 174
- Zhemkov A.I., Zhuklov A.A., Malyshev A.B.*
Burial mound «Zhareniy Bugor» close to Saratov
(history of research and new materials)..... 182

PUBLICATIONS

- Malov N.M., Kim M.G.* Materials from the Volsk museum contributing
to the study of the Upper Paleolithic in the Saratov Volga Region..... 213

<i>Lopatin V.A., Malyshev A.B.</i> Two medieval burial complexes of Kalmykia.....	227
<i>Malov N.M., Malyshev A.B.</i> Medieval burials from the mound located near Raslovka-2 village in the Saratov district of the Saratov Region.....	244
NOTES	
<i>Berkaliyev T.A., Kudrina I.S., Lopatin V.A.</i> On the issue of the timber-grave and the Pozdnyakovo cultural relations (on the material from the Nizhnyaya Krasavka necropolis)	252
<i>Malyshev A.B., Tarabrin S.Yu.</i> To the question of the method and criteria of determining the borders of the territory of objects of archaeological heritage.....	265
List of abbreviations	299
Contents	301
Information on the authors	305

Сведения об авторах:

Беркалиев Тимур Алексеевич – младший научный сотрудник Саратовского областного музея краеведения (Саратов).

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург).

Григорьев Станислав Аркадиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Южноуральского отдела Института истории и археологии УрО РАН (Челябинск)

Жемков Алексей Игоревич – археолог ООО «Поволжский археологический центр» (Саратов).

Жуклов Александр Александрович – археолог ГАУК НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области (Саратов)

Ким Михаил Гансович – научный сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск).

Кудрина Ирина Сергеевна – студентка СГУ (Камышин)

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малышев Алексей Борисович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Сергеева Оксана Владимировна – кандидат исторических наук (Саратов).

Тарабрин Сергей Юрьевич – аспирант СГУ (Саратов)

Тутаева Индира Жанатовна – лаборант Гос. Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского педагогического института СГУ (Балашов).

**КАФЕДРА ИСТОРИИ РОССИИ И АРХЕОЛОГИИ
САРАТОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

Кафедра истории России и археологии Саратовского госуниверситета продолжает издание научного сборника «Археология Восточно-Европейской степи». Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории Восточно-Европейских степей.

Правила оформления статей

Общий объем рукописи (включая таблицы, список литературы, подрисовочные подписи и резюме) не должен превышать 40 тыс. знаков (с пробелами) и содержать не более 7 иллюстраций. Для раздела «Заметки» объем рукописи не должен превышать 15 тыс. знаков.

Статья должна включать следующие элементы оформления:

- Индексы **УДК** и **ББК**.
- **Заглавие**. Оформляется на русском и английском языках.

Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу на русском и английском языках.

• К статье должно быть приложено краткое резюме и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках.

• В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.

• Печатный экземпляр можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра истории России и археологии.

Требования к оформлению текста на электронном носителе

• Электронные варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.

- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.

- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.
- Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур; нельзя пробелами либо табуляцией выравнивать данные в столбцах или ячейках.
- Название статьи (на русском и английском языках) набирается строчными буквами и печатается по центру.
- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709 e-mail: srubnik@yandex.ru). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez@yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 14

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 17.12.2018. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.

Усл. печ. л. 24,83 (19,25). Уч.-изд. л. 12,81. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Техно-Декор» 410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 26-38-48 www.sar-print.ru